

Вера Викторовна Камша
Сердце Зверя. Том 2. Шар судеб

Отблески Этерны – 6

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Камша В. В. Сердце Зверя. Т. 2. Шар Судеб»: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38419-8

Аннотация

Где-то с той стороны, на изнанке мира, катится лабиринтом Шар Судеб. Он катится, и начинаются войны, рушатся города, сходят обвалы. Шар можно подтолкнуть, направить в другую колею, но и там он будет крушить и давить – он не умеет иного. А люди и нелюди Кэртианы чувствуют, как дрожит то, что казалось незыблемым. Чувствуют войну, которой не избежать, ведь выбор – это та же битва, и один потомок славного рода выберет честь и верность, другой – иллюзии и обиды. Мертвые и живые воюют по-своему и за свое, и даже мертвая кровь могла бы пригодиться – но поймет ли это тот, кто уже разменял кровь живую?

А Шар Судеб все катится, набирая обороты. Сдаются крепости. Стучат клинки. Расцветают ирисы на пепелище. До начала нового Круга осталось... Если осталось.

Роман «Сердце Зверя», одно из ярчайших произведений мировой фэнтези последних лет, к восторгу читателей, наконец-то получил долгожданное продолжение!!!

Вера Камша
Сердце Зверя. Том второй: Шар Судеб

*Лето растет, как растет стена,
Жажда свела берега ручья,*

*Мне все равно, какова цена, —
Это моя семья.*

*Осень плывет неспешной волной,
Слепо заглатывая поля,
Мне все равно, что будет со мной, —
Это моя земля.*

*Льется луна из окна в окно,
Ломится вслед за луной весна,
Мне до Заката не все равно —
Это моя страна.*
Даниил Мелинц

Я не сторонник напускной бравады и рисовки, эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

Маршал Советского Союза Рокоссовский

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Даниила Мелинца (Rodent), Кирилла Назаренко, Ирину Погребецкую (Ira66), Михаила Черниховского, Татьяну Щапову, Эвелину Сигалевич (Raene), а также Донну Анну (Lliohtar).

Часть первая

Луна¹

Ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаваться обману значило бы изменить здравому смыслу.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Талиг. Хербсте. Печальный Язык. Оллария
400 год К.С. 20—21-й день Весенних Волн

---

¹ Высший аркан Таро «Луна» (**La Lune**) символизирует погружение души в потемки, встречу со страхами, заблуждение, тайных врагов. Карта предвещает двойственное поведение друзей, необоснованные претензии, указывает на повышенную эмоциональность и интуицию, неустойчивый характер. **Перевернутая карта (ПК)** : некто прячется за маской, нельзя полностью доверять. Иногда означает небольшой обман, разоблаченный вовремя, небольшие ошибки, легко достигнутую цель.

После победы над собственными офицерами Ариго выдохся напрочь. Генерал еще понимал, что происходит, когда под рычание дорвавшегося до жертвы врача его укладывали на носилки и волокли сквозь солнечные заросли. Все, что Жермон мог, это не закрывать глаз, и он их не закрывал – то ли из упрямства, то ли из страха потерять сознание. Солдаты несли своего командующего медленно, словно на похоронах, и столь же медленно, в такт тяжелым шагам, качались здоровенные пятнистые цветы. Их становилось все больше, они гудели, как какие-то шмели, а под горой узкой, чуть ли не торской долиной шла артиллерия. Угрюмые

ежи волокли четверные запряжки с тяжелыми пушками. Дрожала земля, противно скрипела на зубах поднятая лапами и колесами пыль, хвост и голова колонны терялись в желтом сухом тумане. Кто ее вел, с носилок было не разглядеть, но вдоль растянувшегося обоза, подбоченься, ехал на своей Бабочке Кроунер.

– Двигать нужно чрез-вы-чай-но осторожно, – вещал разведчик, – чтобы не по-вре-дить тромб, который закрыл разрыв со-су-да. Через какое-то время сосуд спаз-ми-ру-ет-ся и кровотечение – нет, не прекращается, но уменьшается...

Сквозь пыль проступили очертания каких-то зданий. Печальный Язык... Форт дрожал и кривлялся, словно стал собственным отражением в исцарапанной ветром Хербсте. На флагшток вместо знамени кто-то прицепил окровавленную одежду. Кровь на рубашке поднялась до живота, в крови была и штанина. Ставшее жестким сукно не желало реять по ветру, его следовало заменить, как и генерала... Немедленно, пока не увидел уткнувшийся в толстенную книгу Бруно.

– Не-об-хо-ди-мо срочно поднять кро-вя-ное давление, – объявил фельдмаршал, чихнул, оказался мэтром Капоттой и захлопнул том Дидериха. Раздался пушечный залп. Кроунер поднял Бабочку на руки и швырнул в рассыпавшийся тяжелым задымленным снегом бастион. Кобыла, недовольно мяукая, стала пробиваться сквозь холодную целину, оставляя достойный обоза след. Когда пришла зима, Ариго не заметил, но оттого, что лета он так и не увидел, стало обидно. До не свойственных генералу слез.

– ...давать жаро-по-ни-жа-ющее и непременно – красное вино, – донеслось сквозь трещащую, как туча кузнечиков, метель, – же-ла-тель-но – с медом и гвоздикой... хорошее кро-ве-твор-ное.

Зима из серой стала синей и пронзительно холодной – не миновать лезть на крышу. Если не снять с флагштока мундир, они замерзнут до смерти, а форт сейчас бесполезен. Жермон так и сказал, и тут выбравшаяся из снежного месива Бабочка вцепилась когтями ему в бедро.

– Это приказ командующего, – спокойно объяснил Придд. Он был совершенно мокрым. Опять прыгал по льдинам! Ну и обормот, ведь было же приказано...

– Полковник Придд! – рявкнул Ариго. – Не смей бегать по льду! Вам ясен приказ?

– Да, господин генерал, – подтвердил наглец и чихнул. Запахло кровью, винным уксусом и какой-то горелой мерзостью. Не порохом – хуже... Жженные перья! Кто-то палит курицу... Жермон открыл глаза, которые вроде бы и не закрывал. Он лежал в том самом домике, что служил ему резиденцией, на собственной кровати, если, конечно, у него имелась какая-то собственность, кроме шпаги и перевязи. Пахло паленым, в распахнутое окно лезли темные ветки и холод. Вечерело, а может, было темно в глазах.

– Закройте окно, – распорядился генерал и понял, что никакой зимы нет и завтра дриksы опять полезут. Или не завтра – их все-таки порядочно отделали...

Над кроватью нависла до невозможности сосредоточенная рожа, в которой Ариго узнал штабного лекаря. За рожей виднелись ухо, щека и плечо с полковничьей перевязью. Ну, хоть что-то!

– Берк, – спросил Жермон спрятавшегося подчиненного, – Ансел убрался?

– Мой генерал! – Берк сунулся к кровати, но был оттеснен, вернее, отброшен докторским задом.

– Мой генерал, – обрадовал врач, – вас морозит из-за кровопотери. Я ушил рану, но нужно лежать. Десять дней, не меньше. Двигаться нельзя ни в коем случае, а нога должна быть поднята хотя бы на высоту подушки, иначе я ни за что не ручаюсь.

– А с подушкой ручаетесь?

Почему у лекарей при исполнении такие мерзкие голоса? Пока ты здоров, люди как люди, а угодишь к ним в лапы – хоть кусайся!

– Кость не задета, – ушел от ответа врач. – Если не начнется заражение, дней через десять вы сможете вставать, а через месяц будете полностью на ногах.

Ответ Жермон оценил по достоинству. Коновал не солгал ни единым словом – костей в

животе еще ни у кого не находили, а без заражения он бы и в самом деле встал. Только раны в брюхо без заражения не обходятся.

– Первую неделю боли будут очень сильны, – пустился во все тяжкие лекарь, – потом наступит облегчение, но хромота все-таки возможна.

– Вы настаиваете на том, что я ранен в бедро?

– Разумеется, – все так же умело огрызнулся врун. – Я еще не ослеп, и генерал Ансел тоже.

– Где он, раздери его кошки?!

– Повел корпус на соединение с маршалом Запада. Вы хотите отменить отданный приказ?

– Я хочу видеть рану.

– Это невозможно. Я не позволю вам ее тревожить! Это чревато повторным кровотечением с самым печальным исходом.

Девять из десяти, что врет, но позволить себе печальный исход раньше времени Ариго не мог. Генерал прикрыл глаза, вслушиваясь в боль. Сильнее всего болело в паху, но в живот тоже отдавало, а вот якобы простреленное бедро вело себя смирно. Все было очевидно, но многолетняя привычка велела проверить и только тогда решать. То есть он уже все решил, но вдруг врач с Анселем не врут? Тогда можно уснуть, утонуть в теплой щенячьей слабости, забыть до утра про Ансела, Бруно, обоз, найденные Бавааром пушки...

– Идемте, он задремал.

– Нет, господа... Я никого не отпускал. – Если они врут, а они врут, времени на сон нет. Нужно успеть... Успеть написать главные письма, то есть продиктовать.

– Вам нужен покой.

– Мне нужен полковник Придд.

– Но...

– Позовите полковника Придда... и убирайтесь к кошкам!

– Мой генерал!

– Не нравятся кошки, отправляйтесь... к ежу!

– Побудьте с ним, доктор. Я найду Придда.

– Если не ошибаюсь, я видел его у дверей.

Отчего-то Жермон улыбнулся. Врач удивленно поднял брови, и генерал улыбнулся снова. Несмотря на дергающую боль, вернее, ей назло. Ариго не помнил, приказал он Валентину уходить или все-таки нет, но мальчишка-недооxygen сделал по-своему, и подышать стало не так одиноко. Когда все кончится, Придда надо отправить к Райнштайнеру, а когда кончится еще и война – к Катарине. Пусть расскажет, как она осталась совсем без братьев.

– Мой генерал!

– Вы уверены, что я позволил вам болтаться здесь?

– Я понял вас именно таким образом. Генерал Ансел с моими выводами согласился.

Правильно он понял, хотя и врет в глаза. Бывают же такие!

– Берк, вы свободны... И заберите своего... коновала.

– Но...

– Когда он понадобится... его позовут... Валентин... закройте дверь.

– Слушаюсь.

Уходят. А что им остается? Придд в самом деле находка для любого генерала, но держать такого в Торке... То же, что возить пушки на морисках.

– Садитесь. Так, чтобы я мог вас видеть... Ансел ушел вовремя?

– Авангард выступил ровно в пять. Основные силы покинули форт тоже достаточно быстро.

– В авангарде пошел Гирке?

– Да.

Мы никогда не скажем о своих людях и своих заслугах. Гордость у нас такая – делать и молчать... И извинений чужих нам не надо, нам вообще ничего не надо! Тьфу!

– Вы прекрасно умеете врать... Вернее, повернуть дело так... что другие... соврут себе сами... Но мне от вас нужна правда.

– Сударь, я не врач. – Опять понял. Закатные твари, он так со всеми или только с умирающим начальством?

– Живот от ноги вы отличите, вот и проверьте! Я должен знать, что делать... В форте две тысячи человек. Если вас окружают и загонят за стены, уйти уже никто не сможет... Но если я вас выгоню, а на том берегу... и впрямь крупные силы... Дриксы двинутся на тот же Мариенбург... Закатные твари... Тут и здоровому трудно все оценить, а уж мне...

– Мой генерал, врач уверен...

– Я ему не верю. Я верю вам. У вас на шее тоже болтался полк... Со всеми хвостами... Остальное в счет не шло...

– Сударь, вы ошибаетесь. Я не мог оставить без помощи человека, спасшего моего брата. К счастью для меня, обе мои цели совпали. Я прошу вас закрыть глаза. Я скажу как есть. Даю слово.

– Хорошо.

Пусть смотрит, хотя чего уж тут смотреть? Пах и живот, а нога ни при чем, ее словно бы и нет... Вообще нет... Первое письмо будет Рудольфу... Он ведь так старика и не поблагодарил, как-то не получилось; теперь становится поздно, а слов все равно нет. Разве что попросить Валентина... Его подделка подделкой не будет... Если рассказать, как было, Придд напишет, как нужно, а Ойгену можно вообще не писать, просто передать на словах...

– Сударь, вы в самом деле ранены в бедро. В этом нет никаких сомнений. Врач не только не солгал, но и не ошибся со сроками. У меня была сходная рана, хоть и нанесенная холодным оружием. Я поднялся на восьмой день.

Жермон поверил. Сразу и до конца.

2

– Почему, когда ожидаешь дурного и оно сбывается, все равно удивляешься?

– Не знаю, – признался Эпинэ, – а что случилось?

– Мориски разрушили Агарис, – отрешенно произнесла Катари. – Все как и болтали обозники. Они не ошибались, Валмон прислал гонца. Старый граф сейчас в Савиньяке. Ты ведь жил там...

– Нет... – начал Иноходец и понял, что сестра говорит про Агарис.

– Я имела в виду Святой город, – поправила Катари. – Я очень любила гравюры Казавари, у меня была книжка... Она давно пропала, а гравюры до сих пор перед глазами. Всю ночь перед глазами – храмы, дома, гавань с кораблями, рынок... Ничего этого больше нет. Ну почему ты сразу не поехал в Савиньяк?! Конечно, ты хотел побыть дома, отдохнуть, но мы... мы не можем отдыхать.

– Не «мы», а мы. Регентский совет, или как ты нас назвала? А вот тебе как раз нужен отдых. Ты слишком рано поднялась.

– Я лягу. Приму графа Глауберозе и сразу лягу... Я все понимаю, но с дриксенцем лучше говорить мне. Граф не только дипломат, он еще и рыцарь. Представляешь, Глауберозе встал передо мной на суде.

– Я видел. – У сестры перед глазами гравюры, а он помнит торговку лимонами... Бедняга орет под окном, а Робер Эпинэ злится. Бессильно, глупо, так он не злился даже в детстве. – А вот я сидел, как последняя свинья!..

– Прекрати! Я...

Женщина замолчала, словно подавившись словами, и торопливо поднесла к губам палец. Сейчас кто-то войдет, так и есть!

– Ваше величество, – возвестила девица Дрюс-Карлион, – граф Глауберозе в Парадной приемной.

– Зовите. – Катари осторожно опустилась в кресло и расправила черную шаль. – Робер,

письмо в будуаре... Нет, ты уже не успеешь; я попробую сама объяснить. Что смогу.

Эпинэ отошел к окну и зевнул. Шадди Капуль-Гизайлей был не хуже шадди Левия, но изящной чашечки давно уже не хватало. Потому он так плохо и соображал, да и чувства куда-то делись. Сожженный город – это ужасно. Наверное, ужасно, но ужаса Робер не ощущал, ужас остался в долине Биры. Торчащие из-под валуна женские ноги и блестящая в грязи цепь. Эту цепь Иноходец запомнил навеки, а вообразить разграбленный Агарис отчего-то не мог, хотя Святой город сжигали и раньше. Ментор показывал им с Мишелем гравюры того же Казавари, правда, художник был на стороне Рамиро Второго... Давали ли Катари эту книгу?

– Ваше величество, – вошедший дриксенец сдержанно поклонился, – я счастлив видеть вас в добром здравии.

– Мы благодарны. – Катари говорила почти спокойно, но полностью владеть своими чувствами она так и не выучилась. И не надо. Пара недель, и для девочки все кончится. Хотя бы для нее.

– Граф, при нашей беседе присутствует мой кузен. Герцог Эпинэ военный, а не дипломат. Мы думаем, так будет спокойнее...

– Спокойнее? – переспросил дриксенец. – Ваше величество имеет в виду то, что наши державы оказались в состоянии войны прежде, чем об этом было должным образом объявлено? Я весьма огорчен обоими обстоятельствами. Дриксенскую сторону в какой-то мере извиняют лишь события в Талиге. Мой кесарь по не зависящим от Дриксен причинам не мог объявить о своих намерениях его величеству Фердинанду и герцогу Алва. Если мне или моему доверенному курьеру будет разрешен проезд по землям талигойской короны, необходимые бумаги окажутся в Олларии в самое ближайшее время.

– Это не имеет смысла, – Катари вздохнула и чуть заметно покачала головой, – дважды не имеет. Война между нашими странами бессмысленна. Она с перерывами длится века и ничего не приносит, кроме смертей и орденов, хотя вам, мужчинам, второе важнее первого... Простите, мне все труднее чувствовать себя королевой. Я – женщина, которая скоро подарит миру новую жизнь. Я не хочу крови... Я рада, что письмо с объявлением войны прочтет новый регент. Надеюсь, герцог Алва сделает так, чтобы... до конца года все закончилось, а я... Мы предоставим сопровождение вашему посланнику вплоть до Хексберг, где он получит корабль, но мы пригласили вас по другому делу.

Мы получили известия от Проземператора Юга графа Валмона. К нашему сожалению, слухи о падении Агариса подтвердились. Город полностью уничтожен. Граф, я эсператистка, как и вы... Я молилась, я надеялась, но Создатель послал нам... новое испытание. Его высокопреосвященство Левий предчувствовал беду, он видел Агарис совсем недавно... Конклав не должен ставить... не должен *был* ставить земное выше горнего, но уже ничего не исправить. Я... Мы считаем своим долгом известить о случившемся наших собратьев во Ожидании и выражаем свое сожаление...

Закончить Катари не смогла. Она замерла в кресле, теребя кисти шали и кусая губы. Королева... Девочка, которую нарядили в тяжелое платье и бросили.

– Могу я узнать подробности? – прервал молчание Глауберозе. – Известны ли дальнейшие намерения морисков?

– Робер... Маршал Эпинэ сообщит вам подробности позднее. Мы надеемся, что наш Первый маршал... Рокэ Алва сможет убедить... своих родичей и союзников покинуть Золотые земли. Сейчас же... Вероятность того, что мориски обратят свой гнев на Гайифу и другие страны, поддержавшие притязания покойного узурпатора, очень велика. Граф Рафиано бессилен их остановить.

– Ваше величество, я понимаю, что выбрал не лучшее время для подобных заверений, но я считал и считаю признание прав Альдо Ракана роковой ошибкой. Равно как и нападение на Хексберг без объявления войны. Я старался донести свое мнение до Эйнрехта, но не был услышан. Надеюсь, что новое ужасное известие послужит благой цели. Дриксен и Талиг решат, кому владеть Марагоной и Гельбе, без посторонней помощи. Я особо признателен

вам за личную аудиенцию, ведь Посольская палата, если я правильно понял господина вице-экстерриора, узнает о гибели Агариса лишь в шесть часов пополудни.

– Мы всего лишь вернули долг, граф. Ваша поддержка в Ружском дворце... Я... Я тогда была никем, а вы были готовы меня защищать. Как мужчина и дворянин...

– Ваше величество!

– В тот день я была всего лишь госпожой Оллар. Так меня называли, так решил ваш кесарь, и все-таки вы встали. Мне казалось, я ничего не вижу, но я запомнила... Лица, слова, жесты, все дурное и все хорошее. Последнего было мало, но я тем более благодарна. Сейчас я вам в этом призналась. Мой брат меня не осудит, он тоже помнит. Ты ведь помнишь?

– Конечно.

– Мы вынуждены быть врагами Дриксен, но *вам* мы не враги.

– Ваше величество, у меня нет слов, чтобы выразить мои чувства.

– Слова не нужны, когда есть поступки... К сожалению, я устала и вынуждена вас оставить. Если вы немного подождете, маршал Эпинэ передаст вам военные подробности, я все равно в них не понимаю ничего. Робер, проводи меня.

Надо было проводить не ее, а дриксенца, вернее, выпроводить и позвать врача, но Робер повел повисшую у него на руке женщину к дверце в будуар. Глауберозе застыл посередине кабинета, согнувшись в поклоне. Враг, который не должен быть врагом, – как же это дико...

Ручка – глупый хрустальный шар в птичьей лапе – послушно провалилась вниз, плеча коснулся алый, расшитый леопардами бархат. Кабинет регента Талига все же избавили от Зверей и ласточек, но будуар остался розовым и тошным. Траур Катари делал золоченую пошлость особенно непереносимой.

– Позвать брата Анджело?

– Зачем? – Сестра бросила на столик диадему и присела на кушетку. – Когда я носила Карла, мне было хуже. Я устала, но не больна... Я верю, верю, что он отговаривал своего кесаря.

– Разумеется. Глауберозе не Хогберд, хотя ты же этого борова не знаешь...

– Знаю. – Катари прижала пальцы к вискам и поморщилась. – Наверное, ты прав. Мне нужен врач, но только он... В свитской Дженнифер, я не хочу ее видеть. А ты возьми письмо Валмона, оно у зеркала, и прочитай. Там слишком много подробностей, я их плохо поняла... Только то, что сами мориски не уйдут.

3

Заглянувшее в окно солнце недвусмысленно намекало, что уже хорошо за полдень. Намек подтверждал и знакомый грохот: дриksы пообедали и с новыми силами принялись долбить форт, ну и пусть их!

Жермон зевнул и приподнялся на локте, борясь с желанием послать все к кошкам и снова уснуть. Сонная пакость, которую он потребовал, поверив, что Закат откладывается, оказалась забористой, чем обещал врач, хотя тот мог и наврать. То ли из любви к искусству, то ли в отместку за недоверие. Жермон непонятно зачем подкрутил усы и потянулся; наказание последовало незамедлительно – приглушенная сонным зельем боль ожила, отшвырнув последние клочья сна. Нога больше не притворялась непричастной – волны боли катились по внутренней стороне бедра, захлестывая голень. Хотелось даже не кричать – визжать, но гадать, почему несмертельные раны болят сильнее смертельных, Жермон не стал. Он и так пробездельничал больше, чем собирался. Ведь просил же, чтоб до утра...

Поняв, что закипает, генерал сосредоточился на канонаде, пытаясь прикинуть число орудий. Сработало – злость поджала хвост, а пушки... Пушек было столько, сколько и раньше, старые вернули на место, новых не поставили, хотя за день хорошую батарею не соорудишь. Разобравшись с обстрелом, Ариго попытался на волосок подвинуть ногу и едва не завопил. Понятно, будем лежать смиренно и командовать. В то, что его оставили одного,

Жермон не верил. Он даже знал, где засел лекарь, – на сундуке у обеденного стола.

– Эй, – негромко окликнул генерал.

Послышалось шуршание; над спинкой кровати возникла исполненная значимости физиономия.

– Я собирался проснуться на рассвете, – напомнил больной.

– Вы потеряли много крови. Вам требовался отдых.

– То есть вы не ошиблись со снадобьем? – сухо уточнил генерал.

– Тело человека во многом непредсказуемо. – Нет, это не человек, это уж, к тому же намасленный! – Вы проснулись тогда, когда...

– Вы мне сейчас нужны? Если да – займитесь делом, нет – вызовите Берка. Занят – Рёдера.

– Я не считаю необходимым тревожить рану раньше вечера. Вам следует побольше пить, в частности...

– Вы уже говорили. Вызовите Берка и отправляйтесь к другим раненым. Раньше вечера я вас принимать не намерен.

– Перенапряжение может вызвать жар.

– Я знаю.

Врач убрался. Жермон взял себя за запястье, нащупал пульс, ничего не понял и потянулся за питьем. Рана сразу же напомнила о себе дергающей болью, Ариго ругнулся, но кружку все-таки ухватил. Три дня до Заката – так мало, полторы недели в постели – так много, особенно с дриксами за рекой.

Скрипнуло. Кто-то явился. Берк.

– Докладывайте.

– Но... сто́ит ли? В форте ничего нового. Все в порядке. Вам надо отдыхать...

– Фортом команду я. Я, а не коновалы! Докладывайте.

– Слушаюсь. Мой генерал, пехота готова выдвинуться к месту переправы, едва таковая наметится. Рёдер занимается поддержанием укреплений в должном виде, но это становится делать все трудней: дриksы вернули пушки на место. Кавалерия мелкими группами патрулирует берег. Перед уходом Ансела мы решили, что часть солдат и несколько офицеров должны поменяться мундирами с уходящими. Теперь создаем видимость, что количество полков не изменилось.

– А «гуси»?

– Леворукий их знает... То ли осмысливают вчерашнюю неудачу, то ли что-то готовят. Переправляться пока вроде не собираются. Обстрел возобновили в урочное время, стреляют хорошо, но за ними это и раньше водилось. Выше батареи поят лошадей, за лесом жгут костры. Больше с нашего берега не увидеть. Ночная разведка прояснила мало...

– Ночная? – Молодцы, зря времени не теряли! – Кто переправлялся? Когда? Что удалось увидеть?

– Почти ничего. – Показалось или мнется? Закатные твари, после этой дурацкой пули всюду чудятся вруны!

– Кто ходил за реку?

– Капрал Кроунер и... полковник Придд.

Так! Не только вруны, но и авантюристы. Хоть сейчас в Варасту.

– Надо полагать, полковник Придд подался в адуаны с вашего разрешения?

– Мой генерал, обороной командуе вы. Вам подчиняюсь как я, так и Рёдер и Придд. Мы в равных чинах и в равном положении. Полковник договаривался с Бавааром, но он был прав.

– В чем, раздери его кошки?!

– Мы все сочли необходимым уточнить известия о пушках. Мой генерал, малая численность оставшихся у переправы войск... Мы не можем сидеть с завязанными глазами. Баваар согласился, что нужно смотреть, но его люди валились с ног... Двое суток непрерывного рейда, сами понимаете!... Кроунер отдохнул, решили, что он и пойдет.

– Ясно.

Обормот явочным порядком назначил себя напарником Кроунера. Воспользовался тем, что генерал накачался снотворным, а Берк с Рёдером ему не начальники, и назначил. Баваар, тот пришел в восторг, обнаружив родственную душу, а вот малыш Арно нарвался. Хорошо так, основательно...

– Где этот адуан? За рекой?

– Нет, на том берегу остался Кроунер. Придд под утро вернулся. Он сообщил, что...

– Давайте его сюда.

Если он понимает хоть что-то, обормот опять под дверь. За Хербсте ему понадобилось! У Баваара люди устали? Ну так и шел бы сам! Когда солдат падает, офицеру положено шагать.

– Мой генерал.

Стоит. По стойке смирно. Смотрит. Ждет выговора и ни кошки не боится. Подумаешь, раненый начальник выругает, зато мы по-своему повернули. И будем поворачивать. Что с нами в осажденном форте сделаешь, а после... После ругать станет глупо, после – только к ордену, но об орденах Придд не думает. Кто угодно, но не он.

– Кто вам позволил нарушить приказ? – начал Жермон, понимая, что тратит время на бессмысленный ритуал. – Отвечайте.

– Мой генерал, – изволил ответить Придд, – я действовал в строгом соответствии с моими обязанностями.

– Вам, то есть не вам лично, а всем офицерам, было запрещено лезть не в свое дело!

– Мой генерал, если мне не изменяет память, приказ запрещает офицерам лично заниматься тем, что могут выполнить подчиненные. Вчера в моем распоряжении не было никого, кто мог сопровождать капрала Кроунера. Тем не менее я сожалею, что вызвал ваше неудовольствие в сложившихся обстоятельствах.

Сожалеет он! Как тот лис о сожранном петухе. До первой курицы. Жермон с трудом подавил неуместную усмешку и с еще большим трудом не выругался – стопу, которую он и не думал двигать, свело так, словно он сиганул в ледяную Хербсте.

– Вот ведь дрянь! – неожиданно пожаловался Ариго. – Хоть двигайся, хоть не двигайся, как шилом...

– Вы давно пили вино? – деловито осведомился Придд.

– Вчера.

Попытка сделать выговор провалилась окончательно. Валентин, не дожидаясь приказа, занялся кувшином. Браниться и дальше было глупо, нога болела, дриksы палили, а голова, хоть умри, не желала сообщать.

– Налейте и себе. Хотя туда же какую-то дрянь вбухали...

– Мед и гвоздику. Я с удовольствием выпью за ваше здоровье.

– Ну так пей... Как вы переправлялись?

– На лодке Кроунера. Выше форта по течению, там, где небольшой лес. Сперва мы шли вдоль его кромки, благо месяц подсвечивал, но ничего важного не заметили. Пополнение действительно прибыло. Они разбили лагерь отдельно от других, довольно далеко от берега. Судя по кострам, если это не уловка, подошло от пяти до восьми тысяч. Именно так, как говорил Баваар. Предположить, куда они двинутся, если двинутся, я не берусь. Тяжелых пушек, о которых докладывали вчера, мы не видели, где они – непонятно, но новых батарей дриksы не строят. Обозы стоят сосредоточенно и совсем с краю. Это можно трактовать как готовность к продолжению марша, но полной уверенности в этом нет. Именно поэтому Кроунер остался.

– Странно, что не вы.

– Мой генерал, я не разведчик.

Все-таки потрясающий наглец, а еще говорят, молодежь измельчала! Врут.

Ариго допил вино, на зубах скрипнул осадок, напомнив про ежиный обоз и зачитавшегося Бруно. У этого бреда явно был смысл.

– Если дриксы предпримут решительную попытку перебраться через реку хотя бы в двух местах сразу, – предположил генерал, – а сил у «гусей» для этого с избытком, нам их не остановить. Придется запира́ться в форте и держаться, сколько можно, а там как повезет.

Сидящий у кровати молодой полковник поставил на стол стакан. На этот раз он выпил до дна.

– Мой генерал, если основные силы Бруно перешли Хербсте в другом месте, удержание Печального Языка теряет бо́льшую часть смысла.

– Это если перешли, – протянул Жермон, отдавая свой стакан. Тоже пустой. – Пара спокойных дней у нас есть; потом придется решать – стоим до последнего или уходим из-под самого гусяного клюва.

– Кроунер должен что-нибудь найти, – пообещал Придд.

– Будем надеяться, но вы к нему не пойдете. Понятно?

– Да, мой генерал. Разрешите принести вам обед?

В ответ Жермон лишь поморщился и велел собрать после обеда старших офицеров. Воспитывать адуанствующего герцога он больше не собирался. По крайней мере сейчас.

Глава 2

Талиг. Окрестности Тронко. Дриксен. Фельсенбург 400 год К.С. 21-й день Весенних Волн

Прибрежную зелень назвать изумрудной уже не выходило. Варастийские травы взрослеют стремительно, а в недрах расцвета всегда зреет осень. Рано или поздно она вырывается наружу, и от жизни остается разбитая скорлупа. Всегда так, и никогда иначе.

Матильда Ракан подивилась глубинам собственных мыслей и спешила. Без посторонней помощи – в Тронко за принцессой не бродили стаи дам и прислужниц, а шпионы... Зачем шпионы, когда внук мертв, а сама она отправляется в Алат? Доживать в благополучии и даже в почете. Альберт не унижит сестру, хоть бы и блудную. Особенно если

на это намекает теперь уже снова союзник.

Ее высочество, так и не ставшее величеством, шлепнула Бочку по лоснящемуся крупу, позволяя пастись, и устроилась на облюбованном еще зимой холмике, даже не озаботившись подстелить плащ. Позади была степь, над головой – небо, впереди – Рассанна и ничего хорошего, но топиться Матильда не собиралась, как и напиваться. Она не взяла в рот ни капли с того самого дня... День, когда вести из Олларики докатились до Тронко, для принцессы навсегда остался «тем».

Тогда она и написала Альберту. Сама, без намеков и советов, понимая, что смерть стала для Альдо почти достойным выходом. Обалдуй так и не изведаль поражений и предательств, его не посадили в Багерлее, не выволокли на суд, не вздернули вверх ногами, а за что – было... Даже если не знать про дорожку от Мупы к Удо.

В соседних кустиках запыхтело и зашуршало. Женщина обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть выходящую из-под защиты колючих веток процессию. Первым топало коротконогое создание размером с легавую, но сплошь заросшее иглами и жесткой бежеватой щетиной. От неприлично разросшегося ежа существо отличалось огромными стоячими ушами и крысиным хвостом, в который вцепился беленький детеныш. Первый из выводка. Ушастики, держа друг дружку за хвостики, чинно семенили за мамашей. Одиннадцать штук. Куда ей столько?

Зверинец вперевалку уходил в степь. Лет двадцать назад Матильда не утерпела бы и утащила одного из малышей. Внуку. Вернее, себе – Альдо никогда не был охоч до живности. Белоголовый улыбчивый мальчишка не переносил одиночества и не терпел, когда о его присутствии забывали; это казалось таким милым, а он привык... Привык быть центром мироздания, привык, что его прихоть важнее бабьих дел, и еще Альдо не мог спокойно сидеть на месте и не умел отступать. Тут внук удался в алатскую родню. Все Мекчеи, даже Альберт, станут барахтаться до последнего.

Всхрапнул и запрядал ушами Бочка. До ежового выводка рысак не снизошел, а тут вытянул шею, ловя ноздрями полудохлый ветерок. Приближался кто-то достойный лошадиного внимания, и Матильда поднялась, за какими-то кошками вытащив пистолет. Отменный – Дьегаррон других не держал.

Кэналлиец из кожи вон лез, обихаживая осиротевшую старуху, пока не выступил на помощь союзным козопасам. Как был, с больной полуседой головой и грустными глазами. Провожать армию Матильда не пошла – в Тронко хватало баб помоложе. Женщина сидела дома, когда адъютант Дьегаррона притащил ларец с коротким письмом и морисскими пистолетами. Очень простыми, без насечек и золота, но безупречными. Если б только гостыя могла радоваться...

Бочка опять хрюкнул, вполне себе дружелюбно. Из-за пригорка показалась белоногая конская голова, а затем и весь всадник, толстый и черный. Твою кавалерию, только Бонифация тут не хватало!

Женщина выразительно отвернулась к реке, понимая, что надутый вид епископа не остановит. Врачи болтают, что ожорство и пьянство до добра не доведут, но Бонифаций здоров как бык, а Адриан – мертв, хотя Эсперадор тоже пил. Особенно в последние годы.

– Стало быть, собралась? – Не дожидаясь приглашения, туша плюхнулась на травку рядом с принцессой. – Зря. Дороги все равно не будет. Нет пути для впавших в уныние и пьющих горе свое аки вино.

– Ваше преосвященство, – ради Дугласа и Дьегаррона Матильда старалась вести себя августейше, – я думала, вы уже воюете.

– Блаженны мужи воюющие, ибо спасены будут. Вестимо, если воюют за что нужно и непотребств свыше допустимого не творят. Иная участь уготована пастырям – война войной, а души заблудшие спасай... Маршал говорит, совсем ты плоха, вот и вернулся я долг свой исполнить и тебя у Врага из пасти слюнявой выхватить. Ибо не по рылу.

Это Дьегаррон совсем плох, если думает, что ей поможет пьяный хряк, но все равно спасибо... И за это, и за пистолеты.

– Я – эсператистка. Вам тут делать нечего.

– А благословить? Хотя чего тебя, такую, благословлять? Создателю постные морды отвратны. Куда витязя своего дела, неразумная? Прогнала?

– Прогнала, – кратко подтвердила Матильда.

Не объяснять же, что выносить радость Лаци она не могла. Нет, доезжащий, узнав про Альдо, не пустился в пляс, он даже помрачнел, но жалел не умершего, а свою гицу. И ждал, что та поплачет, налакается и потащит дружка в постель. Не дождался.

– Вижу, впала ты в грех трезвости и воздержания, – свел брови Бонифаций. – Порицаю.

– Чего? – Матильда воззрилась на бражника с неподдельным удивлением.

До сего дня она не сомневалась, что олларрианство всего лишь испохабленный эсператизм. О том же, что Создателю противны плотские утехы, алатка помнила с детства. Собственно, из-за этого она и не раскусила вовремя Адриана.

– Чего смолкла, неразумная? Да ты сама посуди – для чего нам, к примеру, рот даден? Чтобы вкушали мы хлеб наш насущный каждый день и возносили за то хвалу Создателю. От сердца и нелицемерно. А станешь ли ты хвалу возносить за горелое да черствое? Не станешь. Уста ко лжи принудить можно, только Он в сердцах читает и не сыщет там ни хвалы, ни благодарности. Стало быть, есть надо вкусно, тогда и хвала искренней будет, и возрадуется Он.

То же и с иными потребностями. Будь зов плоти отвратен Ему, уподобил бы Он при сотворении людей рыбам, что, не касаясь друг друга, икру да молоки мечут. А ты своего молодца, да в тычки! И хоть бы виноват был, так ведь нет, от обиды на судьбу, а то есть грех величайший. Самоубийц в Рассвет не пускают, но горем своим упившийся и в аскезу через то впавший немногим лучше. Уразумела?

Матильда пожала плечами, глядя на серебрящуюся Рассанну. Спорить было глупо, стрелять – тем более, оставалось переждать олларрианскую болтовню, как пережидают дождь.

– Плечи у тебя хороши, – раздалось за спиной, – и что пониже не хуже, а вот с головой – конфуз. Что дальше-то делать наладилась? Пить бросила, дружка шуганула... Так и засядешь в Сакаци кучей? Носом шмыгать да Создателя гневить?

– Мое дело! – Хряк не отцепится и не уйдет, значит, уйдет она. Все равно надо собираться, а с Рассанной они еще простятся.

– Твое дело, говоришь? А грехи кто за тебя искупать станет? Наворотила ты – надо бы больше, ан некуда! Родню подвела, с еретиками и поганцами спозналась, беду в своем доме вырастила да другим подбросила – нате, ешьте, а сама сперва в кусты, потом – в печали. Сидеть тебе за такое в комарином болоте по уши, если искупить не поспеешь. Только не дурью всякой, не лбом об пол, задом кверху...

– Хватит, твою кавалерию! – рявкнула принцесса, поднимая пистолет. – Как жила, так и сдохну... Чем к моим грехам цепляться, свои бы искупал!

– А я что делаю? – хмыкнул епископ. – Сиж тут с тобой и искупаю. Что по молодости натворил, за то, спасибо доброму человеку, при Дараме худо-бедно расплатился. Поможет Создатель – и за несотворенное рассчитаюсь, и за злобу на того, кто за шкурку гордеца ухватил и от мерзости превеликой оттащил. Ты же – долг мой пастырский. Так не дам я тебе душу вместе с телом сгноить, даже если кусаться станешь! В Алат она собралась... Да кому ты там нужна, кроме доезжачего своего?

– Никому. – Слушать то, что и так ясно, становилось невмоготу. – Но ты мне еще больше не нужен.

– Экая брыкливая. – Бонифаций и не думал смотреть на вороненое дуло. – А покуда ты брыкаешься да задом бьешь, война идет, и нешуточная. Она б и так началась – время пришло, но без Альдо твоего многих пакостей не случилось бы. Ты сему нечестивцу – бабка.

– Да, – удивляясь собственному спокойствию, признала Матильда, – я – бабка Альдо Ракана, а ты – наш враг. Пошел вон.

Олларрианец зевнул и почесал нос.

– Убрала бы ты, дочь моя, пистолет, – изрек он. – Рука занемееет.

Мамины глаза лучились нежностью и лукавством. Такой она бывала, когда приносила подарки, радовавшие ее больше тех, кому они предназначались. Боясь спугнуть эту радость, маленький Руппи мужественно жевал противный инжир, а выросши, носил шитые серебром камзолы и усыпанные бриллиантками кинжалы, годившиеся разве что для разделки персиков. Спасла бабушка, объявившая, что брат кесаря² должен быть воином и моряком, а не карамельным принцем. Руперт избавился от ненавистных блесток, но покотившиеся по маминым щекам слезы не забыл, даже окунувшись с головой во флотскую жизнь. То есть, конечно, забыл, но стоило очутиться в Фельсенбурге, и воспоминания вернулись, а с ними – страх огорчить или напугать. Зато все чаще вскипающее раздражение было чем-то новым и не сказать чтобы приятным.

– Тебе пишут, милый. Угадай, кто?

Не Олаф, иначе б она не улыбалась. Мама не любит Ледяного и боится, хоть и не так сильно, как едва не укравшего отца Бруно. Обрадовавшие ее письма не придут ни с моря, ни с границы, ни тем более из Талига, да Арно и не станет писать в Дриксен. А Бешеный... Бешеный вообще писать не будет. Никому.

– Ну? Угадал? – Ямочки на щеках, солнечные локоны, а в них – синие соловьиные колокольчики. Уже расцвели...

– Нет, мама, не угадал. – Кто-то из родственников. Из тех, кто не выманит драгоценного сына из замка.

– Не отдам, пока не подумаешь. Ну же! – Мама нетерпеливо топнула белой туфелькой. Вокруг белокурой головки вспыхнул солнечный ореол. – Ох, иволга! Чудо какое...

– К нам кто-то приезжает? – вмешалась Агата. – Папа? Когда?!

– Ох... Не знаю, милая... Наш славный рыцарь занят, но мы его скоро увидим, и не только его. Мы все будем вместе в это лето, как и положено любящим сердцам.

– А как же?... – Сестра даже отложила шитье. – Бабушка обещала нас взять в Эйрхехт! Она... она передумала?

– Мамочка Элиза очень занята, но, милые, разве вам плохо среди наших роц? Тем более к вам вернулся братик. Неужели вы готовы его покинуть?

Девчонки покраснели и потупились. Им отчаянно хотелось в столицу, особенно глядя на платья Гудрун, а поездка все откладывалась. Из-за нагрянувшего братика.

Бабушка велела ждать, и Руперт был с ней согласен – он появится в Эйрхехте в день суда, чтоб ни одна ворона не каркнула, что Олаф повлиял на показания Фельсенбурга. Любопытно, можно ли в подобном обвинить Гудрун, хотя это не по-рыцарски, да принцесса больше ни на чем и не настаивает. То ли поняла, что Руперт не станет врать, то ли избегает заводить разговор при свидетелях, хотя кто-кто, а дочь кесаря может настоять на приватной беседе.

– Госпожа, – садовник Клаус с благоговением смотрел на свою герцогиню, – что прикажете срезать для ваз в столовой: тюльпаны или ранние ирисы?

– Ирисы... Конечно же, ирисы! «Снежный сон» и, наверное, «Танец»... Или он еще не расцвел?

– Не вполне, госпожа.

– Я сейчас посмотрю... Руппи, ты так и не угадал?

---

² Кесария Дриксен в ее нынешнем виде была образована в 76 году текущего Круга Скал из семнадцати баронств и трех герцогств – Зильбершванфлоссе, Штарквинд и Фельсенбург, правителями которых были потомки последнего из варитских королей, легендарного Торстена. Кесарем был избран наследник Зильбершванфлоссе, но Штарквинды и Фельсенбурги получили ряд привилегий. В частности, главы фамилий стали именоваться братьями кесаря, в то время как кровные братья правящего кесаря именовались «младшими братьями государя».

- Нет, мама.
- Ленивец! Тебе пишут твои кузены Людвиг и Ларс. Обязательно им ответь, мальчики так тобой восхищаются... И порисуй перед обедом с Михаэлем! Я пришлю моим мальчикам краски.
- Конечно, мама.
- Я вернусь и проверю.
- Нежный поцелуй, шорох платья, прощальный взмах руки... Сколько чувств! Можно подумать, они расстанутся на год. Иногда это трогает, иногда бесит. Как сейчас.
- Почему ты не читаешь письмо? – напомнила Агата.
- Да, – спохватилась Дебора, – почему? Что там, в Штарквинде?
- Прочту в библиотеке, – нашелся Руппи, – сразу и отвечу.
- А...
- А вам все знать не обязательно.

3

Будь Матильда в себе уверена, она бы отстрелила оллариянцу клочок волос, но хряк мог дернуться, а рука – дрогнуть. Пришлось с достоинством убрать подарок Дьегаррона и взгромоздиться на Бочку, покинув гостеприимный холмик. Бонифаций не отцепился. В седле скот держался уверенно, а перейти на галоп Матильда не рискнула. Епископ мог и отстать, а что стала бы делать она в степи? Ждать, когда по следу собак пустят? Это в горах неповторимы каждый камень и каждая елка, а тут какие приметы, кроме облаков?

Бочка заинтересовался одиноким кустом, и Матильда ослабила поводья: пусть лопают, не жалко. Епископ продолжал басовито зудеть, стань поганец полосатым, сошел бы за шмеля.

– Что должны святые и праведные? – Пьяница воздел к небу палец, внезапно напомнив дядьку Антала из Сакаци.

– Жить в праведности, – огрызнулась принцесса, – чего и вам желаю.

– Тебя послушать, так дело святых – небо коптить и людей нудить, пока к праотцам не отправятся. Мученически. Святые, дочь моя, рознятся, как зерна и плевелы. У эсператистов святость недеянию равна и небокопчению, потому как иначе выходит, что святость ценна тем, что дает людям. А еретики агарисские хотят, чтобы наоборот.

– Хотели, пока мориски не явились, и то не все! – Адриан точно не хотел. То, что он порой говорил, до отвращения напоминало болтовню варастийца. Ну почему они с Эсперадором за сорок с лишним лет так и не объяснились?!

– Если б с гибелью оплота еретиков иссякла ересь, возрадовался бы я, – проникновенно прогудело под ухом, – ан нету радости! Агарис в головешках лежит, а дурь в головах целехонька, и не морискам выбить оттуда ересь двойную, что величие – это когда людей живьем едят, а святость – когда, сложив руки, сидят. Создатель, душу да тело нам дав, чего в ответ ждет? Чтобы мы пнями бессмысленными на месте торчали да пятки ангельские нытьем щекотали? Иное Он заповедовал. Обратное. Все, что даете тем, кто нуждается в помощи, даете Мне, а кто не дает, тот грешник или грешница.

– Ну и кто в помощи моей вознуждался? – пробурчала Матильда, старательно глядя перед собой. – Падальщики?

– Падальщики нуждаются лишь в падали, – живо откликнулся оллариянец, – и в том им помощь не требуется ни твоя и ничья. Они сожрут, что смогут, и получат, что заслужили. Ты ежанов сегодня видела, они и есть ызаржачья погибель. Ты же не падаль и не ежан, но овца заблудшая, а овцы должны добрым людям пользу приносить.

– Овце без разницы, кто ее с ягнятами сожрет, добрый человек или волк.

– Без разницы, говоришь? – Бонифаций хитро сощурился. – С чего ж ты тогда от волков сбежала? И с чего в старое стойло просишься?

– Мое дело.

– Эх заладила: «Мое дело, мое дело...» Не твое! Нет у тебя никаких дел. Витязь был, так турнула сдуру, вот и молчи теперь. Ты – сестра алатского герцога и с коня не валишься, кому как не тебе свидетелем стать? Странно мне, что Дьегаррон тебе не сказал того, ну да у бедняги с головой не в порядке. Трепетный больно, а трепет маршалу не к лицу. Нужна ты ему, а он с горем твоим носится, как собака с костью. Въестся на меня, ну и ладно! Слушать неразумных что воду в касеру лить, слушаться оных – касерой полы мыть, а сие есть грех непростимый.

Епископ потянулся за флягой, раздалось знакомое бульканье. Если хряк думает, что она станет пить...

– Зачем маркизу Дьегаррону сестра герцога Алати? – ледяным тоном осведомилась принцесса. Бонифаций глотнул еще разок и завинтил крышку, даже не подумав искушать собеседницу.

– Если кто из сквернавцев гайифских завопит, что маршал Дьегаррон кагетских девственников верховым козлам отдает, – наставительно произнес он, – засвидетельствуешь, что козлы те холощенные.

4

Увяжутся или надуются? Дебора бы увязалась, но Агата все выше задирает носик: фамильные фанаберии уже дают о себе знать. Так и есть, остались под своим деревом. Руппи махнул разобиженным девицам и взлетел на террасу. Прячась за дородными статуями, можно было бы удрать в Олений парк, но вранья по мелочам лейтенант флота не терпел – придется сесть и написать кузенам. Только что ответишь на щенячьи визги о том, как здорово быть варитом и моряком и какой Руппи счастливеец, ведь он нюхал порох, слушал свист пуль и получил орден. Нюхал... И будет нюхать, только война не игрушки и не радость. Что угодно, только не радость, но этого, не теряя друзей и кораблей, не понять. Он тоже не понимал, просто хотел зажить жизнью настоящего мужчины...

– Руперт, – окликнул дядя Мартин, обозревавший Трофейную галерею на предмет размещения присланного чучельником медведя, – ты разве не в саду?

– Письмо! – бросил на ходу лейтенант. – Из Штарквинда. Сразу не отвечу – вообще не соберусь. Я в библиотеке.

Дядюшка рассеянно кивнул. Все, что не касалось охоты и оружия, навевало на него тоску. Из Фельсенбурга граф Мартин выбирался лишь по необходимости – посмотреть новую свору или помочь соседу с покупкой аркебузы, а ведь когда-то был офицером, и, говорят, неплохим!

Оставив родича измерять расстояние между добытыми дедом чудовищными рогами и башкой убитого уже на памяти Руппи секача, лейтенант юркнул в библиотеку, подмигнул стоящим у входа рыцарям, обогнул витрину с рукописными книгами и едва не врезался в Гудрун, самозабвенно целовавшуюся с кем-то высоким и светловолосым.

Лейтенант торопливо отпрянул к ближайшему шкафу. Парочка ничего не заметила. Оставалось выскользнуть вон и проследить, чтобы больше никто не вошел, но любовники прервали поцелуй, и ноги Руперта приросли к полу. Надменным красавцем, с усмешкой распускающим корсаж принцессы, был не кто иной, как воюющий с бергерами Фридрих! Фельсенбург оторопело смотрел на принца, непостижимым образом оказавшегося в самом сердце Дриксен, и не верил собственным глазам, а в голове крутились слова Бюнца о том, что Фридрих с Бермессером всегда найдут, под какую юбку шмыгнуть. Они и нашли, но как Фридрих пробрался в замок? В свите Гудрун?! Переоделся лакеем или охранником?! Где его гвардия?! Оставил тестю или... Или тайно привел назад? Зачем?!

Мысли взлетали с треском, точно фазаны, не поспевая ни друг за другом, ни за любовниками. Ошарашенный чудовищным открытием лейтенант не заметил, ни как Неистовый освободил принцессу от корсажа и жесткой юбки, ни куда девал собственную одежду. Пакостность своего положения Руппи осознал, лишь когда напоминавшая в

сборчатом нижнем платье облако Гудрун опустилась на медвежий ковер, отрезая путь к выходу. Обнаженный Фридрих возвышался над принцессой и улыбался улыбкой победителя. Он так и не снял сапог и берета, а на безволосой груди гордо сверкал кесарский лебедь.

– Дева Дриксен принадлежит нам? – Самодовольства в отвратительно знакомом голосе хватало на восьмерых.

– Да! – выдохнула Гудрун. – Только тебе...

– Проси о милости!

– Прошу моего господина... осчастливить мою душу и снизойти до моего тела...

— Покажи себя. Что ты можешь нам дать? Покажи все!

Следовало немедленно выйти. Или закрыть глаза. Или залепить мерзавцу и дезертиру пощечину. Или позвать стражу и дезертира захватить. Надо было что-то делать, а офицер флота и наследник Фельсенбургов растерялся, хоть с невинностью распрощался еще на Северном флоте. Ему было жаль Гудрун, ему было до слез жаль Гудрун и при этом хотелось отхлестать ее по щекам. Чтобы не унижала ни себя, ни Дриксен, ни корабли, на которых красовались ее изображения. Чтобы не смела... Не смела ползать на четвереньках перед гадиной в сапогах и глядеть снизу вверх, как глядят только собаки и... жалкие дуры! А этот!.. Прохлопал Гельбе и шмыгнул под юбку к гаунасской жене. Погубил со своими уродами Западнй флот и прячется за Гудрун, потому что... Потому что это не любовь, это мерзость! И где?! Под гербами Фельсенбургов, когда разгорается война!

– Повтори: кто мы и кто – ты? – Кто он?! Бюнец бы тебе ответил... Потрох тюлений, отворотясь не проблюешься!

– Ты – мой... кесарь, я – твоя... верно... подданная... Умоляю... моего... кесаря...

Он еще и кесарь? Кесарь?! Ох, недаром Отто орал, что Фридриха нужно придавить, а нет, так выхолостить, и он, Бюнц, готов это проделать сам, хоть потом в восьми щелоках мыться придется. Потому как вони будет, как от тухлой пластуги... Отто на дне вместе со своей «Пташкой», вместе со всей командой, а этот... Этот!.. Забавляется с несчастной душой. Решил, что ему все с рук сойдет, так ведь нет!

– Толку тебе с кесаря... У бедняги давно не только размягчение в мозгах, но и размягчение в штанах... Тебе, пташка моя, не кесарь, тебе кочет нужен!

– Ауи-и-и-и-и-и-и-и-ш-ш-ш-ш!!!

Это был не визг, не шипение, не рычание, но нечто несусветное. Гудрун вопила, дергая ногами и колотя кулаками по вжимавшей ее в шкуры веснушчатой плотной спине с рыжей родинкой ниже лопатки.

– Тяжеленько? – посочувствовав и не думавший прекращать свое дело живехонький Бюцц. – Зато от души! Ну, сейчас попрыгаем... Держись, коровушка!

– Вон!!! Уи-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и!..

– Капитан Бю... – завопил Руппи. – Отто! Шаутбенахт Бюнц... Это – Гудрун! Принцесса Гудрун... Оставьте ее!..

Сквозняк взвивает библиотечную пыль, машут, словно крылья, портьеры, радостно звенит разбитое стекло и еще что-то, словно рядом трясут бубенчиками, трясут и смеются.

Кружатся пылинки, устилают подоконник лепестки боярышника, пахнет скошенной травой и отчего-то морем. Нет Отто Бюнца. Нет принца Фридриха. На медвежьей шкуре сидит Гудрун, беспокойно вертит головой... Губа припухла, как от укуса, плечи в желтоватых и синих пятнах, ярких и почти сошедших. Еще один синяк на бедре... Смотреть на принцессу невозможно, но как уйти? Не прыгать же через нее, такую?! Да еще это кресло... с платьем.

– Дрянь! – шипит Гудрун. – Гадина... Я... Я...

Новый сквозняк. Парусами вздуваются сброшенные юбки, блестят на солнце осколки. Словно лед в Старой Придде! Лед, солнце и ветер, снова солнце и ветер... Закатные твари, что все это значит?! Ввысь взмывает нечто белое, проносится над головой гигантской чайкой, исчезает за распахнувшимся окном. Гудрун вскрикивает, но продолжает сидеть, солнечный луч пляшет по круглому животу, словно подушку мнет. Опять звон, опять смех, а

ведь... ведь смешно! Невероятно, летяще смешно! Смехом и звоном, танцем и стоном, трепетом темных ресниц, сном и полетом, вешней охотой, вечным мельканием лиц... Радости блики, трели и крики с ветром играющих птиц, время цветенья, игр и видений, нежные тайны девиц...

– Руперт!.. Руперт, что у тебя там за простыни летают?

– Ничего, дядя Мартин... Это... сквозняк разбил окно. Я... сейчас выйду.

– А орал кто?

– Коты... Сюда забрались коты... Из кухни. И подрались...

Хлопают оконные рамы, кто-то тоненько хихикает, бьет в невидимые ладоши. Теперь скрипнуло... Совсем рядом, за шкафами. Послышались шаги.

– Коты? Надо же! Шварцготвотрум!..

Гудрун, заходясь криком, рванула в нишу между витриной с гравюрами и стеной. Вошедший дядя замер, словно на ружейной охоте, при этом умудрившись обернуться на вопль. Сощурился, открыл рот, попятился. Налетел на кресло. Сел, то есть плюхнулся, придавив одежду принцессы и уставившись на выпиравшие из книжного сумрака выпуклости. Солнечный зайчик лихо мазнул Мартина по носу, перепрыгнул на живот принцессы и растекался во все стороны, выгрызая в полумраке дыру. К корабельной статуе приложили пышную подушку с пупком. Круглую. Мягкую. Нелепую. Это было так глупо, так... Руппи взвыл в голос, заходясь дурацким, недостойным смехом. Купол света съежился, окружив пупок светлым кольцом, и сиганул назад – потрепать дядю по щеке, скатиться вниз, туда, где из-под охотничьего зада змеиным хвостом выползала синяя подвязка. Синяя змейка, белая шейка, все еще девственный зад, жалобы плоти, похоти когти, жажда весенних усад...

– Дядя! – провыл Руппи. – Дядюшка, чего вы... ждете?! Вперед! Нельзя же... нельзя так ее оставить...

Солнечное ядро налетело на Гудрун и срикошетило от тугого тела. Мартин оглушительно чихнул, заставив Руппи согнуться от хохота. Гудрун слепо ослабилась и вышла на свет, даже не пытаясь прикрыться. Она вновь была статуей, носовой фигурой, хуже того – тараном. Она шла к дяде и шептала «мой кесарь».

– Чего? – прохрипел охотник. – Я? Вы... чего?!

– Мой кесарь... – Грудной манящий зов заставил Руппи вздрогнуть, стало горячо и безумно. Гудрун больше не была жалкой, она... Она была... желанна.

Это не танец! Не твой танец... Хочешь танца? Прямо сейчас хочешь? Идем... Если хочешь – позови... Мы пойдем... выше. Там – свет, здесь – пыль... Им – здесь, они готовы... Им – без танца, так... Медленно, склизко... Как улиткам. Ты не улитка – тебе так не надо!

– Гудрун!!!

Мама. Застыла у черного шкафа. Смотрит широко раскрытыми потемневшими глазами. На Гудрун, на сына, на деверя. Обычно бледную кожу заливают румянец. Яблоневый цвет на материнских щеках, свекла – на лице и шее Гудрун. Закатные твари, она опять визжит. Как стыдно... Смертельно противно и стыдно. И за себя тоже. За то, что едва...

– Руппи, немедленно выйди. И вы, Мартин... Прочь!

Спокойный голос, тихий и холодный. Его невозможно не расслышать.

– Я жду.

Так мама еще не говорила. Нет, говорила как-то раз. Не с ним – с отцом. Давно. Как раз перед Летним Изломом; отец с дядями где-то задержались...

– Мартин. Руперт.

– Да, мама...

Он извинялся, бормотал какую-то чушь; дядюшка ожил первым и вылетел из библиотеки пушечным ядром. Гудрун ухватила наконец то, что осталось от платья, и замолчала, зато мама...

– Кузина, вы сегодня же покинете Фельсенбург. Сегодня же.

Это было последним, что услышал Руппи, прежде чем за ним захлопнули дверь.

Глава 3

Восточная Гаунау

400 год К.С. 21—22-й день Весенних Волн

1

Солдаты с руганью и проклятиями тащили через поток обозные фуры. Чуть раньше с не меньшими мучениями удалось переправить артиллерию. Ничего, Хайнрих, когда он сюда заявится со всеми своими обозами, потеряет у вообразившего себя рекой ручья не меньше времени. А если Леворукий поможет, то и больше. Именно это Лионель Савиньяк и сообщил мокрым людям, вызвав взрыв счастливого хохота. От злости до радости в армии меньше шага, если только ты эту армию не ведешь.

Северная весна была в самом разгаре, чего было трудно не заметить, но маршала волновала отнюдь не рехнувшаяся от собственного аромата черемуха. Распутица уже заканчивалась, хотя каменистые дороги Восточной Гаунау сохраняли почти пристойный вид даже в пору таяния снегов, что изрядно облегчало жизнь марширующим во все стороны армиям. Но вот переправы! Крупных рек в здешних краях имелось немного, а точнее – две, и пока что ни одна не оказалась на пути, но для создания трудностей хватало и мелочи. Вода не спадала, большинство бродов и переправ стали непроходимыми, а не боявшиеся паводков каменные мосты были наперечет.

– Я бы расстреливал тех, кто делает дурные карты. – Хеллинген смотрел на ручей как на личного врага. – Этот поток даже не отмечен!

– Видимо, карту чертили в конце лета, – предположил Савиньяк и сорвал подвернувшуюся веточку. – Как вы думаете, что это за кустарник? Напоминает калину...

– Я ничего не понимаю в растениях, – отрезал начальник штаба. – Разрешите вернуться к текущим делам?

– А разве вы их покидали?

Загнать армию в тупик, уткнуться в некстати раздувшийся ручей, потерять пару дней на хождения взад-вперед в поисках лучшей дороги – вот чего боялся Хеллинген. Лионель этого боялся не меньше, но про себя. То, что разливы и неточные карты не снились маршалу ночами, объяснялось лишь тем, что он почти не спал, хоть и уходил в свою палатку в одно и то же время. Ночные часы тратились на игру, в которой Проэмперадор Севера пытался стать Хайнрихом. Это было куда трудней, чем чувствовать себя Фридрихом, но принцу пора было убираться и из рамки, и из мыслей. Ход был за Жирным – король просто не мог не поставить капкан на обнаглевших талигойцев. «Медведь» против «олenea»... Обычных оленей вырывают осмотрительность и быстрые ноги, талигойский мог еще и огрызаться.

Савиньяк лениво шевельнул поводьями, оставляя переправу, у которой мучились очередные возчики, позади, и понял, что все еще держит веточку местной калины. Дворцовая привычка ничего не бросать и ничего не оставлять на виду, хотя, кажется, он приобрел ее в Лаик. Комната, в которую могут войти без тебя, учит многому, жаль, не всех. Маршал сунул калину в петлицу и вернулся к «медведям», вернее, медвежонку, на первый взгляд казавшемуся легкой добычей.

Обретавшийся в непосредственной близости гаунаский корпус росточком не вышел. Тысяч семь. Из тех, кто уже дрался с талигойцами и к кому подогнали несколько мелких гарнизонов. Артиллерии и конницы небогато, а местность, хоть и не равнина, не из тех, где полк остановит армию. И все бы хорошо, только рядом с медвежатами обычно случаются медведицы. Жирные такие...

Несмотря на две отменные победы, Лионель делал ставку на подвижность и маневр. Маршал не собирался своими весьма ограниченными силами ввязываться в сражения, ему требовались не реестры выигранных схваток, не трофейные знамена, не капитуляция Гаунау,

в конце концов. Савиньяк взялся отыграть для Рудольфа несколько месяцев, после чего убраться, по возможности сохранив армию. По возможности, только будет ли она?

Опять запахло черемухой. В такую весну, останься они в Надоре, половина молодняка пережилась бы. Раненные у Ор-Гаролис и переженятся... Любопытно, кому достанется Селина Арамона? Жених наверняка будет счастлив и бескорыстен. И просчитается, потому что красивая бесприданница в день свадьбы превратится в богатую невесту. Самое легкое из не доведенных Алвой до ума дел...

Записать за девицей пару виноградников – не с Хайнрихом в догонялки играть. Лионель раз за разом пытался почувствовать себя властелином Гаунау, но громоздкая коричневая фигура оставалась расплывчатой, не то что Фридрих! Ну так с Фридриха и зайдем.

Лионель Савиньяк, то есть Неистовый, уже не в первый раз мчался в Липпе, увлекая за собой остатки гвардии. Принц пребывал в бешенстве. Он сам не знал, кого ненавидит сильнее – зарвавшихся фрошеров, бездарей-союзников или тупиц-подчиненных, но хуже всех были засевшие в Эйрехте интриганы. О, эти превратят несчастливое стечение обстоятельств во вселенский провал, а дядюшка-кесарь ухватится за повод удалить племянника из армии. Готфриду и так всю зиму шипели про Хексберг, а теперь еще и это... Если немедленно не одернуть врагов и не поддержать сторонников, можно потерять больше, чем пару не столь уж и нужных сейчас побед! А тесть? А что тесть! И так ясно, что неуклюжий медведь разозлится. В другое время это пришлось бы некстати, но сейчас... Если правильно себя повести...

«Зарвавшийся фрошер» привстал в стременах, оглядывая цветущую долинку. Подмывало промять коня и развеяться самому, но приходилось себя беречь. У «медведей» мог найтись свой собственный Уилер, а схлопотать пулю Лионель не мог себе позволить самое малое до конца кампании.

2

Чарльз Давенпорт был благодарен гаунау. До определенной степени, разумеется, но благодарен. Если б не «медведи», капитан так бы и таскался за маршалом, но гаунау сделали то, чем не озаботился Фридрих. Охоту на крупного зверя начинают собаки, и по следу Савиньяка пустили конных егерей. Не сразу. Сперва плюхнувшийся во все предугаданные маршалом лужи Неистовый с треском продул приграничное сражение у города Альте-Вюнцель и исчез вместе с остатками своей гвардии.

Победа досталась талигойцам много легче, чем у Ор-Гаролис. Армия окончательно уверовала в звезду Лионеля Савиньяка, а содранная с Альте-Вюнцель контрибуция и весеннее солнышко настроили на победный лад даже Хеллингена. О будущем особенно не задумывались, как-то само собой решив, что предстоит рывок к перевалам на соединение с бергерами. Это устраивало всех, кроме прикипевшего душой к трофейным тяжелым пушкам Эрмали. Командующий артиллерией в предчувствии неизбежной разлуки грустно трогал сработанные на совесть лафеты и с тоской смотрел в сторону Каданы. Савиньяк молчал, но шансов на возвращение с добычей по собственным следам было мало – армия явилась в Гаунау не за пушками и не за фуражом.

Когда десять дней назад Лионель выслал авангард в направлении южной границы, никто не удивился. Гадали о другом: собирается ли маршал быстро и без боя проскочить в Бергмарк или сперва саданет в спину тех, кто штурмует перевалы. Было заключено немало пари – проиграли все. К вечеру пятнадцатого дня Весенних Волн Савиньяк двинул войска в глубь Гаунау. По направлению к Липпе.

Подобной наглости от своего командующего не ожидал даже начальник штаба, чего уж говорить о «медведях», честно бросившихся на перехват талигойского авангарда. А тот, не менее честно обозначив движение на юг, два дня спустя повернул и пошел на соединение с главными силами. Восемнадцатого обе части армии встретились у города Грогге. Тут

Савиньяк задержался, дожидаясь новостей. Маршал намеревался связать Хайнриху руки как можно крепче, для чего в первую очередь требовалась разведка, и отдых у Реддинга закончился раньше, чем у остальных.

По всем расчетам, гаунаские резервы из центра страны были на подходе. Савиньяк желал знать, сколько их будет, с какого направления они подойдут и под какими знаменами, и «фульгаты» не слезали с седел. «Кошачьи отродья» старались вовсю, понимая, сколько от них зависит, но в здешних краях правили бал не они. Гаунау лучше знали местность, им проще было найти проводников, и Реддингу приходилось все труднее. Сперва, когда авангард отвлек внимание на себя, разведчики Хайнриха упустили основную армию, но очень быстро пришли в себя и у Грогге вцепились в гостей намертво.

Помрачневший Реддинг доложил о потерях – четверо убито, одиннадцать ранено. Егеря отступили, но явно недалеко, их разъезды были замечены еще в нескольких местах. Маршал поднял глаза от очередной карты и спокойно, не перебивая, выслушал доклад.

– Думаю, командир егерей чем-то похож на вас, полковник, – предположил он. – Укрыться не получится. Давайте воспользуемся преимуществом в численности, благо оно пока за нами. Поднимайте всех своих. Хейл передаст вам три эскадрона драгун, и начинайте охоту на егерей. Им должно стать не до разведки. Капитан Давенпорт, передайте все дела Сэц-Алану. Вы поступаете в распоряжение полковника Реддинга с сей минуты и на неопределенное время.

Чарльз растерялся. Командующий дважды отказывал ему в переводе к Хейлу, и Давенпорт почти смирился с тем, что до конца кампании будет сверять талигойские и гаунаские карты и выяснять, в самом ли деле на гору с нелепым названием Мышиная Мельница ведет козья тропа. Савиньяк в очередной раз поступил неожиданно, что в очередной же раз взбесило, но предвкушение настоящего дела притушило злость. Осталась досада на маршала, который вел себя, раздери его кошки, как... маршал, но вспоминал о ней Давенпорт не так уж часто – Реддинг гонял своих людей в хвост и в гриву, к тому же из-за любой горки могли выскочить всадники в коричневых мундирах и медвежьих шапках. Думать, покачиваясь в седле, о своем, как во время обычных переходов, стало невозможно.

– Капитан, – окликнул Давенпорта «фульгат», памятный Чарльзу по Ор-Гаролис, ране в голову и, как следствие, краткосрочному адъютантству, – не подскажешь? У этой кошачьей мельницы и впрямь тропа была? Или как?

– Была, – припомнил карту Давенпорт, понимая, что ему опять хочется убить предусмотрительного маршала. Когда-нибудь потом... После победы.

– Здорово! – обрадовался знакомец. – А то, понимаешь, «медведи» с места снялись. Вроде как на юг наладились... Надо бы проводить, но не по тракту же!

3

Они все казались довольными и оживленными. Все, кроме Эрмали и, пожалуй, Хейла. Привыкли к победам, но сие безоговорочно полезно лишь солдатам и капитанам, а генералы и полковники могли бы и посомневаться. Обычно это раздражает, но сейчас пришлось бы кстати: сомневаться самому среди уверенных взглядов и цветущих рощ не слишком заманчиво.

– Садитесь, господа. – Савиньяк кивнул на выскобленный стол, вкопанный в землю опрятным гаунаским трактирщиком. – Сегодня нас ждет сносный обед. Мясо еще жарится, так что мы вполне успеем обменяться мнениями. О том, что вражеский корпус снялся с места, знают все. Реддинг доносит, что по всем признакам нам собрались перекрыть дорогу на юг. Итак?

– Намерения вражеского генерала очевидны, – неторопливо начал Хеллинген. – Помешать нам прорваться туда, где, судя по времени и погоде, уже начались бои. Я бы предложил немедленно двинуться следом и атаковать, пока гаунау не закрепились на нашей дороге всерьез. На картах – холмы, густые леса, дорога на десяток хорн идет между этими

леса и подножием холмов. Если быстро пройти и обрушиться всей силой, то, имея трехкратное превосходство, можно добиться решительной и, что немаловажно, быстрой победы.

– Вы думаете, генерал гаунау об этом не догадывается? – Не дожидаясь мяса, Хейл жевал хлеб, благо тот был горячим и до невозможности вкусным. – «Медведь» наверняка знает места, где сможет успешно отбиваться и при таком неравенстве сил. Здесь, конечно, не Торка с ее ущельями и перевалами, но то, что мы предполагаем по картам, противник знает наверняка. Своя земля, как-никак. Еще одна опасность – вторая армия гаунау. Должна же она подойти, в конце концов.

– Пока ее нет, – напомнил Реддинг.

Охота на егерей принесла свои плоды, чем предводитель «фульгатов» не преминул воспользоваться. Когда за каждым холмом или рощей не караулят настырные «бурые», проще добираться до расположения противника, но тот противник, что обретался в непосредственной близости, пока не впечатлял.

– Гаунау в состоянии войны, господа, а Хайнрих – человек решительный и энергичный. – Хейл редко разделял общее настроение, будь то уныние или порыв. – Теперь жди неприятных сюрпризов.

– Сейчас нас ждет сюрприз приятный. – Айхенвальд потянул носом, и тут же из-за дома появился один из пяти бергеров, взявшихся приглядывать за трактирщиком и его домочадцами. Чтобы, чего доброго, не попытались спасти отечество при помощи крысиного яда.

– Такое мясо надо есть горячим. – Главное Хейл сказал, теперь пускай займутся обедом. – Считается, что пищеварение мешает работе мозга, но я так не думаю. Мы продолжим наш разговор чуть позже, за вином. Благодаря предусмотрительности полковника Смайса оно у нас еще есть.

– У нас есть даже два бочонка тюрегвизе, – напомнил Реддинг, – хотя я предпочел бы Уилера.

– Вы встретитесь с ним на перевале, – предположил Фажетти, вытаскивая нож. – Тюрегвизе пойдет к медвежатине, а сегодня мы едим всего лишь свинину.

– В здешних краях считают, что свиньи когда-то были медведями.

– Некоторые – без сомнения.

– Я давно подозревал, что Колиньярам пора менять герб.

– Фажетти, вы как скажете...

Чужой непринужденный разговор почти не мешал, как раньше не мешало бормотание ментора. Слышать, не слушая, он тоже научился в Лаик, вернее, понял, что умеет и это. Дома до смерти отца было слишком весело, чтобы пропускать мимо ушей хоть что-то, а вот в Лаик «учили» тому, что почему-то называлось изящной словесностью и еще более почему-то – историей...

– За наши будущие успехи, господа.

– И за неуспехи наших «хозяев»!

– Нет, господа, за то, чтобы успех Хайнриха сравнялся с успехами Фридриха!

Хороший тост, то есть не тост, толчок, которого Лионелю так не хватало с самого Альте-Вюнцель, когда Неистовый перестал служить Талигу и умчался огорчать тестя. Стол под деревом, жареное мясо, жующие черно-белые соратники никуда не делись, но Лионель слышал не застольный разговор, а доклад о понесенном поражении. Втором кряду. Он был мрачен и зол, он с трудом сдерживал рычание, глядя на расфуфыренного придурка, которому за какими-то кошками отдал не худшую из дочерей, а зять сыпал множеством подробностей, маскировавших промахи и откровенную глупость. Горные бараны в Торке и те умнее...

– Горные бараны в Торке и те умнее тебя! – рыкнул Хайнрих-Савиньяк. Фридрих с готовностью принял вызов и принялся расписывать леность, нерасторопность и разгильдяйство гаунаских генералов, только и думающих, что о своих личных делишках да о выпивке. Этих генералов Хайнрих знал с детства, так что верить зятю и не подумал, о чем

и сообщил. Зять оскорбился и встал в позу. Хайнрих позу обрисовал не только красочно, но и язвительно. Заодно высказал сожаление, что Кримхильде связана с таким бесталанным неудачником.

Фридрих нарывался умышленно, собираясь под скандал сорваться в Эйнрехт, но тут его зацепило крепко. Принц взбесился вполне искренне. Хайнрих послал родственничка в Закат, и злющий дрикс вылетел сперва из дворца, а потом и из Липпе. Он добился, чего хотел, – отъезд в Дриксен после столь теплого разговора был само собой разумеющимся, но трясло принца долго. Как и короля, с трудом вернувшегося к тому, от чего его отвлек нагрянувший зять. Подготовка к неожиданной дополнительной кампании в собственном тылу требовала спокойствия и собранности, и Хайнрих заставил себя плюнуть на скачущего в Эйнрехт напыщенного болвана и собраться.

Его величество взялся за дело сразу же, как получил известия о вторжении. Не обольщаясь способностями Фридриха и зная о слабости войск на востоке, король не ждал быстрых побед. Основные силы были заняты – дрались с бергерями. Требовалось время, чтобы собрать армию и на Савиньяка. Гонцы, отправленные с приказом «в бой не лезть», опоздали по милости взявшегося исправлять ор-гаролисскую незадачу петуха. Известия о поражении у Альте-Вюнцель пришли, когда Хайнрих ждал подхода войск с севера страны. Неудачу усугубляло и то, что фрошерам досталась изрядная часть запасов, сделанных для снабжения войск на границе.

Лионель-Хайнрих едва не скрипнул зубами, сочиняя письмо соседу и союзнику. Мол, племянничек ваш оказался не так хорош, как он сам о себе думает, и наделал дел, с которыми мне придется разбираться самому. Посему никаких подкреплений я против ноймаров посылать не буду. Я теперь даже против бергеров подкреплений не выставлю. Пока не разберусь с этим нахалом-южанином и не обеспечу безопасность собственных земель, все резервы пойдут на восток, а когда разберусь, тогда и посмотрим. Сейчас же вынужден ограничиться письменным выражением неизменной дружбы и верности, и то по причине занятости последним.

Ну а в отношении его высочества принца Фридриха – могу вам, брат наш Готфрид, только посочувствовать. И лучше не доверяйте ему командования даже мусорщиками... Да, именно мусорщиками и еще толстыми прачками! Маршал Талига с удивлением посмотрел на откромсанный его же ножом кусок свинины. Кусок воистину был достоин Хайнриха... Бывает же. Лионель поискал глазами хозяина. Гаунау стоял неподалеку, скрестив руки на объемистом животе, и смотрел на гостей. Без страха и без подобострастия.

– Любезный, – окликнул Савиньяк на дриксен, – я видел в главной зале портрет вашего короля. Я хочу его купить.

Бергерский походит на гаунау больше, но зачем дразнить людей сверх необходимого? С трактирщика хватит и временного отлучения от погребов и кухни.

– Господин, – сельская жизнь и пиво располагают к румянцу, – я могу... Могу уступить моего государя, только... если это не для колдовства... и если мой государь не будет унижен.

– Никоим образом не будет, – заверил верного подданного Лионель и улыбнулся.

Местные жители смотрели на талигойца с легкой оторопью. Вариты вопреки церковным канонам полагали Леворукого черноглазым, что было вполне объяснимо. Зеленых глаз по эту сторону Торки слишком много, чтоб их бояться. Видели б сии добрые эсператисты святого Адриана, как его рисовали при жизни!

– Сэц-Алан, принесите портрет его высочества Фридриха и велите подать еще вина.

Глава 4

**Талиг. Хербсте. Печальный Язык. Придда. Восточная Гаунау. Гроге
400 год К.С. 22-й день Весенних Волн – 1-й день Весенних Молний**

Под утро патрульные в плавнях спугнули собратьев Кроунера с дриксенского берега. За ними погнались, но без толку; что «гуси» заметили и заметили ли, осталось неясным. Кроунера никто не спугивал, но похвастаться особыми успехами малыш не смог. Дриксы были настороже, близко не подпустили, но, похоже, часть обозов убралась на восток. Пушки, впрочем, палили по-прежнему.

Берк полагал, что дриксы решили как следует подготовиться и назавтра от них надо ждать решительных действий. Полковник был готов как к схваткам на берегу, так и к обороне форта. Не терявший ни минуты Рёдер бодро заявлял, что, хотя со стороны реки укрепления сильно пострадали, стены, обращенные в другую сторону, в хорошем состоянии, и атаки с тыла до поры до времени отражать можно. При этом оба полковника очень хотели знать, что творится на том берегу; генерал хотел этого еще больше.

День, третий день бесполезного валяния, проходил спокойно, и это откровенно бесило. Спрашивается, за какими кошками Бруно пригнал к переправе дополнительные силы, если они никак себя не проявляют?! Ну вчера – ладно. Пока прибыли, пока разместились, ознакомились с обстановкой, выпили со старожилками, наконец... Но сегодня-то можно и вперед, в атаку, ан нет. Двадцать пять тысяч человек второй день толкутся на том берегу без дела. Ерунда какая-то!

Генерал рывкнул на лекаря, потом честно проглотил какое-то зелье. Не снотворное, за снотворное он бы убил, и коновал это уразумел. После обеда нога вела себя особенно гадостно, то и дело требуя изменить положение. Каждое движение сопровождалось резкой болью, постепенно ослабевавшей, но не прекращавшейся, будто стихающий до тоненького нытья крик. Жермон скрипел зубами, иногда ругался и пытался думать о том, что сейчас с его корпусом.

Начавшаяся кампания нравилась Ариго все меньше, Бруно казался все умнее, а фок Варзов все старше. Когда окно стало темно-синим, Жермон сдался и послал за полковником Приддом, но тот где-то шлялся, и Ариго догадывался где. Генерал помянул Леворукого и в несколько этапов, словно осуществляя серьезный маневр, отвернулся к стене, велел себе уснуть. Не спалось, он словно бы застрял между сном, явью и воспоминаниями; это было отвратительно, но бодрствующая часть мозга не спешила вмешиваться. Жермон осознавал, что почти бредит, только объяснение найденного Кроунером следа пришло именно в бреду, и генерал гнал себя в бред, как Кроунера на дриксенский берег. Он искал Бруно, а Бруно пытался застичь Вольфганга на марше. Начав удивлять и обманывать, «гусиный» фельдмаршал не собирался останавливаться. Когда что-то выходит, от него не отказываются; у Бруно вышло. Первый обоз – и дриксы на талигойском берегу. Второй обоз – там же большие пушки, те самые большие новые пушки, которые не рушат стены форта...

Жермон никогда не видел Бруно живьем и до этой весны о нем почти не думал. Зачем, если есть Рудольф и фок Варзов? Ариго занимался насущным и ковырялся в прошлых обидах. Теперь прошлое отцепилось, и вовсе не потому, что лишенный наследства гвардеец все же вернул родовой титул. И не потому, что Ойген принялся искать заговоры, а сестра – писать письма, просто стало не до обид.

Жермон цеплялся за Торку, годами делая вид, что ему все равно, но начинающаяся война вымела старье начисто. Ариго вспоминал о прежних глупостях, лишь видя Валентина. Будет несправедливо, если Придду испоганят молодость из-за ерунды. Именно так, потому что все, кроме нашествия, которое нужно остановить, – ерунда. Ариго рос в убеждении, что ничего хуже начала Двадцатилетней войны быть не может, но сейчас оказалось не легче, хоть их и не застали врасплох. И предательства не было, по крайней мере здесь, у Хербсте, а все равно приходилось отступать, и объяснение этому оставалось одно: дриксы сильнее, а фок Варзов начал сдавать...

– Он спит! – Шепот лекаря походил на шипенье пролившейся в костер похлебки. Говори коновал громко, Ариго вряд ли бы очнулся, но его всегда будили не выстрелы, а шорохи.

- Не сплю, – подал голос Жермон. – Что случилось?
– Мой генерал, гонец от Ансела.

2

Его величество Хайнрих среди лебедей, сердец и изумрудов выглядел почти Манриком. Савиньяк не сомневался как в том, что весть о низвержении Фридриха уже разнеслась по всей армии, так и в том, что трактирщик, тщательно спрятав золото, бросил полученного в придачу «гусеворона» в печку. Миниатюра работы Зауфа стоила дороже провинциального трактира, но откуда знать об этом бедняге гаунау? И кому бы он продал доставшееся счастье? Не Хайнриху же?

Командующий отхлебнул чего-то, что приходилось считать шадди, зевнул и вновь занялся картой. Шел третий час ночи, а приказа, за которым с рассветом явится Хеллингген, еще не существовало. Армия не сомневалась, что задержит одинокого «медвежонка», Лионель же, хоть и велел готовиться к маршу, думал о другом. Если верить карте, после несомненного разгрома вражеского корпуса у победителя останется только одна дорога. Куда бы он ни пошел. И вперед, и назад – одна, сворачивать некуда.

Невозможность маневра Лионеля раздражала даже во дворце. Лишись граф родового герба, он бы сделал своим новым символом лиса. Золотого лиса на перекрестье дорог: одна дорога – это не дорога! Пускай крупных сил противника рядом не замечено, это не повод лезть в мешок.

Лионель не мог знать наверняка о приближении Хайнриха, только догадываться. Между армиями оставалось не меньше трех дней пути. Это гонцы на сменных конях успевают за сутки, напрямик, по известным лишь местным тропам... Люди Реддинга их не видят, как гаунау не видят людей Реддинга. Обе армии, по большому счету, слепы. Савиньяк слегка передвинул исчерканный лист. Теперь он смотрел на Липпе и городишко Кребсзее в четырех днях пути от столицы, словно бы созданный для сосредоточения королевской армии.

Сюда мог подойти сам король со столичными полками и артиллерией, сюда же сам Леворукий велел стягивать двигавшиеся к южной границе войска. Те, что предназначались в помощь штурмующим бергерские перевалы генералам. Сколько бы у Хайнриха ни оказалось резервов, собирать их придется не один день. Нет, куда ни кинь, Кребсзее не миновать. Король просто обязан там задержаться, и там же он узнает, что талигойцы, заморочив голову приграничному корпусу, повернули на Грогге. Командующий корпуса не Фридрих и, скорее всего, не дурак, да и деваться ему некуда. Придется каяться в грехах. В том, что, будучи введен в заблуждение ложным маневром, свернул на юг и оказался слишком далеко от цели.

Хайнрих же... Хайнрих изучит карту, возможно, точно такую же, прикинет время и прикажет облапошенному форсированным маршем двигаться к Гроггехюгель. Там лесистая равнина переходит в лесистые же холмы, а разделяет их широкая дорога, основной проезжий путь в данной местности. Надо занять позицию на холмах, взять под контроль дорогу и позволить противнику об этом узнать.

Именно так! Жирный не станет тянуть, он попытается поймать гостей сразу же, без долгих маневров. Отвлечь внимание на вспомогательные силы, подкрасться с тыла и навязать бой, зажав с двух сторон.

«Медвежонок» – приманка, уже на месте и ждет. «Медведь» двинулся вчера или позавчера. Не раньше, раньше просто не сползлись бы резервы, и потом, «олень» должен успеть заиграться с «медвежонком». Получится – прекрасно. «Гости» сумеют ускользнуть? Ничего страшного, далеко не убегут, зато по маневрам станет ясно, с кем имеешь дело. От пересказов толку мало: не поймешь, где случайность, где собственная глупость, где хитрый вражеский умысел.

– Увы, свидания не будет, – негромко подвел итог Проэмперадор Севера и свернул карту. – Утром 24-го дня месяца Весенних Волн вверенная маршалу Савиньяку армия

покинет Грогге, чтобы, скрывшись из глаз неприятеля, повернуть назад, туда же, откуда она явилась.

До рассвета оставалось часа три, и маршал собирался их проспать, но лишь дописав приказ, который удивит всех, но своих удивит сильнее.

Завтра к вечеру егеря проверят дорогу, ведущую на юг, и узнают от местных, что фрошеры здесь не проходили. И в самом городе их тоже уже нет. Куда делись – неизвестно. Получив подобное донесение, Хайнрих хмыкнет, недовольно оглядит генералов и велит идти прямо в Грогге: раз на полпути перехватить врага не получилось, встанем в городе и начнем поиски. Восточная провинция не такая уж и большая, найдем, а потом и раздавим.

Пропавшая же армия через день объявится у Мрма, городишки, главным достоинством которого является кошачье имечко и то, что из него ведут сразу три дороги, а одна из них вскоре еще и разветвляется. Там можно еще раз оглядеться и попробовать угадать, чего же хотят гаунау на сей раз.

Почти сгоревшая свеча замерцала, Лионель ее заменил и принялся оттачивать перо. Самые важные приказы маршал писал собственноручно, а этот был важным. Игра в «догонялки», которая замысливалась еще в Кадане, началась, и никто не мог сказать, чем и когда она закончится.

3

Повозку, удостоившуюся чести везти генерала Ариго, постарались обустроить как можно удобней, но матрасы и одеяла помогали мало. С самого начала марша все неровности, кочки и ямы немедленно отдавались в раненой ноге, но к боли Жермон притерпелся, а вот оставленный форт было жаль едва ли не до слез. Печальный Язык еще мог защищаться, он *хотел* защищаться. Старый, заброшенный, он на несколько недель стал нужным и важным, за него были готовы умереть, он поверил, он принял защитников и полюбил, а те ночью ушли. Тихо, воровато, прикрыв обман полусотней конных, которые при первых выстрелах тоже сбегут. Останутся разбитые стены и заклепанные, изуродованные пушки, которым за верность намертво забили горло... Мерзко... Вдвойне мерзко, потому что избитым стенам и реке не объяснишь, что Бруно обыграл старого Вольфганга, Ансел встретил на талигойском берегу дриков, а защищать камни ради самих камней люди не станут никогда. Форту не объяснишь... Не объяснишь...

Лекарь ныл, что генерала растрясло, у него жар и надо остановиться. Жермон не давал. Он не для того бросил Печальный Язык, чтобы валяться в палатке под охраной двух тысяч человек. Скрипели колеса, жаловалось на жизнь бедро, морозило и тошнило. Ариго понимал, что врач прав, но гнал людей от больше не защищавшей Талиг Хербсте туда, где им самим придется стать и рекой, и бастионами... Два полка – это немного. Два вовремя подошедших полка могут решить исход сражения, но для этого нужно подгадать... Подгадать и успеть...

Жермон поежился и украдкой, под плащом, нащупал пульс. За несколько дней он выучился его находить и даже проверять. Пульс частил, по спине бегали мурашки, но признаваться и просить помощи не хотелось, а лекарь, как назло, обернулся. Ариго резко выдернул из-под одеяла руку, подкрутил усы и окликнул ехавшего рядом с телегой Придда:

– Вы мне нужны.

Придд молча спрыгнул со светло-серого, почти серебряного мориска и зацепил поводья за луку седла. На таких лошадях редко воюют, уж слишком они... гвардейские.

– Мой генерал? – Валентин ловко вскочил в ползущую телегу. Серый спокойно шагал рядом, словно какая-нибудь торская лохматка.

– Вам не жаль Печальный Язык? – Откровенничать с мальчишкой, похоже, входило в привычку. – У меня жар, я понимаю...

– Я здоров, но мне тоже жаль. Оставлять то, что еще можно защищать, всегда неприятно.

– Вы удивительно умеете... подбирать слова.

– Меня этому учили, к тому же я оставил собственный дом. Мне казалось, он смотрит мне в спину, я едва не обернулся... Мой генерал, слышите? Впереди колонны. Разрешите?

Прыжок наземь, прыжок в седло. Топот. То, что молодой полковник трется возле командующего, никого не удивляет и не злит. Оставшийся в осажденном форте и дважды ходивший на *тот* берег Зараза мог позволить себе и не такое. Именно Валентин, не удовлетворенный тем, что видел Кроунер, пошел за ответом и нашел его. Герцог даже не пытался считать стоявших напротив форта «гусей»; переплыв вместе с конем Хербсте выше по течению, он отправился туда, где, окажись Жермон прав, должен был пройти обоз. Отправился и отыскивал следы, как старые, так и совсем свежие. Лагерь у Печального Языка был перевалочным на пути к двойной переправе: через заболоченную Штарбах и Хербсте. Переправе, которой воспользовался Бруно. Валентин вернулся средь бела дня и доложил об открытии. Именно тогда у Баваара и вырвалось восхищенное «зар-р-раза!». И прилипло к Придду намертво, став его первым орденом. *Такие* прозвища стоят дорого. Король, подписывая орденский патент, может ошибиться, рота, полк, армия – никогда.

Глава 5 Талиг. Придда **400 год К.С. 1-й день Весенних Молний**

1

– Мой генерал, передовой дозор обстрелян противником в полухорне от нас. Полковник Берк остановил колонну и выслал вперед один эскадрон для прикрытия. Пехота готовится к бою.

– Вы уверены, что бой будет? Сколько дриков видели дозорные?

– Стреляли из рощи. Вряд ли их там много, роща слишком маленькая, но Берк не хочет рисковать. Дальше, за ручьем, варитские курганные кольца. Это место вполне подходит для засады.

– Подробнее.

Подробности не радовали. Дозорные не смогли первыми увидеть «гусей», уж слишком хорошо те притаились в лесочке на берегу полноводного по весне ручья. Но добросовестный сержант-драгун с парой солдат решил пошарить под деревьями – за свое старание он поплатился жизнью, еще один драгун получил пулю в бок, но о присутствии дриков узнали вовремя.

– Закатные твари... – Жермон, сжав зубы в предчувствии боли, ухватился за край повозки. Предчувствие оправдалось в полной мере, но он все равно смог сесть! А скоро сможет и встать. – Валентин, распорядитесь насчет носилок. Пусть меня тащат к Берку.

– Мой генерал! Вам не... – вылез коновал.

– Вас не спрашивают. Валентин!

– Сейчас, мой генерал.

Берк от их появления в восторг не пришел, но сдержался и даже не напомнил о ране. Жермон выслушал доклад, в котором не было ничего нового, и потребовал трубу. Накатившее возбуждение глушило боль, позволяя сосредоточиться на деле. Ариго внимательно, стараясь не упустить ни единой подробности, разглядывал место возможного боя. Ровное поле, ручей, рощица... Она действительно маленькая, и сотни всадников не спрятать. Слева и справа равнина, оттуда сюрпризов ждать не приходится. А вот и курганы... От них до ручья минут пять хорошей скачки.

– Валентин, что вы знаете об этих кольцах? Что там внутри?

– Должно быть просто ровное место.

Ровное место... Где вполне поместятся и две, и три сотни легкоконных, состязаться с которыми могут люди Баваара, но никак не драгуны. Ладно, вначале надо убедиться, что там

вообще кто-то есть.

Берк тоже так думал. Помолчали, пока от командира эскадрона, отправленного прочесать коварную рощицу, не прискакал гонец: полтора десятка конных ушли на ту сторону ручья и дальше, к холмам. Подковы – дриксенские, размер небольшой. Явно не тяжелая кавалерия и вряд ли драгуны, у тех лошади тоже покрупнее будут.

– Действительно легкоконные, – пробурчал Жермон.

Берк пожал плечами. Дескать, раз тут генерал, его дело полковничье – исполнять. Стоявший тут же Рёдер угрюмо разглядывал варитскую древность, похоже, вспоминал об оставленном, несмотря на все комендантские возражения, форте.

– Рёдер, что скажете?

– Надо проверить. Если они там и впрямь засели, мы их выбьем. Это им не Печальный Язык.

Хочет отыграться, бедняга. А кто не хочет?

– Взглянуть, конечно, надо, но очень не хочется задерживаться.

– Дриksы могут быть просто дозором, – предположил Берк. – Обнаружили врага и несутся к своим с докладом.

– Вполне возможно. Что ж, господа... Терять время и топтаться на месте не будем. Всех драгун немедленно к ручью. Берк, подтягивайте пехоту туда же. До темноты далеко. Нужно и с курганами выяснить, и успеть убраться.

2

Едва первый батальон пехоты дошел до ручья, Жермон отправил на тот берег все три эскадрона. Драгуны развернулись в боевой порядок, прикрывая переправу, разведчики Баваара выдвинулись дальше, в сторону курганов. Неторопливо и осмотрительно, как капитан и обещал. Через полчаса к ручью подтянулись все, включая маленький обоз и теперь немногочисленную артиллерию. Жермон еще раз огляделся – залитая желтым вечерним светом равнина была пуста, никаких подозрительных движений, никаких точек и пятен на горизонте. Если враг и есть, то он рядом, за древними насыпями. Посылать Баваара под возможные выстрелы не хотелось, людей и так немного, а разведчики сейчас ценны вдвойне, если не втройне.

– Берк, переводите пехоту. Всем приготовиться к бою. Валентин, останетесь со мной.

– Слушаюсь.

Арно стал бы спорить и рваться вперед, этот же только шляпу поправил. Мы начальству не перечим, просто все выворачиваем по-своему.

– Валентин, где вы видели такие могильники?

– На гравюре в одной книге, но там они выглядели только что насыпанными.

– Это, часом, был не Павсаний?

– Нет, Фелипе Рафиано. Он писал, что курганные кольца остались от древних варитов, но их предназначение в точности не известно. Это в равной степени могут быть могильники, насыпи, сделанные в память тех, кто погиб на чужбине, или что-то связанное с еще седоземельскими верованиями. Курганные кольца всегда насыпали недалеко от реки или хотя бы ручья. В Дриксен и Гаунау таких мест довольно много, хотя после принятия эсператизма насыпи одно время срывали, но на южном берегу Хербсте они – редкость. К своему стыду, про это кольцо я даже не слышал.

– А я и не про это не слышал, – рассмеялся Ариго и вновь с наслаждением выздоравливающего прижал к глазу трубу.

Пехотинцы уже переходили ручей по колено, а то и по пояс в воде, выбирались на тот берег, строились по обеим сторонам от места переправы. До заката переберутся все. Любопытно будет взглянуть с насыпи на заходящее солнце, да и место для лагеря лучше не придумать. Если, конечно, его не успели занять...

Как оказалось, успели. Почему командир «гусей» решил атаковать именно сейчас,

почему он вообще решил атаковать, Жермон так и не понял, но это произошло. Сначала стало видно, как спешно разворачивают коней люди Баваара, потом из ложбин между курганами выплеснулись всадники. Несколько десятков. Это было лишь началом, из-за крайнего холма выскочили еще с пару сотен дриков и с гиком погнали коней на изготовившихся к стрельбе драгун.

– Эх, – не выдержал Рёдер, – если б успели переправить пушки!..

– И так обойдутся. – Берк принялся нашаривать несуществующую трубу, вспомнил, где она, и немедленно сделал вид, что ищет что-то в кармане. Жермон усмехнулся, но трубу не отдал, все и так шло неплохо. Так неплохо, что старшие воинские начальники могли просто смотреть и получать удовольствие.

Капитан Зантола, командовавший первым батальоном, соображал быстро, его мушкетеры бегом кинулись вперед, подпирая драгунский строй. Громыкнул слитный, мощный залп. Рановато, еще бы шагов тридцать, но помогло и это. Вражеская конница раздалась в обе стороны и отвернула, тут же с дриксенской стороны затрещали ответные выстрелы.

Жермон повел присвоенной трубой. Темных тел на яркой, испятнанной цветами траве осталось гораздо больше, чем он ожидал, правда, большинство конских. Оставшиеся без лошадей всадники, кто был в состоянии, поднимались, им на помощь спешили товарищи, подхватывали к себе и увозили. На знакомых темных мундирах мелькало что-то оранжевое и белое... «Забияки»... Легкоконные. Встречаться с ними Жермону еще не доводилось, но Людвиг отзывался о них неплохо. Вот и познакомились.

Второй залп. Теперь вперед пошли драгуны. «Забияки» боя не приняли, дали несколько выстрелов и унеслись в обход курганов. Догонять никто не пытался, но разведчики тут же отправились следом, стараясь не упускать отбывающих из вида.

– Ну и зачем все это представление? – недовольно буркнул Берк. – Потеряли где-то... С десяток, не меньше. У нас хорошо если половину от того. Чего хотели-то?

– А кошки их знают! – отмахнулся Ариго. – Пусть Зантола проверит тела... Может, второпях кого из раненых оставили. Хотелось бы поговорить.

– Проверим... Мой генерал, пехота переправилась полностью. Нам тоже пора, но для носилок вода стоит слишком высоко.

Леворукий, как же неохота возвращаться в эту несчастную повозку... Ничего, завтра он попробует встать, и пусть этот коновал вякнет хоть слово!

– Высоко так высоко. Я топиться не собираюсь.

3

Одного из дриков, получившего пулю в бок и при падении сломавшего спину, добил Баваар, не забыв при этом прикончить и покалеченных коней. Еще один «забияка» отделался вывихнутой ногой и разбитым лицом. Говорить он мог и отнюдь не стремился принять смерть за кесаря и великую Дриксен. Правда, сам оказался каданцем. Таких наемников в легкоконных полках кесарии хватало: почему-то сами дриксены были мало расположены к подобной службе.

Жермон смотрел на опухшую физиономию и понимал, что нужно поручить пленного Берку и попросить помощи если не у лекаря, то у Валентина, но отчего-то хрипло велел пленнику назваться. Тот не понял, Валентин повторил вопрос на дриксен, и Жермон почувствовал себя дураком. Пленник смотрел на генерала словно из-под воды. Начни он запирается, Ариго отдал бы его Берку с Бавааром, но каданец заговорил.

– Капрал Медоуз, – довольно бодро сообщил он и по собственному почину добавил: – Три года в Южной армии его величества Готфрида... Еще бы год, и домой!

– Что тут делали «Забияки»? – В другую войну и в другом состоянии Жермон каданцу даже посочувствовал бы, но сейчас пошли другие ставки.

– На разведку ходили, – не стал скрытничать Медоуз. – Тому четыре дня, как

фрошеры... то есть ваши, с тыла врезали по корпусу фок Ахтентаннена... Он вроде как в сторону намылился, чтобы фро... обойти ваших. Ну, ему похлебку-то и расплескали, и тут такое началось... Холку-то всем «сам» мылил, вот они и заскакали. Наш аж целый полк во все стороны разогнал, чтоб ненароком на кого не нарваться.

– Кто «ваш»? – Жермон спросил на дриксен, и капрал от удивления выпучил заплывающий глаз.

– Генерал наш... Фок Бингауэр.

– Чем закончился прорыв?

Неподдельное восхищение в глазах Берка и Рёдера. Не прошло и недели, как полковники поверили, что Бруно с основными силами перешел-таки Хербсте. Приятно, Леворукий побери, но лучше было бы, торчи дрикссы у Печального Языка и поныне.

– Берк, Баваар, дальше сами. Я устал.

– Мой ген...

– Я просил вас вести допрос, а не подменять лекаря!

Теперь пленный смотрел не просто из-под воды, а из-под воды, в которую раз за разом бросали камни, и Жермон, откинувшись на подушку, прикрыл глаза. Пришел вечер, а с ним и жар, но капрал отвечал, а генерал слушал. Как ни странно, все понимая.

Талигойцы? Медоуз в том бою не участвовал, но вроде бы они прорвались и ушли на соединение со своими основными силами. Там как раз должно было состояться сражение, чем оно кончилось, неизвестно. «Забияки» уже три дня по полям болтаются и новостей не знают. Вообще-то пора было возвращаться, припасы кончались, но решили заночевать, уж больно место хорошее, а вернешься раньше времени, опять куда-нибудь погонят. С Бингауэра станется, любит, чтоб все бегали, даже если без толку...

Зачем вообще атаковали? Нет, конечно, они видели, что тут ничего не светит, но уйти просто так? Да капитан Штурриш скорей на себе своего коня повезет, чем совсем без драки уйдет. Хоть пару выстрелов, а сделать надо, иначе никак... А что не повезло кой-кому, и ему тоже – так дело обычное. Они ж не пивовары и не ткачи. Жаль, конечно, что он так не вовремя башкой приложился, вот ребята и бросили, посчиталидохлым. Теперь в его память вечером выпьют и деньги разделят. Денег жалко, но когда за живого пьют, как за мертвого, хорошая примета... Главное, до вечера дожить.

Это начинало надоедать, и Жермон заставил себя поднять тяжеленную руку и махнуть – уводите. Разумеется, каданское трепло доживет до вечера. И до встречи с фок Варзов доживет... Проклятье, успел ли Ансел к Вольфгангу и чем оно вообще там закончилось, это сражение?

– Уснул? – Берк искренне полагал, что шепчет.

– Нет, – откликнулся от изголовья Валентин. – Пусть согреют вина...

– Пусть согреют всем, – уточнил Жермон и понял, что Придд не просто сидит на телеге, а подпирает готовую свалиться подушку. – Час на ужин, и вперед... Нечего ждать, когда эти «забияки» наведут на нас целый корпус.

Глава 6

Талиг. Оллария. Кольцо Эрнани *400 год К.С. 2-й день Весенних Молний*

1

– Подумать только, – Левий задумчиво поворошил щипцами раскаленный песок, – я могу готовить шадди с морисскими специями и не озиаться по сторонам. На меня больше некуда доносить, но это словно бы отбивает часть аромата. Неужели вне запретов наша жизнь блекнет? Или мне жаль тех, кого я всю жизнь считал, нет, не врагами, враг – это слишком личное... Я полагал «Истину» и «Чистоту» дурной болезнью, поразившей Церковь

и через нее паству, но лекарство оказалось слишком сильным. Однако получилось недурно! Я о шадди. Пейте.

Робер отпил. Отчего-то вспомнилось, как почти пять месяцев назад он пил налитое Альдо кэналлийское. В тот день окончательно прояснилось с Надором и Роксли. С Айрис и Реджинальдом. До этого еще оставалась надежда, но Катари подметила верно: в Талиге слухи до безобразия правдивы.

– До сих пор не верится, – пробормотал Эпинэ. Не об Агарисе – об Айри.

– А вот я поверил сразу. – Левий смотрел в чашечку, словно читал по шадди будущее.

– Сразу? – переспросил Робер, вспоминая высокие колокольни и крики торговков. Города как люди, не видишь мертвыми – остаются живыми.

– Сразу. Для вас это не довод, но конклав переполнил чашу терпения Создателя уже давно. Не знаю, что стало последней каплей – подмена святой воды отравой или погромы, но расплата не могла не прийти. Другое дело, что новость перестала быть первостепенной, прежде чем достигла Кольца Эрнани. Мы не могли ничего изменить в судьбе уже сожженного Агариса, а его сожжение ничего не меняет для нас. Разумеется, оставайся на троне Альдо Ракан, нам пришлось бы туго...

Кардинал не договорил. Он сожалел, не мог не сожалеть о тех, кто столько лет был его собратьями. Даже если ненавидел, они слишком долго были рядом. Страшная все-таки вещь этот Шар Судеб! Катится себе и катится, то в одну сторону, то в другую, и путь его неисповедим. Увязавшиеся за Альдо дураки думали, что бегут к корыту, а бежали от одной смерти к другой. Из Агариса в Дору.

– Чудовищно... – Иноходец отвернулся к окну: на подоконнике сидела кошка и смотрела на жизнь. У судьбы кошачий взгляд, никто другой не смотрит так всезнающе и так равнодушно.

– Чудовищно? – переспросил кардинал, помешивая шадди. – Что именно?

– Ошибиться... Особенно если выбираешь не за себя.

– Несомненно, – согласился Левий, – но едва ли не всякий выбор, свершившись, кажется ошибкой.

Клирик улыбнулся, Робер не смог – вспоминал Хогберда. Умный барон не двигался с места и прожил на зиму дольше «Каглиона» и Кавендиша. Впрочем, с пегобородого проныры сталось бы почуть неладное и убраться, а вот гоганы с их трактирами и складами не послушали Енниоля. Если тот, конечно, добрался... Что сделали мориски с пережившими погромы? Дорезали или ничего, то есть ничего, кроме обычного грабежа?

– Потомки станут сожалеть о храмах и статуях, но вряд ли о людях. – Кардинал поставил чашечку с прошлым на поднос. – Агарис был по-настоящему красив, хотя не думаю, что вы это заметили. Вы не любили этот город, и не заставляйте себя о нем сожалеть. Не знаю, что вело морисков, но разрушать ради разрушения они никогда не стремились. Это в большей степени свойственно нам.

Робер вспомнил усыпальницу Франциска и промолчал. Кардинал разлил остававшееся в варочном сосуде и привычно поправил орденский знак.

– Не будь войны, нам следовало бы собраться... Я имею в виду уцелевших князей церкви. Увы, избрать Эсператора сейчас невозможно. Оставшись без Агариса, мои собратья окончательно вцепятся в правителей земных и станут их тенью. Даже если мы встретимся, это ничего не даст: говорить станут не слуги Создателя, но Гайифа, Дриксен, Агария, Талиг... Такой разговор обретет смысл лишь после чьей-нибудь победы или хотя бы наступления определенности. Без этого Золотого Договора не возродить и нового Эсператора не избрать. О чем вы задумались?

– Наверное, о судьбе. Альдо и Борны погибли. Матильда с Дугласом исчезли, я – жив и все еще здесь... Что бы было, останься мы все в Агарисе?

– Я советовал бы вам думать о том, что происходит теперь. Знаете притчу о двух купцах?

– Нет.

– Они собирались... Ну, допустим, из Агариса в Нухут. Первый настаивал на сухопутной дороге, опасаясь корсаров, второй, дорожа временем, предпочитал плавание. С соответствующей охраной, разумеется. Дело кончилось ссорой, и каждый поступил по-своему. Тот, кто опасался морисков, отправился посуху, но в Кагете началась междоусобица, и многие казароны сочли ее прекрасным поводом для грабежа. Осторожный попал в засаду и был смертельно ранен. Его последней мыслью стало сожаление о том, что он не послушал друга. Другу же повезло избежать встречи с корсарами, зато началась буря, и корабль был разбит. Идя на дно, нетерпеливый думал о том, что следовало бы отправиться посуху. Ах да, я забыл про третьего, осудившего как первого, так и второго. Этот остался в Агарисе, и вскоре ему тоже стало о чем сожалеть... О недеянии. Мы все о чем-то сожалеем, но это худшее из сожалений. Вы говорили, что подобрали вашу крысу в ночь, когда ушли ее сородичи?

– Да. Клемент был совсем малышом.

– Клемент? – Его высокопреосвященство прищелкнул языком. – Дело прошлое, но ваш голохвостый друг имел все основания оскорбиться. Не знаю, кто сделал Агарис невыносимым для крыс и шадов, но «Истина» и «Чистота» долго играли со змеями. Правда, от безумия магнуса Клемента до нашествия прошло слишком много времени, чтобы смотреть на них как на причину и следствие.

Безумие астролога, безумие «истинников», сгоревшая ара, ушедшие крысы, лошадиные страхи... Неужели морисков вело нечто, ведомое зверям и звездам, но не людям? Не обычным людям.

– Магнус Клемент обещал помочь Альдо.

– Он много чего обещал, – поморщился Левий, – и, хуже того, делал. И не только он. Адриан сдерживал конклав, пока мог... Эсперадор хотел мира в Золотых землях. Любой ценой. Вы его не знали, но поверьте на слово – Адриан был отважным человеком. Я поставил бы рядом с ним лишь герцога Алва. Мне все чаще кажется, что у болезни обоих, как и у мужества, один и тот же источник и один и тот же предел. Жаль, я узнал Алву слишком поздно, да и собеседниками мы оказались дурными. Следовало вести себя откровенней, по крайней мере мне. Вам ведь случалось говорить с Вороном?

– Очень мало. Во сне я встречал его чаще...

– Он вас, судя по тому, что мы слышали в суде, тоже. К сожалению, это нам ничего не дает, разве что Алва сообщит вам, куда он отправился.

– Ваше высокопреосвященство, я больше не вижу снов. Никаких.

2

За окном мокли кусты, крыши и лошади, но ехать все равно хотелось, потому что не хотелось сидеть у огня. Тем более с Лизой на коленях... Или не Лизой? Марселю начинало казаться, что в каждой гостинице его подстерегает Лиза с прозрачными глазками, хорошеньким ротиком и пустой головкой. Увы, лизы напоминали о Франческе, а кролик в белом соусе и гроза за стеклами – о Котике, Валтазаре, матерьялистах и прочих глупостях, без которых смертельно скучно даже в хорошем трактире с отменным собутыльником и услужливыми девицами.

– Здесь отличные соусы, – с вызовом бросил Марсель, – и суп с клецками тоже, но никакого вдохновения! С утра не могу закончить сонет...

– Случается. – Алва отвлекся от созерцания пузырящихся луж и тоже перебрался к столу. – Когда уделяешь кому-то или чему-то слишком много времени, кто-то или что-то начинает капризничать. Потакать чужим капризам следует только для собственного удовольствия. Если его нет, надо поставить капризника на место или вышвырнуть.

Подлетел трактирщик, наполнил стаканы и отлетел. Валме уныло отхлебнул красного и едва не поправил пузо, но пузо тоже осталось в Оллarii.

– Послать капризы к кошкам, – пробормотал Марсель, – усевшись у окошка, смотреть

на дождь и крошки, страдая понемножку... Нет, не могу! Рокэ, я болен. Я не наслаждаюсь отличной кухней и чистыми простынями, меня тянет в дорогу, в грязь, под дождь, на войну. Что скажет батюшка?..

– Что ты слегка возмужал и тебя одолела жажда деятельности. – Алва был здоров, спокоен и почти будничен. – Научишься радоваться хорошему соусу, хорошей проделке и хорошей переделке по отдельности – и возмужаешь окончательно. Тогда граф Бертрам сможет отправиться в Закат, не опасаясь за графство и цветы.

– В астры я запущу козу, – с усилием пообещал Валме. – Бакранскую. Белую и грустную. Она будет грустно жевать цветы и вспоминать горы, в которых осталось ее сердце и ее козлы, а ей достались чужое небо, невкусные астры и печаль, печаль, печаль...

– Очень распространенный случай печали, – задумчиво протянул Ворон. – Дидериховой. Коза могла бы ее избежать, вернувшись на родину и разгребая снег в поисках травки. И уж тем более она не стала бы грустить, доставшись волку или угодив на вертел. Жаркое бывает дурным, но не печальным.

– Я не могу послать даме сонет о козе, – возмутился Марсель. – И я не могу высушить эту весну. Ты грозишься упасть в обморок под очередным столбом и все не падаешь. Может, вообще не упадешь, а у меня собака в Оллари, Давенпорт – у Савиньяка, Елена – в тревоге. Где утреннее чудище, я и сам не знаю, а рэй Кальперадо, между прочим, твой порученец...

– Справедливо. – Алва поправил шейный платок и внезапно усмехнулся. – Я пришел к сходным выводам. Мне не хватает определенности, тебе – рифм и войны, значит, пора поворачивать.

– Мы могли быть на полпути к Придде, – сварливо напомнил Марсель, – там такие же столбы, а забрались едва ли не к дожам.

– Разумеется, – теперь Ворон почти смеялся, – ведь мы едем навещать знакомых дам. Сперва многих, потом – одну, я оставил ее в горах.

– А где ты их не оставил? Но разве это повод для возвращения?

– Это не возвращенье, это просто дорога. Что за сонет у тебя не выходит?

– *Твоя обитель святостью горда*, – продекламировал, оживая на глазах, виконт.

Я видел: небеса над ней так ясны,
Но жизнь меня влечет светло и властно,
И пусть бегут презренные года!

Мне не заметить Первого суда
Средь поединков и объятий страстных,
И лишь намеком, смутным и опасным,
Меня смущает память иногда.

Мечта, виденье, сон о дальнем лете...
Причудливы воспоминанья эти,
Как винных лоз изысканный изгиб.

Я помню парк, исполненный загадок,
Где аромат цветов печально сладок...

– И все, хоть тресни. Что в этом парке еще, ума не приложу!

– Повтори последние две строчки.

– *Я помню парк, исполненный загадок*, – послушно повторил Марсель в предвкушении чего-то вроде скрипок Гроссфихтенбаума, – *где аромат цветов печально сладок*...

– *Я не был там*, – негромко закончил Ворон. – *Нет – был... Я там погиб*.

Катари занята с Инголсом и Карвалем. Опять занята, и опять с ними! Дженнифер Рокслей смотрела с сочувствием, но выставить из кабинета королевы зарвавшегося законника и еще более зарвавшегося коротышку придворная дама не могла.

– Вы могли бы подождать в свитской гостиной, – внезапно предложила вдова маршала Генри. – Конечно, это нарушение этикета, но ее величество не слишком строга, когда речь заходит о близких и их друзьях, а вам у нас будет удобней.

Ричард с благодарностью согласился: в Парадной приемной толпилось слишком много народа.

– Нам придется пройти мимо комнат Мевена и спуститься в Весенний садик, – объяснила графиня.

Название показалось неприятным, но неприятные названия лучше неприятных лиц, а их у королевских дверей хватало. Все, кто хоть раз бывал в Ариго, набивались к Катари чуть ли не в родичи. Толкаться среди настоящих и мнимых чесночников не хотелось, говорить с ними – тем более.

– Осторожно, здесь ступеньки. – Дженнифер подобрала черную с багряной оторочкой юбку. – И еще раз осторожно. Эта калитка для камеристок, а не для высоких кавалеров.

Ричард послушно пригнулся, внезапно вспомнив и калитку, и давнишний весенний день. Они с эром Августом шли тем же полным сирени и гиацинтов садиком... Штанцлер знал, где можно найти Ворона, и Дикон его нашел. В будуаре Катари.

Каким мальчишкой он тогда был, глупым влюбленным мальчишкой, не понимавшим очевидного! Вообразить, что Катари любит Алву... Вообразить, что Алва ненавидит Катари...

– ...а вы любите сирень? – Госпожа Рокслей была слишком хорошо воспитана, чтобы молчать, сопровождая гостя, а гость утонул в дурных воспоминаниях. Нужно учиться забывать.

– Я люблю сирень, – поспешно сказал юноша, соображая, уместно ли сорвать ветку и вручить спутнице, – а вы?

– Очень, – улыбнулась женщина, – ведь это мой цветок. Я родилась в пору цветения сирени. Мой супруг, когда делал мне предложение, сказал, что сирень в моих глазах цветет даже зимой. Возможно, потому я и согласилась стать графиней Рокслей, хотя могла бы стать маркизой, а возможно, и герцогиней... Наш союз удивлял многих, ведь Генри трудно было назвать обольстительным кавалером. Правда, он был меня много старше. Юных девушек это привлекает, им кажется, что зрелый мужчина знает множество тайн. Это потом понимаешь, что молодость, мужская молодость, мудрей зрелости, потому что не боится нежности и не кичится тем, что нам не важно... Нам, женщинам, которые любят не за чины, не за титулы и уж тем более не за лысины и выпитые бутылки. Я, наверное, пугаю вас своей откровенностью, но сирень очень откровенна, недаром листочки у нее напоминают сердце.

– Ее величество ценит откровенность, – поддержал странный разговор Дикон, – и очень ценит вас.

– Она об этом говорила? – Графиня подняла брови и наклонила к себе тяжелую от розоватых свечей ветку. – Я слегка удивлена. Ее величество так дорожит обществом баронессы Капуль-Гизайль... Конечно, та по-своему забавна и великолепно одевается, но я рада, что моя дочь младше обеих принцесс и еще не скоро сможет подавать ее величеству ноты. Мне бы хотелось, чтобы моя крошка узнала о существовании подобных баронессе женщин как можно позже... Вы больше любите белую сирень или темную?

– Я избегаю лилового цвета, сударыня. – Святой Алан, о чем Катари говорит с Марианной и что баронесса рассказывает Катари?! – Он напоминает о предательстве.

– Но разве может предать цветок? Он может всего лишь завянуть от недостатка влаги, а сердце, женское сердце, вянет от недостатка любви. Клирики учат находить утешение в молитвах и делах, но это для репы и шпината, а не для сирени и гиацинтов...

– Как вы сказали? – Какой же он глупец! Вдова Рокслея не станет размениваться на

пустую болтовню, она передает слова Катари. Королева и регент не вправе быть искренней с мужчиной, но почему бы не сделать своим голосом вдову из дома Скал?! Из дома Эгмонта, некогда покорившего юную королеву?

С опытом, со страшным опытом, к Катари пришло понимание другой любви... Похожей, но другой, сменившей девичьи грезы о святом Алане.

– Как я сказала? – переспросила Дженнифер Рокслей. – Я уже забыла, и вы забудьте.

– Никогда! – твердо сказал Ричард, сожалея лишь о том, что не способен писать лучше Веннена. – Гиацинтам нужна... влага, а сердцу – любовь. Передайте ее величеству, я...

Что знает графиня? Насколько можно быть с ней откровенным? Рокслей не способны на предательство, но Дженнифер – Рокслей лишь по мужу.

– Я не стану ничего передавать. – Графиня тихонько рассмеялась. – Вы пришли по делу, значит, аудиенция не заставит себя ждать. Какое счастье, что я не регент и могу думать, о чем хочу или о... ком?

Она знает все, то есть все нынешнее. Катари ни с кем не станет делиться былыми страданиями, но о теперешней любви она рассказала... Или проговорила. Ее величество так и не научилась лгать, и она слишком устала от одиночества, от приставленных к ней шпионов. Теперь Катари не боится слежки, ведь рядом те, чья верность прошла испытание. Дженнифер Рокслей одна из них.

– Эрза... Эрза Дженнифер, моей признательности... Я понимаю, Катари... Ее величество не может сейчас думать о... себе, но это не будет длиться вечно, а я... Я в самом деле молод, а Скалы ждут долго, столько, сколько нужно!

– Дай Создатель им дождаться, – неожиданно резко сказала графиня. – Идемте, мы и так задержались. Негоже, если к ее величеству прежде вас проникнет какой-нибудь поставщик или посол.

Они торопились не зря: Дикон едва успел отвесить поклон расположившимся в свитской гостиной дамам, как раздался звонок. Толстуха Мэтьюс бросилась на зов. Сквозь дверной проем Ричард увидел прихожую и ставшую малиновой Малую приемную, из которой по-прежнему вело четыре двери. Толстуха нырнула в дальнюю и тотчас возникла снова.

– Мой герцог, – возвестила она, – пройдите в Музыкальный кабинет. Вас ждут, но их величество расстроены и устали, а к четверем прибудет посол Алата. Будьте великодушны.

– Я не отниму много времени, – заверил Дикон и бросился на зов. Мелькнули золотые ласточки. Урготской купчихе не видать талигойской короны как своих ушей! Королевой Талига должна быть истинная эрза – нежная, гордая, чистая...

– Моя королева! – Юноша ловко опустил на одно колено. Он хотел бы коснуться губами чуть видневшейся из-под черного бархата туфельки, но у окна смешивал тинктуру врач, а в углу перебирал четки мерзавец Пьетро.

Глава 7 Восточная Гаунау 400 год К.С. 8-й день Весенних Молний

1

Маршальская кавалькада неторопливо рысила вдоль дороги, обгоняя артиллерийские запряжки и устало шагающих пехотинцев. Лионель вел своих людей на север, удаляясь от границы с Бергмарк и уводя за собой сорокатысячную армию Хайнриха. Удививший всех отказ от охоты за одиноким корпусом вкупе с принесенной «фульгатами» к вечеру вестью о появлении Хайнриха заставили капралов и сержантов значительным шепотом объяснять молодняку, что «наш знает». А «медведей» все равно потрепали. Пусть не корпус, но внушительный отряд с приятным и крайне своевременным обозом. Резервы из озерной

Гаунау до Хайнриха не добрались, но собственные планы Савиньяк тоже изменил.

Идти сейчас на юг было рискованно, противник оказывался слишком близко. Уходить назад, в Кадану, Лионель считал опасным. Не для себя, для регента и фок Варзов, получавших вместо бергерской помощи разозленного Хайнриха и собранную в кулак и рвущуюся отплатить фрошерам за два разгрома армию. Лионель расспросил «фульгатов», перемигнувшись с портретом его величества и двинул на север, стараясь как можно больше опередить врага.

В Хайнрихе маршал не сомневался. Присутствие чужой армии в глубине страны, чего не случалось со времен Двадцатилетней войны, вынуждало и без того решительного короля к действиям. «Медведь» настойчиво преследовал «олень», но олень – создание резвое. Сумев в самом начале оторваться на два дневных перехода, Лионель не позволял гаунау сократить расстояние, вот только бесконечно идти не получится, рано или поздно нужно остановиться и дать людям отдых. Хотя бы на день...

– Осмотримся, господа.

Серый в яблоках мориск легко взбежал на небольшой пригорок и с явной неохотой остановился. Он, в отличие от топавших мимо солдат, был не прочь размяться. Это людям мерещился отдых, костер, на костре – котел с булькающей похлебкой, возможность сесть и вытянуть натруженные ноги.

– Нужна дневка, – напомнил видевший то же Хеллинген. – Гаунау для этого достаточно далеко.

– Завтра. Сперва надо перейти Штиглиц. – Маршал с удовольствием обвел взглядом умытые недавним дождем окрестности. Восточная Гаунау по сравнению с Южной, которая мало отличалась от бергерской Торки, была провинцией равнинной, хоть и не такой, как Эпинэ или Рафиано. Слишком много холмов, холмиков и всяких пригорков, густо заросших хвойным лесом, в котором изумительно пахло смолой. Савиньяку нравился этот запах, нравились и сами сосны – высокие, стройные, гордые. Боры Гаунау были прекрасны, но своей пригодностью для засад изрядно раздражали Реддинга и приданных ему в помощь драгун.

Сейчас лес был только справа от дороги, слева тянулись зеленеющие луга. Слева же, впереди, там, где гряда холмов почти вплотную приближалась к тракту, виднелись крыши то ли маленького городка, то ли большой деревни, на карте помеченной как Гемутлих и стоявшей на перекрестье двух дорог – большой, по которой сейчас шли талигойцы, и какой-то узкой, местной. Будь Гемутлих хорны на четыре подальше, в ней можно было бы заночевать, а так придется проводить ночь в поле. Или в лесу, если он там будет.

– И все-таки, – вернулся к утреннему разговору Айхенвальд, – мы неоправданно отдаляемся от перевалов. Это становится опасным.

– Это стало опасным уже у Грогге, – маршал ласково потрепал Грато по шее, – но вы правы. Дальше Штиглицвиндунг мы не пойдем. Мне нравится этот город. Отсутствие стен, три дороги, каменный мост, который Эрмали придется взорвать. Конечно, горожане будут недовольны, но что поделать...

– Пока Хайнрих доберется до другого моста, мы отдохнем и все-таки повернем на юг. – Бергер был откровенно доволен.

– Или на юго-запад. Подумайте над этим и над возможными маршрутами. Прорваться сразу в Ноймаринен было бы лучшим выходом для всех, кроме Бруно... Стойте!

От Гемутлих галопом летела пара всадников, до них было еще далеко, и Лионель потянулся за трубой. Давенпорт и какой-то «фульгат»... Ничего хорошего подобная спешка не сулила, и маршал тронул Грато – дурные новости лучше узнавать быстро.

– Мой маршал, от полковника Реддинга. С запада подходят гаунау. Будут здесь через пару часов.

– Где Реддинг?

– Поскакал навстречу «медведям». Мы встретили эскадрон егерей, атаковали их вместе с людьми Лебенслюстига и отогнали. Полковник остался следить за противником.

– Посчитать их смогли? Хотя бы примерно?

– Господин полковник не берется утверждать сколько-нибудь точно. Слишком далеко. На первый взгляд, не меньше двух полков.

– Только что двум полкам тут делать? – Мениго выглядел недовольным, не более того.

– Больше их.

– Согласен. Хеллинген, авангард уже прошел Гемутлих?

– Давно. Сейчас надорские идут.

– Сэц-Алан, карту!

– Когда-то везти перестает даже Леворукому, – философски заметил Хеллинген. Он не был в претензии, напротив, выражал понимание.

Маршал Савиньяк смерил начальника штаба слегка удивленным взглядом.

– Из чего вы сделали вывод, что нам везло? Если повар не ворует яйца и сало, знает, как готовить яичницу, и не отвлекается, когда ее жарит, вы тоже будете настаивать, что ему везет? Я соглашусь, что нам повезло с Фридрихом, но наше везение уравнивается невезением фок Варзов, которому достался Бруно.

– «Медведь» не хуже «гуся», – вступился за честь Гаунау Мениго, – и пока он нас не съел, но пора выбирать.

– Выберемся, – успокоил позабывший о перевалах Айхенвальд. – Хоть два, хоть четыре пехотных полка нас здесь никак не задержат, но что им нужно? Хотят привлечь к себе внимание, заставить остановиться и атаковать?

– Наивно, на Хайнриха не похоже. А вот если Жирный ухитрился найти более короткую дорогу и переправиться через реку ниже...

– На карте ничего нет...

– Он у себя дома, господа, – напомнил, не отрываясь от карты, Савиньяк, – и проводников найти ему гораздо легче. Нашел. Ему указали проход через вот эти леса, он переправился. Вышел на поперечную дорогу и теперь спешит нам наперехват. Всей своей армией, ну, или большей ее частью. Вот был бы подарок... Хорошо, что «фульгаты» так внимательны, будем считать, что немного времени у нас есть. Сэц-Алан, отправляйтесь к Эрмали и арьергарду. Всем ускорить движение. Давенпорт, Лецке, скачите вперед, по всей колонне. Тем, кто не дошел до перекрестка, прибавить ходу. Тем, кто уже его прошел, остановиться. Хейла, Фажетти – ко мне. Капрал, немедленно назад, к Реддингу. Мне нужно точно знать, это отдельный отряд или нет. Я буду в Гемутлих, найдете меня там.

Золотые от солнца вершины сосен, такие мирные крыши чужого городишки, зеленеющий луг... Принимать бой? Здесь? Стоя на дороге, спиной к лесу? На пропитанном водой лугу, где всадники Хейла смогут передвигаться только шагом? Неудачно, очень неудачно.

Маршал успокоил начавшего заводиться мориска – чувствует, безобразник, все чувствует! – и легким галопом поскакал к Гемутлих.

3

Батальоны на дороге уже не брели, а торопливо шагали, подбадриваемые резкими выкриками командиров, тревога волной пробежалась вдоль колонн и как будто бы смыла усталость.

Давенпорт гнал коня вперед, к авангарду. Мысли были тревожнее некуда. Савиньяк не ждал Хайнриха, как Фридрих не ждал Савиньяка. Как же все ржали, когда гаунаского короля всунули в рамку с лебедями, но он от этого глупее не стал. Когда над противником смеются солдаты, это хорошо, но генералам и маршалам до конца кампании лучше помалкивать. Слишком уж весело и удачно все складывалось после Ор-Гаролис, вот и

нарвались. Дразнить судьбу вообще глупо, а уж забравшись в чужую берлогу...

Перекресток остался позади, как и пехота Лейдлора, дальше идут эскадроны драгун. А вот и Хейл с Фажетти. На обочине, смотрят назад... Уже поняли: что-то случилось.

– Чарльз, в чем дело?

– Гаунау. – Как все-таки просто докладывать отцу Бэзила. – Подходят из-за деревни. Сколько их, пока не ясно. Маршал приказал авангарду остановиться, а вам прибыть к нему. Сам он в деревне, ждет донесений от Реддинга.

– Понятно. Марций, это неспроста. Я собираю свои эскадроны?

– Само собой. Светлых часов осталось не так уж много, но Хайнрих не Фридрих.

Хайнрих не Фридрих... Сколько раз это сегодня сказано, сколько еще скажут?

– Давенпорт, передайте, мы все поняли и сейчас прибудем.

Снова галопом. За спиной господ генералы вовсю раздают приказания, рассылая уже своих порученцев. Сейчас бы к Реддингу, но вернуться к «Закатным тварям» выйдет вряд ли. Жаль, но с приказами, с *такими* приказами спорят только корнеты.

– Эге-гей!.. Давенпорт!

Капитан-артиллерист. Лицо знакомо по Ор-Гаролис, имя вылетело из головы напрочь.

– Рад вас видеть.

– Так я вам и поверил. «Медведи»?

– Они самые... Вопрос – сколько.

4

Это не отдельный отряд. Если и не вся армия, то никак не меньше половины, и прут не останавливаясь... А ведь, казалось бы, как берегся, памятуя про неудачу маршала Рокслея у Малетты. И все равно чуть не попался! Да, Ли, бергерам встреча с таким «медведем» сейчас точно не ко времени. Значит, ты будешь продолжать дразнить «бурое» величество. Сколько сможешь.

Конский топот. Хейл с Фажетти, последние... Господа генералы в сборе, и кому-то придется выбивать для остальных несколько важных часов. Пехота, если и продержится до темноты, потом не уйдет, егеря все равно догонят...

– У нас нет времени на разговоры, господа. Согласно последнему донесению Реддинга, к нам подходят основные силы гаунау. Мы здесь не для того, чтобы героически погибнуть в неравном бою на плохо пригодной для обороны позиции, поэтому боя мы не примем. Оставим в деревне заслон, а сами уйдем вот этой дорогой как можно дальше. Генерал Хейл, ваша кавалерия, кроме драгун, немедленно уходит вперед. Айхенвальд, заворачивайте за ними свою пехоту. Дорога узкая и неудобная, проследите, чтобы не было беспорядка и путаницы.

На паре физиономий недовольство – еще бы, удирать самым постыдным образом, вместо того чтобы честно подраться. Остальные понимают. Особенно Эрмали.

– Господин маршал, обозы и артиллерия слишком растянулись.

– Подгоняйте. Полковник Стоунволл!

– Мой маршал...

– Томас, вы были недовольны Ор-Гаролис, теперь попробуйте обрадоваться. Я отдаю вам всех драгун и Вайспферта с его ветеранами. А еще у вас будет полно артиллерии. Эрмали, тащите все трофейные пушки, кроме самых легких. Сюда, сколько здесь можно установить, остальное – на перекресток. Как ни жаль бросать такое добро, они нас серьезно задержат, а так хоть польза будет.

Здесь луга, конечно, не болота, но маршировать по ним трудновато, так что главное – держать деревню и дорогу. «Медведи» могут пойти в обход – на здоровье, это займет ровно столько времени, сколько нам надо. Когда Хайнрих подтянет артиллерию и начнет обстрел Гемутлих, не упорствуйте. Пушки забивайте и бросайте, а сами отходите к перекрестку. Когда гаунау войдут в деревню, начинайте громить ее сами. Вам надо

продержаться до темноты. До темноты, и не более того! Потом оставите Хайнриху испорченные пушки, подберете пехоту и догоните нас.

– Мой маршал, можете на меня положиться. Пушками можно хорошо загромоздить дорогу... С вашего разрешения!

– Идите. Айхенвальд, «Старых псов» давайте сюда. Им придется как следует покусаться.

– Безусловно, господин маршал.

– Да, и отправьте несколько человек из тех, кто знает язык, по деревне. Пусть жители берут что могут и убираются. Все, господа. Сейчас самое важное – порядок в колоннах и быстрый поворот. Если мы устроим толкотню и давку, все усилия Стоунволла окажутся бессмысленными.

– Мой маршал!..

– Да, полковник?

– Мой маршал, мы можем вывезти пушки. И мы можем драться. Уходить – это позор! Если занять позицию за тем двойным пригорком...

– Хватит. Вы пока не Алва, чтобы в меня стрелять, и мы еще не проигрываем.

Глава 8

Талиг. Оллария. Дриксен. Фельсенбург 400 год К.С. 9-й день Весенних Молний

1

Фердинанд не покончил с собой: его придушили подушками и повесили. Пришедший в Багерлее вместе с Мореном гарнизонный капитан пережил бывшего начальника. Он так и ходил в помощниках коменданта, пока не получил тайный приказ, каковой и исполнил умело, тщательно и равнодушно.

Следов не осталось. Никто не видел, как убийца достает из тайника запасные ключи от нужного флигеля. Никто не знал, что они вообще существуют...

Капитан был предусмотрителен и не делал ничего необычного. Он ежедневно после полуночи обходил внутренние дворы, обошел и на этот раз. Спокойно пересек освещенную фонарем площадку, пожурил клюющего носом часового и отправился дальше, ни на миг не задержавшись у стоящего особняком домика. Разбуженный солдат запомнил, как помощник коменданта в привычный час проследовал привычной дорогой, чтобы с нее сойти, когда часовой, проводив взглядом начальство, сунет руку за пазуху, где таилась фляга. Неслышно повернулся ключ, приоткрылась ухоженная дверца. В конце коридора храпел еще один караульщик – его не опоили, он просто пригрелся в полутьме возле остывающей печки. Еще одна дверь, еще один спящий человек, на этот раз нужный... Теперь положить на лицо подушку и чуть придушить: бесчувственного «самоубийцу» проще поднять и перетащить под крюк. Несколько минут на то, чтобы закрепить веревку, повесить тяжелое, еще не мертвое тело, опрокинуть стул и проверить, не осталось ли следов. Не осталось. Теперь запереть двери и продолжить обход, распекая нерадивых солдат и перебрасываясь с дежурными офицерами замечаниями о погоде. Такая обычная ночь...

Мэтр Инголс был великим рассказчиком – нарисованная им картина стояла перед глазами и не желала меркнуть. Ночь смерти Фердинанда. Утро последней и окончательной смерти Альдо. Бывшего сюзерена, которого следовало пристрелить еще в Агарисе, когда затевалась варастьская резня.

– Я не понимаю, – с усилием выговорил Робер, – как вы сумели доказать?

Мэтр Инголс довольно усмехнулся и пощекотал кончиком пальца Клемента. Законник заслуженно гордился успехом, это Роберу было мутно.

– Мне не следовало спрашивать. У каждого искусства свои секреты.

– Несомненно, – Инголс смочил в вине корочку хлеба, припудрил сахаром и протянул его крысейшеству, – но этот секрет я вам раскрою. На случай, если ее величество пожелает узнать подробности, и на случай, если вам понадобится кого-нибудь тайно убить. В последнем лично я глубоко сомневаюсь.

– Я так уже убивал, – непонятно зачем признался Эпинэ.

– Очевидно, при подстрекательстве вашего покойного друга? – нетерпеливо угадал законник, ему явно хотелось продолжить рассказ. – Забудьте и слушайте дальше. Мне облегчило задачу старое знакомство с господином Пертом и его супругой. Очень достойная пара.

– Вы давно их знаете?

– Достаточно. Как адвокату, мне доводилось бывать в Багерлее. Перт принадлежит к тем, кто незаменим, когда все идет гладко, и четырежды незаменим, когда начинаются неприятности. К тому же он всецело предан...

– Своей тюрьме, – припомнил шутку Рокслея Робер.

– Нет, своему отечеству. Это случается и с тюремщиками. Перт пользовался заслуженным доверием Фердинанда. Накануне своей смерти последний просил оградить его от визитов герцога Окделла. Фердинанд с аппетитом поужинал и заказал на следующий день к обеду рыбу и пирог с творогом и черносливом. Совершенно очевидно, что он не собирался умирать и не желал смерти. Осмотр тела ничего не дал, вернее, подтвердил, что король умер в петле. Постель была разобрана, но не смята. Казалось, в ней вообще не спали, и это стало первой уликой. Слуги показали, что Фердинанд успел лечь, и он не стал бы перед смертью взбивать подушки и расправлять простыни. Это сделал убийца: излишне смятая постель могла навести на подозрения, а Фердинанд наверняка елозил руками, пытаясь вывернуться...

Перт был потрясен случившимся, но не растерялся. Он понимал, что короля, а для Перта Фердинанд оставался королем, могли убить только по приказу Альдо. Допрос стражников ничего не дал, разве что комендант окончательно уверился в их откровенности и невиновности. Тогда Перт принялся думать об убийце. Это был кто-то из Багерлее, достаточно сильный, умелый и хладнокровный. Кроме того, он должен был получить приказ извне. В первую очередь под это описание подходил помощник коменданта, появившийся в Багерлее вместе с Мореном, но нельзя было исключать и других. Бесспорным было одно: у душителя имелись копии ключей, которые могли изготовить лишь при Морене и от которых убийца должен был избавиться до обнаружения убийства. Помощник коменданта мог это сделать во время обхода, когда шел привычной дорогой, время от времени показываясь стражникам.

Искать улики и бить тревогу, пока в городе распоряжается узурпатор, Перт не стал, он поступил умнее. Усилил охрану внутренних дворов и приставил надежных людей к тем, кто походил на убийцу и имел возможность убить. Следили так, чтобы подозреваемые это заметили. Теперь преступник не рискнул бы уничтожить улики. Комендант не сомневался, что ключи лежат там, где их оставили, и оказался прав. Мы их нашли в водосточном желобе, когда прошли дорогой помощника коменданта от места убийства до комендантского дома. Оставалось связать их с нужным человеком.

– Я уже знаю, что вы правы. – Робер прикрыл ладонями глаза. Не от усталости, просто это стало привычкой. – Но убийца рисковал. Другое дело, вернуться под утро...

– ...предварительно прокравшись от комендантского дома до центральных дворов мимо всех постов?

– И все равно я бы не рискнул убивать во время обхода.

– Вы бы и попались сразу, а этого господина с трудом удалось загнать в угол. Будете слушать как?

– Да.

– Сперва его свели со стражником ближайшего после флигеля Фердинанда поста. Солдат показал, что господин капитан выглядел слегка запыхавшимся. Затем настал черед супруги одного из старших смотрителей. Эта дама в Багерлее славится своим легкомыслием.

В интересующую нас ночь она отправилась на встречу с любовником. Разумеется, заслышав шаги, она спряталась в одной из ниш, но женщины по своей природе любопытны. Прелестница разглядела, как господин помощник коменданта поднялся на выступ и что-то положил в водосточный желоб. Женщина не поняла смысла увиденного, кроме того, ей не хотелось признаваться в своих похождениях, но госпожа Перт ее уговорила.

– Иногда я начинаю верить в справедливость. – Люра, Морен с Кавендишем, Альдо... Их смерти слишком разбавлены чужими, чтобы считаться возмездием, но гуляющая бабенка, оказавшаяся в нужное время в нужном месте... Это и впрямь похоже на вмешательство providения.

– В справедливость не верят, ей служат, а верить следует в разум. У нас были убийство, убийца и ключи в водостоке. Не хватало только свидетеля, и я узнал у госпожи Перт, кто бежит ночами по Багерлее. Красотка ничего не видела – видели ее, и этого было достаточно. Дальше все пошло как по маслу. Женщина, не желая разглашения собственных тайн, охотно согласилась «опознать» убийцу, а тот оказался легковым. Особенно оказавшись перед выбором: остаться в кабинете коменданта или же спуститься в хорошо ему знакомый подвал.

– А если это не он?

– Он, герцог, он. Я не имею обыкновения доверять чужим словам, даже самым своевременным и удобным. Капитан знает то, что может знать лишь убийца. Его показания надлежащим образом записаны и заверены. К ним приложены ключи и два «Полных прощения», подписанных Альдо Раканом. Первое дано в день отставки Морена, второе – во второй день Весенних Ветров, что само по себе является уликой.

2

Удрать от сестер было нетрудно, но это мало что меняло. После отъезда Гудрун Руппи оставляли одного лишь в спальне, да и то под дверью всю ночь болтались слуги. Лейтенант не представлял, что накатило на маму, вернее, представлял, но это было слишком глупо и недостойно «волшебницы Фельсенбурга». Проклятье, это было глупо и недостойно даже жены буфетчика!

Молодой человек подавил желание кусаться и поднял скатившийся с колен сестрицы золотистый клубочек. Агата даже не улыбнулась, Дебора гордо сунула за щеку леденец – обе были в сговоре и дулись на брата из-за отложенной поездки. Подошел красноглазый Генрих, молча передал два письма, зевнул и убрался, загребая ногами скошенную поутру траву. Руппи с трудом сдержал вертящуюся на языке гадость – Генрих ползал, как привидение, потому что ночами сторожил наследника фамилии. Можно подумать, моряку нужны двери и лестницы! Захоти Руппи отправиться на прогулку, он бы воспользовался дымоходом или окном гардеробной.

Осознание того, что вопреки уверенности домочадцев он отнюдь не в клетке, и удерживало лейтенанта от бунта. До поры до времени. Руппи каждое утро клялся не замечать дрожащих маминых губ и «чужого», слишком ровного голоса. И выдерживал. Просить прощения было не за что, а любой разговор окончился бы слезами и выдавленными обещаниями, которые пришлось бы нарушить.

Руперт фок Фельсенбург не собирался замуровывать себя в розовой пещерке, но ощущать себя извергом было еще гаже, чем собакой на сворке. Если б не память «Ноордкроне», он бы сдался и пополз утешать, заверять, отречься, а так... Хотите следить – следите. Он читает письма, а после обеда, как всегда, займется медициной. Он совершенно спокоен и думает о большом круге кровообращения, а не о том, что через час садиться за общий стол и поддерживать разговор об ирисах, погоде и достоинствах блюд, у которых последние дни вообще нет вкуса.

Лейтенант опустил на украшенную венками скамейку и, чувствуя неприязненный взгляд сестер, открыл первый футляр. Герцог Альберт коротко сообщал сыну, что приедет

после Коронного совета,³ и велел до его возвращения не покидать замок. Бабушка была откровенней.

«...я написала своей дочери, что вам всем следует оставаться в Фельсенбурге. Этого достаточно, чтобы ее осчастливить, но у Вас больше соображения, чем у перевишей незабудок косули. Насколько я понимаю, Вы не склонны исполнять приказы, если они Вас не устраивают, что немало заботит Вашего непосредственного начальника. Меня это свойство Вашего характера скорее радует, поэтому я отдаю Вам предпочтение перед прочими своими внуками.

Надеюсь, Вы понимаете, что обзавелись очень неприятным врагом, к счастью обладающим деревянной башкой. Я ничего не поняла из объяснений своей бестолковой дочери и не верю ни единому слову Гудрун, но это сейчас и не важно. Ваша лопающаяся от избытка соков двоюродная тетка, как и следовало от нее ожидать, взялась на Вас и брата Вашего отца. Дайте ей время успокоиться, эта дура не умеет злиться долго, скоро она поймет, что выставляет себя на посмешище, и замолчит. Если же нет, придется надеть ей браслет, но герцогиней Фельсенбург Гудрун не бывать. В крайнем случае она получит Мартина, благо лосихи ему не в диковинку.

Передайте Агате и Деборе, что им придется вышить еще несколько покрывал. Я не могу сейчас тратить время на войны с оскорбленной короной и нежелательными женихами, но было бы неплохо, если б Вы рассказали сестрам о Вашем пребывании в Талиге. Девуцы на выданье должны видеть дальше горных елок. Остальное с Вами обсудит отец как глава дома и мужчина, хотя в последнем я порой сомневаюсь. Альберту Фельсенбургу, будь он мужчиной, следовало бы командовать армией, а не пестовать страхи своей жены.

Надеюсь на Ваше благоразумие. Сомнений в остальных Ваших качествах у меня нет. Благосклонная к Вам Элиза фок Штарквинд».

3

Мэтр Инголс наскоро погладил Клемента и откланялся. Законнику предстоял регентский совет, Роберу тоже, но сперва надо было сказать сестре, что она в который раз оказалась права.

Робер извлек из корзинки с хлебцами его крысейшество и водрузил на плечо. Легче стало, но не слишком. Вино тоже не поможет...

– Данжа!⁴ – произнес по-бирисски Робер, вспоминая чужое небо и чужие смерти. Первые смерти, посеянные Альдо ради мыльного пузыря по имени Золотая Анаксия.

– Монсеньор, – доложил болтавшийся в прихожей Сэц-Ариж, – генерал Карваль.

– Давай его сюда...

Хоть что-то раз в жизни случилось вовремя.

– Монсеньор, что с вами?

– Налейте вина, Никола. И себе тоже. Я приказываю.

– Монсеньор, произошло что-то дурное?

– Мэтр Инголс отыскал доказательства. Фердинанда убили по приказу Альдо Ракана.

– Да, я слышал. – Маленький генерал явно ни кошки не понимал в чувствах начальства. – Все было так, как предполагала ее величество.

---

³ Высший государственный орган Дриксен носит название **Совет Троих и Семнадцати**. Кроме кесаря и герцогов Штарквинд и Фельсенбург, в него входят семнадцать «великих баронов», потомков тех, из чьих владений образовалась нынешняя Дриксен. В первые годы существования кесарии Совет собирался часто и его решения были обязательными, позже большинство полномочий перешло к **Коронному совету** (в составе кесаря и глав фамилий Штарквинд и Фельсенбург), в который после Двадцатилетней войны с правом совещательного голоса были введены важнейшие сановники.

⁴ Сволочь, подонок.

– Мне сейчас с ней говорить... Катари должна все узнать до регентского совета. Никола, я помню, что вы думали об Альдо и о нашей с ним дружбе... Так вот, я с вами согласен. Полностью. С вами, с Левием, с Дугласом... Леворукий, да наливайте же!

– Сейчас. Монсеньор, я не думал, что убийство его величества так изменит ваше мнение о Ракане. Узурпатор неоднократно сожалел о том, что после появления Алвы вы остановили казнь. Он поступил последовательно, только и всего.

– Я понимаю, что выгляжу болваном. Дело не в убийстве, не только в убийстве... Альдо заставил нас поверить, что Фердинанд это сделал сам. Я – ладно, я Оллара не любил, и я и так по горло в крови, но для Катари самоубийство – смертный грех. По своей несчастной привычке во всем винить себя она могла решить, что невольно подтолкнула мужа... А с Диконом еще гаже! Альдо убедил дуралея, что все вышло из-за их с Фердинандом ссоры...

– Ваше вино, монсеньор. Вы не станете возражать, если я передам Джереми Бича на попечение коменданта Перта? Поганец будет полезен во время суда над Манриками, а в Багерлее людей Морена больше нет.

– Передавайте. – Дику Карваль сочувствовать не станет, в лучшем случае промолчит. Красноречиво. – Никола, вы ведь пришли о чем-то доложить? Ну так докладывайте.

– Вернулся Дювье. Монсеньор, мы ошибались. На Надорском тракте нет мародеров. Это опять землетрясение. Разрушены мосты через Лукк, кроме того, в предгорьях Надор случился сильный оползень. Судя по всему, дорог на северо-восток больше нет.

– Люди?!

– Вроде бы ушли. По крайней мере те, что жили на нашем берегу Лукка. Собаки предупредили и зверье. Оно бежало, не обращая внимания ни на людей, ни друг на друга. Волки, косули, кабаны, лисы, зайцы... Все вместе, как от лесного пожара. Народ понял и снялся с места. Те, кто пошел на юг, скоро будут у Кольца, но там им делать нечего – ни жилья, ни работы, ни запасов. Боюсь, беженцы потянутся в Олларию. Надо же им куда-то идти.

– Доложите на совете... Подумаем, куда их девать...

– И чем кормить, – подсказал Никола. – Монсеньор, нужно поторопить регента и послать к Дораку. Он не должен рассчитывать на наше продовольствие.

– Вернее, нам потребуется *его* продовольствие. – Робер снял с плеча возмущенного – еще бы, оторвали от еды, а теперь – вон?! – крыса. – Что ж, будем побираться. Никола, вам не кажется, что мы тонем и чем больше дергаемся, тем сильнее увязаем?

– Нет, монсеньор, мне кажется, мы выбираемся. Вот после появления Ракана... Мы даже не тонули, нас подхватило и понесло, как какую-то солому. Мне это очень не нравилось.

– Я видел. Будет глупо, если мы так и не выпьем. Берите бокал, барон Карваль. Ваш тост.

– Здоровье ее величества.

Глава 9

Дриксен. Фельсенбург. Талиг. Оллария 400 год К.С. 9-й день Весенних Молний

1

Зубрить в библиотеке и не думать о Гудрун не получалось, и Руппи перебрался со своей медициной на балкон Ручейной башни. Здесь ему никто не мешал, ну, или почти никто... Лейтенант торопливо перевернул страницу, скрывая от непрошенных гостей картинку с человеком без кожи, но явились не сестрицы и даже не Генрих, а дядя Мартин, с которым Руппи теперь здоровался и то с трудом.

– Ну ты и забрался, – посетовал дядя. – Крылья отращиваешь?

– Почему бы и нет? – Молодой человек перевел взгляд на вспоровшего синеву стрижа. Летать во сне будущему герцогу доводилось не раз, это были восхитительные сны, но в жизни как-то не тянуло.

– Леворукий знает что... – проворчал Мартин. – Даже не знаю... Нет, Альберт должен был жениться, иначе его наследником остался бы я, и жениться пришлось бы уже мне...

Охотник замолчал, подбирая слова. Начало вышло многообещающим: Мартин брался рассуждать о своей женитьбе, лишь затеявая нечто необычное и требующее подготовки. Например, охоту в Седых землях, обошедшуюся Фельсенбургам во столько же, во сколько кесарю обходится линеал. И принесшую, ко всеобщему удивлению, изрядную выгоду.

– Даже не знаю... – Мартин требовательно взглянул на племянника. – Лотта меня, если что, затопчет. У ланей острые копытца, а уж эта всем ланям лань!

– Ты опять бросил во дворе что-то окровавленное? – предположил Руппи. – Знаешь же, мама боится мертвых зверей.

– До Осеннего Излома охоты нет, – с укоризной напомнил дядя. – Я ездил в Шек и встретил там одного парня... Он искал тебя, но нарвался на Генриха. Тот наврал, что ты уехал в Верхний Фельсенбург и вернешься не раньше чем через месяц, но малый оказался не промах и вцепился в меня.

– Он назвался? Можешь его описать?!

– Премьер-лейтенант флота. Очень настойчивый и недоверчивый. Постарше тебя лет на пять... Рыжий как морковка, на левом ухе – шрам. Уверяет, что ты его помнишь.

– Помню, это Диц. Он был адъютантом Олафа до меня... Я должен его увидеть!

– Диц, – задумчиво повторил дядя. – Хельмут Диц, да, так он и представился. Он передал тебе письмо. И я взял. Даже не знаю...

– Оно у тебя?!

– Да... Говорю же, Лотта меня затопчет.

– Не затопчет, застрелит. Из твоей же аркебузы и бросит во дворе. Где письмо?

...Знакомый почерк, по-прежнему ровный и четкий. Беспокойство о здоровье. Восхищение герцогиней Штарквинд. Уверенность в том, что два предыдущих письма пропали. Понимание того, почему так случилось. Извинения за то, что Диц проявит невежливость и будет настаивать на личной встрече. Руперту не следует волноваться – кесарь знает, кому обязан потерей Западного флота, но возникли непредвиденные обстоятельства, которые адмирал должен обсудить со своим адъютантом лично. Крайне желательно сделать это до того, как Руперт увидится с отцом, по словам герцогини выезжающим в Фельсенбург сразу же после Коронного совета. Не менее важно, чтобы о встрече, до того как она состоится, не знал никто, кроме двоих адъютантов – прошлого и нынешнего. Встретиться лучше в тихом месте на окраине Шека или, в крайнем случае, поблизости от города. Руперт знает окрестности, поэтому выбор места за ним, но изменить время не получится – Кальдмеер появится в ночь с десятого на одиннадцатый день Весенних Молний. Диц проводит адмирала на условленное место и проследит, чтобы собеседникам не помешали.

– Дядя, почему Хельмут отдал тебе письмо? Что ты ему сказал? Что ты на самом деле сказал?

– Даже не знаю... Что в замок его не пустят, а если пустят, наедине вас не оставят, но я на вашей стороне. В твои годы самое время служить кесарю и приличному начальству, а юбки обойдутся. Для материнской – поздно, для жениной – рано... Этот Диц ждет ответа, я обещал привезти.

– Дядя!

– Я тоже ходил в адъютантах, – напомнил Мартин. – Фельдмаршал был мной доволен, потом он поймал пулю, и нам подсунули Бруно... После старины Ади – эту недодоенную корову!.. Брр!

– Олаф хочет видеть меня послезавтра ночью, – пресек поток воспоминаний Руперт, – потом ему нужно в Эйрехт: ожидающий суда не должен покидать столицу без ведома

кесаря... В замке нам нельзя... Давай у Форелевой...

– Обалдел? – ласково предположил охотник. – У текущей воды по ночам девицы стадами бродят. Лягушатник зацвел.

Ну и болван же он! Забыть о дурацком девчоночьем поверье, а ведь Агата с утра вытащила у Деборы из-под подушки несчастный цветочек и сунула в куртку Генриху. Слез было...

– Твой Кальдмеер наших краев не знает, – напомнил Мартин, – а плутать в темноте по лощинам – дело гнусное, да и некогда ему. Быстро переговорили – и назад.

– Я помню. – Удрать тайком не выйдет – лошадь через стену не перебросишь, а пешком – далеко. Нужен сообщник... – Мартин, давай отправимся куда-нибудь вместе. Иначе мне не выбраться.

– Съездим, – с ходу согласился бывший адъютант. – Давай решать куда. Адмирал цур зее – не девица, ему по росе бегать не по чину, да и заметить могут. Даже не знаю... Может, у Осенних боен? Там по ночам сейчас никого.

Лучше не придумать! Бойни у самой дороги, если из Шека повернуть к Фельсенбургу, мимо не проедешь. Ну, отстал немного, задержался. Ровно на столько, чтобы поговорить.

– Спасибо, Мартин, – от души поблагодарил Руппи. – У боен ты поедешь вперед, а я тебя догоню...

– Кошки с две! – Дядя скривился, словно раскусил зеленое яблоко. – Одного я тебя не оставлю, не надейся, да и Лотта тебя без овчарки не пустит... Леворукий, как хорошо, что женился Альберт, а не я!

– Подожди, – утешил Руппи и отчего-то хихикнул. – Еще женишься. На Гудрун. Тебе больше пятьдесят, чем шестьдесят, а ей всего-то тридцать один.

Такой смеси бешенства и... блаженства на дядиной физиономии Руперт еще не наблюдал.

2

– Мы сможем их всех накормить? – тревожно спросила Катари. Сестра была уже готова к выходу – черный бархат, высокая церемониальная прическа, небольшая, но наверняка тяжелая корона. Такое Матильду и то бы утомило. – Сможем?

– Накормим, – пообещал Робер. – Что нам еще остается? Только попросим у Ноймаринена хлеба, и потом... есть еще совет Южных провинций. – А если б не два мерзавца с гоганами, была бы еще и Вараста... Подлости не счастье, прошлым становятся не скоро.

– Они пришлют, – не очень твердо произнесла королева, – должны прислать.

Уверенности в том, что южане захотят и, главное, смогут прокормить не только себя, разросшиеся армии и столицу, но и надорских беженцев, у Робера не было. У Катари, кажется, тоже: она честно читала все поданные на подпись бумаги. Эпинэ больше не удивлялся, когда Катарина разбиралась в каком-нибудь деле лучше его, но крепче сестра от этого не становилась, а радостней – тем более.

– Я получила письмо из Савиньяка. – Женщина поднесла руку к голове и тут же отдернула – не хотела показывать, что болит. А у кого под такой фортификацией не заболит?! – Графиня готова приехать. Хорошо, что свидетелем рождения моего сына станет именно Арлетта... Я ей верю.

– Жозина... моя мать Арлетте Савиньяк тоже доверяла. – Робер глянул на часы – до совета еще больше часа, но лучше не тянуть. – Утром приходил мэтр Инголс. Ты угадала, Фердинанда Оллара убили. Помощник коменданта во всем сознался.

– Это правда? – быстро спросила Катари. Робер не понял, и сестра слабо улыбнулась. – Я о признании. Фердинанд тоже... признавался... И другие, те, кого хватили при Манриках... В Багерлее часто говорят то, что нужно сильным. Я бы не хотела, чтобы в угоду... Нет, не так! Я не хочу, чтобы людей вынуждали лгать. Даже негодаев. Даже чтобы

меня успокоить.

– Расспроси мэтра сама. – Как же они с Катариной похожи этими своими сомнениями! Вечными, мучительными, неотступными.

– Зачем? – Катари снова поднесла руку к голове и вдруг рывком сорвала корону. – Не могу больше! Тяжело... Робер, я хочу, чтобы мне рассказал все ты. При тебе я... я не регент... Я могу быть просто дурочкой из Гайярэ, я даже зареветь могу.

– Реви, – разрешил Иноходец, чувствуя, что перехватывает его собственное горло. – Ты реви, а я буду рассказывать. Комендант не поверил в самоубийство. Он не дурак, этот Перт, и он накануне вечером был у...

– Называй его Фердинандом, – помогла Катарина. – Он был не королем, не Олларом, а просто человеком. Хорошим, но и только.

– Мне его жаль, – признался Робер. – Теперь жаль, зато Альдо – нет, только Матильду и Дикона... Это сейчас, конечно, не главное, но что с парнем будет? Регент, то есть Ноймаринен, дал полное прощение всем членам твоего совета, но ведь Окделл в нем не значится?

– Нет, как бы я могла... Вы делаете то, на что не гоюсь я, все держится на вас, это видят... Горожане помнят, чем вам обязаны, особенно тебе и Карвалю, а что они знают об Окделле? Он был оруженосцем Алвы и занял его дом. Он был цивильным комендантом, когда случилась Дора. Он был супремом, когда убили Фердинанда. Что подумают о вдове короля, если она включит Окделла в регентский совет, и что он станет делать в этом совете?

– Ему там делать нечего... Альдо поступал подло, прикрывая Диком свои делишки, но я о другом. Что будет с Диком, когда ты...

– Когда я рожу? – Рука сестры легла на живот, личико стало мечтательным, почти счастливым, но это длилось лишь мгновение. – Робер, я не представляю, что мне делать... Я ему... Ричарду гоюсь если не в матери, то в тетки, и я не знаю, от чего устала больше – от мужской слабости или от мужской глупости и навязчивости. Фердинанд был только слаб, а Окделлы, что отец, что сын... Только бы Дженнифер Рокслей удалось его занять...

– Дженнифер? – не понял Робер. – Занять Дикона? Чем?

– Ей нравятся титулы и молодые люди. – Катари задумчиво накрутила на палец светлую прядь. – Робер, я хочу, чтобы у нее вышло влюбить в себя Окделла. Для себя хочу, и думай обо мне что хочешь!

– Закатные тва... Прости, это же невысказано. Дженнифер уж точно годится Дикону в тетки.

– Зато она красивее меня и... опытней, а мальчик ей нужен... Жаль, что он так тщеславен... – Сестра продолжала сосредоточенно крутить локон, но вряд ли осознавала, что делает. – Не будь я королевой, Окделлы на меня бы и не взглянули – ни старший, ни младший.

– Прости, ты сейчас говоришь что-то не то... Пусть Эгмонт ошибся, пусть стал преступником... Так же, как и я, но он ничего не искал для себя – только для Талигойи. Ему просто не повезло. Бедняга женился по принуждению, а сам любил другую. Всю жизнь.

– Мне жаль тебя разочаровывать, – грустно сказала Катари. – Эгмонт всю жизнь любил одного себя. Нового Алана. Безупречного рыцаря. Спасителя Талигойи. Живым рядом с ним места не было, он их просто не видел... Никого. Ни обманутых арендаторов, ни обманутых друзей, ни обманутых женщин... Он считал обманутым себя, потому что другие хотели жить, а не... Не становиться балладой про герцога Окделла.

Я видела его жену, она приезжала за Айри... Вот ее мне было жаль, потому что она любила супруга. Так любила, что превратила себя и свой дом в раму для его портрета. Это Мирабелла создала балладу о благородном Эгмонте и коварном Алве, она, не он! Эгмонт был на это не способен, он не замечал настоящей любви и преданности, ведь они были у его ног и в его постели.

Окделл рассказывал мне о своем «великом» горе. Я была глупа, я его утешала... В семнадцать лет мы горады верить балладам, жалеть мужчин и осуждать женщин. Потом я

поняла... Та девушка, Айрис, не захотела иссыхать, а Эгмонт был не способен сделать хоть что-то сам и не для себя. Вот и вся трагедия надорского мученика! Вот из-за чего... Из-за кого погиб Мишель... твои родные, и не только они! Робер, я не могу, не хочу все время видеть это лицо! Даже ради тебя... Я вижу не Дикона, я вижу Ренкваху, и мне становится... плохо!

Катари оставила волосы в покое и сцепила пальцы. Малышке не хватало ее четок, но, став регентом, сестра перестала быть эсператисткой, по крайней мере внешне.

– Никогда ничего не делай ради меня! – Легко сказать... Она же по-иному просто не умеет! – Прошу тебя! Ты не обязана принимать Окделла, и ты не обязана... считаться с моей любовью. Марианна понимает, что во дворце ей не место.

– А вот тут ты ошибаешься. – Лицо Катари просветлело. – Я принимаю баронессу Капуль-Гизайль ради себя. Я понимаю, почему ты выбрал ее. Рядом с ней не так холодно. Она как... лето. Земляничное, доброе, сладкое... Не теряй ее!

– Пока я ей нужен...

– Ты будешь ей нужен всегда, я это вижу. Кто-то идет, а я опять испортила прическу...

– Ваше величество, – доложила какая-то новая дама, – герцог Окделл просит уделить ему несколько минут для частной беседы.

– Хорошо, Лора... Проводите его в малый будуар и позовите камеристку. У меня испортилась прическа...

– Да, ваше величество.

– Ты же не хотела...

– Я и не хочу... Наверное, я умею спорить только с... теми, кто сильнее... Мне остается надеяться на Дженнифер.

– Ты меня недооцениваешь. – Робер распахнул дверь в Малую приемную как раз вовремя, чтобы окликнуть блистающего золотом Дикона. – Ричард! Как ты себя чувствуешь? Продержишься недельку в седле?

– Я здоров. – Так оно и есть. За два месяца ключица срастется даже у старика.

– В Надорах опять землетрясение. Завалило тракт, много беженцев. Нужно понять, что там творится. Мы с ее величеством как раз думали, кто туда отправится.

– Я хотела просить Рокслея. – Катарина виновато опустила глаза. Как же она не любит лгать и огорчать других! – Но Дэвид занят с гвардией, и потом... ему будет тяжело. Создатель, ты же тоже!.. Робер, мы об этом не подумали. Посылать в Надоры Рокслея или Окделла – это хуже... чем на кладбище!

– Закатные твари! – Он и впрямь дурак. Редкостный. Непрошибаемый. – Разумеется, Дикону там делать нечего. Пошлю Сэц-Арижа, он справится.

– Сэц-Ариж не член регентского совета, – отрезал Дикон, глядя на Катари. – Ваше величество, я счастлив служить вам и Талигу везде, где я нужен. Окделлы не боятся прошлых потерь.

– Спасибо, Дикон, – голос Катари чуть дрогнул, – но я не могу... Я не хочу принимать такую жертву.

– Это не жертва. Это служение. Я прошу ваше величество поручить это дело мне, и только мне.

– Хорошо, герцог. Мы поручаем это вам.

3

Мартин уехал, не было и полудня, а сейчас почти восемь, пора бы и вернуться. Неужели они с Дицем разминулись? Или что-то случилось? Если за рыжиком следили...

Моряки на суше беспечны, особенно в своей стране. Понадобилась пуля, чтобы Руперт фок Фельсенбург перестал дуться на навязавшего конвой фельдмаршала, а ведь Хельмут один. На такое дело охрану не потащишь, да и нет у Олафа никакой охраны. Это на море адмирал вправе приказывать кесарю, а в Эйрехте Кальдмеер – выскочка. Сын оружейника.

Враг Бермессеров, Хохвенде, фок Ило, Марге-унд-Бингауэров, Хоссов... Хотя бы бабушка помогла, но герцогиня вне себя из-за этой... Гудрун и не знает, чему и кому верить. Делать им с Мартином нечего, как раздевать принцессу! Да у нее живот как у отставного боцмана, с таким не потанцуешь, хотя дядюшка от восторга рот открыл.

– Руппи, мы должны поговорить по душам.

Может, мама и не волшебница, но возникать из тишины она умеет. Как... туман.

– Да, мама.

– Ты себе места не находишь, я же вижу... Я надеялась, что это пройдет, но ты беспокоишься, и я знаю из-за чего. Это так неприятно... Это недостойно тебя!

Недостойно Фельсенбурга не находить себе места из-за какого-то Кальдмеера? Проклятье, нужно быть спокойным или хотя бы казаться. Если хочешь уехать без слез и споров, а потом сделать дело. Ну почему она решила заговорить не вчера, не завтра, а сейчас?!

– Я должна знать, что с тобой. Должна!

– Мама, не волнуйся, мне просто... немного скучно. Я – морской офицер. Я не могу только есть и спать, особенно во время войны. Я очень люблю тебя и сестер, но... Честное слово, у меня все в порядке.

– Нет, – золотая головка склонилась к плечу, – у тебя не все в порядке. Я зря позволила Гудрун остаться, но я не могла подумать, что она такая... Такая дурная и навязчивая женщина, а вы с Мартином, оба... Нет, я вас не виню, все мужчины таковы. Вы принимаете доступность за... за свою неотразимость, а Гудрун вы не нужны. Можешь мне поверить.

– Мама, ты что?! – Теперь понятно, откуда бабушка взяла про браслет! – Да будь она четырежды Дева Дриксен, она же... лосиха!

– Тогда о чем вы говорите с Мартином? Раньше ты с ним не шептался.

– Леворукий!.. Извини, мама, но ты... ты говоришь глупости!

– Какой мужской ответ... Ты вырос, тебя теперь не удержишь, пока ты не получишь, что хочешь, или не погибнешь, а она тебя погубит! И тогда... Я тоже умру, я тебя не переживу!

– Мама, я не люблю Гудрун! – Ну с чего, с чего она вообразила такую чушь?! – Мартин как хочет, а мне... мне мясистые не нужны. Они – для земли, с ними нет танца...

– Я хочу тебе верить, – дрожащие губы, глаза блестят от слез, – хочу, но я слишком хорошо вас всех знаю... Вас, мужчин... Дочь Готфрида, гордость кесарии... Она привыкла соблазнять, ей можно! Ей все можно...

– И пускай, – уверенно сказал Руперт. – Меня это не касается, я на ней жениться не собираюсь.

– Я тебе не верю, – прошептала герцогиня, и Руппи понял, что ошибся и ошибка оказалась роковой. – Ты об этом думаешь, иначе бы не говорил о женитьбе. Ты только об этом теперь и думаешь. Еще бы, ведь она так ластится. Привезла орден, заманила в библиотеку...

– Мама, никто меня не заманивал, я шел писать письма... Письма! Ларсу и Людвигу. Ты сама меня послала.

– Тогда почему она разделась?

– Я уже говорил! Она уже там была... Она... Она, наверное, уснула. Некоторые люди во сне ходят, что-то делают...

– Или ты... глупец, или лжец! Гудрун все подстроила, чтобы тебе показаться! Она гордится своим телом, иначе б не пускала к себе художников.

– Тебя тоже рисовали, и не раз.

– Да, но при этом присутствовала замужняя женщина и я была одета, а когда встретила твоего отца, отказалась от всего... От Эйнрехта, от мужского внимания, а оно было! Я – внучка и племянница кесарей, и я многим нравилась, хотя подо мной и не проседал пол.

– Тебя и сейчас обожают. Все, кто видит. Генрих за тебя шестнадцать раз умрет, не то что спрячет письма...

– Какой ты... безжалостный и злопамятный! Генрих – верный слуга, я ни разу... ни единого раза не подала ему повода. Ни ему и никому другому. Это твоя Гудрун заигрывает со всеми, но ее хозяин – Фридрих. Тебя она не любит! Ты ей нужен, чтобы Фельсенбурги признали бедного маленького Ольгерда слабоумным и отдали корону Фридриху, а потом она тебя убьет... Я умру, но не дам согласия на ваш брак! Я буду говорить с Готфридом, я соберу великих баронов и потребую развода! Хозяйка Фельсенбурга вправе это сделать!

– Какой развод, какая свадьба?! Мама, мне на все плевать, кроме суда над Олафом! Я хочу, чтоб Бермессера вздернули на рее. Понимаешь?! Иначе никто не успокоится – ни Адольф, ни Бюнц, ни Зепп, никто из них... Они погибли, я выжил. Я должен дать им покой, и мне никакая Гудрун не помешает, будь у нее хоть восемь грудей и четыре живота!

– Это правда? Ты можешь дать слово? Помнишь, как ты клялся, что не трогал мои гребни...

– Я их и не трогал! Будь по-твоему. Клянусь памятью «Ноордкроне». Ты не знаешь, Мартин еще не вернулся?

– Вернулся. Он хочет взять тебя в Шек. Говорит, ты застоялся, а торговец привез охотничьи пистолеты. Морисские. Мартин говорит, ты ему нужен, ведь ты был в Талиге, видел морисское оружие... Я ему не верю, это все Гудрун. Я ее выгнала, теперь она через него...

– Мама, ты... Ты подумай. Если Мартину нужна Гудрун, зачем ему я? Он бы поехал к ней один.

– Да, конечно... Если только они вместе не задумали чего-нибудь страшного. Если с тобой и Михаэлем что-то случится, наследником Альберта становится Мартин.

– Да не нужно Мартину это! Неужели ты не видишь, что он не такой!

– Был не такой, но нельзя верить мужчине, если речь идет о женщине. О такой женщине. Самому Мартину наследство не нужно, но Гудрун...

– Не верю, и ты не веришь... Ты себя пугаешь. Ну почему ты выдумываешь всякие несчастья?

– Я не выдумываю, я их чувствую. Вы мне не верите, а я вижу... Если бы не я, твой отец бы уже погиб! К счастью для всех нас, он меня слушает, а вот мама Элиза... Она только и думает, как забрать тебя. Я знала, что тебя ждет на море беда, я говорила, а она...

– Ты ошиблась, беда ждала всех, кроме меня. Не надо бояться... жить! Жизнь – это счастье, а страх его убивает. Я поеду с Мартином и посмотрю на пистолеты. Уверю тебя, с нами ничего не случится.

– Хорошо. – Она устало опустила руки. – Мужчины все делают по-своему, ты – мужчина, что я для тебя значу? Что я могу? Только плакать... Езжай...

Глава 10

Талиг. Оллария

400 год К.С. 10-й день Весенних Молний

1

Эрвин Ноймаринен вернулся раньше, чем собирался, и Робер был этому только рад. Присутствие в столице сына Рудольфа успокаивало, а уж когда явится графиня Савиньяк... За Альдо еще разгрести и разгрести, но главное удалось – мятеж в Эпинэ сошел на нет, мятежа в Олларии не случилось, а подлинный регент согласился со всем, что сделано при Катари. Обошлось. Закатные твари, обошлось!

– Если ты станешь уходить от меня с таким счастливым лицом, я опять найму «висельников», – пригрозила Марианна. – Или возьмусь за дело сама. На поднос можешь не рассчитывать – на этот раз будет ваза. Из тех самых, «валтазаровых»...

– Лучше затрави меня философами, – посоветовал Робер и глупо и счастливо

улыбнулся. – Марианна, я...

Приличный кавалер засыпал бы возлюбленную клятвами, но у Иноходца как-то не выходило. Вернее, перестало выходить, когда пришла любовь. Раньше пустенькие слова катались, как горошины по барабану.

– Что «ты»? – передразнила баронесса. – Не можешь сам мадригал сочинить, найми кого-нибудь, мне уже перед Коко стыдно.

– Марианна...

– Иди уж! – Красавица поджала губы, но обиды в черных глазищах не было. – Любезных кавалеров много, а ты такой один...

Один... И слово тоже одно. Быть последним в роду, стать одним-единственным для женщины. Тоже единственной, и гори все закатным пламенем!

Подхватить любовь на руки, поднести к окну, за которым буйствует разноцветный живой огонь... Он так долго этого хотел, потому и выдумал себе рыжую гоганни. Бедная забытая девочка, как же перед ней стыдно за неистовость счастья, и все равно радостно!

– Мы живы. – Глупости сами слетают с губ, а поздняя весна дышит счастьем. – Мы пережили зиму, и я... я никому тебя не отдам.

– Не отдавай! Если сможешь.

– Конечно, смогу. Ты... ты чего?!

– Я всегда так... От радости... Нарочно – нет, нарочно не плачу, только смеюсь. Пусти.

– Не хочу.

– Тебя ждет Ноймаринен.

– Пусть ждет!

– Он приехал сюда. Не во дворец и не к тебе... Тут что-то важное. Иди. Нехорошо заставлять принцев ждать.

– Эрвин не принц, а моя королева – ты... Катари – только сестра.

– Тогда бывай у нее почаще. У меня были трава под ногами, небо... А теперь есть ты. У нее нет ничего и не будет... Ты наконец уйдешь?

– Уже уйду, только...

– погоди!

Снимает ожерелье. Зачем?! Но как же она красива! Красивее женщины просто не может быть.

– Возьми. Пусть оно будет с тобой! Всегда... как будто мы вместе.

– Ты... с ума сошла! То есть ты и так со мной... Говорю с Карвалем и вдруг вижу тебя. У окна. Ты стоишь и улыбаешься. Тебя там нет, а я вижу.

– Я хочу, чтобы ты его взял.

– Да что с тобой такое?!

– Ничего. Просто еще ничего не кончилось! Лето, оно только... Только до осени. Пусти.

– Как скажешь. Зачем весной об осени? Ты бы еще о старости заговорила...

– Старость – это прекрасно. – Марианна смотрела в сад, словно в горящий камин. – Старость – это много-много дней вместе... Без тебя мне старость не нужна. Без тебя она будет невыносима.

– Со мной ничего не случится.

– Не знаю, про тебя не знаю – не могу знать... И с Алвой не знаю. С Лионелем Савиньяком, с тем – да, не случится, с Валме, с Карвалем, даже с твоим Окделлом... Иди.

Уйдешь тут...

– Я скоро вернусь.

– Я знаю. Пусть все идет, как идет. Мы вообще могли не встретиться.

– Но ведь встретились... Марианна, я хотел поговорить с тобой и с Коко позже... Когда все кончится, то есть не все, а эта война, я попрошу твоей руки. Пусть твой муж берет все, что хочет, все, что у меня есть, но вы разведетесь! Катари на нашей стороне, она поможет.

Улыбка. Спокойная и такая домашняя. В гостиной она улыбается иначе. В гостиной она

не плачет.

– Не загадывай.

– Ты мне не веришь?

– Верю, что ты этого хочешь, но наши желания... Весна не хочет кончаться, а цветы – вянуть, что с того? Если ты и вправду... решил, возьми жемчуг. Браслета, нужного браслета, у меня нет.

– Вместо браслета – возьму, а тебе найду браслет с рубинами, и ты будешь его носить. Разрубленный Змей, мне не нравится, как ты смотришь. И уходить не нравится.

– Ты не можешь сидеть со мной дни и ночи, у тебя Оллария и сестра. Сегодня ничего не случится.

Стук в дверь, царапанье, скулеж. Барон и собаки, собаки и барон, но идти в самом деле нужно. Теплые губы, теплый, нагретый *ее* теплом жемчуг...

– Поговорим вечером.

– Береги сестру. Ей страшно.

– Понятное дело, ей же скоро рожать...

– Мои дорогие! – Коко вкатывается в женин будуар со счастливой и вместе с тем растерянной улыбкой. – Я в восторге от молодого Ноймаринена, но он отказался от лунной форели и настаивает на немедленной прогулке. Робер, я приказал оседлать вашу лошадь, но это неправильно. Это совершенно неправильно!

– Констанс, – Марианна вновь стояла у окна, – я подарила Роберу свой жемчуг. На счастье.

– В самом деле? – Барон склонил головку набок. – В таком случае завтра нужно пригласить ювелира. Придется оправить флавионские топазы раньше, чем я рассчитывал, но к ним прекрасно пойдет застежка работы Борю, просто восхитительно... Герцог, езжайте и ни о чем не волнуйтесь. Все будет сделано, а форель мы подадим к обеду.

2

Ехать не хотелось совершенно. Именно не хотелось. Влезать в седло, трястись разбитыми дорогами, ночевать в трактирах, считать беженцев и провалившиеся мосты... С этим справится любой, к тому же с Надорами все ясно. Недаром вода в Данаре не желает спадать, откуда-то она берется, то есть не откуда-то, а из подземных озер. Подземные воды стекают в Данар, образуются пустоты, в них рушатся верхние пласты почвы, эхо обвалов распространяется в разные стороны, заставляя скалы дрожать и вызывая новые обрушения. Пока не заполнятся все пещеры, обвалы не прекратятся – чтобы это уразуметь, незачем тащиться к Лукку, достаточно прочесть хотя бы один труд по землеописанию!

– Монсеньор, кушать подано.

– Я слышу.

И зачем он только даже не согласился, напросился?! Катари не хотела его отпускать, да и Иноходец... Робер считает, что перед ним не Повелитель Скал, а какой-то анемон! Потери живут в сердце, а не в глазах. От того, что Ричард Окделл увидит Надоры, он не умрет. От того, что не увидит, не забудет... Нужно было так и ответить и согласиться с тем, чтобы послали Сэц-Арижа; это дело как раз по капитанским мозгам.

Вырванное у Катари поручение – даже не глупая бравада, это почти предательство, потому что королева остается одна. Эпинэ не в счет, он кузину любит, но не понимает, зато Левий не преминет воспользоваться отсутствием Окделла, чтобы укрепить свое влияние. Голубеныш, оставшись без Агариса, вцепился в Талиг мертвой хваткой, а Катари верит и ему, и его Создателю...

– Дикон, ты чем-то расстроен?

– Простите, я задумался. После завтрака я уезжаю. Недели на полторы, не больше.

– Ты едешь? Куда? – Старость всегда в тревоге. Два года назад Штанцлер не выдал бы своих чувств, но бегство из Багерлее бывшего кансильера, нет, не сломало, но приучило

ждать худшего. – Не хочешь говорить – не говори. Только скажи, что тебя не гонят в Ноймар или Савиньяк. Иначе мне придется лечь на пороге.

– В Ноймар я поеду позже, – не счел нужным скрывать Дик, – вместе с ее величеством, а сейчас... Для начала я еду к Лукку, а дальше – посмотрим. В Надорах новое землетрясение. Ничего удивительного, если хоть изредка читать, но Роберу приспичило пересчитать беженцев, а... ее величество волнуется за всех.

– Тут я на стороне Эпинэ. – Штанцлер даже не глянул на поданные блюда. – Где беженцы, там и бунт, но посылать тебя, когда ты еще не полностью оправился...

– Эр Август, я прекрасно себя чувствую, и меня никто не посылал! – Святой Алан, ну кто его дергал за язык, но взять обратно свое слово, слово Скал, данное при Катари, невозможно! – Ее величество не хочет, чтобы я ехал, а Иноходец... Он собрался послать своего адъютанта, а тот мало что глуп, еще и не северянин. Что Сэц-Ариж понимает в наших делах?! Да с ним никто и разговаривать не станет!

– И ты, разумеется, вызвался. Семейное чувство долга... Иногда оно бывает не к месту. – Штанцлер отодвинул тарелку, и Дик последовал его примеру. Есть хотелось все сильнее, но не жевать же, когда старику по твоей милости не идет в горло кусок?!

– Эр Август, это не обсуждается.

– Разумеется. Прости меня, пожалуйста, но у тебя остается не так уж много времени, чтобы уладить собственные дела. Неужели ты думаешь, что, когда регентом станет Алва или, того хуже, ноймар, нас оставят в покое? Что будет со мной, неважно. Я прожил достаточно, и вряд ли мне много осталось, да и смотреть, как все, на что ты надеялся, чему служил, идет прахом, легче из Багерлее. В тюрьме мы хотя бы непричастны к тому, что творят власти предержавшие, но ты, Дикон... Если ты останешься сыном Эгмонта, тебя уничтожат, если сломаешься, сломаешь всех, кто еще верит в истинную Талигойю. Она еще возможна, пусть и без Раканов, но ей необходимо сердце. Все остальное можно найти, добыть, купить, наконец, но без сердца Талигойе не жить.

То, что тебя не тронули теперь, не просто уступка Катарине, это расчет. Хитрый, безжалостный, беспронимчивый. Ты не бросишь свою королеву, ты последуешь за ней в Ноймар, в заключение, а это будет заключение, хоть и почетное! Катарина вряд ли будет очень страдать, особенно если ей вернут дочерей, но тебя запрут в замке, где тюремщиками будет не туповатый Перт с его лодырями, а ноймарские волки. Ты оттуда не выйдешь, если не отречешься от своего естества...

Штанцлер отбросил салфетку, окончательно оставляя без завтрака и себя, и Дикона. Старика было жаль до слез, но сказать о щите Манлиа Ричард не мог: сперва реликвию следовало найти. Любой ценой, а тюрем, из которых нет выхода, не существует, особенно когда на твоей стороне сами стены.

– Не волнуйтесь обо мне, эр Август. – Юноша старался говорить мягко. – Герцог Окделл способен о себе позаботиться, тем более в горах, а вот вам и в самом деле лучше уехать прямо сейчас. Мы доедем до Лукка вместе, потом я займусь беженцами, а вам дам провожатых. У вас ведь остались родственники в Дриксен?

– Я не поддерживаю с ними отношений. – Бывший канцильер неожиданно улыбнулся. – У дриксенского гуся отросли слишком талигойские перья.

– Ничего страшного. Я оставлю денег, и вы их возьмете! По дороге мы заедем в дриксенское посольство. Граф Глауберозе – настоящий рыцарь и воин. Видели бы вы, как во время суда над Вороном он приветствовал Катари! Как королеву, как царствующую королеву! Об этом помнит не только Катарина...

– Я очень хорошо знаю графа, – негромко сказал Штанцлер. – Чутье тебя не подводит, Глауберозе – настоящий дворянин, но прежде всего он посол и не вправе помогать ускользнуть человеку, находящемуся под домашним арестом. Другое дело, будь я уже в Дриксен, но мне не пробраться через расположение северных армий, а нам с тобой не доехать до Лукка. Неужели ты думаешь, что сумеешь вывезти меня тайком от Карваля?

– Сумею! – Сумел же он выдать Джереми за Удо или... Или подлог был распознан, а

«Удо» схвачен каким-нибудь Давенпортом? В любом случае Штанцлера солдатом не оденешь, а монаха или законника герцог Окделл с собой не потащит, хотя... Можно взять с собой академика, чтобы тот своими глазами увидел обвалы. – Эр Август, все очень просто. Я скажу, что беру с собой ученого, только вам придется сбрить бороду.

– Нет, мой мальчик, – твердо произнес Штанцлер, – я не барон Хогберд, и я никуда, сбривши бороду, не побегу. Ты решил во что бы то ни стало остаться с королевой, что ж, я поступлю так же. Мы поедem в Ноймар втроем, и будь что будет. Ты ешь и не смотри на меня. Старость и волнение – плохие приправы. Мне не нравится твоя поездка, мне не нравится твое решение, но мое время прошло. Решаешь и выбираешь ты. Я подчиняюсь.

Придет время, и Ричард выберет. Эр Август не поедет в Ноймар, а отправится в безопасное место. Не в Дриксен, так в Норуэг или Кадану, с подорожной, подписанной Катари, но сейчас заниматься этим некогда.

– Эр Август, я вернусь самое позднее через две недели, а вам... Вам лучше не покидать этого дома. Не думаю, что Эпинэ причинит вам вред, но попадаться на глаза ему и тем более его чесночникам не стоит. Этот Сэц-Ариж... слишком услужлив.

– Я знаю, мой мальчик, – вздохнул кансильер, – и я отнюдь не самонадеян, так что останусь под защитой если не твоей шпаги, то твоего герба. Разве что меня захочет видеть королева, но это в ее нынешнем положении маловероятно. По крайней мере до твоего возвращения.

3

Юная желтизна одуванчиков, еще не вставшая стеной крапива, серые стволы с черными разводами... Волшебное все же дерево – бук. Неужели поблизости прячется город? Неужели год назад здесь властвовали садовники и гуляли избранные? Одна осень, одна зима, и Старый парк стал заброшенным, чем не замедлили воспользоваться сорные травы и одичавшие коты.

Дальний плеск воды только подчеркивает зачарованную тишину. Дракко перескакивает через загородившую дорожку тополиную ветку, которая вполне сойдет за дерево. Крапчатый Эрвина не прыгает, но переступает с достоинством. Хороший жеребец, но слишком уж чинный, лишний раз хвостом и то не взмахнет.

Сквозь листву проглянул белый мрамор. Девушка с крыльями. Собранные на затылке кудри, вскинутые к древесным кронам руки. Постамент успели оплести вьюнки, скрыв ступни каменной танцовщицы, может, поэтому фигурка и кажется почти живой?

– Раньше статуи осенью убирали в домики, – напомнил кому-то Эрвин, – это было так забавно. Помните?

– Я не бывал в Оллarii дольше, чем в Талиге.

– Есть вещи, которые не забудешь. Вы видели храм и гробницу *после* ?

Эрвин не уточнил, после чего, но не понять было невозможно.

– Нет.

– В прошлый раз я не успел их осмотреть. Пойдете со мной?

– Сейчас?

– Почему нет? Вам не хочется, мне – тоже, а то, что не хочется, лучше делать сразу. Вы не согласны?

– Пожалуй. Если вообще нужно. Левий похоронил... останки в Нохе. Вы вернете их назад?

– Не думаю, что отец сочтет это правильным. Таскать мертвецов туда-сюда – не лучшая мысль, хотя этим то и дело занимаются.

– Тогда зачем смотреть на то, что... сделали? Разумеется, если вы не хотите возненавидеть.

– Регент не вправе ненавидеть, особенно если должен судить. – Эрвин развернул крапчатого умика, хорошо развернул, красиво. – Отец в гробницу не пойдет, но я всего

лишь полковник, я хочу запомнить. Кроме того, у меня к вам разговор, который зависит в том числе и от того, что мы найдем внизу. Или я найду, если вы предпочтете подождать.

– Я не умею ждать, – усмехнулся Робер. – Мне проще идти вперед, но имейте в виду, нам предстоит не лучшее зрелище.

– Переживу, – пообещал ноймар, и они замолчали до самого храма, неожиданно раздвинувшего зеленое буйство. Странно, но здание, как и оплетенная вьюнами статуя, не казалось покинутым. Именно поэтому так коробили взгляд сваленные у входа доски.

– Я велел открыть двери, – объяснил Эрвин, – но внутрь никто не входил. Вы в самом деле готовы?

– Да.

Глава 11 Талиг. Оллария. Дриксен. Шеек 400 год К.С. 10-й день Весенних Молний

1

И вновь два ряда белых колонн, разделенных серебряными лозами. Тишина и покой, в которых зарождается радость. Полумрак пронизан льющим сквозь витражи голубоватым, словно от утренних звезд, светом. Пахнет свежей зеленью и какими-то цветами. Нарциссами? Гиацинтами? Похоже, за храмом кто-то присматривает. Старики привыкают к месту и делают свое дело, даже если им перестают платить, вот и здесь... Какой-нибудь уборщик набрал в парке цветов и принес то ли святой, то ли себе самому.

– .....!

Северяне не любят ругани, это Робер уяснил еще в Торке, но Эрвин увидел *это* впервые. Робер, не осознавая собственной трусости, таращился на витражи и колонны, лишь бы не глядеть в сторону бывшего алтаря, а Эрвин стоял и смотрел, вбирая в себя так и не ушедшую из оскверненной святыни удивленную боль.

– Помнишь? – Эрвин замер у разбитой решетки, словно не желая переступить незримую черту. – Помнишь, какой она была?

«Она»? Девушка на стекле или церковь? И почему все сильнее пахнет цветами, ведь окна закрыты... Неужели тянет из дыры, в которую придется лезть?

– Ублюдки! – Эрвин все же шагнул вперед, под сапогами зло хрустнула каменная крошка. Теперь сын регента стоял над квадратной темной дырой, он уже овладел собой, и все же хорошо, что Дикон скачет к Лукку. Ноймаринены сдержанны и справедливы, но они живые люди, а человеку свойственно мстить. Спокойствие, такое спокойствие в мгновение ока сменяется бешенством.

– Эпинэ, – окликнул ноймар, он стоял возле алтаря, то есть возле того, что от него оставили молодцы Айнсмеллера, – вы это прочли?

– Нет.

– Прочитайте.

Идти по разноцветным осколкам было едва ли не трудней, чем по трупам, – по трупам Иноходец уже ходил... Ноймар склонился над вывернутой плитой. На белом мраморе четко виднелась надпись, на которую Робер прошлый раз не обратил внимания: «*Моя любовь. Моя жизнь. Навеки*». Франциск был немногословен, но сказал больше любого Дидериха.

– Вы ведь были внизу...

– Был. – Откуда он знает? Глупый вопрос, ведь Придд добрался до цели. Разумеется, его расспросили обо всем. – Пустите, я пойду первым.

Эрвин посторонился, и Робер поставил ногу на присыпанную стеклянным и мраморным крошечкам ступеньку. Полуденного света хватало не только на храм, но и на лестницу, где царили голубоватые легкие сумерки.

«Это было печально», – пробормотал Робер полузабытую песенку, и это в самом деле было печально и... маняще. Грязь и злобу принесли под эти своды люди, но они убрались вместе с горящими факелами и зимой. Разрушители найдут свою судьбу, все найдут, и всем воздастся, но только не здесь...

Робер прикрыл глаза, быстро открыл, потряс головой, прогоняя морок. Он не боялся, он хотел вниз, туда, где в колодец смотрится синеглазая фреска, а непонятные цветы пахнут летом и печалью. Эти лилии ждут покоя, спит печаль в лепестках левкоев, смерть коснулась рукою ложа, ни отдать, ни принять не может... Этим лилиям нету срока, этих струн не умолкнет рокот, память держит не то, что хочет, плачет полдень над ложем ночи, помнит полночь угасший полдень, ты не хочешь, но ты запомнишь... Ставшее неистовым желание поймать синий взгляд над темной водой вынудило разум вмешаться. Остановить, унять безумный порыв.

Только замедлив шаг, Робер сообразил, что бежал, догоняя черноволосую женщину на стене, а та, по-прежнему не оборачиваясь, спускалась в гробницу. Стройная белая шея, изящная рука поддерживает одеяние... Кем надо быть, чтобы *так* рисовать?! Кем надо быть, чтобы поднять руку на *такое*?

– Ты ее видишь? – спросил сзади Эрвин.

– Да... Это в самом деле фреска. Я тоже не верил.

Голубоватые сумерки становятся синими, верхний мир отдаляется, все явственней плеск воды и запах цветов, все трудней не спешить. Прошлый раз вода в колодце никого не звала, не пела, не помнила...

Вспыхнул фонарь; острый, словно клинок, луч разрубил чернеющую синеву. Золотистый клинок, когда-то утаенный плащом заката, пробуждение тайны спящей, стон отчаянья уходящих... Где далекая песня лета, тихий голос любви и света? Только шум тростников зеленых, безнадежность зеркал озерных, ив печальных седые пряди, неньюфары на водной глади...

Конец лестницы, исток песни, тьма и желтое пятно в ней. Фонарь в руках Эрвина, обычный фонарь, и от него обычный свет. Никаких острых лучей, никакой синевы. На полу – осколки надгробий, зимний плащ траурным флагом прикрывает гроб.

– Об этом герцог Придд не говорил.

– О чем?

– О том, что он отдал свой плащ Октавии.

Конечно, Валентин! Только он в тот день и был в трауре. Когда все, испугавшись понсоны, бросились наверх, Спрут задержался и сделал то, что счел правильным. Никто не заметил, даже они с Альдо, а хоть бы и заметили, сочли бы за желание избавиться от ядовитой пыли.

– Эрвин, ты не посветишь? Я загляну в колодец.

Зимой влага пряталась в глубинах, теперь колодец полон до краев, того и гляди перехлестнет. Тянет свежестью, как летним вечером с озерных берегов. Так бы и стоять, вспоминая о зеленых листьях, поцелуях, ласковом шепоте... Рука сама опускается в воду, прохладную, чистую – набери и пей! Чист и потолок – ни фрески, ни пятен, зато в воде что-то белеет, только что не было, а сейчас возникло, то ли поднялось из глубин, то ли упало сверху... Цветок... Дикая лилия. Так вот чем дышит храм.

– Там цветок.

– Принесло водой. Колодец проточный.

Лилия так и просится в руки, но несут не из храма, а в храм. Пусть остается вместе с плащом Валентина, оказавшего мертвой королеве последнюю услугу. Вместе с мраморными змеедевами, тянущими руки к несбывшейся любви. В прибрежных тростниках до сих пор слышат их песни и их плач. Найери помнят, найери ждут...

– Идем, – окликает Эрвин, – мы уже все видели. Не стоит тревожить... вечное.

Пистолеты в самом деле были, причем именно морисские – Мартин не умел врать от начала и до конца, а мнение племянника его и прежде заботило. На оружие охотник денег не жалел, но хотел за них получить лишь самое лучшее или самое редкое. Руперт с сомнением глянул на бойкого торговца, а потом на дядю. Раньше лейтенант с радостью щегольнул бы осведомленностью, теперь хвастовство иссякло. Адъютанту Ледяного не к лицу выказывать кэналлийские знания, особенно перед судом.

– Я решу завтра. – Не дождавшийся ответа дядя поднялся, послав нежный взгляд раскинувшимся на вишневом бархате красавчикам. В ответ крайний пистолет призывно блеснул, словно женщина улыбнулась.

– Конечно, господин Фельсенбург! – закивал негоциант, укутывая сокровище. – Только, если это возможно, я хотел бы получить ответ утром. Барон Цвайфельхафт мечтает об этой паре. Конечно, я никогда ничего не сделаю в обход Фельсенбургов, и барон это знает, тем не менее...

– Тем не менее барону придется подождать нашего решения, – не выдержал Руппи, ибо хорошо перевалило за полдень, а дядя еще собирался взглянуть на рогатины.

Торговец подобострастно улыбнулся – Мартин был и останется графом, молодой Руперт станет герцогом. У кого он станет покупать оружие? А ведь станет! Все Фельсенбурги любят железо... Руппи усмехнулся чужим мыслям и снова сдержался, хотя шутка о том, что морисское оружие надо покупать у Кэналлийца, так и лезла на язык.

– Ну? – не стал терять времени охотник, разбирая поводья. – Что скажешь? На первый взгляд хороши. Можно было не мотать душу человеку, а сразу проверить бой...

Все. Мартин уже не мыслит себя без подмигнувшего ему оружия. Охотнику не до Олафа и не до Гудрун, дожить бы до утра и примчаться в Шек с деньгами, так стоит ли топтать нарождающуюся любовь? Стоит, потому что дядя достоин лучшего, и это лучшее он получит. Контрабандисты никуда не делись...

– Мартин, конечно, твое дело, но я бы их не брал. Оружие, безусловно, достойное, но не лучшее.

– Почему? – недоверчиво уточнил дядя и чихнул. Он часто чихал от солнца. – Лично я не заметил ни единого изъяна!

– Золотая насечка. Мориски все делают на совесть, но то, что они делают для своей войны, лучше того, что делается для чужой. Шады не терпят излишеств, но знают, что в Золотых землях падки на роскошь, вот и украшают то, что идет на продажу. Чаще всего золотом и теми камнями, которые сами называют «бессмысленными».

– Ты точно знаешь?

– Точно. Я видел *настоящее* морисское оружие. Оно очень простое, и оно редкость даже в Талиге, но достать можно. У кэналлийцев.

– Шварцготвотрум! – разочарованно ругнулся дядя, и Руппи решил не откладывать с контрабандистами. – И все равно хороши, зверюги! В конце концов, не каждая лиса – седая. Я их, пожалуй, возьму, хотя, конечно... Даже не знаю...

Дядя погрузился в размышления. Руппи очень надеялся, что он не забыл про расшатавшуюся подкову, которую придется менять на выезде из городка. Конечно, Франц – не Генрих, но его примутся расспрашивать, и в первую очередь о задержке. Мама так и не верит, что Гудрун никого не заманивала, а просто ходила во сне. То, что видел он сам, Руппи по возможности старался выкинуть из головы. Увы, картина была слишком впечатляющей, и потом о ней то и дело напоминали. Мама, бабушка, бдящие слуги, любопытствующие сестрицы... Зато они почти забыли про Олафа. Еще бы! Разве может сын оружейника тягаться с голой Девой Дриксен и уединившимся с ней братиком? Да еще в глазах воспитанных девиц.

Мысль вышла странной, веселой и стыдноватой. Особенно для адъютанта, в котором нуждается его адмирал. Руперт почувствовал, что краснеет, и зачем-то подмигнул шедшей навстречу хорошенькой мещанке. Та улыбнулась и очень мило присела.

– Руппи, – внезапно буркнул дядя, – слушай, что вы все-таки делали в библиотеке? То есть почему она была без ничего, а ты... Даже не знаю...

Лейтенант утратил дар речи, и хорошо, потому что сказать было нечего. Осталось пожать плечами и, уходя от ответа, развернуть коня к церкви Святого Руперта.

3

Вода, журча, изливалась из каменной пасти, переполняла бассейн, растекалась по наклонным, зеленым от водорослей плитам и двумя каскадами рушилась вниз. Полуденное солнце пронизывало водоем, позволяя видеть блестящее на дне золото. Меди и серебра было не разглядеть, слишком быстро они темнеют.

– Не верится, что здесь глубже, чем у Дворцовой пристани. – Эрвин развязал кошелек и вытряхнул содержимое.

Монеты радостно сверкнули и канули в прохладную глубину. Плеснуло, колыхнулись широкие перистые листья. Робер провел руками по глазам и присел на мраморный край, глядя вглубь. Предоставленный самому себе нижний пруд стремительно зарастал. Надо чистить, иначе разбушевавшиеся растения захватят все, кроме водопадов...

– Будем надеяться, нам не помешают, – заметил расположившийся рядом Эрвин, – хотя говорить о делах *здесь* – почти кощунство. И все же придется. Мы в самом деле перешли на «ты»?

– Да, – кивнул Робер, – правда, я заметил только сейчас.

– Я тоже, – признался ноймар. – Странное место это подземелье, но все верно. Я собирался поговорить с тобой откровенно и предложить свою дружбу, но святая Октавия избавила нас от лишних слов.

– Пусть будет святая Октавия, – не очень уверенно согласился Иноходец, вспомнив лилии и змеехвостых плакальщиц. – Придд знает об этом храме больше, но я рад... Только одного друга я уже предал.

– Если я стану таким же, как покойный, можешь предать и меня. Мы на своих границах слишком хорошо помним Двдцатилетнюю, чтобы не доверять Эпинэ. К тому же ее величество в тебе не сомневается, а это сердце не обмануть.

– Катари судит о других по себе. – Растекшаяся по плитам вода походит на стекло, а водоросли колышутся, как женские волосы. Плеск водопада, листья кувшинок, солнечные блики... Не хочется ни думать, ни говорить, даже о самом важном. Остаться бы здесь одному до вечера... до осени... навсегда...

– Я, как ты заметил, вернулся раньше времени, – напомнил о себе Ноймаринен. – И я не считаю нужным откровенничать с регентским советом сверх необходимого.

– Судя по всему, новости не из приятных?

– Затрудняюсь ответить. Я мало смыслю в том, в чем смыслю мало, и я видел только кэналлийского наместника и Дорака. Если говорить о войне, то на юге дела идут приемлемо, на северо-востоке – отлично, а у нас, надеюсь, не хуже, чем предполагал отец. Савиньяк, старший Савиньяк, как ты уже знаешь, разбил в Кадане забравшегося туда Фридриха и, как ты еще не знаешь, на его плечах ворвался в Гаунау. Бергеры могут перевести дух и подставить плечо Талигу, зато «гусям» о медвежьей помощи лучше забыть. Маршал Севера Хайнриха не выпустит.

– Когда ждать Дорака? – Лионель не выпустит Хайнриха, но отпустит ли Хайнрих Лионеля? Сунуться в насквозь враждебную страну с небольшой армией... Для этого нужно быть больше чем Алвой, потому что Гаунау не Кагета.

– Вы в состоянии поддерживать порядок внутри Кольца Эрнани без помощи Дорака и кэналлийцев, которые нужнее в другом месте. Оллария получит боеприпасы, провиант и фураж. В разумных количествах, конечно, но другой помощи не ждите.

– Понятно. – Почему-то он не удивлен, не испуган и не возмущен, только какое «не хуже» предполагает Ноймаринен? «Не хуже», из-за которого Савиньяк по доброй воле лезет

в медвежью берлогу, а сам регент, наплевав на столицу, гонит все, что может собрать, на север? Что ж, пусть Дорак идет в Придду, каждому – свое. Кому-то сдерживать дриксенцев, кому-то растаскивать горожан и мародеров, вешать, обещать, делить... – Если уладится с продовольствием и если вывести из Оллари и разоружить барсинцев и то, что осталось от Резервной армии, я смогу отпустить на север еще и Халлорана. Для поддержания порядка мне хватит королевской охраны, южан и людей Левия. В крайнем случае наберем милицию из горожан.

– Разумеется, лишняя кавалерия нам не помешает. – Эрвин сосредоточенно любовался прибрежными ирисами. – Предложи ты Халлорана месяц назад, я бы в него вцепился, но все не так просто. Алва отдал приказ, который кажется безумным, но это приказ человека, который знает больше нас. Дорак и кэналлийцы идут не в Придду, как ты, скорее всего, подумал. Они стоят у Кольца Эрнани так, словно внутри – чума. Скоро такие же кордоны установят и с востока, и с запада. Никто не пересечет границу без особого разрешения, так что Халлорану придется остаться с вами. Как и барсинским мерзавцам, хотя этих я бы разоружил и где-нибудь запер. Хлеб и мясо уже на пути из Валмона, но возниц и охрану на Кольце придется менять. С этим вы, я полагаю, справитесь?

– Да.

– Ты немногословен.

– Особенно для южанина, – подсказал Эпинэ и зачерпнул воды. На сей раз смерть от жажды ему не грозила, просто не пить из Драконьего источника было так же трудно, как не смотреть на Марианну.

– Придется лгать. Сегодня я тебе в этом помогу, но дальше ты останешься один. – Если Эрвин похож на отца, то Катарина опять права: Ноймаринены выстоят там, где другие упадут. – Ушедшие на север войска – это понятно и не вызывает в городе особой тревоги. Придда далеко, а война, без сомнения, будет выиграна, ведь ее величество объявила, что там – Ворон.

– Где он на самом деле?

– Был в Савиньяке, потом – у Кольца, сейчас должен говорить с морисками. При герцоге виконт Валме и небольшая охрана. Я надеюсь, что фок Варзов остановит Бруно. Если не на самой переправе, то не дальше Доннервальда.

– Новостей из Придды достаточно, чтобы объяснить регентскому совету, почему не придет Дорак. Больше узнают только Карваль, Левий и мэтр Инголс. В Талиге привыкли думать, что хуже, чем в начале Двадцатилетней, быть не может, но куда падать, всегда найдется... Или уже нашлось? Зачем мы спускались в храм? Что ты искал?

– Чуму. – Эрвин все еще смотрел на цветы. – Ту самую, от которой хочет отгородиться Алва. Придд обратил внимание на одну странность. Прежде чем разрушить храм, Альдо объявил, что дриksы возьмут Хексберг. Ровно через четыре дня буря уничтожила дриксенский флот. Многие из побывавших в гробнице погибли в Доре. Герцог Окделл уцелел, но был разрушен Надор.

– Позже, – уточнил Робер, – и там все вышло из-за подземного озера. Надоры продолжают трястись и сейчас, люди вынуждены уходить... Беженцам некуда деваться, только в столицу. На них приказ тоже распространяется?

– Само собой! – Ноймар не колебался. – Придется их заворачивать в Придду, я этим займусь. Я тебя обманул, лгать регентскому совету ты будешь один.

– Мы отправили к Лукку Окделла.

– Очень кстати, я его расспрошу. Придд не думает, что в гробнице нашли браслет Октавии. Шкатулка, которую вынули из гроба Франциска, была слишком плоской для браслета.

– Ричард тебе ничего не скажет. Эрвин, я понимаю, теперь не до сына Эгмонта...

– Тебе он дорог? Жаль, я слышал об этом господине мало хорошего.

– Это понятно: Дикон с Валентином – враги.

– Теперь ясно, почему Придд об Окделле вообще не упоминал. Я узнал о поступках

сына Эгмонта от других людей, мои наблюдения подтверждают их выводы.

– И все-таки, когда все кончится... Когда все кончится в Олларии, я хочу отпроситься в Торку и взять Ричарда с собой. Под мою ответственность. Если регент согласен забыть, что натворили мы с Карвалем, Дикон тем более невиновен.

– Это не мое дело. Напиши отцу.

– Напишу, но сейчас вам с Окделлом лучше не разговаривать. Он... Понимаю, что это глупо, но он ревнует, а у ревности очень мало мозгов и очень много зубов.

– Любимая мамина поговорка. – Лицо Эрвина просветлело, как в начале разговора, такого странного и такого нужного. – Ты меня заставил пожалеть своего герцога. Я посмотрю на него еще раз и с дороги тебе напишу, но судьба Окделла – дело будущего, вы оба должны до него дожить. Алва без веских на то оснований не лишил бы нас резервов, а вас – свободы. Здесь трудно думать о дурном, но доски, ставшие одной из причин несчастья в Доре, накануне были крепкими. Так, по крайней мере, утверждает Придд, заметивший в Доре ребенка, который не отбрасывал тени.

– Я тоже видел эту девочку, – признался Робер. – Несколько раз. Она появилась в Ружском дворце, когда судили Ворона. Я встречал ее и раньше, только думал, что брежу. Это случилось в Алате перед тем, как я столкнулся с Осенней Охотой. Я рассказывал об этом господину Райнштайнеру, когда он меня арестовал. Похоже, барон мне не поверил, я и сам себе не верю...

– Ты меня весьма обяжешь, если расскажешь об этом *мне*, но сперва проясним с гоганами. Девушка, которую вы поручили герцогу Придду, ожидала несчастья на шестнадцатый день после коронации, но ничего не произошло. Ничего, что было бы заметно. Это так?

– Как будто... Разве что в Нохе появились призраки. Такие, как в Лаик. Сначала я думал, что они приснились сестре, но о них говорят многие. Звонит колокол, монахи выходят на площадь перед храмом... На ту площадь, где сперва растерзали Айнсмеллера, а позже погибли Альдо и Моро, но тогда призраки уже появились. – Неужели в бреду он видел Ноху или это была Дора? Старые аббатства так похожи – глухие стены, плесень и холод.

– Я бы хотел на них взглянуть, но беженцы ждать не будут. Возьми это на себя. Я не слышал, чтобы призраки куда-то перебирались, но что сумел Валтазар, могут и монахи Лаик... Если это они, их мог привлечь оживший монастырь, а вдруг это другие? Проверишь?

– Конечно. И Лаик, и Ноху. Я тебе напишу.

– Письмо передашь с моим человеком, он будет у тебя недели через две с новостями о беженцах и Окделле, а сейчас расскажи-ка мне о договоре с гоганами.

– Еще были «истинники», – твердо сказал Робер. – Они хотели заполучить Ноху, и они же убили епископа Оноре и магнуса Славы Леонида. Эрвин, как хочешь, но поедем к Данару или еще куда-нибудь. Здесь я не могу говорить о такой мрази.

Глава 12

Дриксен. Окраина Шека

400 год К.С. Вечер и ночь с 10-го на 11-й день Весенних Молний

1

Последний раз вздохнул орган, старенький священник дрожащим добрым голосом попросил немногочисленную паству думать о Создателе и сверять свои порывы с волей Его и ушел. Дядя Мартин чихнул и поднялся с отполированной благочестивыми задами скамьи, подавая знак племяннику и слугам. Можно было выходить, но Руппи, подчинившись вышеупомянутому порыву, решил порадовать знакомых с детства святых. Мартин пожал плечами и, грозно чихая, направился к выходу. Руппи, торопливо разделив купленные свечи между святым Рупертом, святым Олафом и... святым Ротгером, выскочил на улицу.

Начинало смеркаться, и дядя громко – чуть громче, чем требовалось, – напоминал, что герцогиня будет волноваться. Руппи кивнул и вскочил в седло, надеясь на родича, но в глубине души терзаясь сомнениями.

Небольшой отряд буднично порысил к Восточным воротам. Городок тонул в поздней весне. Торговые и ремесленные кварталы весело подмигивали желтыми окошками, пахло сиренью и немудреной едой. В «Рогатом муже» лихо стучали кружками и распевали о том, как рыжий Клаус выбрал невесту, но никак не выберет новую шляпу. Захотелось свернуть и перекусить хотя бы хлебом с сыром. Руппи оглянулся на слуг, почесал нос, и тут зильбер начал припадать на заднюю ногу – Мартин был не из тех, кто идет за рыбой, позабыв о неводе.

Подкова держалась на двух ухналях,⁵ и расхлябалась она раньше, чем следовало, но бывший адъютант старины Ади не растерялся. На ходу меняя диспозицию, он спешился и крикнул на помощь Франца. Мамин соглядатай воочию узрел почти отвалившуюся подкову и вместе с дядиным Вальхеном повел зильбера к кузнецу, сетуя на нерадивость ни в чем не повинного конюха. Второй надсмотрщик с тоской взглянул на вывеску и повернул к воротам – предупреждать герцогиню. Остальные, сияя, заворачивали к «Рогатому мужу» – Мартин решил использовать задержку для ужина.

– Мы еще успеем съесть заячье рагу, – с довольным видом постановил охотник. – Или тебе кусок в рот не лезет?

– Лезет, – не стал кривить душой Руппи, – и даже не один. Вот перед боем я есть не могу...

– Перед боем есть вредно, – одобрил дядя. – Хуже нет получить пулю в набитое брюхо. Тут, между прочим, есть второй выход – муж, он не просто так рога отрастил. Поедешь на Крабе, он двужильный, даром что бочить любит. Нипочем не догадаешься, что Краб к бойням и обратно мотался, а не сено хрумкал.

– Я быстро...

– Ты? – возмутился Мартин. – Так я тебя и пустил!

– Да что со мной может быть?

– С тобой – ничего, а со мной, если ты с Олафом в Эйнрехт удерешь, будет. Даже не знаю...

– Какой Эйнрехт?! Мы же не должны видаться до суда.

– Это ты сейчас помнишь, – отрезал охотник, – а поговорите – и забудешь.

...Когда, расправившись с рагу и обсудив-таки библиотечного Фридриха, они выбрались из кабачка, стены складов и мастерских почти слились с ночной тьмой. Луна, как нарочно, шмыгнула в облака, но Мартин в потемках видел едва ли хуже кошки. Руппи оставалось лишь держаться рядом. Выехать из города труда не составило, стража в Шеке у ворот появлялась лишь во время ярмарок – собирать пошлину. Пару минут рысью вдоль стены, и вот она, развилка, прямо – Фельсенбург, направо – бойни.

– Мы не рано? – шепнул Руппи, тщетно вглядываясь в темноту.

– Вовремя, – утешил охотник. – Это они, похоже, запаздывают. Не споткнешься? Даже не знаю... Фонарь зажечь?

– Нет, я дойду.

Глаза не спешат привыкать к темноте, но место здесь ровное, утопанное. Повернуть направо, пройти вдоль забора, пересечь площадку, на которой по осени коновалы осматривают скот... Если Диц все понял правильно, Олаф уже ждет у сараев.

– Фонарь дать? – Забавно все-таки смотреть на всадника с земли, особенно в темноте!

– Обойдусь. А если их там нет?

– Если нет, вернешься в харчевню, а я поищу.

Темнота понемногу распадается на землю, стены и пустоту. Кажется, ближе к забору

---

⁵ Ухналь – подковный гвоздь.

что-то есть, что-то живое... Нет, тихо.

Руппи поправил шляпу, в последний раз оглянулся на Мартина и пошел по утрамбованной множеством копыт земле, от которой отеклись даже одуванчики. Вот и площадь. На всякий случай положить руку на эфес и замедлить шаг... Впереди вновь что-то шевельнулось. Вспыхнул огонек. Фигура в плаще с капюшоном держит потайной фонарь, чуть дальше, у сараев, стоит кто-то еще, выше первого и как будто худее. Света хватает лишь на то, чтобы вырвать у ночи силуэты, с дороги не увидишь даже отблесков.

Высокая, такая знакомая фигура, еще более знакомо придерживая шпагу, делает шаг вперед. Все в порядке!

2

Ледяной с Дицем шли медленно, старательно обходя всякий хлам, и все-таки Олаф споткнулся – он и до раны видел в темноте не слишком хорошо. Руппи невольно ускорил шаги, почти побежал к своему адмиралу. Звякнуло, весело блеснул предвесенний снег, заржал убитый по зиме зильбер... Лейтенант обернулся и чуть не налетел на полуразвалившуюся бочку, которую не успел разглядеть. Вот ведь пакость! Преграда левая, обойти – дело секунды, но рядом еще и камни с кольцами. Привязывать скот.

– Будет весело, очень весело! – Радостный звенящий голосок рассекает тишину. – Тебе понравится ... Ты поймешь, сейчас ты все поймешь...

Смех за спиной. Звон. Порыв ветра. Диц хватается за шпагу, Олаф – за голову. Оба замирают. Адмирал с премьер-лейтенантом молчат, молчит и Руппи. Странно и резко кричит невозможная в горной ночи чайка, мимо проносится что-то темное. Летучая мышь? Шляпа! Чья? Издевательский свист ветра подхватывает чужое оханье и сдавленную ругань, мгновенно переходя в вой. Грабители? В Шеке?! Даже не смешно...

На зубах скрипит пыль, какие-то деревяшки грохают о забор, вновь орет непонятная чайка.

– Засада!!! Хельмут, уводи Ледяного! Живо!!!

Фельсенбург прыгает к стене, прикрывая левой рукой глаза от пыльного вихря, а правой выхватывая шпагу. Потому что люди за спиной никак не могут быть друзьями! Кто добыча? Олаф? Они все?! И где Мартин?! Неужели...

Тяжелое тело с неистовой силой врывается в камень слева... Всего в паре шагов. Треск костей пробился даже сквозь завывания разъяренного ветра.

– Чего ты ждешь? Танцуй... Танцуй же!

Сколько их? Не разглядеть... Не меньше четырех... Синие сполохи прорезают темноту, пробегают по гибкому призрачному столбу, что кружит меж рычащих раскоряченных фигур. Некогда любоваться, к бою! Клинок – вперед, быстрый взгляд через плечо... Пусто. Где Олаф?! Только б послушались, ушли, а с этими... С этими станцует! Чаячи крики, синие блики, ветер и схватка в ночи... Отскочить к скотному камню, не забывая рассекать шпагой тьму, кинжал в левую руку. Теперь он готов. Сбоку кто-то шевельнулся... Шевельнулись. Двое... Бегут на помощь. Проклятье!

– Уходите! Немедленно уходите!!!

Крылатая тень в ореоле синих искр проносится совсем рядом, бешеная звездная россыпь бьет по глазам, вскипают и тут же высыхают слезы. Порыв ветра сдирает с Олафа плащ, почему-то не погасший фонарь выхватывает двоих совершенно незнакомых людей.

Со шпагами в руках они бегут к Руппи. Это охота... Охота на Фельсенбурга, чтобы он не добрался до суда, чтобы он вообще замолчал! Ну уж нет! Горечь. Ярость. Память о зимней засаде и что-то еще, недоброе и лихое, подхватывает, обнимает, кружит, бросая в бой, как в танец. Они хотят его убить? Они что-то сделали с Олафом, заняли его место? Их много? Пусть! Это хорошо! Это весело и легко... Обман, чужие шпаги, предательства, что они против синей ночи, против весны, против танца? Звезды прорывают облака, пригоршнями сыплются вниз, тянут за собой лунные полосы... Ветер и звезды, ветер и

звезды, ветер и звезды, звездная мгла!..

– Ладно, потанцуем... Сейчас! Со всеми. Держитесь, твари!

Грубый стон переходит в придушенный хрип, лязгает о камень упавший клинок, кричит за спиной сумасшедшая чайка. Некогда оборачиваться, да и не нужно – он и так знает, что там – смерть и танец, чужая смерть, не твой танец, твой вот он, с этими двумя. Они украли чужие имена, они искали Руперта фок Фельсенбурга – они нашли. Он нашел...

Сталь в руке, на острие – звезда, они единое целое – Руппи и клинок, Руппи и звезда, а тех, позади, можно не опасаться. Они уже танцуют... В последний раз!

Пинком отправить навстречу более проворному «Дицу» комок из его же плаща, броситься наперерез «высокому». Создатель, это же не противник для хорошего бойца! Даже для приличного...

Неуклюжий, хоть и сильный удар впустую рассекает воздух, утягивая за собой руку. Сейчас... Нет! Не убивать, а то живых может и не остаться. *Тогда* не осталось... Шпага останавливает полет, замирает, бросается вниз, впиваясь в бедро опрометчивого обманщика. Короткий вопль. Хлещет кровь, звездное сиянье становится неистовым. А вот и *она* ! Во всей красе.

Тогда был снег, сейчас – звезды, а ветер будет всегда... Крылатая, гибкая, она оставляет неуклюжих убийц, вскидывает руки, вынуждая отпрянуть выскочившего из-за падающего напарника «Дица». Этот шпагу держит уверенно, но против ветра он ничто. Обманщик пытается, как только что Руппи, прикрыть лицо рукой, пятится, вслепую рубя клинком перед собой. Это смешно, как же это смешно, но надо очнуться! Это танец, но это и бой... Это бой, но это и танец, и радость, и полет. Вместе с ветром, вместе со звездами, вместе с весной и с *ней* !

Отшвырнуть с дороги скорчившегося «высокого», подскочить к «Дицу» справа. Нет, это не Вальдес, это даже не Арно... Перехват вооруженной руки вышел на загляденье! Как и удар эфесом по лицу. Оглушенный «Диц» только начинал падать, а Руппи уже разворачивался к сидящему на земле раненому. Так и есть, тащит из-за пояса пистолет... Зараза! Рука со шпагой дергается, опережая мысль, будто сама по себе. Разбойник утыкается лицом в землю. На сей раз беззвучно.

3

Стихло все – и ветер, и схватка. Фонарь по-прежнему горит, светит из вырытого в облаках колодца и луна. Можно различить забор, камни, разбитые бочки и неподвижные груды, несколько минут назад бывшие людьми. Убийцами. Один, два, три... Восемь. Двое подманивали, остальные собирались зайти со спины. Где же они прятались? И что с Мартином?! Мама не может быть права, не может! Дядю застали врасплох, но это еще не смерть... Не обязательно смерть, может быть и рана, и удар по голове.

Руппи до рези в глазах вгляделся в ночь. Никого и ничего... Крикнуть? Неизвестно еще, кто услышит. Мартина нельзя бросать, а «Дица» – упускать. Лейтенант обошел распростертого обманщика так, чтобы не получить от него ногой, и взял за запястье. Жив... Пульс именно таков, как положено мерзавцу, получившему в челюсть. Добавить? Пожалуй... И к тракту, искать Мартина! Напрямик через площадь или вдоль сараев? Стрелять удобней по открытому пространству, пырнуть ножом – у стены. Облачный разрыв зарастает на глазах, обещая исчезнуть совсем, но ждать темноты и раздумывать некогда. И лучше все-таки напрямик.

«Позаимствовав» на всякий случай у «Дица» пистолет, лейтенант бросился через площадь. Сапоги грохнули по утоптанной земле сигнальными барабанами, ну да была не была! В лунном свете переломанные тела казались то разбитыми игрушками, то грудями тряпья. Возле мертвых Руппи не задерживался, заботясь лишь о том, как бы не сбиться с дыхания и не споткнуться. Если Мартин жив и в сознании, он услышит топот, даже если не слышал драки... Как он мог не услышать?! Но охотник не предатель, есть люди, которые

просто не могут...

Площадь осталась за спиной, а выстрелы так и не прозвучали. Значит, убийц было восемь. Теперь вдоль забора, тут притаиться проще... Или прыгнуть сверху. Ничего! С одним и даже двумя он справится, это не стоя спереди и сзади, а вот и тракт... Три лошади, два тела. Одно на обочине, второе на дороге – у самых копыт... Мертвы? И кто второй?!

Всхрапнул и заржал конь. Луна лизнула лоснящийся бок, зацепилась за стремя. Жеребец спокойно потянулся к подбежавшему Руппи. Знакомый жеребец, даже слишком знакомый. Генрих?! Да... Вот и он сам. Лежит на дороге, сжимая кулак, на костяшках обтянутое кожей боевое кольцо. Тоже знакомое.

Наклониться, пощупать пульс, не найти, поискать жилку на шее. Тело еще теплое, но все кончено. Упал с коня? Только не Генрих. Какое спокойное лицо. Крови нет, а ветер убивает иначе. Нестерпимо громко звякает удилами осиротевший жеребец. Почему он не боится мертвеца? Обыскать? Потом, сейчас – к обочине! Там Мартин, это видно даже отсюда, он... Он шевелится!

– Мартин!..

– Не ори... Шварцготвотрум! Где... этот?

– Генрих? Это он?!

– Рукоятю пистолета или чем-то вроде... Даже не знаю... Кошки с ним. Видел своего?

– Нет. Они не пришли. – Генрих – это почти так же страшно, как и Мартин. Мама чуяла беду и подлость, только не с той стороны. – Может, он тебя с кем-то спутал?

– Если бы... Дернуло ж меня посмотреть, куда он показал... Вот и огреб.

Мартин сейчас не помощник, а Генрих был последним и, похоже, главным. Выходит, в Зюссеколь тоже он?! Нет, как хотите, но нет!

– Ты меня подождешь? Мне... надо вернуться к сараям.

– Это зачем еще? Думаешь, они еще придут? – Дядя со стоном уселся и поднес руку к затылку. – Вот ведь скотина...

Бешеный свист ветра, как будто бы выстрел, отчаянное ржанье. На дороге! Там опять что-то творится, там опять кричит чайка.

– Сиди! Сиди здесь! – Вернулись убийцы, вернулась и *она*.

– Руппи...

– Я сейчас! – Шпагу? Лучше пистолет... Сколько же их там?! И кто на этот раз?! Ветер впереди уже не свистит, он ревет, как во время шторма. Пыль, облако пыли скрывает танец, мимо проносится ошалевший дядин жеребец, кидается в темноту, исчезает. Крики, хрипы, вой, блеск синей звезды, синие промельки, запах крови и пыли, запах боен... Это и есть бойни, старые бойни у сонного городка. Смерть, тишина и четыре изувеченных тела. Еще четыре... Страшные даже при лунном свете лица. Незнакомые, спасибо и на этом. Дядин зильбер удрал, но Краб на месте, и гневой Генриха тоже... Заберется ли Мартин в седло? Проклятье, надо же еще и с «Дицем» решить!

Мартин, ты смож... Мартин!!!

Там же не было, там же ничего и никого не было! Ни ветра, ни убийц, как же так?! Почему?! Руппи еще на что-то надеялся, бросаясь на колени возле лежащего ничком тела. Зря надеялся – охотник был мертв.

Глава 13

Дриксен. Окраина Шека

400 год К.С. Ночь с 10-го на 11-й день Весенних Молний

Положить на одного коня Мартина, на другого влезть самому и вернуться в «Рогатого мужа». Послать людей за Генрихом и «Дицем», вернуться в замок, объяснить маме про

Мартина, про Генриха, про убийц и ночную отлучку... Руперт вздохнул, поправил перевязь и поднялся. Вспомнились Придда и длинный барон. Бергер советовал помнить, чему научили в плену, Вальдес не советовал возвращаться... Бешеный чувствует то, до чего другие доходят разве что умом. Задним. Кэналлиец бы понял про Генриха раньше. Закатные твари, ну почему?! Должна же быть причина, и это не деньги. Он мог предать, мог убить только ради мамы, но это совсем уж невероятно. Значит, врал Мартин?! Но тогда что делал Генрих ночью на дороге с разбойничьим кольцом?

Лейтенант потерял голову. Виски начинало ломить. Похоже, он допрыгался до лихорадки, значит, нужно скорее добраться до замка. Там хорошо, там могут найтись еще шпионы и убийцы, а могут и не найтись... Наследник Фельсенбурга заставил себя усмехнуться, хотя его не видел никто, кроме лошадей, покойников и вновь выпрыгнувшей из облаков луны, и быстро пошел назад, не позволяя себе перейти на бег и не забывая смотреть по сторонам. Так, наверное, чувствует себя стрела на тетиве лука. Состояние не из приятных.

Ночь молчала. Где-то притаился ветер, где-то могли караулить убийцы. Крыши, стены сараев и трупы стали еще чернее, утоптанная земля и камни слегка серебрились, возвращая луне ненужный им свет. Было холодно, то есть жарко. Руппи в последний раз огляделся и вышел на площадь. Он успел вовремя – «Диц» уже шевелился, слепо шаря руками по земле и при этом пытаясь стереть кровь с лица. Свободные руки такому ни к чему.

«Я полагаю, господин фок Фельсенбург, что вы имеете значительный шанс встретить на родине шутников, которые спросят, чему вас научил плен. И вам следует показать, чему и насколько успешно...» Допрашивать пленников господина Фельсенбурга в плену не учили. Пнув обманщика под ребра, лейтенант быстро связал мерзавца его же ремнем и усадил спиной к стене, потом подтащил фонарь.

– Мы потанцевали, – четко и равнодушно, словно на докладе, произнес Руппи, – теперь мы будем говорить. Ведь будем?

«Диц» бросил пару взглядов вокруг и скосил глаза в сторону угла. Подменыш в самом деле был рыжим, но шрама на ухе не имелось, и на Хельмута он походил, как бочка на цитру.

– Там тоже все кончено, – все тем же адъютантским голосом объяснил лейтенант. – Не надейся.

Рыжий попробовал пожать плечами. Из разбитого носа вновь потекла кровь. Если не заговорит, придется бить. Да, связанного, да, раненого. Речь идет даже не о покое «Ноордкроне», речь идет о жизни Олафа.

– Где премьер-лейтенант Диц?

– Я не стану говорить.

– Станешь. – Ты не палач, Руперт, ты – лейтенант флота, кое-как осиливший трактат по анатомии, но ты сможешь, хотя лучше бы обойтись словами... – Где настоящий Диц и кто вас послал? Считаю до сорока! Думай.

Руппи медленно считал, пленник пытался крутить головой. Он на что-то надеялся, он явно на что-то надеялся! Над миром висела тишина – ни ветра, ни шагов, ни хотя бы мелькнувшей тени, но сзади кто-то возник. Руппи это понял по тому, как напрягся пленник, как недобро и радостно блеснули его глаза. Со шпагой в руке Руперт отпрянул вбок, одновременно оборачиваясь, как учил в Старой Придде Бешеный. Там, где только что стоял лейтенант, торчала чья-то фигура. Офицер. Моряк...

– Ты плохо танцевал, – сказал моряк – и Руппи узнал собственный голос. Это в самом деле был он, Руперт фок Фельсенбург. Второй Руперт задумчиво смотрел на пленника, склонив голову к плечу, а по мундиру пробегали синие сполохи. – Где Диц? Кто ты? Кто тебя звал?

Руперт фок Фельсенбург сжимал в руке шпагу. Руперт фок Фельсенбург, танцуя, вскинул руки и запрокинул голову. Зазвенели дальние колокольчики. Пленник захрипел и забился в своих путах. Двойник Руппи звонко рассмеялся и растолстел.

– Убери, – вырвавшийся из горла убийцы хрип напоминал об удушеннике, – убери...

Это... Этого!

– Зачем? – Руперт не понимал ничего, то есть понимал, что убийца заговорил, и плевать, что его заставило.

– *Тут скучно... Идем отсюда... Он скажет, и идем... Он не нужен, никому не нужен. Тебе хочется весны?... Поспеши!*

Никого. Пустая площадь, сведенная ужасом рожа убийцы. «Диц» кашляет, словно его душили, и дрожит. Мерзость.

– Кто вас нанял?

– Вы... вы же знаете. Он... Он тут был!.. Только что!

Значит, толстяка на площади видели они оба, но Руппи видел его и раньше. Где?

– Кто он? Как его зовут?

– Не знаю, господин... Создателем клянусь, не знаю.

– *Он не знает... Ты найдешь, захочешь и найдешь, но зачем? Зачем искать грязь? Оставь... Под твоими ногами будут звезды...*

Звезды под ногами... Звезды и ветер, синяя ночь и весна, звезды и ветер, они зовут, они тянут за собой, но еще не время, еще не сейчас!

– Вы собирались меня убить?

– Да, гос...

– Сколько вас было? – Какая же мерзость... Липкая, муторная, зловонная! – Где ваши лошади? Что вы собирались делать потом?

– Лошади в Шеке... У одной вдовы, она ничего не знает. Торн обещал на ней жениться.

– Кто такой Торн?

– Он, – кивок на труп длинного, – звали его так. Сюда мы пешком пришли, зачем нам лошади? Выдадут еще...

– Ты умеешь драться, Торн нет. – То и дело вспоминавшийся Райнштайнер требовал внести ясность во все. – Зачем он вам такой сдался?

– Он из новичков... За сходство с Ледяным взяли. Чтобы ростом и сложением издали сошел. Никого другого быстро найти не удалось. А меня за масть... Сказали назваться Дицем, передать письмо господину Мартину и дожидаться ответа.

– Где твой шрам?

– Нарисовали... Хюнтер нарисовал, вожак наш. Он обо всем договаривался.

– Какой он, этот Хюнтер?

– Он... Он...

Ражий малый в лихо заломленной шапке машет рукой и исчезает так же внезапно, как и появился, но Руппи успевает его узнать. Один из тех, кто лежит на дороге. Этот больше ничего не скажет.

– *Долго, – сетует ночь, – слишком долго... Зачем столько говорить?*

– Как вы собирались меня убить?

– *Зачем знать? Ты живешь, ты танцуешь, они ушли... Забуди, и идем.*

– Говори! Я спешу.

– Мы с Торном подманивали, а ребята на бойнях ждали. Шестеро... Вы еще ничего б не поняли, а они б уже... Навалились бы со спины, мешок на голову, чтоб шума не было и руками не махал...

– Дальше.

– Прирезали бы... А после – тем, кто на дороге, занялись. Больше одного не ждали, но на всякий случай четверку у тракта оставили.

– Как вы уговорили Генриха?

– Генриха? – выпучил глаза рыжий. – Какого Генриха?

– Сколько вас было? Сколько всего вас было?

– Нас двое, – принялся считать убийца, – шестеро за забором, доски мы загодя отодрали, как с местом решилось... Ну и четверо на дороге.

– Был тринадцатый. Из замка. Чем его купили?

– Господин! – взвыл «Диц». – Чем хотите клянусь! Не было больше никого!!! Мы ж дюжиной ходим. На счастье...

– *Это так*, – подтвердила темнота, но Руппи и сам знал, что убийца не врет. Правда была столь же очевидна, как ночь, как звезды, как ветер...

2

Ночь торопила, обещая что-то немыслимое и невозможное. Торопили и Мартин с Генрихом, лежащие в пыли даже без плащей. Торопила стоящая на башне и вглядывающаяся в темноту мама. Торопили слуги в «Рогатом муже», наверняка успевшие обнаружить исчезновение господ. А Руппи стоял над рыжим мерзавцем, уже понимая, что сделает, и еще не решаясь признаться в этом даже себе.

Послушному сыну и внуку следовало ехать в Фельсенбург и предоставить действовать старшим. Руппи так бы и поступил, будь его отцом Рудольф Ноймаринен или хотя бы бергерский барон, но в свою родню Руппи не верил, а маму... маму он просто боялся. Потому что страх за сына превратит волшебницу в стерегущего замок дракона. Мама принесет в жертву не только Олафа, но и кесаря и всю Дриксен, отец отступит и отступится, а бабушка... Бабушка может многое, если сочтет нужным, но сочтет ли она нужным помогать Олафу? Рука Руппи невольно скользнула в карман, где лежало письмо. Лейтенант очень надеялся, что фальшивое, – окажется оно настоящим, Олаф мог угодить в такую же ловушку. Диц предателем не был, иначе не понадобился бы двойник, но если Хельмут был гонцом, что с ним случилось?

Единственной ниточкой к разгадке был толстяк с приятным лицом, тот, кто нанимал убийц. Но он вряд ли летал высоко. Так высоко, чтобы наследник Фельсенбургов вспомнил его имя. Какой-нибудь дворецкий или нотариус...

– *Ты устал, брось... Идем! Тут скучно...*

– Сейчас, – откликнулся Руперт. Вздохнул и отшатнулся пленник. Одинокий плащ трепыхнулся, взлетел и поплыл к забору, словно научившийся летать скат. Стало смешно. Руппи засмеялся, «Диц» вздрогнул еще раз и что-то забормотал. Молитву... Он, оказывается, еще и верует!

– *Идем!*

Вернуться в Фельсенбург – значит оказаться в плену. В настоящем плену, куда тебе Хексберг и Старая Придда. Значит, не возвращаться и ничего не говорить. Просто исчезнуть. Для убийц, для шпионов, для мамы... Жестоко? Да, и подло, но мама не оставляет выбора – или кануть в зачарованное озеро, или сделать больно всем, но вырваться. Он не собирался становиться фельсенбургской елкой или ирисом, просто разрыв выйдет раньше и резче, но на то и война. Не та, когда палят пушки и хлопают порванные паруса, другая, ночная и лживая, от которой не сбежишь...

Рука начала затекать, это послужило сигналом. Руперт поискал и подобрал свою шляпу и тут же бросил – в герцогской одежде до Эйнрехта не доберешься. Для начала придется взять плащ и шляпу Генриха, а все остальное менять по дороге. Частями, чтобы не привлекать внимания, но для этого нужны деньги. Мелкое серебро и медь.

Наследник Фельсенбургов поправил шейный платок и занялся трупами. Улов превзошел все ожидания. Убийцы в Дриксен оказались богаче моряков, а скорее всего, молодчики не доверяли невесте Торна и таскали задаток с собой. Забавно, но выходит почти по их: наследник Фельсенбургов куда-то смылся, никому ничего не сказав. Трупы нет, следов нет... Будут искать хозяева убийц, будут искать Фельсенбурги. Трупы, конечно, найдут, но тут уж ничего не попишешь, прятать слишком долго... Да, ничего не попишешь. Руппи ссыпал последние деньги в самый большой кошелек, заодно прихватив простенький кинжал – не сверкать же фамильным клинком. Оставалось последнее. «Диц». Он мог пригодиться, будь с Руппи хотя бы Генрих и знай мерзавец хотя бы Хохвенде, но тащить за собой связанного убийцу... Это еще глупей, чем взгромоздиться на зильбера и замотаться в

трехцветный фамильный плащ.

– *Ты не хочешь... И не надо. Иди... Ты иди...*

Ветер становится тенью, тень обретает острые чайчи крылья. Вьются облачные волосы, стройные ножки едва касаются земли. Она не идет и не летит, она танцует...

– Нет, Создатель, не-е-ет!

Такой знакомый звон. Крылатая и юная, замирает, оборачивается. Да, это она. Та, что танцевала на гребне, та, что приходит во сне.

– *Уходи... Я тебя найду... Я всегда тебя найду, и мы станцуем... Тебе понравится...*

Изломанные тела. Забитые ледяным крошечком рты. Они заслужили смерть, но смерть человеческую. Он и так поступает подло, бросая маму, но это подлость вынужденная, а тут...

– Стой, – велит Руппи, и крылатое создание останавливается. Смотрит голубыми сияющими глазами. Не корова, не лань. Девочка с длинными чайчими крыльями. Тоненькая, легкая... Смерть. Любовь. Вечность... Они станцуют. Сегодня же, но сперва...

– Ты сегодня уже достаточно молился. Тебя либо услышали и простили, либо нет.

Лейтенант уже две недели в точности знал, где находится сердце. Разбойничий кинжал ударил куда следует.

Часть вторая «Иерофант»⁶

*Только стечение обстоятельств открывает нашу сущность
окружающим и, главное, нам самим.*

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

**Талиг. Надорский тракт. Дриксен. Эйнрехтский тракт
400 год К.С. 12-й день Весенних Молний**

---

⁶ Высший аркан Таро «Иерофант»/«Верховный Жрец» (**Le Pape**) символизирует поиск истины через откровение, мост между Божественным и Человеческим. Карта означает, что вы вносите в проект слишком много энергии, а он нуждается в организации. Это символ терпимости и снисходительности, умения учиться и пользоваться чужим опытом. Это человек, который предан идее и несет ее людям. **ПК** : упование на Бога, чрезмерная доброта и неуместная щедрость, впечатлительность, уязвимость, дискомфортность.

Дикон мог бы ехать и быстрее – до тех же Окаров на своих лошадях спокойно добирались за полтора дня, но юноша не торопился. Нежеланная поначалу поездка позволяла спокойно обдумать случившееся и решить, как быть дальше. Блор и его люди не мешали. Не считая проверявшего дорогу разъезда, эскорт держался позади, его присутствие почти не ощущалось; и то сказать, кого стеречься на обезлюдевшем тракте?

Мягкая рысь Соны, радостная зелень холмов и рощиц и бесконечная небесная голубизна вытесняли все лишнее. Дикон ощущал себя наедине с чем-то огромным и

спокойным, терпеливо ожидающим от него важного решения. Древние не зря верили, что их создатели, их истинные создатели и владыки, смотрят на Кэртиану и на тех, кому ее оставили. Проверяют. Надеются. Судят. Ждут. Рука сама потянулась к кинжалу Алана, вновь странствующему с Повелителем Скал. Меч Раканов, вернее, меч Ветров до поры до времени вернулся на дворцовую стену, придет время, и он обретет силу в руке короля Карла. Сперва – короля, затем анакса...

Ричард хорошо представлял этот пока еще далекий день – день Весеннего Излома одиннадцатого года Круга Ветра, кипящую ликованием площадь, убранный цветочными гирляндами балкон и на нем королеву-мать и юного государя в синих и черных одеждах, с мечом предков в руках. Карл останется в неведении, пока в небе, приветствуя его, не вспыхнут четыре солнца, но не кровавые, как было с Вороном, а ясные и щедрые. Тогда пасынок и узнает правду, но создавать будущее величие нужно сейчас. Предстоит остановить дриксенцев и не допустить как возвышения эсператистов, так и возвращения «навозников», но это не самое трудное. Волки Ноймара... На их стороне не только закон о регентстве, но и удача Манлия, подкрепленная силой Скал.

Эр Август опускает руки, а Иноходец не видит дальше собственного носа, хотя в своей возне с чернью он, по большому счету, прав. Катари слишком добра, а Робер слишком напуган призраком мятежа, но когда придут ноймары, горожане вспомнят «время гиацинтов» с любовью. Рано или поздно это пригодится, но рассчитывать на простонародье нелепо. Нужно либо отыскать щит, либо удостовериться, что в Ноймаре его нет. Ричард учитывал и такую возможность, но чем больше юноша узнавал о полукоролях севера, тем больше убеждался, что за ними стоят Скалы. Куда труднее было понять, что знают об этом сами «волки».

По словам Мевена, щит висит на почетном месте. Его ценят, показывают гостям, но не более того. Это говорит либо о том, что хозяева не подозревают, чем владеют, либо о том, что Рудольф отрицает древнее знание, хотя такое небрежение может быть и хитростью. Спрятала же плясунья-монахиня талисман, бросив его в шкатулку с поддельными жемчугами... Нет, на расстоянии не догадаться, нужно увидеть реликвию собственными глазами!

Странно, но раньше Дикон не задумывался, как попасть в Ноймар. Мысль о том, что Катари не позволят взять с собой друзей, пришла после разговора с эром Августом. Думая, как, не обижая старика, отправить его в безопасное место, юноша решил отговориться регентским запретом и едва не разбил бокал, поняв, что волки Ноймара и в самом деле могут закрыть дорогу в свое логово. Катари не сумеет настоять. Хуже того, она сделает все, чтобы избавить от опасности тех, кого любит.

Королева призналась Дженнифер Рокслей, что вызвала графиню Савиньяк. Женщину, обокравшую собственного сына. Женщину, которую никто не посмеет тронуть. Даже Ноймаринен. Катари выбрала Арлетту Рафиано, потому что та неуязвима, а вот сыну Эгмонта получить приглашение ее величества вряд ли удастся. Тайно в замок не пробраться, остается уговорить Робера провести кухню и отправиться с ним. Не выйдет – придется отбросить гордость и изобрести предлог, позволяющий провести в Ноймаре хотя бы пару дней. Упасть с лошади или заболеть? Не годится. Больной не только выставит себя на посмешище, но и окажется прикованным к постели и лекарям, а щит лучше осмотреть без свидетелей. Выдать себя за посланника Эпинэ или, еще лучше, Ворона? Для этого нужны письма и печати, а подделывать бумаги Окделлы никогда не умели. Так ничего и не надумав, Дикон послал Сону в галоп. Робер и Эмиль Савиньяк, не сговариваясь, утверждали, что скачка проветривает голову. Вот и проверим.

Мориска и раньше порывалась перейти в кентер, но занятый своими мыслями Дик ее сдерживал, зато теперь... Вороная молния ринулась вперед, из-под копыт брызнули мелкие камешки, в лицо ударил задорный ветер, а придорожные заросли слились в зеленую стену. Юноша не оглядывался – знал, что Блор постарается не отстать, но куда его гнедому против Соны! Равных черной красавице немного, а сейчас кобыла не просто слушается, она сама

хочет скакать, лететь, обгоняя ветер...

Как всегда на галопе, время исчезло, всадник и лошадь слились в единое существо, исполненное силы и ликования. Мориска мчалась все быстрее – поворот, блеснувший справа то ли пруд, то ли озеро, какие-то развалины, снова пруд, перекрестье дорог с нелепым обломанным столбом, несколько всадников. Свои... Разъезд Блора, ничего, постороняться! Сона ушла вбок, обходя вертящих головами солдат, и тут радость стала гаснуть, словно костер под проливным дождем. Кобыла еще летела среди подступивших к тракту зарослей, но ветер стал злым и холодным, а грохот копыт отдавался в голове лаем. Ричард набрал повод, унимая бег. Хватит, они и так слишком вырвались вперед. Мориска обернулась и коротко, просительно заржала. Юноша потрепал кобылу по даже не взмокшей шее и огляделся.

Место, в котором они оказались, можно было бы назвать красивым, если б не пропитавшая его угроза. То, что совсем недавно казалось полным симпатии взглядом, обернулось злобным подглядыванием... Нет, не обернулось – это был совсем другой взгляд, ликующий и хитрый, словно у заприметившей добычу кошки.

На всякий случай Ричард проверил ольстры. Дорога была пуста, а придорожные заросли вряд ли могли скрыть кого-то крупнее гончей: шиповник вырос слишком колючим и слишком густым. И все же злобный взгляд ощущался все явственней. Кто-то караулил именно Ричарда, караулил долго, упорно и вот наконец дождался. Непонятный враг не спешил, ему хватало того, что он увидел, *пока хватало*.

Юноша вынудил Сону попятиться, чужой взгляд потянулся следом. Ричард выслал кобылу, преодолевая искушение броситься под охрану своих стрелков. В убегающего легче попасть, к тому же эта тварь будет думать, что напугала Окделла. Рука небрежно поправила плащ, на самом деле расстегивая ольстру. Еще чуть вправо... И еще. Стрелять по взгляду трудней, чем гасить пулей свечи. Смог бы Ворон попасть в того, кто не выдает себя ни шорохом, ни звуком, одной лишь ненавистью?

Дикон стремительно выхватил пистолет и спустил курок. Дрогнули ветки, посыпались розовые лепестки. Ненависть осталась, но Ричард уступать не собирался. Отбросив разряженный пистолет, юноша выслал мориску в длинный прыжок. Он знал, теперь он знал точно, где засел шпион, потому что убийца уже ударил бы... Ничего, сейчас поговорим! Сейчас!

Сквозь зелень проглянуло нечто серо-розовое. Оно не двигалось. Оно было холодным, злым и вечным. Оно было камнем.

2

Кончался второй день пути, а Руппи так до конца и не верил в то, что натворил, и при этом не сомневался ни в том, что иначе нельзя, ни в том, что он – подлец и прощения ему не будет. Штахау со своими лесами и смеющимися потоками осталась позади еще утром, вокруг тянулась ровная ухоженная Менкелинне, а лейтенанту казалось, что он скачет с кручи на кручу, да к тому же сквозь грибной дождь. Пыль на дороге и развешанные на плодовых деревьях игрушки, чьим делом было подманивать тучи, утверждали обратное. Руппи своим глазам верил, и все равно ему мерещились пронизанные солнцем капли. Золото играло со свинцом, а радость – с чувством вины. Он бросил Мартина и Генриха на дороге. Он оставил сходящую с ума от тревоги мать. Он был негодяем, но мертвые мертвы, а мама... Она никогда не простит, как не простила отцу той давней ночной задержки, но не бросать же Олафа без помощи! Бабушка, та поймет, если только свалившийся на голову внук не помешает ее собственным замыслам. Раньше Руперт мало думал об интригах Штарквиндов и Фельсенбургов, но сейчас все решает столичный шепоток, а не пушки и ветер.

Висящая на сливе куколка с прической из куриных перьев взмыла вверх и шлепнулась на землю, под копыта Краба, тот игриво заржал. У Мартина мерин помалкивал, зато теперь...

– *Теперь мы танцуем... Теперь весело... Всем весело...*

Можно сказать, что это танец. Можно сказать, что это грех и блуд. Много можно сказать...

– Вперед, – велел лейтенант коню, который и в самом деле был на диво хорош, несмотря на плебейскую внешность и привычку бочить, точно разъяренный кот. И где его такого дядя добыл? До поступления на флот Руппи знал всех лошадей на конюшне...

– *Опять помнишь. Забудь... Память – это пыль... Память – это конец... Ваша старость растет из памяти. Зачем тебе старость? Зачем помнить, радуйся! День растет... Будет радость, много...*

Синие искры, голубые глаза, крылья, смех, радуга под ногами, поцелуи, объятия, синие сумерки – ни тьма, ни свет... Он не заметил, как пронеслась ночь, он смеялся и бежал по горному лугу рука об руку с крылатой, вскакивал на камень посреди бурлящего потока и не падал, ловил звезды, а они звенели... Неужели это было?! После Мартина, после всех смертей...

– *Это будет... Будет... Ты глупый... Отпусти себя на волю. Память – цепь. Память – камень. Память – холод... Не помни...*

– Я буду помнить, – говорит как клянется лейтенант, – я должен помнить. Я должен ехать в Эйрехт.

Она молчит. Растрепанная куколка катится по дороге в локте от лошадиных копыт. Подпрыгивает, летит по воздуху, снова катится, убегая, маня, дразня тем неизъяснимо прекрасным, что случилось ночью, что заставило забыть о беде на дороге, но забывать нельзя... Пока нельзя, как бы ни манила роща, к которой нахально свернул Краб.

– Мы едем дальше.

Мерин упирается и ржет. Окажись здесь шпион, он бы с чувством выполненного долга вернулся в Эйрехт, ведь Фельсенбург никогда не сядет на «разговорчивого» зверя. Шпиона нет, нет вообще никого, и в роще тоже... Никого чужого. Там тень, там вода и синие колокольчики. Они качаются, они смеются и звенят, а ветви – вот они, уже над головой, сплетаются, укрывают от чужих глаз. Белые камни, синие цветы, зеленая трава, звенящий ручей – это весна и молодость, это радость... Острые зеленые листья шпагами торчат над скачущей водой, а вот и стрекозы... Они все увидят, и пусть – им можно, и им, и птицам, и цветам... Они мудры, они живут весной, дождями, поцелуями ветра и солнца, они не думают ни о чем, они любят...

– Иди! – говорит Руппи Крабу. – Пей.

Колокольчики качаются и качаются... Какие же они синие, словно кто-то бросил под деревья небо. Руперт стоит среди колокольчиков, рядом лежат снятое седло и вьюки. Он расседлал коня? Когда?!

– *Иди... Пей...*

На спине Краба боком сидит *она*. Поджала ножки, смеется, две гривы – конская и девичья – перепутаны и усыпаны лепестками. Стрекоза на обнаженном плечике, синяя-синяя...

Камзол летит в траву, купленный утром добротный камзол. В самый раз для небогатого путешественника из достойной дворянской семьи, а *она* уже на дереве, стоит в развилке ветвей и смеется, но стрекоза не улетела. Как же *ее* называть?

– *Имя? Имя тоже память... Не надо памяти!*

– Надо.

– *Хочешь помнить? На!* – На ветке стоит Гудрун.

Пузатая белотелая Гудрун, и как только держится? Тут кошка и та свалится!

– *Мой кесарь!* – воркует принцесса. – *Мой кесарь... Иди сюда... Утоли душу и тело...*

Зачем, ну зачем же так? Здесь, среди весны, – и Гудрун?!

– *Видишь? Память не нужна... Это противно... Это больно... Забудь, и идем...*

Прохладные пальцы на щеке, *ее* пальцы... Голубые звезды глаз близко-близко. К Леворукому память, к Леворукому все, кроме... Взмах крыльев, вихри лепестков, тени трав.

Нужно бежать, иначе не выплыть, бежать отсюда... Он не может задерживаться, он должен... Что? Идти?.. Вспомнить?.. Кого? Мелькают тени, обретают плоть, тают... Гудрун с ее животом, давно замужняя Гретхен, какая-то смуглянка, которую Руппи видел один-единственный раз, то есть не просто видел... И та, из Метхенберг... Трясет подаренными серьгами, чего-то хочет. Зачем они здесь? Ему ничего не нужно, кроме весны и шалого поцелуя на губах, вкуса ранней земляники, свежести родника, укрывшей поляну туманной дымки. Пусть *она* придет, та, что танцевала среди снега. Та, что вчера поила звездным светом. Только *она*, чернокудрая, гибкая, ускользающая и невозможная. Какая память?! Какой долг? Какая дорога?! Его дорога – радуга... Столько жить и не знать, что у тебя есть крылья, что счастливыми бывают лишь в небе... и в любви!

– Ты понял... Ты все понял... Хорошо...

3

Теперь Дикон держался посреди отряда. Юноша очень надеялся, что Блор поверил объяснению о ящерице на камне и желании проверить пистолеты. Выглядеть глупцом в глазах неразговорчивого полковника не хотелось, но допущенная оплошность была ерундой по сравнению с не желавшим проходить страхом. Ричард управлял конем, что-то иногда говорил, выслушивал ответы, и все это – продолжая ощущать холодный полусонный взгляд. Лошади вели себя спокойно. Расспрашивать людей Дикон, памятуя о своей выходке, не рискнул. Смутные страхи присущи женщинам, особенно в интересном положении, но мужчина и воин идет вперед, не опуская глаз даже при виде смерти.

Правда, Нокс перед последней своей поездкой заговорил о ржавой луне, но он просто удивлялся. Сюзерен в день гибели сперва был счастлив обретением меча, потом злился на Левия. Удо казался раздраженным и подавленным, но иначе в его обстоятельствах и быть не могло. Рихард, тот думал только о сражении. Джеймс Рокслей спорил с «Каглионом» и дразнил беднягу Дейерса... Все были такими обычными, разве что Фердинанд в Багерлее, но бывший король, что бы ни врал Инголс, покончил с собой. Альдо было незачем убивать Оллара, просто самоубийство короля унижает подданных, и толстяка превратили в жертву. По-своему это правильно, но зачем лгать регентскому совету? Ради Катари? Она, к несчастью, эсператистка, а эсператизм настолько далек от понятия Чести, что объявил самоубийство непростимым грехом, но можно было собрать Совет втайне от королевы, взять клятву молчать и сказать правду. Это было бы достойно, а слово сдержал бы даже Карваль: человеку Сильвестра не пристало порочить Оллара. Остальные тем более пощадили бы чувства Катарии и оказали покойному последнюю услугу.

Каким бы нелепым ни был Фердинанд, он освободил от себя и свою жену, и своих подданных... Как все же глупо и подло называть грехом то, что может быть и подвигом. Бросься Эрнани на меч сам, он был бы достоин уважения, но он трусил и погубил своей трусостью лучших рыцарей Талигойи...

– Монсеньор... слышите?

Чужой взгляд беззвучен, он липнет к телу мокрой рубашкой, вызывая дрожь, но рубашка может высохнуть... Или Блор просто пугается в понятиях? Простолюдины и даже ординары часто говорят «видеть» или «слышать» в смысле «понимать» или «чувствовать».

– Нет, я ничего не слышу. В чем дело?

– Нас догоняют. Довольно большой отряд...

– Откуда ему здесь быть? – Даже если это враги, они позади. Они не станут молчать и смотреть.

– Не знаю, монсеньор. Чтобы нас вернуть, довольно одного гонца, хотя один человек по нынешним временам может и не добраться...

– Слухи о дорожных опасностях преувеличены. – Сейчас любят болтать о том, как хорошо было в Талиге. Еще немного, и времена Фердинанда объявят золотым веком. Про драгун в Надоре и заполыхавшую от «великого счастья» Эпинэ забудут.

– Я так не думаю, монсеньор. На большой отряд мародеры не нападут, но одинокого путника или безоружных крестьян не упустят. Дороги пусты, потому что люди боятся ездить, тем более с товарами. Что там, Саймон?

– Кажется, ноймары. Багровые с серым... Около полусотни, идут кентером.

Что тут делать ноймарам, кроме как убивать? Повелитель Скал исчезнет вместе со своим отрядом, а спишут на мародеров, ведь на этом тракте уже пропало несколько обозов. А может, и того веселее – объявят попавшими под обвал. Не выйдет!

– Блор, отрядите двоих посмышленей вон в ту рощу. Пусть не вмешиваются, что бы ни произошло. Если с нами что-то случится, пусть скажут в Олларию с докладом к... – К кому? Катари такие новости могут убить... – К герцогу Эпинэ и графу Глауберозе. Но сперва пусть вывезут графа Штанцлера.

– Монсеньор, неужели вы...

– Я допускаю все, – отрезал Ричард и понял, что невольно цитирует «Благого убийцу». – Поворачиваем навстречу. Первыми не нападаем, но будем готовы ко всему.

– Простите, монсеньор, но они вряд ли собираются нападать, по крайней мере сейчас. Ноймары – бывалые воины; нас бы зажали самое малое с двух сторон. Скорее всего, на переправе через Данарок.

– На переправе мы бы приняли меры, а тут будем думать именно то, что вы и подумали.

Мерзкий враждебный взгляд, серый камень в кустах диких роз... Это просто предчувствие, предчувствие, о котором мужчина не скажет никому и никогда, но оно бывает у многих. Серый камень предупреждал, он чуял погоню и кричал об угрозе, но чужой язык понимать трудно, даже если ты Повелитель Скал и с тобой говорит твой подданный. А ноймары погорячились. Полсотни на четыре десятка – это не преимущество. С таким перевесом северян не перебить и уж тем более не взять в плен. Или «волки» рассчитывают, что Блор выдаст своего герцога, а то и продаст? Блор начинал с Симоном, такие не продаются!

Ричард развернул Сону и молча направился навстречу погоне. Не обнажать оружие раньше времени он научился еще в Сагранне. Если ноймары замыслили убийство, пусть проявят свои намерения. Чтобы не было кривотолков, чтобы никто не сказал, что «волки» мирно ехали к Лукку и на них напали люди Окделла.

Задние ряды расступались, пропуская Ричарда к серо-багровым. Солдаты были спокойны, они не ждали подвоха. Север потому и бьют в спину, что он не способен на подлость даже в мыслях. Как тихо... «Небеса, не желая крови, замирают в ужасе зимнем...» Тут Веннен ошибается. Те, кто смотрит на нас из своей вечности, крови не боятся. Они желают знать, достойны ли мы их внимания.

Смотрят и ждут небеса, смотрят и ждут разбросанные по полю валуны, трусливо гнутся травы, клубится пыль. Ноймары не скрываются, идут походным строем. С Алвы бы случилось напасть, не перестраиваясь, но его ведь учили... Рудольф Ноймаринен и учил! То, что «волки» не выказывают враждебных намерений, ничего не значит. Ничего.

– Монсеньор, – догнавший Блор поднимает трубу, рассматривает приближающийся отряд, – разрешите выехать навстречу.

– Спасибо, но им нужен я.

А это мысль. Выехать одному, как это сделал отец. Пусть попробуют схватить или убить на глазах сорока ветеранов.

– Вы отрядили людей в рощу?

– Да, но, по-моему, это излишне.

– Сейчас проверим.

– Я не намерен отпускать вас одного.

– Значит, вы не считаете мой приказ излишним?

– Но...

– Святой Алан, оставайтесь на месте!

Шагом. Парадным шагом, как на коронации. Спокойно. Шляпа сидит хорошо. Да как бы она ни сидела, поправлять уже поздно. Ноймары и не думают останавливаться. И менять аллюр тоже не собираются. Да, это они... Сомнений нет, на таком расстоянии не ошибешься. Серый конь, такой же, как у Придда... Как же некоторые любят серятину! Но в седле предводитель держится сносно, хорошо держится... Поднимает руку, останавливая своих. Эрвин Литенкетте?! Чего он хочет? Поединка? Окделл согласен и на линию. Их спор в самом деле пора разрешить...

– Добрый день, сударь. Не ожидал встретить вас в этих краях.

– Я в более привилегированном положении. Эпинэ сказал, что вы отправились смотреть обвалы. Я намерен составить вам компанию.

– Вы полагаете, я не в состоянии сосчитать беженцев?

– Я полагаю, вы не в состоянии доложить сразу ее величеству и герцогу Ноймаринену.

– Вы намерены после... инспекции...

– Вернуться к отцу и еще успеть повоевать. Не кипятитесь, я не покушаюсь на ваши столичные привилегии. Если желаете, мы поедем порознь, хотя это довольно глупо.

Твоя ошибка или чужая хитрость? Все говорит за то, что прав Блор, но проклятый взгляд... Он и не думает исчезать.

– Я с вами согласен. Не стоит выказывать солдатам то, что их не касается.

Глава 2

Предмесья Бордона

400 год К.С. 13-й день Весенних Молний

1

Урготские осадные орудия раз за разом оглашали окрестности грохотом и выбрасывали в воздух очередную порцию дыма, а в бордонов – тяжеленные ядра. Стены прикрывавшего Гариканские ворота рavelина, именовавшегося, согласно планам и свидетельствам местных, Агарийским или «Корзиной», выглядели хорошо побитыми. День-два, и можно отдавать приказ о штурме.

Топтание под стенами радости Эмилю не доставляло, и он задался целью подтолкнуть мысли дождей в нужном направлении, то есть к сдаче. Уже неделю маршал готовил штурм «Корзины», дивясь собственной обстоятельности. Были устроены сильные батареи, заготовлены лестницы и фашины для засыпки рва, а для атаки выбраны наиболее подходящие полки. Ночами бордоны, как могли, латали прорехи, и все равно ответный огонь с каждым днем становился слабее, заставляя командиров отобранных для атаки полков переминаться с ноги на ногу, переводя нетерпеливые взгляды с намеченной цели на маршала и обратно.

Все они – и Савиньяк со свитой, и нетерпеливые полковники – проводили становящиеся все более жаркими дни в обширном саду, примыкавшем к большому добротному дому. Судя по лепнине с кораблями и водруженному на холмике посреди сада постаменту с дельфином – загородной резиденции кого-то не только состоятельного, но и почтенного. Деревья на фашины командующий рубить запретил, желая иметь укрытие и от взглядов осажденных, и от южного солнца, но жарко было даже под каталями. Жарко и тоскливо.

– Мой маршал, – обрадовал Герард, – прибыл генерал Заль.

– Опять? – буркнул Савиньяк. «Заячий генерал» успел Эмилю изрядно надоесть, день за днем наипочтительнейшим образом настаивая на том, чтобы частям Кадельской армии было доверено участвовать в будущих штурмах. Лояльность требовала доказательств, и Заль рвался в бой. Вернее, рвался послать туда своих подчиненных, но с ними имелись определенные сложности. Не то чтобы кадельцы были совсем уж толпой неумех, но за зиму

их прилично распустили, в чем Эмиль успел убедиться и на марше, и при осадных работах. Кроме того, Савиньяк недолюбливал всех, кто так или иначе крутился вокруг Колинъяров.

– Мой маршал, я еще раз прошу вас...

Эмиль подавил зевок. Это продолжалось не первый день: воинственный Заль, толкующий о контрибуциях, концессиях и тому подобных процентах экстерриор Фомы, мающиеся без драки алаты, Джильди, которого при виде корсаров корчи не били только потому, что били при виде Бордона. Косился фельпец и на урготов, хоть и не так, как агарийские наблюдатели на витязей Карои. Без заверений Эмиля, что алатская конница не покинет Бордон иначе, чем вместе с талигойцами, агары не могли ни спать, ни есть. А ведь были и собственные обормоты, так и норовящие то агарийцев задеть, то с алатами напиться. Эмиля напиваться не тянуло – он не пил в жару, в одиночку и в дурном настроении, а оно было хуже не придумаешь. Мало того что дома война, так армия, которой самое место у Хербсте, торчит под Бордоном. А еще эта политика...

Маршал Юга зло сощурился и до предела распустил ворот рубахи – мундир Эмиль надевал либо к вечеру, либо принимая всяческих экстерриоров, послов обычных и послов полномочных. Пушки палили, приближающееся к зениту солнце жарило, Заль, обливаясь потом, продолжал зудеть про «гордость», «жажду сражаться» и «стремление проявить доблесть»... В этом был свой резон – сам Эмиль порядком огорчился, когда его не пускали в бой.

– Я не собираюсь отстранять от участия в деле уже назначенные полки, – прервал словесный поток маршал. – Для этого нет никаких оснований. Выберите один приличный полк с соображающим командиром. Он будет в резерве. Я его использую либо для закрепления успеха, либо для отражения атак из города, если «дельфины» захотят помочь своим. Вместе с выбранным полковником – завтра здесь же. Ближе к вечеру. Да, Герард?

– Полковник Оттаж докладывает, что согласно приказу передвинул пушки влево и готов открыть огонь. Это так, насколько я отсюда видел.

М-да. Юноша верен себе, просто передать доклад ему мало. Тяжело же придется тем, у кого он сам будет ходить в начальниках, изведет. Если не научится разбирать, кому можно верить на слово, кому – нет.

– Оттаж – ученик Вейзеля, его проверять нет смысла. Это вам, юноша, не «стремящиеся проявить доблесть».

Маршал не без ехидства покосился в сторону поспешно схватившегося за трубу Залья. Герард покраснел и тоже уставился на лагерную дорогу. Эмиль хмыкнул и в свою очередь навел трубу на огрызающиеся укрепления. Ничего нового, даже дыр, хотя пора бы им и появиться... Нет, вот достаточно крупная брешь. Надо обратить на нее внимание...

– Мой маршал. – Тьфу ты, опять Заль! – Насколько я понимаю, срочный гонец от великого герцога Алатского.

– Алатского? Срочный? – Эмиль не отрывал взгляда от крепостных стен. – С чего вы так решили?

– Кони все в пыли и уставшие, а ведь нет и полудня. – При Герарде только спроси... – Усиленная охрана – алаты. Хотя... – в голосе порученца прозвучала растерянность, – не только...

– Ну и что? – По условиям договора гонцы и прочие посланники вплоть до окончания кампании получили право передвигаться теми же дорогами, что и союзная армия. Разумеется, гонцов, тем более алатских, сопровождают. Так, на всякий случай.

Маршал упер трубу в колено и небрежно повернулся. Примеченный отряд, несомненно алатский, уже миновал ряды лагерных палаток, направляясь прямо в оккупированную Савиньяком усадьбу. Кони действительно выглядели не слишком бодро, похоже, ехали покэналлийски – ночью. И правильно, по такой-то жаре... Передовые витязи уже поднимались по ведущей к воротам дороге. Кавалькада растянулась, позволяя разглядеть отдельных всадников даже невооруженным глазом. Агаров не наблюдалось, только алаты, адуаны и... Взгляд Эмиля остановился на персоне, которую Заль с Герардом, по-видимому, и сочли

гонцом. Не надо было поднимать трубу, не надо пытаться разглядеть лицо под широкополой шляпой. Все сказала посадка.

2

– Добрый день, господа.

Такая небольшая площадка и столько скульптур, вернее, истуканов. Истуканы порученцев. Истуканы полковников. Истуканы генералов. Истукан маршала Савиньяка под катальпой, если это, конечно, катальпа. Лучше б это была она, уж больно роскошно звучит: «Маршал Савиньяк под катальпой...»

– Мой маршал, Южная армия счастлива видеть вас на свободе и в добром здравии!

– Эмиль, мне испытывать счастье, обнаружив здесь генерала Заль, или Кадельская армия проходит у тебя по иному разряду?

Значит, первым заговорил Заль. Похож. Именно такими зали и бывают. В шляпах и исполненные счастья.

– Не берусь сказать. – Эмиль хихикнул и стал похож на человека. – По крайней мере до штурма. Но положение генерал Заль обрисовал точно.

– На этом и остановимся, – кивнул Алва и воззрился на бордонские укрепления. Вот так, у всех счастье, а у Рокэ – бастион, или как там эту дуру величать? Сам Марсель не считал себя источником радостей, но видеть кое-кого был рад. Например, Герарда, созерцавшего вновь обретенное начальство с благоговейным восторгом. Начальство, кстати, могло бы «утреннее чудище» и за ухом почесать, а не лезть вместе с Эмилем на постамент к дельфину, хотя тактически решение было безупречным: четвертый на мраморном обручке просто не помещался. Марсель отвернулся от окруженных солнечным ореолом фигур, подхватил под руку Орельена и потащил к укушенному Залю и непоглаженному Герарду.

– Рэй Кальперадо, хочу вам представить моего друга Шеманталя. К тому времени, когда вы прочтете все умное и скучное, он напишет что-нибудь простенькое, но занимательное. Орельен, это Герард Кальперадо, страшный человек, особенно ранним утром. Не просветите ли нас, что здесь затевается? Заодно можете представить меня генералу.

– Конечно, сударь. Господин Заль, перед вами капитан Валме, офицер для особых поручений Первого маршала Талига и...

Господин Заль только того и ждал. Марсель ошибся, его вид тоже вызывал счастье, то есть не вид, а должность, ну и еще, разумеется, папенька.

– Я смущен, – заверил Валме, – а также польщен, но все-таки что вы делаете возле этой нептице-недево-рыбы?

Герард дважды счастливо моргнул, набрал в грудь воздуха и...

– Маршал Савиньяк готовится к штурму расположенного перед нами Агарийского рavelина, названного так из-за ведущей в столицу Агарии дороги. Укрепление прикрывает Гарианские ворота города и защищается сильным гарнизоном. В нем, по нашему мнению...

Нет, «чудовище» ничуть не изменилось, только прочитало еще какое-то количество самых разных трудов и расширило свои познания. Зато Эмиль выглядит каким-то... погасшим, что ли. Командование бедолаге не в новинку, значит, это его политика утомила. Так всегда бывает. Стоит заняться чем-нибудь противным, и все. Погиб человек. Пропал и для женщин, и для приятелей. А там, не успеешь оглянуться, подагра, старость, астры... Надо бы как следует посидеть со страдальцем, пока Рокэ не сорвался куда-нибудь еще. И хорошо, если выпавшись и пообедав.

Виконту до слез было жаль алатского гостеприимства с олениной, тюрегвизе и скрипками – веселыми, не чета маэстро Гроссфихтенбауму. Излом Изломом, но за одну ночь никто бы не сдох!

– ...приказ к началу штурма, но теперь появился господин Первый маршал! – заключил Герард.

– А где герцог Алва, там победа! – громко добавил Заль, переведя взгляд на Ворона,

продолжавшего изучать раскинувшуюся перед ним панораму.

Насколько мог разобрать Марсель, Рокэ занимали осадные батареи и ведущие в сторону города траншеи.

– Мы не сомневаемся, – еще громче возвестил Заль, – что Бордон падет.

– Еще б ему не пасть, – кивнул Марсель. – Падет как миленький! Мы из-за него стольким пожертвовали. Особенно в Сакаци, да и у самого Альберта...

3

Эмиль не имел ничего против доклада, потому что при виде этой скотины мог только докладывать. Или ругаться последними словами, но рядом болтались две свиты, а этот кошащий равелин требовалось взять.

– В первый день Весенних Волн мы с союзниками перешли агарийскую границу и по заранее оговоренной дороге двинулись к Бордону. – Маршал Юга махнул рукой в сторону почти невидимых в дыму стен. – Добрались за пятнадцать дней. Заранее извещенные доброжелателями дожи стянули к столице все силы и приготовились к осаде. Восемнадцатого мы пришли сюда. Боев до подхода к городу не случилось. Я предложил сдаться, дожи отказались. То ли надеются, что дриксенцы заставят нас уйти, то ли выказывают упорство, чтобы снизить цену капитуляции. Алаты доносят, что прилегающая территория практически беззащитна, зато на побережье тут и там – следы грабежей. Мориски...

– Шады и корсары.

– Тебе лучше знать.

– Именно. Что на море?

– С моря караулят фельпцы и мориски... Морские шады и восемь линеалов. «Дельфины» заперты во внутренних гаванях и носа наружу не кажут. Джильди говорит, бордонский флот не восстановлен и на треть, но попытка атаки с моря провалилась. Шады потеряли от огня с берега три корабля, фельпцы едва вытащили назад две разбитые галеры, одну потом пришлось все-таки бросить. На этом и успокоились.

Мы рыли траншеи, устанавливали батареи, неделю назад начали обстрел. Хозяева отвечают, чем могут. Сперва пытались тревожить нас мелкими вылазками, я велел Карои это прекратить. Витязи подловили бордонов между траншеей и городскими бастиянами и вырубали почти поголовно.

– Алаты не любят брать пленных... Мне не нравится, как действуют урготские артиллеристы. Что написано у них в уставах, меня не волнует, придай им в помощь своих и заставь шевелиться. Увеличить интенсивность стрельбы, уставших тут же менять. Обстрел вести до вечера, до самой темноты.

– Атакуем утром?

– Нет, но им так думать не помешает. А мы устроим маленькое торжество.

– Хорошо, раз ты хочешь. – Последнего можно было и не говорить, но он, в конце концов, не Ли и не экстерриор. Алва достал платок и вытер лоб. Он выглядел вполне сносно, особенно после маминых предупреждений.

– Что говорят шпионы – среди дождей есть сторонники переговоров?

– Есть, но большинство хочет держаться. Мол, покажешь слабость – совсем разденут, а если выждать – у талигойцев и свои дела есть... И они в самом деле есть! Пока я тут готовлюсь кормить Фому...

– Кормежкой Фомы займутся старики. Твое дело – уговорить дождей. Когда?

– Кошки их знают. Тут, как назло, в стычке с морисками погиб кто-то очень уважаемый... Имя из головы вылетело, но вдова и дочери бегают по стенам и требуют держаться.

– Неужели ты не мог утешить вдову?

– Для этого надо до нее добраться, но главное все же Ургот. Этот Марту, а значит, и

Фома настроен ободрать «дельфинов» догола.

– Я их понимаю, но придется чем-то поступиться. Ты переправил письмо?

– Да, как только получил. Мне нужно отдать распоряжения Оттажу.

– Отдавай и заодно разгони свою стаю. Сейчас они нам не понадобятся. В отличие от поваров. Вино у тебя есть? У нас только алатское.

Глава 3

Предмесья Бордона

400 год К.С. 13—14-й день Весенних Молний

1

– Это очень разумно, – одобрил Марсель. – И к тому же геральдично. Можно будет объявить, что это предназначение. Подданным ужасно нравятся предназначения и персты судеб. Отлупив Бордон, вы получаете себе на сковородку рыбу, потому что дельфин – рыба, что бы он о себе ни воображал! А если жените Луиджи на Юлии, то ухватите сразу птицу и деву.

О том, что просватанная птице-дева будет еще и птице-дурой, виконт подло умолчал, хоть и чувствовал себя по отношению к Луиджи предателем. Увы, выхода не имелось: отдавать Елену обуянному любовью к покойнице приятелю Марсель не собирался.

– Дельфин не совсем рыба, – усомнился Джильди-старший. Урготская птице-дева сомнений у фельпца не вызывала.

– От дельфина нам нужен только хвост, а он рыбий! – Валме указал вилкой на ближайший дельфиний барельеф. – Да сами посмотрите! Чем эти хвосты хуже ваших?

– Ничем, – признал честный Джильди. Адмирал захмелел чуть больше, чем пристало великому герцогу, и Марсель заботливо подвинул собеседнику тарелку с чем-то желтым.

– Ее можно изваять, – развил свою мысль виконт. – Я имею в виду птице-дельфино-Юлию, водрузить на столб вроде того, что торчит здесь под катальпой, и назвать Колонной Джильди. Все королевства, герцогства и империи начинаются с именных колонн и победных ворот, главное только, чтоб они были новыми. И вашими. Переназывать незаконно присвоенное – дурная примета.

– Отличная мысль! – обрадовался Джильди и углубился в аппетитную желтизну. Валме удовлетворенно отхлебнул алатского и обозрел залитую светом факелов террасу, на которой сливки осаждающей армии и гости оной радовались прибытию Первого маршала и будущего регента Талига. Правда, на предмет радости графа Марту у Марсея имелись определенные сомнения, вернее, они возникли, когда Рокэ перед торжественным ужином взял ургота под руку, а рядом оказался откровенно чуравшийся дипломатии Эмиль. Тогда-то Марсель и подхватил шедшего следом Джильди. Во-первых, его можно было расспросить о Франческе, а во-вторых, уламывать жаждущего мести адмирала смягчить условия капитуляции следует иначе, нежели жаждущего контрибуций экстерриора. Рокэ маневр своего офицера для особых поручений заметил и не отменил, что Марсель счел знаком одобрения.

Джильди покончил с закуской и уверенно поднял бокал. Марсель последовал его примеру и поймал короткий, но внимательный взгляд Алвы. Настолько внимательный, что вопрос о Франческе как-то сам собой обернулся вопросом о «пантерках». Наслышанный о похождениях на вилле Бьетероццо, фельпец прыснул. Марсель довольно удачно поделился алатским с ближайшим соусником. Папенька высоко ценил соусы на основе вина, а этот соус, без сомнения, теперь стал очень винным.

– Не сказал бы, что киски рвались домой. – Джильди, хоть и стал герцогом, говорил как адмирал на палубе. Громко говорил. – И я их понимаю. Зачем дамам бордоны? Что в них ценного... кроме хвоста!

Марсель заржал первым, не забыв о соуснике и пойманном взгляде. Сидящий напротив

алат провозгласил здравицу в честь Талига и его Первого маршала. Почтенное собрание дружно вскочило и вразнобой заорало. На четвертом выкрике ударили пушки: Южная армия ликовала от души, не жалея ни глоток, ни пороха.

– После горячего – фейерверк! – сообщил Джильди. – Настоящий фельпский фейерверк. Франческа прислала, когда мы отплывали. Девочка хочет, чтобы мы отпраздновали победу как полагается... Но Савиньяк попросил, и я дал. Отметить прибытие Алвы...

Савиньяк салютует нагрянувшему начальству, словно какой-нибудь Заль? Как бы не так! Эмиль выпросил фейерверк либо со злости на Рокэ, а на что злиться, тот всегда предоставит, либо для дела. Все новости выложены еще под катальпами, обо всем, что окружающим знать не полагалось, умолчено, тут поводов к беспокойству у Рокэ нет. Тогда в чем дело? Ургот урготом, но маршалы или в ссоре, или что-то затевают. Вряд ли Ворон несся в Бордон для того, чтобы лезть поутру на какое-то укрепление, пусть оно и торчит на дороге из агарийской столицы...

– Ваше здоровье!

Алатский полковник... Тот, что больше всех переживал гибель Моро и меньше всех – Фердинанда.

– Лучше наше общее!

– Разрешите ваш бокал.

– Вы заставите меня жалеть, что я не алат! Восхитительное вино.

– В Алате нет моря! – припечатал фельпец.

– Будет! – пообещал кавалерист, совершенно не думая о том, что в морях тонут. – Агарам море ни к чему...

– Павлину море тоже ни к чему – хвост вымокнет!

Опять хвост... Сегодня какая-то ночь хвостов. Темно-красная струя, мерцая, льется из кувшина – красивое зрелище... А маршалы необычно умеренны в питье. И этот взгляд – Рокэ то ли оценивал, насколько его офицер по особым поручениям трезв, то ли на что-то намекал. Подойти и полюбопытствовать, каковы планы на ближайшую ночь? Так ведь экстерриор...

– Мокрый павлин, сударь, не лучше мокрой курицы.

– Капитан, кем вы хотите быть больше – фельпцем или алатом?

– Я сейчас думаю, кем я больше не хочу быть – бордоном или агаром? Пожалуй, все же бордоном!

– О да! Дельфин идет на первое...

– Когда мы покончим с Бордоном, я поставлю триумфальную колонну. В память о победе!

– И о четверном союзе, – подсказал Марсель. – Фельп, Алат, Талиг и Ургот. Четыре барельефа у основания, и наверху... она!

– На вершине Аллистады! – Моряк осушил очередной бокал и обнял сухопутчика. – Пусть видят все, кто входит в залив! Дожи посмели явиться к нам со своими ублюдочными галеасами? Что ж, мы пришли к ним с пушками! Бордону конец!

– Сперва – Бордон, – подтвердил алат, – потом – Агария!

– Не надо портить вечер излишними раздумьями! – Марсель втиснулся между союзниками. – Они искажают вкус вина, а мы еще не выпили за дам! Начнем с высокой политики. Мой герцог! Здоровье принцессы Юлии и госпожи Скварца!

Валмоны должны держать свое слово, а он так и не послал ни одного письма. Недостойно, совершенно недостойно...

– За Луиджи и Юлию! И за твою встречу с бордонскими дамами!.. За новую встречу! Ха-ха-ха...

– Роскошное пожелание. И какое своевременное.

– Горячее, господа! Несут горячее!

За спиной в очередной раз грохнуло – как и было приказано. Артиллеристы добросовестно салютовали из десятка пушек, доводя до сведения всех имеющих уши, сколь осаждающие рады появлению Кэналлийского Ворона. Восторженные крики пирующих, вполне искренние, вряд ли долетали до городских стен, разве что неизловленные лазутчики донесут, но орудийный салют и фейерверк бордоны пропустить не должны.

Зашипело. Небо расцветилось розовым и синим. Из розового соткались паруса, из синего – что-то вроде волн. На террасе радостно завопили. Перед «Корзиной» было гораздо тише – здесь никто шуметь не собирался. Окружающая темнота шуршала, постукивала, тихонько лязгала и приглушенно топала – выделенные для штурма батальоны и приданные им группы фельпских абордажников готовились к делу. По докладам разведчиков, с приходом сумерек подобравшихся поближе к укреплению, защитники большую часть ночи работали как проклятые, латая пробитые днем бреши. Наверняка решили, что такой обстрел им устроили не зря, и теперь ждут утреннего штурма. Особенно узнав о прибытии Алвы.

Отговаривать Ворона от ночной «прогулки» было бессмысленно. Решил и решил, не в первый раз. Эмилю это не нравилось, но свое беспокойство маршал держал при себе. Говорить под руку – дурная примета, да и не желает Алва говорить ни о чем, кроме дела. И опять его право. Он – Первый маршал, захочет стать еще и Росио, станет, а лезть в чужую душу нечего, особенно когда душе так досталось. Тут коня укусишь, не то что родича.

Торопливые шаги, почти бег – трое посыльных возникают из темноты почти одновременно. У всех одно и то же: штурмовые колонны на месте. Сидят тихо, ждут команды.

Рокэ молчит, что-то прикидывая, потом решает:

– Еще минут десять, и вперед.

Можно не отвечать, и Эмиль не отвечает. Рядом ждут Марсель и кэналлийцы. Эти о чем-то приглушенно переговариваются, хотя здесь-то чего осторожничать? Не под стеной же. Виконт, не глядя, проверяет оружие. Вот ведь змея! Ко всем вползла, половину перекусила, половину обвила. Бертрам, надо думать, в восторге.

Савиньяк расстегнул мундир – бордоны не экстерриор, переживут – и хмыкнул:

– Я смотрю, волосы ты уже подвязал... Лезешь?

– Должен же я знать, куда лезть противней, на борт галеры или на бастион. – Валме оценивающе глянул на «Корзину». – В море вроде пониже, зато здесь не должно быть качки.

– Мне больше нравятся корабли, – лениво сообщил Алва, – но в стенах есть своя прелесть. Та брешь справа вечером выглядела очень навязчиво. Она явно ждет визита.

– Да, как следует ее заделать вряд ли успели, – подтвердил Эмиль и внезапно добавил: – Марсель, ты бы приглядел за господином Первым маршалом. Осознавая всю ценность его персоны...

– Ты слишком сроднился с Залем. – Тот, кто знает Алву хуже, решит, что Ворон весел. – Все, маршал, ты тут руководишь всем штурмом, а мы пошли.

Они, видите ли, пошли! Они в самом деле пошли. Первым, не оглядываясь, Рокэ, следом Марсель и два десятка кэналлийцев, наставляя которых Эмиль счел излишним. Эти и так... Только маловато проку от них было у этого клятого эшафота... Слишком много произошло за последние полгода такого, чего раньше не случалось, чтобы верить в судьбу. Чтобы просто так отпустить...

– Герард!

– Мой маршал?

– Гляньте, как там Карои, и добудьте чего-нибудь съедобного.

Шаги стихли. Гам за спиной лишь подчеркивал молчание равелина. Гарнизон, наработавшись, отсыпался, полагая, что до полудня им при такой гулянке у противника ничего не грозит. Только дожидаться полудня и даже рассвета никто не собирается.

– Закатные твари, почему не мы?!

– Потому что *мы* с вами – кавалеристы, а не абордажники и не кошки.

3

Траншея вихлялась, как кокетливый червяк, но вела куда нужно. Чем ближе, тем тише старались идти и тем больше топали, пыхтели и наступали на всякую трескучую дрянь. Плохонький лунный серпик, хоть и мелькал в облачных прорехах, света давал мало. В целом это было кстати, но смотреть под ноги мешало.

Другая траншея, параллельная линии укреплений. Пара десятков шагов, и навстречу выступают несколько фигур.

– Монсеньор, повязки.

– Со счета не сбились?

– Нет, монсеньор. Как прибежал посыльный, было шесть залпов. Еще два осталось... А потом – фейерверк.

Все, и Рокэ первый, навязывают на обе руки белые тряпки. Марсель, как и прочие, в последний раз проверяет пистолеты. Вроде порядок.

– Пора.

Еще один зигзаг, тянущийся к городу, но уже гораздо короче. Пока шли, сзади бухнуло – следующий залп станет сигналом к атаке. Все, конец траншеи, пора выбираться.

Наверху оказалось неуютно. Темнота была не такой уж и темной, а луна, помирая, светила, словно внизу собралась стая поэтов. Часовые со стен просто не могли не заметить вылезших на открытое пространство глупцов, а Рокэ еще потягиваться вздумал, мало того, он нацепил свою перевязь! Додумались же сделать ее черно-белой!

– Эх, еще бы день, прокопали бы поближе, – поддержал внутреннего труса некто рядом. Марсель оглянулся и страшным шепотом сообщил, что в такой темнотище траншеи без надобности. Внешний трус заткнулся, внутренний и не подумал.

– Вперед!

Чье-то тяжелое дыхание, размытые темные силуэты выступают из сумрака и пропадают впереди. Перед глазами маячит черно-белая перевязь. Это очень удобно, но когда же наконец ров?

Нечто с сухим щелчком метнулось к идущему слева. Тот отшатнулся.

– Тьфу ты!.. Паукан!

– Хочет воевать? – умилился вслух Валме. – Ах ты, лапушка!

Кто-то спотыкается, приглушенное проклятие, позади еще кто-то зло сплевывает и страшным шепотом обещает оторвать неловкому руки, ноги и голову. Дурацкий месяц вконец обнаглел, и вообще они свернули куда-то не туда. Будь здесь Бордон, они б давно ткнулись носами в стену.

– Ждем. Теперь ждем.

Шевеление вокруг прекратилось, никто никуда не шел и не полз. На всякий случай Валме подбоченился и вывернул руку с белой тряпкой так, чтобы спереди и сослепу оно сошло за перевязь.

Пара минут тишины, и... ба-бах! Там, в глубине лагеря, бомбардиры вновь салютуют кому-то и чему-то, здесь сразу несколько голосов шипит «вперед».

– Ты обещал за мной присмотреть, – раздается рядом. – Ров через сотню шагов, он сухой. Нырять туда с разбега не обязательно.

4

Бежать в темноте по неровному, кочковатому полю никто не собирался, атакующие двинулись хоть и быстрым, но шагом. Проклятье, сколько можно ходить?! Переломаешь ноги, никакая подагра не понадобится!

Валме споткнулся, но не выругался. За него это сделал сосед, и даже по-кэналлийски.

Марсель понял все слова и обрадовался. Так обрадовался, что раздражение и страхи куда-то делись. Ночь была великолепной, луна – восхитительной, а бордоны – милыми и желанными. Виконт, изо всех сил стараясь не насвистывать, прибавил шагу, но добраться до рва в тишине и покое не получилось. Слева закричали, ударил выстрел. По нестройным рядам штурмующих порывом ветра пробежало беспокойство. Марсель присвистнул, вытащил пистолет и перешел на бег.

– Все-таки решил, что в ров надо прыгать?

Тьфу ты, Леворукий, вот же этот ров! Почти под ногами, и от отсутствия воды он лучше не стал... Кто-то скользил вниз по сброшенным канатам, остальные торопливо спускали все новые и новые лестницы. На краю возникла суeta, выстрелы и крики звучали все чаще; перекрывая их, за стенами равелина грохнуло сразу несколько взрывов. Марсель припомнил свой предыдущий боевой опыт и осознал: это рвались гранаты, надо думать, талигойские... Люди уже забрались наверх и делают дело, а он, как дурак, топчется по эту сторону рва! Да еще и от Рокэ отстал...

По ближайшим лестницам вниз лезут кэналлийцы. *«Вы можете требовать все, что захотите...»* Очень кстати, если они вспомнят. Вспомнили, потеснились. А может, просто уступили спутнику собрано.

Ступеньки на лестнице оказались не очень-то удобными и прибиты были не только криво, но еще и редко: в конце виконт едва не сорвался. Обошлось.

– Хорошо все-таки, что в Бордоне сухо! – сообщил на бегу Марсель кому-то спрыгнувшему с соседней лестницы. Кажется, Бласко. Удачно, что здесь кэналлийцы, эти своего собрано из-под земли достанут, а вот и он сам. То есть перевязь...

Белая полоска скользит к противоположному краю рва. Там уже ждет самая обычная жердь с набитыми на нее поперечинами. Приличной лестницы для Первого маршала не нашли, фи! Рокэ буквально взлетает наверх, за ним – Хуан. Слева и справа все то же самое – лестницы, шесты и лезущие вверх люди; кто не лезет, тот, как и Марсель, ждет. Ну и сооружение, еще завалится, и почему люди не летают как птицы, взял бы себя под коленки и полетел!.. Хотя тогда бы летали и бордоны. Ладно уж, влезем и так.

– Дор Марсело, байас?⁷

– Бестактный вопрос!

А это кто тут устроился? Да еще с мешком у ног. Никуда не спешит, ничего не ждет... Наклонился, что-то достал, заискрилось пламя... Раскручивающее движение, такое характерное; мелькает, уносясь вверх, огненный росчерк... Так вот что за гранаты рвутся наверху, рукой не добросишь, а для пращи – милое дело.

Последняя глубокая мысль явилась, когда Марсель, подпираемый азартно сопящим вроде бы Антонио, уже лез наверх, навстречу выстрелам, взрывам, вою и лязгу. Ничего так, вполне себе абордаж...

– Высоковато, господа, высоковато!

Верх стены обозначен факелами, их пока немного, но понять, куда бежать, можно. А вот и прельстившая Рокэ брешь. Ее в самом деле не заделали до конца, провал составляет чуть ли не четверть высоты. Ах ты, моя дорогая!

– *Это было печ-а-ально*, – завопил бывший посол, – *я стоял у дыры* ...

Первые штурмующие уже лезли внутрь. Ну и бегают же некоторые с перевязями! Марсель, кого-то невежливо пихнув, припустил за Рокэ, продолжая на ходу портить романс.

– *Все отнюдь не печально*! – кричал виконт, догоняя волокших лестницу солдат. – *Я гуляю по рву... И кому-то мундир я случайно порву...*

Кто-то оглянулся, кто-то совершенно по-дурацки заржал; брешь была совсем рядом, и тут один из несших лестницу споткнулся, упал и остался лежать. Здоровенную дуру перекосило, виконт подставил плечо.

---

⁷ Идешь? (кэналл).

– *Это снова печально*, – сообщил он, – *это все же война* ...

– Ставим! Хорош!..

Стена... Война... Луна... Под нечленораздельное «э-э-э-э-эх» лестница поднимается и встает. Рядом свисают веревки, по которым лезут те, кто уверен в своих силах. Рокэ, естественно, лезет, вот и приглядывай за таким! Сюда бы умников, прозвавших Валмонов пауками. Колиньяра, например... И за клевету, за клевету!..

– Дорогу, сударь!

Пистолет – в правую, кинжал – в зубы, ну абордаж абордажем, только моря нет, но кому оно нужно, это море?!

– Труби, труби давай! – надсадно кричат внизу. – А то гранатами накроют!..

А вот это и в самом деле будет печально. И глупо... Какого Леворукого этот... соберано лезет первым?! Первым должен лезть трубач, потом солдаты, потом...

Звучит труба, сверху валится тело, затем еще одно... Свои ли, нет ли, не понять, но драка началась. Поднимающийся первым кэналлиец разряжает свой пистолет, орет: «Квальдэто цэра!» – и рывком перемахивает через такой близкий, оказывается, край стены.

Площадка. Удивительно неровная, не чинят они свои бастионы, что ли?! Впереди и слева уже всю рубятся... Рокэ, само собой, впереди... Почти один!

Спустить курок, долбануть разряженным пистолетом, прыгнуть в образовавшуюся брешь, в сторону путеводной перевязи. Нога проваливается в какую-то дыру, и виконт падает. Ему везет дважды: он успевает разжать зубы и выпустить кинжал, который при падении представлял опасность только для хозяина, и плюхается на полуразвалившуюся туру с землей. Одну из тех, которыми бордоны заделывали стену.

– Дор Марсело. – Дружеская рука помогает подняться. Действительно, чего разлеживаться?

– Квальдэто цэра, Антонио!

Смеется; как мало надо для счастья этим кэналлийцам. Общий галдеж удваивается, из темноты вываливается куча народу. Это уже не повязки белеют, это целые рубахи, а то и тела... Бедняги «дельфины». Не только выспаться не дали, но и одеться, вот они и возмутились. А кто бы не возмутился?! Антонио и его сосед, не сговариваясь, стреляют в бегущего впереди – шлем с плюмажем выдал офицера. Бордон шмякается под ноги своим людям, короткое замешательство, и в полуодетое воинство врзается возглавляемый Алвой клин. Кэналлийцы и старые знакомые – фельпские абордажники.

– *Это прямо квальдэто!* – Шпага виконта впивается в первую жертву. – *Это видит луна...*

5

Не лезть на стену в первых рядах атакующих, не ждать в лагере, доверив штурм младшим офицерам, не дожидаться *своей* атаки, а торчать сзади. Не вмешиваться, наблюдать, делать вид, что так и надо. На тебя смотрят те, кого не прогонишь, и для них все должно идти как задумано. По крайней мере пока не прояснится, что там, в «Корзине».

Командующий Южной армией стоял и ждал. Можно было сесть, как сел граф Марту, можно было бегать, как Джильди и Заль, но Эмиль стоял, уперев зрительную трубу в бедро. Словно его неподвижность подманивала удачу к тем, кто сейчас дрался.

С тех пор как у темной каменной груды ударил одиночный выстрел, затем еще один и беспорядочно заматались огоньки, Савиньяк шевельнулся лишь дважды, приветствуя заявившихся союзников. Когда он объяснялся с озабоченным исчезновением с пира обоих маршалов урготом, спереди донесся глухой рев. Значит, полезли уже в открытую. Стрельба стала ожесточенней, начали рваться гранаты... Джильди – спасибо ему – молчал. Марту лез с расспросами. Его хотелось придушить, но Савиньяк раз за разом объяснял:

– Сигнала о помощи нет. Все идет как задумано. Карои готов к бою, но сейчас в этом нет необходимости.

Темнота то и дело расцветивалась огненными всполохами, над черной массой укрепления метались огни факелов. Разобрать, что творится на месте боя и около него, было невозможно, но вестей все еще не приходило. Погиб гонец?

– Я не понимаю... Почему до сих пор нет донесений?

– Еще не время. Успокойтесь, господа. Все идет как нужно.

Если б не эта... стая! Стоят тут над душой... Ни кошки не смыслят, а стоят!

– Мой маршал, в двух местах наших было отбили. – Гонец... Теньент-мушкетер. Наконец-то! – Справа, там, где брешь не до конца заделали, кэналлийцы все-таки ворвались. За ними – абордажники. Бой идет уже внутри...

– Ну вот, господа! А вы переживали...

– Я уверен... я был уверен, что штурм назначен на утро, – не выдержал Джильди. – Я... собирался участвовать.

– Я тоже, – почти не соврал Эмиль. – Решение о немедленном штурме принял Алва. Полки уже стояли на исходных позициях. Первый маршал услышал салют и подумал, что бордоны не станут ждать штурма во время праздника.

– Я был слишком пьян, чтоб меня спрашивать! – честно признался фельпец. – Правильно он решил...

– Герцог Алва излишне рискует. – Можно подумать, графа Марту кто-нибудь спрашивает! – Лишние несколько месяцев ничего не изменят, в то время как...

– Для вас не изменят. – К кошкам дипломатию, к закатным кошкам! – Но на севере дерутся. И наше место там!

Экстерриор затыкается и вновь садится. Возле него прыгает Заль. Фельпец принимается что-то обсуждать с алатом. Кажется, делят Агарию... Да хоть Гайифу с Кагетой!

Время еле-еле тянется в нетерпеливом ожидании, ну когда же, когда... И время несется галопом – вот-вот начнет светать, в дело вступят городские батареи. Надо успеть...

Пальба и вопли то притихают, то раздаются с новой силой. Холодает, откуда-то появляется туман, ползет понизу, тянется к равелину, заволакивает дорогу. Откуда в Фельпе и Бордоне туманы при такой-то жаре, а ведь случаются, и какие! Ножом режь. Шум стихает, а может, его глушит туман? Послать кого-нибудь? Так, чтобы Марту не слышал.

– Мой маршал! – Ослушавшийся и ушедший к дороге Герард сияет, а рядом еще ярче сияет здоровенный абордажник. Дважды: улыбкой и подбитым глазом. Все. Взяли! Ясно и без доклада.

– Кто тебя?

– А свой же! – Залихватская улыбка. Значит, никто не погиб, никто из важных. – Башмаки в глине... Соскользнул на лестнице, и мне по морде. Хорошо, не на самом верху, а то как полетел бы...

– Мой маршал! – не выдерживает подобного «доклада» Герард. – Агарийский равелин взят. Господин Первый маршал приказывает срочно доставить подготовленный порох.

А порох, между прочим, отличный повод!

– Господа, прошу меня простить. Дела настоятельно требуют моего присутствия на занятом укреплении.

6

В предрассветной серости внутренний двор равелина выглядел малопривлекательно. Полуодетые тела, выбоины, кучи земли... Захваченные галеасы были как-то приятней, но воспеть «Корзину» можно шикарно. Рассвет, тишина, победа, Первый маршал Талига осматривает поле боя и трофеи... Прямо в оду просится или в элегию, если расписать, как Ворон Рокэ застыл над телами погибших кэналлийцев, только увольте виконта Валме от таких элегий! Пусть пишут те, кого здесь нет, у них выйдет. Собственно говоря, только у них и выйдет...

Они дрались вместе, а до этого вместе пили, ехали, разговаривали, но сейчас Марселю места среди них не было. Нет, виконта не гнали, он отошел сам. Рокэ это заметил вряд ли. С непроницаемым видом soberano смотрел на мертвецов, а Хуан с остальными молчали за спиной soberano. Всех погибших виконт не разглядел, но сбоку лежал Антонио. Парень всю драку держался рядом, помогал... Квальдэто цэра! Все шло отлично, потом они стали теснить собравшихся вокруг офицера бордонов на прорвавшихся где-то левее мушкетеров. Бой почти закончился, можно было не лезть, но Рокэ полез, и Антонио поймал грудью пулю. Марсель видел, как это было, он не понял другого: все вышло случайно или кэналлиеца метнулся вбок, заслоняя soberano?

– Приветствую, сударь. Помнится, в прошлый раз вы пели другую песню.

Фельпец. Имя выпало из памяти, но на фляжке у abordajника по-прежнему были розы. Они и стали поводом для разговора. Розы и романс, который орал Валме. Вот так и понимаешь, что обзавелся новой привычкой.

– Я не так часто воюю, чтобы повторяться.

– По вас не скажешь. Будь вы моим подчиненным, я бы выбрал вас за излишнее молодечество. Себя надо беречь.

– Валмонам не грозит ничего, кроме подагры.

Было б неплохо больше никуда не карабкаться, тем более стены города еще выше этих. В море – вода, на суше – темнота, тоже приятного мало. И хорошо бы Эмиль справился без личного участия Первого маршала и его офицера по особым поручениям. Чтобы не пришлось отвлекаться на разные мелочи, вроде этой груды земли и тесаного камня. И чтоб над покойниками никто не молчал. Над своими покойниками.

– Монсеньор, – доложил щекастый тенъент, – пленные по вашему приказанию собраны.

– Пойдемте, господа. – Рокэ вроде бы и оторвался от своих размышлений, и все равно с ним было что-то не так. Еще более не так, чем всегда. – Эмиль, готовь саперов.

Пленные виконту были без надобности, но он пошел. Поздоровался с откуда-то взявшимся Савиньяком, молча кивнул Хуану. Тот не понял или понял не так, посторонился, пропуская к soberano. Темная шеренга в тумане казалась бесконечной. Умеют же люди сдаваться! Савиньяк вскинул брови. Рокэ все с тем же непонятным выражением повернулся к бордонам. Стереть с лица и рук кровь он не удосужился.

– Офицеры есть? Если попались, давайте сюда.

– Есть, – откликнулся хромой тенъент. – Полковник, что всем у них командовал, убит. Жив старший артиллерист, капитан. Еще есть тенъент, из ополчения, но раненый.

– Хорошо. Так, вот этот и этот...

Они быстро шли вдоль неровного строя. Рокэ выбирал, они с Эмилем смотрели. Чем отобранные были лучше или хуже других, понять было сложно. Люди как люди, только полуодетые и хмурые, так ведь утро же! Утром только чудища радуются.

– Повезло вам, господа, или нет, покажет будущее. Сейчас вы вернетесь в город и передадите Совету дождей следующее: Первый маршал Талига герцог Алва предлагает решить спорные вопросы, не доводя дело до общего штурма и большого кровопролития. Чем упорней будет сопротивление, тем меньше останется от города, когда он будет взят, а он будет взят, это я вам обещаю. Самые хитрые могут попробовать уйти морем, но попадут либо на дно, либо на Межевые острова. Это я вам тоже обещаю. На размышление – день, после заката о переговорах можно забыть. Все. Тенъент, выделите людей, пусть проводят этих господ, остальных – в лагерь.

Вот так. Коротко, ясно и никаких дидерихов. Никакой игры, зато страшно, как в Нохе, когда убивали Ариго и Килеана. Дело не в словах, дело во взгляде и в том, что у Бордона один выход: сдаться. Только сумеет ли капитан-артиллерист объяснить своим дожам, что заката лучше не ждать?

Туман малость поредел. Бывшие защитники равелина, встрепанные, окровавленные, изрядно ошеломленные, тем не менее довольно шустро потопали к талигойским позициям, подгоняемые возгласами и, изредка, тычками. Двор заполонили люди в желтых саперских

куртках, но стены чинить никто и не думал, наоборот.

Все, что мог сделать Марсель, – это предложить Рокэ платок; тот взял, вытер лицо. Саперы с помощью солдат всюду трудились, увеличивая дыры и копая ямы. Бочки, которые притащили люди Эмиля, много бочек, отнюдь не казались винными. Зачем тащить сюда столько бочек, в которых даже «граф Ченизу» опознал бы порох, если только не...

– Рокэ, мы собираемся все это разрушить? Взорвать?

– Именно. Внутренняя часть рavelина находится под перекрестным обстрелом с двух бастионов, бордонские пушки тут все разнесут уже к середине дня. Лучше это сделать самим, так будет полезней.

– Опять фейерверк? Скоро? Умыться я хотя бы успею? И перекусить...

– Успеешь. Ты видел, как погиб Антонио?

– Да. Он то ли споткнулся, то ли нарочно... Я так и не разобрал.

– Я тоже.

Глава 4

Талиг. Надорский тракт. Восточная Гаунау 400 год К.С. 14—15-й день Весенних Молний

1

Кони и люди по-прежнему были спокойны. Северяне Блора и ноймары ели, спали, поднимались, садились в седла и ехали дальше. Навстречу чему-то чудовищному. Ричард тоже ехал. Впереди своего отряда на ничего не замечающей Соне. Юноша знал, что правильнее всего вернуться в столицу, но при ноймарах и из-за ноймара это исключалось. Если Литенкете отправится дальше один и сгинет в Надорах, обвинят того, кто бросил его на произвол судьбы. Если неведомая опасность стережет Окделла, и только Окделла, разумнее путешествовать во главе большого отряда. Если же медлительный, неотступный взгляд порожден измученным потерями и предательствами воображением, отступить – не только превратить себя в посмешище, но и лишиться собственного уважения.

Опасность рыцарь встречает лицом к лицу, и Ричард вел людей на северо-восток, почти не замечая дороги. Чуть ли не все силы уходили на то, чтобы держаться. Никогда еще юноша так не следил за посадкой, осанкой, голосом. Даже по дороге в Фебиды в обществе «спрутов» было легче. К счастью, Блор показал себя образцовым полковником и не докучал всякой ерундой. И это же было плохо – повседневные заботы отвлекли бы от того страшного и неотвратимого, к чему они приближались. Приближались по доброй воле.

Что караулило их в Надорах, юноша не представлял, но оно не имело отношения к Литенкете и его «волкам». Ричард дважды отрывался от ноймаров и поджидал их, убеждаясь, что ощущение давящей тяжести и чужого внимания усиливается. Затаившаяся на северо-востоке злоба делилась на всех, значит, следовало держаться вместе, хотя это могло иметь не лучшие последствия. Совместное путешествие сближает самых несближаемых. Дикон помнил, как едва не примирился с варадийскими адуанами, но это хотя бы не несло угрозы. Иное дело теперь. Сойдясь с ноймарами, солдаты Блора утратят бдительность, и потом их смогут взять голыми руками. Потом... До него еще надо дожить! Насколько же проще на обычной войне, где тебя могут убить, но и ты не беззащитен. Где враг очевиден и уязвим.

– Спокойной ночи, монсеньор. Надеюсь, сегодня вы хорошо отдохнете.

– Не сомневаюсь.

Блор доволен, что им наконец-то попалась незаколоченная гостиница. И солдаты довольны, но Ричард предпочел бы провести ночь в палатке посреди лагеря. Отдельная комната не радовала, а семь ночных часов уже сейчас представлялись бесконечными.

– Спокойной ночи, полковник.

Оставалось подняться по скрипучей лестнице вслед за скорее испуганным, чем радушным хозяином. Комната была убогой, но хотя бы чистой. За окошком шевелились темные ветви, на одной из них белым червячком повис месяц. От расстеленной постели пахло лавандой и утюгом, во дворе смеялась женщина, ей вторил мужской хохот. Кто-то из солдат... Раздался окрик, парочка смолкла, а жаль. Дикон предпочел бы слышать живые голоса, но откуда это знать сержанту или капралу?

– Монсеньору ничего не надо?

– Ничего.

Хозяин убрался. Юноша зачем-то повернул стоящую на столе вазочку с шиповником и постарался представить настоящие розы – крупные, оранжевые, благоухающие в вырезе платья. В Олларии стыдные и жаркие воспоминания с трудом удавалось отогнать, сейчас они не желали возвращаться. Дикон сбросил камзол и в одной рубаше подошел к двери. Повернул ключ, задвинул внушительный засов, вернулся к постели, положил под подушку кинжал, а на столик у изголовья – пистолеты. Для убийц хватит, но убийцы не полезут в полную вооруженных солдат гостиницу... Задержав накрахмаленные занавески, юноша вернулся к столу. Заглянул в кувшин с парным молоком, но пить не стал. Страхи и здравый смысл толкали к одному – навестить Литенкете. Приглашение от одного из сыновей Рудольфа устранило бы половину трудностей, но ноймар держался подчеркнуто отстраненно, а все силы Ричарда уходили на борьбу с желанием повернуть Сону, на дипломатию не оставалось ничего.

С Надорского тракта прошлое казалось далеким и зыбким, даже Катари. Это было как во сне, когда знаешь, что спишь, и при этом сон кажется жизнью, а жизнь – сном. Сейчас сном стали Оллария, щит Скал, регентский совет, даже любовь, а жизнью, то есть кошмаром, – ощущение чужого присутствия, которому не мешали ни стены, ни оружие, ни надорская эспера, взятая по настоянию эра Августа и вытащенная из походной сумки на четвертую ночь путешествия. Оставалось еще вино, но заливать страх – трусость и глупость, тем более если вставать с петухами. Так, значит, поговорить? Окделл, на ночь глядя стучащий к холодному, словно Спрут, Литенкете? О чем с ним говорить, не о таинственном же наблюдателе! Вспомнилось, как Катершванцы смеялись над заплутавшим в горах гаунау, бросившимся к бергерским патрульным как к родным. Это и в самом деле смешно. Со стороны.

Дикон стянул сапоги, чуть поколебавшись, задул свечу и улегся поверх одеяла, благо было тепло. Ничего не изменилось: тот, кто смотрел, не стал ни ближе, ни дальше. Он будет смотреть и ждать. Темнота вкупе с неведомым почти невыносима. Иноходец как-то обмолвился, что ночью перестаешь верить в утро, а оно все равно наступает. Станные мысли для занятого фуражом и амуницией вояки, если только... Если только Эпинэ не чувствует тот же взгляд. И Алва... Отчего-то Ворон прикрывает глаза ладонями и пьет. Отчего-то отец исчезал из замка, а на все вопросы отвечал, что ходил на утес. Неужели *это* приходит ко всем Повелителям?!

2

Артиллерийские упряжки, те, что предстояло бросить сразу же, не щадя лошадей, гнали вперед. Прямо по мокрому, жадно хватающему за ноги и колеса полю, и дальше, в деревню. Ржанье, чавканье, скрип, ругань и дальний лай сливались в какой-то непристойный хохот. Такой суматохи, к тому же усугубляемой тревожными ожиданиями и глупой, но неотвязной злостью, Чарльз в армии еще не переживал, а за спиной, то ненадолго стихая, то вновь набирая силу, грохотал бой, во многом решавший дальнейшую судьбу Северной армии. Чарльз всей душой желал Томасу Стоунволлу успеха, но думать о тех, кто дерется, было некогда. За эти несколько часов капитану пришлось помотаться не меньше, чем у Изонис, только сегодня все выходило как-то тяжелее.

С конниками Хейла особых трудностей не возникло. Они быстро вернулись назад и без

промедления походным строем ушли узкой лесной дорогой, с точки зрения Чарльза Давенпорта крайне неприятной, но кто он такой, чтобы ругать выбранный Савиньяком маршрут?! Настал черед пехоты, и тут пришлось постараться. Вместе с адъютантами Айхенвальда Чарльз и Сэц-Алан носились вдоль всей колонны, постепенно стягивавшейся к отмеченному каменным столбом перекрестку. Очевидные и надоедливые приказы вязли в зубах – сохранять дистанцию, не путать строй, продвигаться по очереди... Как ни старайся, а в идеальном порядке такой поворот не проделать. А тут еще обозы... и пушки...

Осознание, что противник – вот он, а ты готовишься не сражаться, а удирать, спокойствия и уверенности не прибавляло. Злились и волновались и генералы, и сержанты с солдатами, и обозные. Чарльз тоже злился и принимал на себя чужую злость. Тех, чьи приказы доставлял. Тех, кому эти приказы предназначались.

Пехоту гнали на лесную дорогу бегом, как в решительную атаку. Батальон за батальоном уходил в лесную тень, и пространство вокруг перекрестка постепенно освобождалось. Когда остался один арьергард, стали подтягиваться обозные фуры. В этот миг в деревне и грохнуло. Наблюдавший за движением арьергарда Лионель посмотрел на низко висящее над холмами солнце и заметил:

– Пока все получается неплохо. Если обозы не застрянут, то время у нас, я думаю, будет.

Хеллинген был осторожен:

– Если нам удастся удержать деревню.

– В этом я полагаюсь на Стоунволла и Вайспферта. Так просто «медведям» их оттуда не выбить.

Пальба со стороны Гемутлих все усиливалась, трескотню мушкетов то и дело перекрывал басовитый гул больших дриксенских орудий, в последний раз стрелявших по союзникам. Пушек гаунау слышно еще не было, но их, наверное, скоро подвезут...

– Лецке, Давенпорт, проследите, чтобы все орудия здесь, на дороге, были готовы к стрельбе. Никаких заминок быть не должно.

Никаких заминок... Никаких! Подгонять, останавливать, объяснять, что вначале пройдут стрелки Лейдлора, а вы ждите... Вновь скакать по обочине, мимо торопливо идущих солдат, рискуя врезаться головой в торчащую над дорогой ветвь, чтобы передать очередной приказ. Тут возненавидишь всех – затащившего армию в Гаунау маршала, выскочившего из ниоткуда Хайнриха, недовольного Айхенвальда, перегородивших дорогу мушкетеров во главе с тупицей-капралом, дурацкий обелиск, в который вцепилось не желающее заходить солнце...

– Господа, через пару часов будет темно, но останавливаться нельзя. Понадобятся факелы. Давенпорт, Лецке...

Найти фуры, в которых везут факелы, вне очереди погнать их вперед, к перекрестку. Проследить, чтобы обозные и даже временно оставшиеся не у дел «фульгаты» занялись доставкой факелов в ушедшие вперед полки, доложить и вновь развернуть чалого...

День успел кончиться, а он и не заметил. Стрельба стихла – ночью гаунау не воюют, но скачка в полной темноте по незнакомой дороге Чарльза никоим образом не привлекала. Послав жеребца в прыжок через брошенные прямо на дороге вьюки, капитан оказался в устье черного елового ущелья. Армия прошла, он наконец-то остался один, как мечтал весь этот суетливый недобрый день, но облегчения одиночество не принесло. Напротив.

Давенпорт оглянулся на мрачные – ни огонька – поля. Мелькнула мысль не догонять ушедших, а вернуться в Гемутлих и примкнуть к арьергарду. За такое никто не посмеет обвинить в трусости, даже маршал. И все равно это будет трусостью, потому что капитан Давенпорт боится узкой лесной щели. Не гаунау и тем более не Савиньяка, а вот этих молчаливых, словно сдвинувших ряды елей и того недоброго, что ждет в конце пути.

Капитан успокоил и не думавшую волноваться лошадь, достал флягу, глотнул воды, тщательно завинтил крышку, еще более тщательно вытер рот и усы и все-таки послал чалого вперед. Взошла луна, услужливо осветив серую лесную землю. Валявшиеся на перекрестке

вьюки были последним знаком того, что здесь кто-то шел. Двадцатипятитысячная армия словно растаяла. Чарльз с раздражением велел себе выбросить из головы всякую ерунду – он слишком задержался у Стоунволла, а Савиньяк – мастер стремительных переходов. Ну и что, что следов нет, будут дальше! С маршала станется велеть в прямом смысле замести следы. Гаунау суеверны, как бергеры, их это испугает сильнее, чем талигойского офицера.

Странная все-таки вещь наши страхи. Врага, который может убить, мы боимся меньше неизвестности. Раздавшееся впереди короткое ржание могло навести на след разведчиков Хайнриха, но Чарльз, прищипывая чалого, подумал о проштрафившейся обозной кляче с благодарностью. Дорога вильнула, обходя угрюмый каменистый холм, за которым, вне всякого сомнения, были свои. Остатки здравого смысла удержали Давенпорта от полного галопа, остатки гордости – от крика. В лунном свете блеснул обнаженный гранит, и чалый едва не сбил грудью одинокого одра. Чарльз вскрикнул и проснулся в собственной палатке. Самозабвенно сопел сосед, в прореху, которую так никто и не удосужился зашить, лез горный холод. Чарльз шмыгнул заложенным носом и натянул на голову одеяло. Армия покинула Гемутлих неделю назад, а высокая короткохвостая лошадь осталась в Надоре.

3

Ричард лежал с открытыми глазами и смотрел в угол, где над камином проступало нечто вроде горной цепи. Что это было при свете, юноша не разобрал, а темнота все переделывает по-своему. Минуты тянулись, притворяясь часами, но Дикон им не верил. О том, что бессонная ночь разрастается в неделю, он узнал еще в Лаик и тогда же научился подгоняющей время хитрости. Чтобы прочесть «Плясунью-монахиню» полностью, требовалось три часа. Всю пьесу наизусть Ричард не помнил, но минут на сорок памяти хватит, а потом, если не явится сон, можно вспомнить Веннена или балладу о рыцаре и бастарде, жаль, что олларовские холуи ее изуродовали...

Не раз трубили трубы, и доносил не раз
Франциска грозный вызов его герольдов глас,
Но рыцари в молчанье смотрели с древних стен,
И потерял надежду несчастный сюзерен.
В последний раз герольды воскликнули, трубя,
И им ответил дерзко защитник короля.
– Кто он? – спросил Эрнани. – Кто смерти зрит лицо?

Олларовские лъстецы переправили балладу по-своему, но бездарные строки казались заплатками из мешковины на древнем бархате. Даже сейчас, в полной холодного страха ночи, Дикон ощутил прилив бешенства.

– Кто он? – спросил Эрнани. – Кто смерти зрит лицо?
Но имени не знали потомки подлецов.

Чем же на самом деле завершались строки, не этой же мерзостью?!

«Нам имя неизвестно. Скрывает он лицо»? Неведомый менестрель не стал бы удваивать рифму. «Лицо»... Первое, что приходит в голову, – «кольцо», но при чем тут оно? Дикон не раз и не два пытался восстановить балладу, но приходящие на ум строки, хоть и были лучше «заплаток», оставались чужими. Лучше всего звучало «Замкнуть судеб кольцо», но оно никак не желало срастаться с предыдущими строками, а взгляд из тьмы делался все невыносимей. Святой Алан, чего *оно* хочет?

Стук в дверь был властным и требовательным. Блор так стучать не станет, солдаты и трактирщик – тем более. Литенкете! Кроме него, некому. Что ж, почему бы и не поговорить... Все лучше пробивающегося сквозь изувеченную балладу даже не одиночества,

потому что человек, которого видит неуязвимый враг, хуже, чем одинок. Он беспомощен. Дик торопливо взлохматил волосы, потер глаза, чтобы казаться заспанным, и отодвинул засов.

– Я, признаться, уже спал, – соврал юноша, распахивая дверь, – но раз вы находите, что нам следует поговорить...

Это был не Литенкете. За порогом стоял кто-то высокий и плотный, а кинжал остался под подушкой.

– Меня зовут капитан Гастаки, – твердо произнес ночной гость, – я хочу тебе кое-что сказать. Пригласи меня, я тебя не возьму. Ты мне не нужен, я тебя не подниму.

Сумасшедший! Был бы сумасшедшим, если б не был сном, но во сне тоже не следует бояться. Прошлый сон о двух Рамиро Ричард запомнил на всю жизнь, чем-то обернется этот?

– Прошу вас, – пригласил Дикон, но толстяк с места не двинулся.

– Я – капитан Гастаки, – объявил он голосом, слишком высоким для такой туши. – Пригласи меня. Как подобает.

– Прошу вас, капитан Гастаки, – пожал плечами Ричард, высекая огонь под скрип чужих шагов. Шаги лучше взгляда, а взгляда юноша больше не чувствовал, и это уже было счастьем. – Вина?

– Мне не нужно вино, а ты будешь пить потом. Тебе захочется. Мне жаль тебя, ты не наш. Ты не будешь... Нет, не будешь... Я ходила в твой дом, его больше нет. Ты идешь домой, это достойно, но ты еще успеешь, а они не виноваты. Нет, пока не виноваты... Вернись к ним, и твой дом придет за тобой, а горячие пускай уходят. Они еще могут. Ты остываешь. Скоро остынешь, и сразу. Тебе все равно где, им – нет.

– Я вас не понимаю. – Бред, который нес пришелец, поразил Дика меньше того, что перед ним была... Нет, женщиной подобное чудище Ричард не назвал бы даже во сне. Закатные твари, ну и чушь!

– Якорь тебе в глотку! – проревело чудище. – Чего ты не понимаешь? Ты идешь, но в этом уже нет толку. Луны сошлись, теперь поздно. Тебе – поздно! Но ты не город... Мы никто не *всё*, когда горячие. Мы совсем никто, когда холодные.

– Ты – сумасшедшая, – спокойно произнес Ричард, наслаждаясь свободой. Корова в сапогах могла сниться сколько угодно и нести все, что вздумается, главное, она перебила глядящий с северо-востока ужас.

– У кальмара в заднице и то больше мозгов, – не осталась в долгу гостья. – Арнольд говорил, ты был дурным унаром, ты ничего не понял. Ты остался один, но ты здесь. Я была в твоём доме, я тебя вижу, и ты меня видишь... Не иди домой. Вернись и убери им паруса. Закрепи пушки. Идет шквал, понимаешь?! Ваш шквал, не мой, но мне вас жаль... Пусть горячее останется горячим. Мы возьмем свое позже и только то, что по праву наше. Мы не мародеры, а Она не может войти...

Толстая нога в высоком сапоге с отворотом с силой топнула об пол. Бред продолжили шаги, без которых теперь не обходился ни один сон. Тяжелые и знакомые, они звучали на лестнице, и вместе с ними поднимало голову ощущение чего-то неприятного.

– Он идет, – сказала Гастаки, или как там ее. – Он недоволен мной, но тоже скажет, раз пришел. Пойми, ты успеешь, только не иди навстречу. Думай не о себе, о себе – поздно.

– Я говорил! – прорычало от двери. – Этот унар глуп. Он смотрит на все, но видит себя. Его нет, есть зеркало. Зеркала глупы. Пошли, Она ждет.

– Скажи ему, – потребовала женщина, – и пойдем. Она бессильна, а мы должны! Нельзя их бросить. И малявку нельзя... Ты же был горячим, недавно был!

– И ты была, и что с того? Нравилось тебе это? Забыла, как звала? Орала – уши затыкай, и то услышишь. Я пришел, все хорошо, так чего лезть? Нам они не нужны. Мы – это мы, а моя гримза туда не полезет. У нас есть время, Она возьмет себе горячего, мы будем вместе. Всегда вместе, я, ты и Она. Идем...

– Герцог Окделл, – а вот этот голос принадлежит Литенкете, – кто у вас?

– Никого, – соврал Ричард, не желая хвастаться подобными гостями даже во сне.

– Откройте, или я взломаю дверь.

– Вы дурно воспитаны! – рявкнул Дикон и понял, что он один и в комнате холодно. Холодно, промозгло и темно. – Впрочем, если вам не терпится обсудить здешнее вино... Подождите, я зажгу свечу.

Свеча не загоралась, сапоги оказались сырыми, сырым было и одеяло, которое юноша случайно тронул. Так и не справившись с огнем, Дикон распахнул незапертую дверь. У Литенкетте свеча была, в другой руке граф сжимал пистолет.

– Вы хотите меня убить? – почти спокойно осведомился Ричард. – Это вам вряд ли поможет.

– Вы хотите сказать, что уже умерли? – Ноймар поставил свечу на стол и поежился. – Охотно верю, иначе чем могилой эту спальню не назовешь.

– У меня что-то случилось с трупом. – Литенкетте прав, здесь не просто зябко, здесь мерзко, и снова этот взгляд! – Если вас не затруднит, зажгите и мою свечу.

Она же горела. Святой Алан, она же вечером горела, а на кувшине с молоком не было плесени...

Отец казался молодым, красивым и очень спокойным. В парадном мундире, но без шляпы и плаща, он стоял меж толпившихся у стола зрителей и следил за игрой, знакомо крутя орденскую цепь. Лионель бросил карты на стол и поднялся, не заботясь ни о партнере, ни о лежащем на сукне кошельке. Все это – гостиная в доме Капуль-Гизайлей, знакомые и незнакомые люди, свечи, виноград, золотистые занавеси – было сном и не имело никакого значения. На самом деле он играл не в тонто и не с кем-то, потерявшим имя и лицо, едва Ли встал. В горах Гаунау шла своя игра, которую следовало заканчивать, но именно этого Прозмперадор Севера и не мог.

Лионель прошел сквозь бормочущих безымянных людей, не понимавших, что их нет.

Он ненавидел подобные сны, лишённые всякого смысла, не считать же таковым напоминание о том, что он и так никогда не забывал. Отец умер, убит, застрелен Борном. Ничего изменить нельзя, как и помочь, и все же Ли подошел и спросил, как спрашивал десятки раз, прекрасно зная, что это бесполезно и бессмысленно:

– Я могу что-то сделать?

– Благодарю. Нет.

Отец никогда не сказал бы ничего подобного, а вот сам Ли... Он держался именно так, несказанно радуя дядю Горация.

– Как у тебя дела? – спросил отец. Этот вопрос Лионель тоже знал, как и собственный ответ.

– У меня все в порядке. – Да, у него все в порядке. Он бросил обоз с пушками, как ящерица отбрасывает хвост, вывернулся и ушел дорогой, о которой Хайнрих не подумал и которая, к сожалению, вела в горы. Все решили, что догонялкам конец и Северная армия, вырвав для Рудольфа месяц, идет в Торку. Так и будет, если он не найдет способа продолжить игру. – А как ты?

– У меня все в порядке.

Племянник экстерриора, сын и внук маршалов, глава фамилии... Он говорил сам с собой, потому что знал: отца нет. Он вел себя так, словно за ним следили даже во сне. Что бы ни утверждали менторы, льдом может стать не только вода, но и огонь.

– Тебе надо идти?

– Не думаю.

– Мой маршал!.. Мой маршал, прошу меня извинить...

Полная людей и при этом пустая комната исчезает. Сну конец, но лучше бы он очнулся сам. Случайные удачи отучают от упорства.

– В чем дело? – Глаза у Сэц-Алана опухли, русые волосы стояли дыбом. Вот кто точно не хотел, чтобы его будили.

– Капитан Давенпорт со срочным донесением.

– Который час?

– Полчетвертого.

Он проспал два с лишним часа, вполне достаточно. Маршал поднялся с походной койки и хлебнул успевшей выстыть – ночь в горах есть ночь в горах – воды. На душе было мутно, как часто случается после дурных снов, но настроения – это для дам и младших офицеров.

– Пусть заходит. – Похоже, капитан ходил в разведку. Вряд ли один, значит, «фульгаты» либо нашли не нанесенную на карту тропу, либо не нашли нанесенную, а вернее всего, нарвались на очередного «медведя».

– Мой маршал, разрешите доложить.

– Докладывайте. – Капитан при виде командующего радости не испытывал, предпочитая Реддинга, но Реддинг оставлять Давенпорта у себя не захотел. У капитана не оказалось «чутья» не только на начальство, но и на гаунау. Что ж, значит, отправится к Хейлу на первую же вакансию. Ждать вряд ли придется долго.

5

– Вы, кажется, собирались докладывать?

Чарльз стоял перед разбуженным по его настоянию маршалом и злился сразу на Савиньяка, бергерского генерала с его суевериями и себя. Это надо додуматься: вломиться среди ночи к командующему, потому что тебе приснился даже не кошмар, а полная чушь. Именно чушь, сейчас это очевидно.

– Прошу меня простить, – врать не хотелось, тем более этой проснувшейся змее, – я превысил свои полномочия и готов понести наказание. Прошу отправить меня в любую часть и в любом чине и должности. Хоть капралом.

– Из вас никогда не получится капрала. Хороший капрал любит одновременно службу, начальство и подчиненных. Вы всем этим тяготитесь. Как именно и в связи с чем вы превысили свои полномочия?

Значит, даже не капрал, ну хорошо же!

– Мой маршал, я увидел необычный сон и в связи с полученными ранее распоряжениями счел необходимым доложить...

– Докладывайте. Подробно.

Если бы под ногами капитана Давенпорта разверзся, словно в надорском кошмаре, пол, он бы обрадовался, но земля оставалась землей – надежной и утоптанной, а маршал Савиньяк оставался маршалом Савиньяком.

– Мне приснилось отступление от Гемутлих. Все было так, как на самом деле, а потом мне навстречу вышла лошадь... Высокий короткохвостый жеребец неопределенной масти. Мы с Бэзиллом... с полковником Хейлом подобрали его по дороге в Надор. Потом Левфож опознал в нем одну из лошадей Окделлов. Мы об этом докладывали.

– Я помню. Продолжайте.

Страхи, когда их выдергивают из темноты, оборачиваются глупостями. Кошмарам в этой заваленной картами палатке места просто нет.

– Это, собственно, все. Только оно повторялось. Мы отступаем, я остаюсь один, мне навстречу выходит кляча, я пытаюсь остановить свою лошадь и не могу. Я ничего не могу, как в том самом сне... Мой конь проходит сквозь надорского, как сквозь туман, я просыпаюсь от собственного крика, но на самом деле не кричу. Просыпаюсь с желанием остановить коня, Бэзила, всех... Потом снова засыпаю, и снова отступление, дорога и кляча, но мы уже в другом месте. Я узнаю скалы, ручьи, деревья, то есть так было до последнего раза... Последней я видел тропу, которой мы еще не шли.

– Возьмите карту и отыщите эту тропу, если таковая есть. Сэц-Алан!

– Мой маршал.

– Айхенвальда ко мне. И Реддинга.

Глава 5

Предмесья Бордона. Восточная Гаунау

400 год К.С. 15-й день Весенних Молний

1

В целом капитуляция Марселю нравилась, несмотря на ранний час. Бордоны так старались... За ночь на полпути к городу вырос навес от солнца, куда притащили столы, стулья и даже ковры. К оговоренному часу все было готово, о чем и доложил хмурый, но очень вежливый мужчина с бляхой на груди. На бляхе был выбит дельфин, Валме вспомнил Котика и решил заказать для него такую же, но с силуэтом Эвро. Не подозревающий о планах виконта бляхоносец испросил подтверждения времени начала переговоров и удалился. Виконт, исполняя особое, хоть и не порученное ему поручение, лично проводил бордона до садовых ворот и вернулся на террасу. Он был собой недоволен: письмо Франческе все еще существовало лишь в воображении. С посланием Елене было проще: Марсель честно описал взятие равелина и свои похождения, включая пение, от коего маэстро Гроссфихтенбаума хватил бы удар, а потом, увлекшись, изобразил рондель о любви. Стихи сплошь состояли из зарифмованных вздохов будущей супруги фельпского наследника. Два разбитых сердца в одном палаццо – это будет очень мило, то есть, простите, очень печально...

– Виконт! – Адмирал Джильди явился при полном параде, и на нем тоже была бляха! С птице-рыбо-еще-не-Юлией. Марсель торопливо вскочил. Герцог запротестовал, но совершенно неискренне. Ему нравилось если не править, то царствовать. Валме сказал

какую-то глупость про победу, и тут союзники и соратники пошли косяком. Ургот в коричневой мантии, алаты в алых с золотом доломанах, Заль в шляпе, Герард с видом то ли новобрачного, то ли только что научившегося подавать лапу пса... Рокэ с Савиньяком явились последними. Вместе они выглядели еще шикарней, чем по отдельности, причем на челе Эмиля отчетливо проступали следы той самой думы, что некогда омрачила гривастое окно грез урготской ласточки. Марсель, вспомнив посольское прошлое, изящно поклонился и пристроился к Алве. Тот не заметил, следовательно, одобрил.

– Мой маршал! – Герард в своем мундирчике был ужасно мил. – Бордоны вышли из ворот пять минут назад.

– Идемте, господа. – Рокэ поискал глазами Джильди. – Герцог, поскольку его величество Фома отсутствует, процессию следует возглавить нам с вами.

– Но...

– Вы – пострадавшая сторона, – напомнил Алва. – И к тому же никто из нас не получит большего удовольствия. Для нас это политика, для вас – возврат долга со всеми процентами.

– Благодарю! – Нет, лицемерие все же не адмиральская наука!

Савиньяк пошел рядом с графом Марту, изящно заговорив о погоде. Марсель подмигнул Герарду и поправил воротник. Волосы он решил не распускать. Будь они в какой-нибудь столице, это могло бы стать модным, но на войне моду не сделаешь.

Золотистый навес приближался. Бордоны уже торчали на ковре. Четверо дождей в складчатых одеяниях разных цветов – от почти белого до почти черного. Выглядело это недурно, уж всяко лучше рукавастого гимнетского безобразия. Вместе с дождями явилось с полдюжины адмиралов и генералов и стайка бордонских дев – для красоты. Валме не успел должным образом оценить облаченную в целомудренное белое платье Софию, как из-за дожеских спин с восторженным поскуливанием выкатилось нечто в венке из розовых роз и принялось рассыпать цветочные лепестки, норовя подобраться поближе к Алве. Марсель узнал Клелию.

2

– Есть! Вот они! – Ехавший впереди Уилер придержал коня. – И осыпь, и тропа, ну как на портрете! От нас не спрячешься!

Чарльз пожал плечами. В очередной раз воссоединившийся с «Закатными тварями» капитан бурно радовался проведенной его через чужие горы удаче и сбереженной Реддингом тюрегвизе. Настроение Уилеру не портил даже навязанный маршалом Давенпорт; правда, развеселить спутника «фульгату» не удалось, несмотря на все усилия. Чарльз упорно напоминал злобную репу, о чем Уилер ему и сообщил. Давенпорт пожал плечами еще раз, всматриваясь в найденный проход. На первый взгляд тот казался приличным, хоть и узковатым.

Тропа уводила в сторону от основного дефиле, петляя вдоль какой-то безымянной речонки или ручья. Если верить картам – любимой маршальской и трофейной, ручей этот огибал Пестрое плато. Держась его русла, можно было выйти к той же долине, что и через дефиле, только заметно выше.

– Дыру мы нашли. – Если Уилер таков трезвый, каким же он будет после тюрегвизе? – Лезем?

– Пошлите «фульгата» к маршалу, а мы да, лезем.

– Вы неразговорчивы.

– Вы правы.

Лошади спокойно свернули, им было все равно, куда идти, и им, как и разухабистому Уилеру, не нужно было докладывать. Отвечать за переполох предстояло Давенпорту, хотя разбуженные среди ночи бергеры отнеслись к капитанскому кошмару с большим вниманием, да и сам командующий пальцем у виска не покрутил. Впрочем, Савиньяк не стал бы этого делать в любом случае – не так воспитан. Но армию маршал поднял на час раньше и сразу же

погнал вперед. Завтракали на ходу, всухомятку, а часть груза с обозных фур было велено разобрать, чтобы при необходимости бросить те на дороге. Последнее могло быть и совпадением: стремительные переходы и дурные дороги были коньком Савиньяка, а людей он никогда не щадил.

Давенпорт маялся неизвестностью, пока командующий не велел ему следовать за собой. Кавалькада быстро миновала выпирающие из тумана холмы, пересекла неширокую долинку и добралась до входа в ущелье. Оно издавна использовалось как дорога, даже столб с вырезанными на нем непонятными, истершимися изображениями стоял.

– Вы видели эту развилку?

– Нет... Точно нет!

– Вы что-нибудь чувствуете?

Чарльз добросовестно прислушался к своим ощущениям. Усталость. Висящие на хвосте гаунау. Кошмары, спешное выступление, досада на себя самого, если все обернется ерундой, страх не понять и пропустить что-то действительно важное... Все это могло породить тревогу, как вместе, так и по отдельности.

– Мой маршал, я не знаю, что ответить. Мне... несколько тревожно, но в нашем положении...

– Не пытайтесь осмысливать наше положение и прекратите стесняться. Что вы чувствуете? Закройте глаза.

Желто-коричневая светящаяся завеса, по ней мельтешат какие-то точки и черточки, яркое пятно там, где взошло солнце. Тревога? Без сомнения, но какая же... бесформенная.

– Мой маршал, я не могу ничего добавить.

Лионель Савиньяк замер в седле, словно прислушиваясь. Глаза маршала были закрыты, сразу ставшее странным лицо обращено к солнцу, но продолжалось это лишь мгновение. Командующий открыл глаза; он был таким, как всегда.

– Давенпорт, в вашем распоряжении два десятка «фульгатов» и капитан Уилер. Реддинг ручается, что «медведей» здесь нет, но Реддинг снов не видит. Поезжайте и проверьте. Обе дороги: дефиле и отходящую от него тропу, если найдете. О любом вашем шаге докладывайте немедленно.

– Мой маршал... Что именно я должен сделать?

– Вам виднее.

Безлюдье, плеск воды, легкомысленный птичий щебет. Цветы под копытами, цветы на кустах. Цепляются за обрыв ползучие растения, зеленеет мох, наверху мелькнуло что-то рыжеватое. Косуля... А камни здесь в самом деле пестрые – полосатые, пятнистые, белые, розоватые, желтые. И они смеются.

– Ничего ж себе! Вот ведь коряга...

Если б не Уилер, он бы проехал мимо и не заметил. Проехал, наслаждаясь звоном ручья, солнечным светом и... покоем! Тревога исчезла, уступив место радости, а радость слепа и бестолкова, как щенок.

– И ведь не падает же такое! – «Фульгат» задирает голову к вцепившемуся в кручу диву и улыбался. Как и сам Чарльз.

– Он не может упасть, Антал!

Кто знает, сколько бурь и сколько веков повидал этот скрученный ствол? Лишенный коры, почти совсем белый, словно светящийся, он казался выточенным из драгоценной седоземельской кости.

«Мой маршал! – Как знал, что грифель пригодится: на словах такое не передать! – Тропа полностью безопасна: мы нашли костяное дерево. Возвращаюсь, чтобы проверить дефиле».

– Сержант, галопом. В руки командующего.

Эмиль Савиньяк сдернул с головы шляпу и, целя в очередного мраморного дельфина, швырнул ее наискось через всю немалую комнату. Попал. Нос дельфина скрылся в тулье, и герб Бордона превратился в гриб с рыбьим хвостом. Эмиль зло расхохотался, избавился от маршальского мундира и уселся у маленького столика, на котором красовалось блюдо с апельсинами и изрядно ощипанным виноградом. Делать было нечего. Впервые с того дня, когда пришел приказ о деблокировании Фельпа. Разумеется, Эмиль понимал, что безделье не затянется. Вечером подпишут капитуляцию, и начнется... Разоружение гарнизона, охранение славного и – главное – такого богатого города Бордона, подготовка к маршу. Куда именно предстоит отправляться, Савиньяк пока не знал, но надеялся к концу лета оказаться в Придде.

Маршал щипал виноград и прикидывал дорогу. Очень хотелось повидать мать, причем не мимоходом на постоялом дворе, а дома. Покинуть армию на марше через мирные графства – не столь уж большое преступление, а осадить коня возле украшенных оленями ворот тянуло до дрожи. Раньше такого не случалось: Эмиль любил уезжать так же, как и возвращаться, но устраивать себе до конца кампании отпуск в голову не приходило...

Стукнула дверь. Опять визитеры, и ведь приказал же! Хотя Джильди никто хватать за мундир не станет, а ургота – тем более.

– Я думал, ты уединился с дамой. – Алва своим появлением удивлял не только врагов. – Исходя из принятых тобой мер.

– Решил мне помочь? – Значит, собака, кошка, цыплята и зерно уже на другом берегу. Быстро.

– Почему бы и не помочь? В надежде на ответную любезность, разумеется. Но ты, как я понял, уединился не «с», а «от». Сожалею, не получится. У нас может не найтись другого времени для разговора.

– Прошлый раз ты великолепно обошелся приказами.

– Не так уж великолепно, раз ты даже вина не предлагаешь. Где?

– В буфете. Если они согласились, прими мои поздравления. Не думал, что Джильди окажется столь уступчив.

– Ну должен же был Валме с ним за что-то пить, пока не заметил, что мы с тобой непристойно воздержанны.

– Валме изменился.

– Просто похудел и стал больше кусаться, но зубы у него фамильные. Изменился ты.

– Просто остался без помощи. Когда выступать и куда?

– А что сам думаешь?

– Тяжелее всего фок Варзов.

– Да, на севере тяжело. Боюсь, мы даже не представляем, до какой степени, но проиграть, по-настоящему проиграть мы можем только на юге.

– Как? – Удивление заставило перейти проведенную при встрече черту, ну и кошки с ней! – Гайифе сейчас не до нас, твои родичи об этом позаботились.

– Кэналлоа в кровном союзе с Агернэ, но это не значит, что Талиг в дружбе со всеми «звездами» и тем более – с Зегиной. Ты же знаешь, багряноземельцы любят друг друга не больше, чем талигойцы, гайифцы и вариты. Всей разницы, что они по некоторым причинам верны данному однажды зароку. Если мориски сочтут его неважным, Померанцевое море очень скоро назовут Кровавым. Восточное королевство сожрет Гайифу с Кагетой и захочет большего, а Агернэ понравится воевать на чужих берегах... Нарушенный запрет – уже не запрет.

– Тогда зачем ты их звал?

– Я их не звал, хотя бывшему Золотому Договору полезно считать именно так. На самом деле я просил своих родичей *удержать* Зегину от прыжка, но все, что они смогли, это прыгнуть вместе, втянув в войну еще и Садр.

– Значит, теперь их надо выгонять? И кому? Нам?

– Не обязательно. При хорошем раскладе мориски уберутся за Межевые острова по тем

же причинам, по которым явились. В Багряных землях еще не докатились до подгребания веры под свои делишки, видимо, потому, что не столько верят, сколько помнят, так что скверна, которую они выжигали в Агарисе, вполне могла существовать. Куда более скверно, прости за дурной каламбур, то, что скверна почти наверняка есть в Олларию.

– Рокэ, – Эмиль, как и все знавшие Алву, время от времени бурчал, что он свихнулся, но до сегодняшнего дня не предполагал подобного всерьез, – ты в себе?

– Не больше, чем пара Валмонов. Подумать не хочешь?

– К кошкам! То, о чем ты говоришь, еще гаже политики. Чтобы все это уразуметь, Ли понадобится больше, чем два часа с тобой и бутылка кэналлийского, а меня зовут Эмиль. Так что считай меня Вейзелем и говори, что взрывать. Озеро? Горы? Эту кошачью Паону, пока в нее не ворвались зегинцы?

– Ты хотел на север, ты туда и пойдешь. – Алва поморщился. Мать была права, когда писала, что злиться на Рокэ сейчас дело дурное. – Рудольф беспокоится за фок Варзов, я склонен с ним согласиться. Эту войну старикам не выиграть. Я подписал приказ, так что ты теперь – тайный маршал Запада. Увидишь, что фок Варзов ошибается, станешь явным. Если будешь со стариком согласен, держи бумаги при себе. Хорошо бы он ушел на покой сам и с победой. Заслужил.

– Ты делаешь из меня Ли.

– Ли потребовал бы полномочий сам. Ты уже думал про Бруно?

– Не слишком. А ты?

– Бруно спит и видит генеральное сражение. Соответственно, для нас лучше всего размазать дриксенскую армию по Приречью от Доннервальда до Хексберг. Пусть Бруно кажется, что он почти победил, пусть занимает города и форты и оставляет там гарнизоны. Будет замечательно, если к твоему прибытию дриксенцы все еще будут гоняться за Западной армией... Только боюсь, тебе придется решать на ходу и считать при этом высшей инстанцией себя. Рудольф очень хвалит Ариго, но тот слишком привык подчиняться. Ариго может найти выход, но не станет настаивать, если фок Варзов или Рудольф скажут «нет». Ты себе подобную вежливость позволить не можешь.

– Я невежлив. – Вот она и начинается, твоя первая настоящая война. Сейчас, в этом дельфиньем садке, который уже не важен! – В двадцать лет я мечтал получить армию, но в одиночку не провел еще ни одной кампании. Бордон был первой, и я чувствовал себя здесь каким-то Капрасом...

– Капрас не так уж плох. Его сожрали политика и морская неудача, но ты не Капрас даже с Марту и Джильди на шее, ты – Савиньяк. Изволь соответствовать. За руку тебя водить больше некому, но на севере и политики нет. Есть война, так что справишься. Даже если найдешь разбитую армию и резвящихся в Марагоне дриксенцев.

– Я предпочел бы найти неразбитую армию, но кого это волнует? – Виноград был уже общипан, и Эмиль взялся за апельсин. Ворон продолжал пить. Все было как перед Ренквахой. Все, кроме них самих. – Когда мне отсюда убраться?

– Как только разоружишь гарнизон и корабли. Кого оставлять для поддержания порядка, решай сам, но искушению таким образом избавиться от Заля не поддавайся.

– Тогда мне придется его пристрелить.

– Заслужит – пристрелишь, но разумней вернуть его на Кадельский рубеж, благо с той стороны ничего паршивого не ожидается. Наиболее приличные полки заberi. Кого-то можешь оставить и здесь. У тебя с учетом южных резервов и алатов наберется тысяч сорок, вполне прилично. Пойдешь форсированным маршем на Рафиано и далее вдоль Кольца Эрнани. По всему пути до Фебид будешь оставлять заставы.

– Зачем?

– Ты, кажется, хотел приказ и не хотел подробностей.

– Теперь хочу. Мы блокируем Олларию? За какими кошками?!

– Спроси Валме. После подписания капитуляции у вас будет время, мне еще надо разобраться с родичами.

– Я рад, что ты нашел, с кем шептаться в отсутствие Ли, но либо мне объяснишь ты, либо никто. Приказ я выполню в любом случае.

– А я хотел посоветовать тебе спросить при случае еще и мать...

– Она знает?!

– Она знает одно, Валме – другое. Он, кстати, додумался до всего сам. Валмоны не любят чего-то не знать, но в данном случае не знаем ни он, ни я. Мы оба сделали выводы. Одинаковые, но подтвердить их может лишь то, что покойный Альдо величал Зверем. Если удастся его не выпустить, мы ответа так и не получим. Не удастся – значит, все предосторожности пошли прахом. Что такое Зверь, я не знаю, но Гальбрэ ты видел. Там был окруженный садами город. В самом деле был...

4

Впереди скалы начинают раздвигаться. Там ущелье заканчивается, там армия будет в безопасности. Будет ли? *Этот* покой кажется обманчивым, но казаться не значит «быть». Потерять, убегая от призраков, на обходной тропе два, если не три дня... Хайнрих придет в восторг! Уж он-то не призрак и не сон, и он не собирается выпускать вломившихся в его берлогу наглецов.

Еще один поворот, и опять кажется, что за ним скрывается кто-то враждебный и сильный... Но высланные вперед дозорные успокаивающе машут шляпами: все в порядке. Раз в порядке, скачем дальше.

Осыпи, склоны, деревья, как же они похожи на вчерашние и на сон, похожи, и только... Если б он видел именно этот утес и именно эти лиственницы, как видел Надор, но он просто ехал горной дорогой, там не было особых примет. Никаких.

Птичьи крики, надсадные, громкие, но ведь сейчас не рассвет и не закат. Небо ясное и спокойное – ни туч, ни хотя бы канонады, а птицы носятся над своими гнездами и орут. Черные росчерки раздрают синь, тонут в мягкой весенней хвое, вновь вырываются из зеленой пены. Им нет дела до отряда, они его просто не видят...

– Леворукий! – Уилер натягивает поводья. – Вот же!

– Вы что-то понимаете?

– Там гнезда. Гнезда и самки... Они не могут бросить яйца, а самцы не могут бросить самок... Я видел такое, когда горел лес.

– Сейчас ничего не горит.

– Кто его знает: ветер-то от нас... Когда огонь, или что там лезет, будет близко, они все-таки улетят, время еще есть.

Время, чтобы убраться и остановить армию. Если б только Хайнрих был дальше! Но Савиньяку, похоже, нравится опережать гаунау на один переход.

– Раз есть, проедем еще немного.

– Как скажете.

Чалый не хочет идти, пока просто не хочет. Заставить или хватит искушать судьбу? Птицы продолжают галдеть, срывается и катится вниз камешек, камешки... Опять косули или что-то вроде. Птицы, косули, лошади и ты сам, уже не спящий... Под ноги дозорному кидается что-то серое. Заяц! Одурел от страха, вот и конец разведке, вот и ответ.

– Назад, Уилер. Армии здесь делать нечего. И нам тоже.

– Похоже на то. Приглашаю вас вечером на стаканчик. Если вывернемся.

Подгонять лошадей не нужно, они берут с места в карьер. Давенпорт едва успевает отвернуть, спасая несчастного зайца, мелькают деревья с гнездами, любовь и долг пока держат птиц у гнезд. Еще один заяц и лисы, эти уходят ущельем. Зверье знает, зверье не ошибется. Поворот за поворотом, кони не сбавляют ходу, но шея чалого уже в мыле... Если маршал гонит армию, как всегда, они встретятся за развилкой. Бросить фуры, взять пехотинцев в седла – и назад, к ручейной тропе? А потом куда? Без припасов, без хотя бы легких пушек? По одному в Бергмарк?

Дорога все еще пуста, солнце светит в спину, тени скачут впереди, скачут и не могут оторваться. Три сосны, одна обломанная; если б он видел их во сне, запомнил бы, но во сне деревья и склоны не имели примет. Чалый перешел на кентер. Устал или успокаивается?

– Уилер, как ваша лошадь?

– Может скакать.

– До поворота рысью, потом опять в галоп.

Армию быстро не развернуть, особенно в ущелье, а уж втягиваться в узкий проход...

– Уилер, возьмите моего в повод.

Освободить голову от всего, закрыть глаза. Нет ни гор, ни лиственниц с буками, ни неба, только что-то вроде коричневатых облаков, волн, кисей. Уилер молчит, копыта стучат. Если повернуть или встать, придется дать бой, если уйти вбок вдоль ручья... Закрытые глаза, отрешенное ледяное лицо... Что он видит, этот маршал, что он *знает*? К Леворукому мысли! К кошкам! Пусть маршал думает, твое дело – чують, если ты на это способен. Стук копыт, лошадиное дыхание, твое собственное сердце, ветер в лицо, а за спиной – холод. Холод, тяжесть, смерть, слепота... Тот, сзади, слеп, зол, тяжел. Он здесь и не здесь, но его ждут. Не желая и не имея возможности уйти. Камни не могут уйти, потому они столь прочны. Встретить грудью, выстоять, переждать и уснуть до нового нашествия. Стойкость камней, память камней, гнев камней, страх камней...

– Капитан! Опоздали мы к обеду, но приглашение в силе! Если не сдохнем, налью.

Развилка. Развилка, в которую втягивается артиллерийский обоз. Значит, кавалерия уже прошла. Савиньяк не стал дожидаться разведки. Савиньяк вообще не любит ждать.

Глава 6

Дриксен. Эйрхет. Восточная Гаунау 400 год К.С. 15-й день Весенних Молний

1

Ветер поднял пыль и зашумел мощной, уже не весенней листвой, но это был пустой ветер. Он нес только равнодушие и пыль. Руппи остался *один* еще на мосту через Малую Эйну. Ничего не произошло, только солнце перестало смеяться, а дорога – звенеть. И еще лейтенанта впервые за пять суток начало клонить в сон. Что поделаешь, люди должны спать, иначе им не выдержать жизни – слишком уж та давит... Какое занятное наблюдение, в пору сразу и медику, и спутавшемуся с *ней* бездельнику! С ведьмой из Хексберг, одной из тех, что загоняла «Ноордкроне». С той, что дважды спасла Руперта фок Фельсенбурга и один раз – его адмирала. С той, что танцевала с лейтенантом, пока не передумала...

Руппи мог только гадать, где сейчас странное создание, протащившее его между чудом и гибелью, зато теперь молодой человек знал, чего хочет весна и о чем грезит ночь. Звон незримых колокольчиков, холодные летучие искры, шальные искорки в звездно-голубых глазах, длинные чайчи крылья, ветер и звезды... Это могло свести с ума, это сводило с ума, отбирая сон и пришпоривая сердце, а сегодня иссякло. *Она* не захотела идти дальше, и Руппи вспомнил, что такое усталость и что такое земля. Тяжелая, пыльная, хватающая за ноги... Привыкать к тому, что ты всего лишь одинокий всадник на Эйрхетском тракте, грустно, а уж чувствовать, что танец можно вернуть, стоит лишь погнать коня к морю...

Нет ничего проще, чем догнать ветер, – сбрось с шеи камень, забудь лишнее, мертвое, и ты увидишь, и увидят тебя... Это так весело – жить войной и любовью, вечным танцем войны и любви, предвкушая завтрашние ветра, только Бешеный покинул Хексберг и свою «Астэру» ради того, кто был врагом. Руперт фок Фельсенбург тем более не бросит Ледяного и не помчится за солнечной полосой, как бы та ни манила! Как же трудно было шевельнуть поводьями, посылая Краба на мост, но он шевельнул. А потом не вернулся на правый берег Эйны, хоть и был к тому позорно близок. Слово «соблазн» оказалось отнюдь не столь

глупым, как думалось, и Руппи был готов просить прощения у клириков и героев маминых сказок, забывавших в волшебных объятиях и долг, и дом. Если озерные девы хоть в чем-то сравнимы с крылатым звездноглазым безумием, оставить их почти невозможно.

Молодой человек отчаянно зевнул и завертел головой, сам не зная, чего ищет. Дорога оживленной не казалась – торговцы и крестьяне предпочитают утренние часы, а зная рассчитывает путь так, чтобы прибыть в Эйрхехт к вечеру. Наследник Фельсенбурггов сейчас не был ни тем, ни другим и подъезжал к столице слегка за полдень.

Молодой провинциал, не слишком богатый, но уверенный в себе, торопится поймать удачу. На таких не смотрят ни сборщики пошлин, ни зеваки, ни охочие до безродных молодцов вербовщики. Дворянские потомки сами ищут покровителей и квартирных хозяев, снимая комнаты в предместьях и штурмуя генеральские приемные. Они все на одно лицо, и они приезжают в город засветло.

Руппи поправил дешевую шляпу и повел плечами, отгоняя сон. Он почти доехал. Тракт на глазах обрастал трактирами, в воротах ближайшего заведения остервенело ругались хозяин и мастеровой, чуть дальше возчики таскали какие-то мешки, лениво лаяла пресыщенная впечатлениями собака. Неужели в этом мире случаются подвиги и предательства? Неужели *эти* люди тоже смотрят на небо?

– ...твой окошел, и ты околеешь! – донеслось справа, там тоже кто-то бранился. Фельсенбург брезгливо скривился и тронул лошадиные бока, Краб охотно прибавил ходу – чувал, что путешествие подходит к концу. Склочники канули в небытие. Показалась колокольня Святого Ойгена, дохнуло большой рекой. Дальше хоть Фельсенбургу, хоть Штарквинду следовало свернуть к мосту Блаженного Густава и прямо по Таможенной к Большим Дворам и Липовому парку. Этот путь Руппи знал прекрасно, а вот в предместьях наследник бывал нечасто и едва не пропустил нужный поворот, украшенный четырьмя позеленевшими пушками. Память о третьем Марагонском походе.

Возле пушек скучал стражник в зеленом столичном мундире – охранял былую доблесть. Путешественник осадил Краба и спросил дорогу к Святой Урфриде. Страж оживился и объяснил довольно-таки толково, за что и был награжден. Фельсенбург уже сворачивал в указанный проулок, когда его настиг отчаянный вопль.

– Сударь!!! – орал стражник. – Сударь, стойте!

Не очень чистая совесть требовала удрать, но лейтенант не внял и придержал лошадь.

– В чем дело, милейший?

– Сударь, – выпалил стражник, – вы того... ошиблись...

– Ошибся?

– Вы мне того... золотой дали!

Вот болван! Не стражник – Руперт фок Фельсенбург. У славного провинциала хорошо, если сыщется с десятков золотых. Зепп явился на флот с единственным!

– Благодарю, – кивнул Руппи, – я и впрямь ошибся, но отец говорит, что отбирать у честного солдата жалованье – дурно. И потом, один золотой не золотой, а я намерен разбогатеть, так что выпей за мою удачу. Она мне нужнее.

– Непременно, сударь! – просиял вояка. – Как сменюсь, так и выпью! Помяните мое слово, быть вам полковником, если не больше!

– Больше, – заверил Фельсенбург и прищипорил Краба, который, разумеется, пошел боком.

2

– Тьфу ты! Старые знакомые!

Воюющий со все сильнее наваливавшейся на душу тревогой Чарльз не сразу сообразил, что Уилер показывает в сторону пройденной утром долинки. Давенпорт совсем о ней забыл, до рези в глазах вглядываясь в отвергнутое дефиле, а гаунау взяли и подошли. И в самом деле, почему бы им не подойти?

Подъехал командующий оставленным у входа в основное ущелье пехотным заслоном Вайспферт, поднял трубу, о чем-то спросил Уилера, а Чарльз все пытался отпихнуть мнимую угрозу и вернуться к войне. К появившимся из-за холмов конным егерям. К полученному приказу «при появлении противника – всеми силами задержать преследователей».

Давенпорт сам отпросился к Вайспферту, и маршал отпустил, а вернее всего, Савиньяк решил оставить их с Уилером при аррьергарде – сейчас это значения не имело. Может, по дефиле с юго-востока и ползла смерть, но она опаздывала, уступала другой, зримой, стреляющей из пушек и рубящей палашами. Гаунау явились, и их следовало отбросить. Это было очевидно, и Давенпорту наконец удалось это принять. Все еще чувствуя странный холод, капитан развернул чалого, присоединяясь к Вайспферту и его офицерам. Какое-то время гости и хозяева, стоя на месте, просто рассматривали друг друга в подозрительные трубы. Потом у гаунау началось шевеление: к немногочисленным гарцующим по склонам разведчикам подтягивалось подкрепление. Вот их уже больше эскадрона, вот уже целый полк...

– Сейчас пойдут, медвежьи дети... – чуть ли не с нежностью произнес Уилер. Вайспферт что-то согласно хмыкнул.

Полковник не оглядывался на дефиле и ничего не спрашивал, точно не он выговаривал за недонесение о надорских снах и настаивал на *особой* проверке проходов. Вайспферт отдавал дань бергерским суевериям, но не тогда, когда гаунау в прямой видимости.

– От Стоунволла, – весело выпалил подскакавший «фульгат». – Все уже на тропе. Теперь заслон надо держать там.

– И хорошо, – откликнулся Уилер. – Чем *уже*, тем лучше.

– «Медведь» точно застрянет, – добавил командующий мушкетерами пехотный капитан и засмеялся: – Особенно если жирный.

Мушкетер был преисполнен надежд как следует потрепать врага. Еще бы – такая позиция и такая оказия! Не каждый день прикрываешь всю армию... Чарльз тоже бы от такого не отказался, но именно сейчас совершать подвиги совершенно не тянуло.

– Отходим. – Вайспферт неторопливо опустил трубу. – К началу Ручейной тропы. Уилер, Давенпорт, к вам это тоже относится.

Окажись Чарльз сейчас старшим, он погнал бы армию на гаунау, то ли прорываясь с боем, то ли унося ноги от того, что все сильнее холодило спину. Но армией командует Савиньяк, аррьергардом – Стоунволл, а заслоном – Вайспферт. Бергер всегда отходит последним. Он прикрывает Стоунволла, Стоунволл – всю армию. Одно дело у Гемутлих сто́ит высших орденов, но чтобы получить ордена, нужно вернуться в Талиг. В целый Талиг. И все же... Все же нужно доложить. Сейчас они займут позиции, и он доложит.

Вверх по ущелью. Лошади идут покорно, под ногами никаких зайцев, а косуль и птиц, если они тут и были, распугали. Даже лучшую армию с широкой дороги не завернешь на узкую без толкотни, неразберихи, криков, вот живность и разбежалась. Ничего особенного – кто угодно скажет, а гаунау, кажется, двинулись. Правда, не слишком шустро и малым числом. С полк кавалерии, не больше. Неспешной рысью, отходящих догнать не пытаются, даже не стреляют. Через четверть часа будут у дефиле, еще столько же до непонятного разрыва в скалах, разделяющих основную дорогу и Ручейную тропу.

– Дальше не пойдем. – Вайспферт останавливает коня, не доезжая до скороспелой – закрыть способную пропустить всадника щель дело нескольких минут – баррикады. Набитые камнями повозки уже готовы окончательно загромоздить проход. Стоунволл любит повозки и фуры, хоть и иначе, чем Эрмали. Что генерал будет спасать, полковник швырнет под ноги врагу, вот и теперь... За такой баррикадой можно держаться долго. Пока еще «медведи» подвезут, а потом и подтащат пушки. Слева – горный склон, справа – каменистое русло, пригодное разве что для того, чтобы самые нетерпеливые ломали там свои ноги. В назидание товарищам.

Дальний, почти неразличимый цокот теперь уже чужих копыт. Журчание ручья – и все. Птицы улетели, а камни молчат и ждут. Подошло ли к егерям подкрепление, оставалось

тайной. Чарльз видел только ближайший к входу в ущелье кусок долины и остановившихся гаунау. Они не лезли дальше, что удивляло: уж в само-то ущелье можно было и войти. Ждут пехоту? Артиллерию? Нет, тронулись, хоть и медленно. Опасаются ловушки? Вообще не уверены, что Савиньяк здесь, а не морочит им голову и не заходит с тыла? А кстати, куда выводит Ручейная тропа? Куда она в самом деле выводит – уж не в спину ли Хайнриху?!

Вайспферт говорит с мушкетером, кобыла полковника – рыжая хитрая Лиса – взмахивает хвостом и переступает ногами в белых чулочках. Мушкетер уже отъезжает, сейчас можно будет доложить, что...

Это не было ни криком, ни ударом, ни озарением, просто Чарльз услышал смерть. Субординация, почти подобранные слова, неуверенность – все полетело к кошкам, и Давенпорт заорал:

– Всем отходить! Немедленно!!! Пехота – бегом!

Пехотный капитан осадил лошадь, возмущенно заговорил про трусость, приказ, позицию. Чарльз глянул таким зверем, что мушкетер заткнулся на полуслове, но подчиняться не собирался. Давенпорт выхватил пистолет. Откуда-то выскочил Уилер.

– Остановились... гаунау остановились. Лошади у них артачатся...

– Отходить! Оглохли? Неужели неясно?!

– Приказ...

– Нет! Нет у нас приказа подыхать иначе, чем в бою!

– Давенпорт, в чем дело?

Вайспферт. Ну, если и до него не дойдет...

– Нужно уходить... Здесь смерть!

– Очень хорошо. Вверх. Живо. Сперва – «фульгаты», затем – пехота. Никто никого не ждет. Если что, вернемся. Давенпорт, вас это тоже касается.

– Нет. – «Фульгаты» поскакали вперед, кидая на Чарльза и полковника недоуменные взгляды, но не споря. Уилер тоже не спорил. Он просто остался.

– Теперь извольте доложить подробно.

– Я больше ничего не знаю. – Он больше не станет орать. Ором ничего никому не докажешь. – Если я не сошел с ума, то опасность уже рядом.

– Кони с вами согласны.

Устье ущелья, безмолвная синева наверху. Где-то враги, где-то свои, а тут...

– Давенпорт, Уилер, шагом. Дистанция – два корпуса от пехоты.

Лошади порываются пойти вскачь, лошади чуют, *теперь* чуют, но если отходить, то отходить последними. Как громко и глухо стучат копыта. Кость и железо говорят, камни молчат. Они притаились, они не хотят, чтобы их заметили. Пусть обойдет стороной. Их нет, они не хотят, не хотят, не хотят...

Баррикада позади, гаунау не слышно, не слышно никого. На душу точно скала свалилась. Шаг за шагом следом за ползущими бегом пехотинцами. Два корпуса. Дистанция два корпуса! Можно обогнать мушкетеров по ручью, по пестрым напуганным камням. Можно, но Вайспферт останется. И Уилер.

Захрапел и рванулся враз взмокший чалый, тишина стала совсем невозможной. Сейчас. Уже сейчас.

Чарльз еще успел крикнуть: «Спешиться! Лошадей держите!», Вайспферт и Уилер еще успели послушаться, и земля дрогнула. Тот, кто ждал, уронил занесенный века назад молот, и он обрушился на то, что счел наковальней. Раздался даже не грохот – рев. Устье ущелья корчилося, словно какой-то чудовищный уж. Клубы пыли скрыли брошенную баррикаду, начало тропы, стены, небо, солнце...

Давенпорт не понял, как вырвался чалый, не видел, куда тот делся. Лиса Вайспферта тоже ускакала, коня удержал только Уилер.

– К дереву! – Вайспферт пошатнулся и обнажил шпагу, будто прикрывая отступление. Собственно, так и было. Полковника мотало, как пьяного, их всех мотало. Вряд ли бергера слышали, но глаза есть у всех. Когда полковник стоит, солдаты поднимаются. – Вверх, к

костяному дереву!

Смерть ломится снизу, значит – наверх! Вдоль рычащего от злости и бессилия ручья. Наверх, как бы ни содрогались стены расщелины и ни срывались вниз мелкие камни и целые глыбы. Двоим мушкетерам не повезло, черный обломок снес их с тропы, но сами стены держатся... Они не сдадутся, они сами по себе, они хотят смотреть в небо, держать в ладонях воду, слушать ветер и птиц, они устоят.

– Ну, приятель, – хмыкает под ухом Уилер, – вечером точно выпьем. После эдакой встряски...

3

О родичах Ледяного Руппи знал две вещи. То, что они есть, и то, что адмирал им хоть и нечасто, но пишет. Кальдмееры мирно жили в своем Эзелхарде, но, занимаясь почтой Олафа, Руперт несколько раз передавал столичным курьерам письма, адресованные госпоже Барбаре Файерман, обитавшей в Пушечном предместье на площади Дрянного Мальчишки. Связать имя госпожи Барбары с пистолетным клеймом лейтенант догадался, лишь найдя упомянутую площадь, уютный уголок на полпути меж Святой Урфридой и Эйной. Внушительный, хоть и лишенный изысков дом с достоинством сообщал о процветании хозяев, вывеска с ружьями и пистолетами тоже была неброской и добротной. Она не заманивала случайных прохожих, а приветствовала добрых знакомых.

Распахнулись двери, пропуская двоих покупателей с капитанскими перевязями, – оружие от Файермана ценилось, хотя Фельсенбурги и Штарквинды предпочитали мастеров подороже. Увы, будущий полковник, в которого превратился будущий герцог, мог лишь с вожделением смотреть на клейменные пылающим «Ф» пистолеты. На всякий случай – вдруг кто-то все-таки смотрит – Руппи завистливо вздохнул и заворотил Краба в проулок, где, по его расчетам, находился вход в жилую часть дома. Так и оказалось.

Для очистки совести оглядевшись, Руперт спешился и взялся за выполненный в виде ружья дверной молоток. Ленивым басом гавкнул пес, но дальше лаять не стал.

– Вам кого, сударь? – Возникшее в решетчатом окошечке женское лицо навевало мысли о пирогах и перинах.

– Я хотел бы повидать госпожу Барбару, – скромно сообщил Руппи, – у меня к ней поручение.

Лицо исчезло, что-то стукнуло, послышались шаги и новый стук. Лейтенант ждал, ничего другого ему не оставалось, разве что отправиться в запримеченную на площади гостиницу, что-нибудь проглотить и проспять дня четыре или хотя бы до вечера.

– Сударь, – раздалось из окошечка, – а вы кто?

– Лейтенант флота... Канмахер. – Нет приметы хуже, чем назваться именем мертвеца, но имя Зеппа прыгнуло с губ прежде, чем Руппи успел подумать.

– Флота? – Теперь в окошечке торчал пожилой мужчина со злодейскими усами на добрейшей физиономии. – Э... Тогда... *Чайка вьется, чайка плачет...*

– *Моряку сулит удачу*, – продолжил Руппи. – Завязать вам «кошачьи лапки»?

О знаменитом морском узле усач слышал вряд ли, но калитка распахнулась. Руппи встречали трое – уже виденная женщина в чепце, усач и огромный слюнявый пес. Очень дружелюбный.

– Госпожа Барбара ушла в церковь, – сказал мужчина, – но господин лейтенант может подождать в гостиной.

– Сударь, – женщина внимательно взгляделась в лицо Руппи, – хотите покушать?

– Я не голоден, – соврал Руппи и ухватил себя за язык, собравшийся попросить шадди. Это в Эйнрехте-то, в мещанском доме!

– Ох... – Лицо служанки или домоправительницы стало еще добрее. – Ох, сударь, не верю я, чтоб такой молоденький и кушать не хотели. Да еще с дороги...

– Габи! – проревело из дома. – Габи, кто там?

– Ох, господин Мартин, лейтенантик такой... К госпоже... Прямо с флота и кушать отказываются...

– Накрывай, – решил за Руппи громогласный невидимка, – и давай парня сюда!

– Входите, сударь. – Габи сунула руки под фартук. – Мастер Мартин, он отец хозяину... Мастеру Штефану то бишь. Будет спрашивать, так вы громче говорите, а то он на правое ухо глуховат... Как-никак девятый десяток разменял. Франц, прими шляпу!

...Разменявший девятый десяток господин был сед как лунь и румян, как яблочко. Он восседал в кресле, несмотря на почти лето до пояса укрытый меховым одеялом. Руппи поклонился. Старик сощурился, потом неспешно снял одеяло и довольно уверенно поднялся.

– Я счастлив, – проорал он, – принимать в своем доме наследника Фельсенбургов! Габи, вина!!!

4

Бабушка Штарквинд была бы довольна: внук не открыл рот и не вытаращил глаза, а всего лишь еще раз поклонился.

– Полагаю, мы с вами встречались? – с истинно дворцовой учтивостью предположил он. – Вас не затруднит напомнить, при каких обстоятельствах?

– Вина!!! – вновь возопил старец. – Из Той-Самой-Бочки! Нет, господин Фельсенбург, мы не встречались. Ваша фамилия посещает оружейные лавки на улице Людвига, если только не покупает втридорога морисскую ерунду, но не узнать вас, застав фельдмаршала Готвальда?! Я не настолько выжил из ума. Хотя, должен признать, вы носите это платье сносно. На улице я бы принял вас за дворянчика из какого-нибудь Эзелхарда и не чихнул. Вина!!!

– Я предпочитаю носить свой мундир, – улыбнулся Руппи, – но в Эйнрехте я тайно. Дела...

– Понятное дело! – перебил мастер. – Что хочет брат покойного мужа моей невестки? Создатель и все его курицы, Габи!!! Ну что за кружки ты приволокла?! Неси кубки. Те-Самые, охотничьи...

– Я не вправе злоупотреблять вашим гостеприимством, – попытался обуздать стихию Руперт. – Мне хотелось бы повидать госпожу Барбару.

– Габи вы уже видали, Барбара такая же, только сережки золотые. Накормить накормит, но уже с посудой напугает. Вот теперь другое дело! А где вино? Уснула?!

Габи красноречиво колыхнула достойной Гудрун грудью и исчезла. Старец толкнул гостю кубок. Роскошный, старого серебра с чернью. Никаких эмалей и камней, только сиянье и тьма. Танец, смерть и ничего лишнего... Руппи невольно поднес довольно-таки увесистую красоту к глазам. Неведомый ювелир озаботился прорисовать не только каждое перышко в хвосте взлетающей дичи, но и каждую хвоинку на сосновых ветвях.

– Ага, знаете, что лунь не фазан! – Старый оружейник довольно сощурился. – Не то что всякие, которым золота подавай, да побольше... Эх, господин Фельсенбург, что за времена наступили! Оружие строгости требует, а господам лишь бы блестело за хорну! Габи!!!

– Несу, господин Мартин, – раздалось из пропахших чем-то нестерпимо вкусным глубин, напомнив про другого Мартина. Последний обед, последняя поездка, последний разговор... Руппи так и не понял, что убило дядю и Генриха... Кем нужно быть, чтобы бросить мертвых у забора и сбежать с ведьмой?!

– В чем дело?! – прокричал хозяин. – У нас призраков нет, не герцоги!

– Просто вспомнил... хорошего человека. Я еще не привык, что он умер.

– Понятное дело! Что ж, с памяти и начнем. Помним!

– Помним. – Руппи поднял кубок. В этом доме можно не врать, но не врать в этом доме – значит тянуть хозяев туда, где нет ничего хорошего. Старый Мартин слишком походит на деда Зеппа, чтобы подвергать его опасности, только выхода нет. Разве что сдаться на милость бабушки, но Руппи отнюдь не был уверен, что герцогиня Штарквинд поставит

интересы Олафа выше собственных интриг. Вернее, был уверен в обратном.

– Господин Мартин, – отчетливо произнес лейтенант, – мой адмирал ничего мне не поручал. Напротив, это мне нужно с ним увидеться, но я не могу сделать это открыто. Я – свидетель на том суде, где господин Кальдмеер – обвинитель. Мы не должны встречаться, иначе кесарю донесут, что мы в сговоре. Я знаю, господин Кальдмеер пишет госпоже Барбаре и получает ее письма. Госпожа Барбара может его навестить, не вызвав подозрений.

– Тю-у-у-у, – протянул старый мастер и забарабанил пальцами по столу. – Значит, вы нагрянули в Эйнрехт, никому не сказавшись, и все ради бывшего деверя нашей Барбары? Ну и герцоги нынче пошли...

– Я, как вы изволили выразиться, нагрянул, потому что мне надоели подлости. И потому что я боюсь за Олафа!.. За моего адмирала.

Пить вино натошак глупо. Откровенничать со старым оружейником глупо. Приезжать в Эйнрехт глупо, но всего глупее – на полдороге бросать начатое.

– А за себя? – усмехнулся мастер Мартин и окончательно стал похож на старого боцмана. – За себя не боитесь?

– За себя как-нибудь потом, – в тон хозяину откликнулся Руппи. – Мне дожидаться госпожу Барбару или лезть к своему адмиралу по крышам?

Мастер наполнил свой кубок; оказывается, он успел все выпить.

– Госпожа Барбара скоро явится, – задумчиво протянул старик, – но вы, сударь, слишком быстро ездите и слишком мало сидите в трактирах, иначе вы бы уже знали... Я лекарей на выстрел не подпускаю и живехонек, а ведь я старше не только кесаря, но и сестрицы его, вашей бабушки то есть. И еще поживу... Это хорошее вино, сударь. Пейте, пока молоды, а как состаритесь, тем более пейте, и доживете до моих лет.

– Постараюсь, – пообещал Руппи. – Ваше здоровье. Судя по всему, я чего-то не знаю.

– Чего-то... Скажете тоже! Не чего-то, а удар, или как там эту штуку умники зовут! Навернулся наш Готфрид с радости великой... Позавчера. Племянничек из Гаунау нагрянул...

– Фридрих?!

– Он, – кивнул старик. – Понятное дело... Теперь в регентах ходит, и то сказать, самый подходящий по нынешним временам регент. Сдуревший, так кто нынче не сдурел? В мое время во всем меру знали, а теперь распустились, ложками не соберешь... Франц, Габи, скоро вы там?! Подавайте... Первую смену подавайте! И супницу, супницу не спутайте! Ту-Самую!

Глава 7

Талиг. Надорский тракт. Предмесья Бордона. Дриксен. Эйнрехт 400 год К.С. 15—16-й день Весенних Молний

1

Теперь они ехали во главе отряда вместе. После ночного разговора держаться с Эрвином как с Приддом стало по меньшей мере глупо. Зародившееся в полудохлом трактирчике понимание следовало укреплять хотя бы ради пропуска в Ноймар, но граф Литенкетте и без этого заслуживал внимания. Разумеется, он не перестал быть врагом и сыном врага, но уважать волка или ворона не зазорно. Как и принять от них услугу. В долг, до лучших времен. Когда-нибудь Ричард Окделл заплатит по всем счетам, большим и малым. Среди них будет и бутылка кэналлийского, которую они распили уже в комнате Эрвина, потому что спальня Ричарда выстыла, словно склеп, а простыни и скатерть осклизли и покрылись плесенью.

Бутылка не лучшей «Крови», если она предложена вовремя, стоит дорого, а умение выслушать и понять цены не имеет вообще. Смешно, но Иноходец разглядел в Литенкетте

приличного человека первым, чуть не поссорившись из-за ноймара с предостерегавшей кузена Катари. Королева, как и эр Август, и сам Дик, видела в молодом ноймаре сына зловещего Рудольфа и чуть ли не варвара. Неудивительно. Ноймар чем-то напоминал Берто Салину, то и дело вызывавшего у Дикона желание схватиться за шпагу. Марикьяре тоже бывал невыносим, а его привычка отрицать очевидное и выгораживать Олларов приводила то в бешенство, то в недоумение. И все же Берто, когда дошло до дела, действовал как Человек Чести. Марикьяре сцепился с живым Арамоной, Эрвин едва не столкнулся с мертвым...

– Граф, – негромко окликнул Ричард думавшего о чем-то своем спутника, – что бы вы стали делать, если б застали у меня выходцев?

– Зажег четыре свечи. Если бы понял, что Арамона мертв.

– А если б не поняли?

– Арестовал бы урода за дезертирство... Представляю, что бы началось!

Дикон тоже представил и улыбнулся. Если б не навязчивый злобный взгляд, дорога стала бы приятной.

– Вам не кажется, что за нами наблюдают? Я не имею в виду шпионов...

– Не кажется, – Эрвин отнюдь не выглядел удивленным, – я в этом уверен. Вы поняли это незадолго до нашей встречи?

– Да. Одно время мне казалось, что дело в вашем отряде.

– Люди не чувствуют приближения себе подобных, зато некоторым не дает покоя луна, особенно полная. Мне кажется, с нами что-то в этом роде. Вы не расспрашивали солдат?

– Нет.

– Расспросите. У меня беспокоятся трое, правда, все они состоят в родстве.

Святой Алан, чего он только не навоображал, а ведь Окделлы не только Повелители, но и люди! Нельзя искать смысл в каждом чихании, объяснение может оказаться самым простым. Чиханье – это насморк, неотвязный взгляд – природная чуткость, помноженная на недавние потери. В детстве он населял темные углы тварями, о которых болтали на кухне. С возрастом страхи прошли, теперь вернулись. Ничего, уберутся.

– В вашей семье еще кто-нибудь чувствует подобные вещи?

– Да, – не стал вдаваться в подробности ноймар. Он и так сказал больше, чем позволил бы себе Ричард. Тем, кто не обременен древним наследием, жить проще, хотя купцу или крестьянину ноша Проэмперадора тоже покажется неподъемной.

Юноша привычно поправил кинжал и, повинуясь неясному порыву, поднял Сону на дыбы, бросая вызов невидимому наблюдателю. Пусть смотрит, если ему хочется! Окделлы не скрываются, напротив. Придет время, и Ричард отыщет всех, кому задолжал. Первым будет Спрут.

– Граф, – накатившая решимость требовала выхода, – как вы смотрите на то, чтобы перед ужином немного размяться со шпагами? Мы слишком пренебрегаем тренировками.

– Если ваше плечо позволяет...

– Оно позволяет.

– Тем не менее вы получите четыре укола форы.

– Не могу с этим согласиться.

– Как вам угодно, но на иных условиях я фехтовать отказываюсь.

– Вы не оставляете мне выбора, но когда ранены будете вы, я уступлю вам столько же.

– Разумеется. Если я буду ранен и если мы еще встретимся.

В устах Придда это прозвучало бы как оскорбление, но Эрвин просто любит точность. Другое дело, что упускать такой шанс нельзя.

– Если вы будете ранены, я нанесу вам визит. – Юноша слегка поклонился. – В конце концов, в Талиге все всем родственники.

– Говоря «все», мы подразумеваем «никто», – уточнил Литенкете, – хотя в середине Круга Надор и Ноймар в самом деле менялись браслетами. Трижды, если не ошибаюсь.

– Я имел в виду более давние времена, – небрежно подхватил Ричард. – Юлиана

Надорэа, сестра моего пращура, предпочла вашего предка анаксу. Мевен говорит, что принесенный ею в приданое щит цел до сих пор. Виконт видел его в каком-то зале.

– Не представляю, откуда он это взял, – удивился Эрвин. – Разве что в Ноймаре родился новый Дидерих. Вот уж некстати...

– Вы не любите Дидериха? – поднял бровь Дикон, прикидывая, как, не вызывая подозрений, вернуться к щиту.

Ноймар засмеялся:

– Пиита был лжив, как сын кансильера, и при этом простодушен, как отпрыск горничной. Все, чего Дидерих не понимал, а понимал он мало, болван сводил либо к роковой любви, либо к брошенным детям. Неудивительно, что графиня Савиньяк велела его выпороть, после чего Дидерих писал исключительно о делах давно минувших. Впрочем, за попытку воспеть близнецов Борраска ему опять досталось...

– Дидерих о Юлиане Надорэа не писал, – не позволил увести разговор в сторону Ричард, – хотя ее жизнь и... подвиги Манлия достойны поэмы. Значит, Мевен ошибся насчет щита. Жаль! Я надеялся, что... где-то уцелели вещи, которые держали в руках мои предки.

– Сохранились украшения Юлианы, их ваша родственница действительно привезла. А заинтриговавший Мевена щит – подарок Эрнани Святого. Есть еще несколько картин работы Диамни Коро и одна, вроде бы написанная самим Сольегей...

Ноймар не подозревал, *что* сейчас сказал, но каким бы умным ни был человек, он не сложит мозаику, не имея нужных смальт. Откуда потомкам Манлия знать, что они хранят одну из величайших реликвий?! Колченогий Эрнани был кем угодно, только не глупцом! Отдать щит Скал хутородному Ферре и отправить того на границу к варварам... Как просто и как безупречно! Плебей станет беречь дар анакса как зеницу ока, но не сможет воспользоваться Силой, даже если поймет, хранителем чего он оказался. А вот Юлиану осуждать не за что: девушку вели не взбалмошность и не дурной нрав, а сами Скалы!

Пусть женщины не владеют Силой, зории не могут не отличаться от плебеек. Катари предчувствовала гибель Альдо и иные беды, но что есть предвиденье, если не дар истинных Богов? Молнии прозревают будущее, Скалы чувствуют Силу. Уж не это ли чутье превратило Айрис из славной девочки в дикую кошку? Ей не Алва был нужен, а Повелитель грядущего Круга и обладатель меча Ветров...

– ...елл, вы меня слышите?

– Простите, задумался... В чем дело?

– Я догадался, что вы задумались. Передовой разъезд встретил первых беженцев. Составите мне компанию или продолжите мыслить?

– Разумеется, составлю.

2

Великий герцог Фельпа, Первый маршал Талига, экстерриор Ургота, двоюродный племянник великого герцога Алата, шестнадцать бордонских дождей и свидетельствующий чистоту помыслов оных бордонский же кардинал... Каким бы коротким ни был сам договор, такое количество подписей делало его солидным, хоть и не таким, как если бы Фельп остался с дуксами. Впрочем, тогда капитуляцию могли бы не подписать вовсе, разве что к каждому дуксу приставили бы по адуану с волкодавом или по моряку с киркореллами. Разумеется, для почта.

– Мы надеемся на то, что переговоры по торговому соглашению будут плодотворными и разрешат все оставшиеся вопросы, – веско произнес дож носатый, который составил бы достойную пару дуксу ушастому. – Предложение разделить подписание мирного и торгового договоров было великолепным.

– Талиг разделяет ваши надежды. – Рокэ небрежно коснулся сапфиров, и Марселю почти почудилось, что все художества прошлого года были пьяным бредом. Ну выпили люди, возможно, даже с «пантерками», тут и начало сниться! Философы, белые штаны,

корыстные призраки, верительные грамоты, таящиеся в реке бревна...

– Урготская сторона понимает всю важность и объемность того, что еще предстоит сделать. – Экстерриоры не умеют говорить коротко, а этот к тому же сыт и доволен. – Мы готовы отринуть обиды и на время переговоров взять на себя поставку продовольствия в Бордон. Простые люди не должны страдать, даже если положение, в котором они оказались, является прямым следствием того, что совершили их избранники. Вопрос стоимости можно обсудить отдельно, но жители Бордона смогут покупать хлеб, мясо, вина, ткани по ценам, сопоставимым с теми, к которым они привыкли.

– Ургот, как всегда, деловит и великодушен, – похвалил союзника Ворон. – Теперь мы не ограничены временем и можем, не опасаясь голода и столь часто сопутствующих ему мятежей, прийти к такому соглашению, которое надолго удовлетворит всех.

– Увы, – граф Марту вздохнул не хуже маркиза Габайру, заставив Марселя ощутить гордость за ставший двоюродным Ургот, – война всегда была бичом торговли. Понесенные в результате безответственного, я не могу подобрать более мягкого слова, нападения на Фельп прямые и косвенные убытки значительно превышают оговоренную великим герцогом Фельпа сумму единоразовой выплаты.

– Мы выражаем свое сожаление. – Дож носатый говорил больше других и как-то подозрительно косился на Джильди. Прикидывал, не удастся ли стать герцогом ему самому и если удастся, то за сколько? – Я готов признать лежащую на Бордоне вину, но это вина не лошади, но телеги. Гайифская империя вынудила нас совершить нечто, противное самой нашей сути.

– Однако Бордон поддерживал Гайифу во всех ее начинаниях, – ласково напомнил ургот. – Уже имея в виду напасть на Фельп, вы всячески способствовали кагетской стороне в сагранском конфликте.

– И не только, – уже не дипломатично, но маршальски бросил Алва. – Но либо об обидах говорят, либо за них спрашивают. Мы пошли вторым путем, и вопрос исчерпан. Я доведу до сведения морисков, что блокаду Бордона со дня окончания разоружения флота и береговых укреплений и до подписания торгового соглашения будут вести фельпские и урготские военные корабли. Они же во избежание недоразумений с морскими шадрами будут сопровождать негоциантов с необходимыми для города товарами. Это поднимет цены, но война, как справедливо заметил граф Марту, никогда не способствовала дешевизне.

Я не знаю, сколько займут переговоры, но в любом случае не располагаю временем. С завтрашнего дня интересы Талига в Бордоне уполномочены представлять граф Шантэри и рэй Суавес. Последний достаточно знает Бордон, чтобы с успехом исполнить эту миссию.

– Хуан Суавес? – с непередаваемой непринужденностью переспросил граф Марту, и Марселю опять стало интересно. – Я припоминаю это имя в связи с чем-то странным... Кажется, так звали одного из обвиненных в работорговле моряков, это было... Именно в тот год жители Бордона предпочли сторонников Гайифы...

– Я бы предложил вернуться к переговорам, – торопливо сказал носатый дож. Будь у него главным не нос, а уши, они бы понуро повисли, но носы не обвисают.

– Само собой, – согласился ургот, – тем более что тот Суавес ходил под ардорским флагом и не был дворянином. Видимо, я ошибся.

– Нет, граф, – Рокэ вновь провел рукой по сапфирам, – вы не ошиблись, но не стоит придавать прошлому определяющее значение. Я не знаток бордонских законов, но без участия рэя Суавеса переговоры могут носить лишь предварительный характер.

О том, что господа бордоны все это время будут набивать мощну Фоме, Алва не упомянул. Дожи догадались сами.

– Двенадцать лет назад! – воскликнул дож в бирюзовом, на вид самый молодой. – Я тогда был слишком юн для политики, но тоже припоминаю. Демис Гастаки, оспаривавший тогу у Никоса Гаккоса, изобличил ардорцев, похищавших девиц и продававших их в Багряные земли.

– Да-да, – закивал головой дож в болотно-зеленом; этот, наоборот, был старше

других. – Я, по понятным причинам, хорошо помню это дело. Возмущение, вызванное словами Гастаки, вынудило Палату дождей ввести торговые санкции против Ардоры. Разумеется, сохрани я свою тогу, я бы оспорил это решение, но мне предпочли Гастаки. Неудивительно, ведь я всего лишь предостерегал Бордон от союза с Гайифой, а мой соперник схватил за руку работоторговцев...

– В Багряных землях ваши девы без надобности! – рявкнул герцог Джильди, и Марсель понял, что их обед с фельпцем дал плоды. – Вера запрещает морискам пускать рожденных в Золотых землях дальше Межевых островов! Вы это знаете не хуже меня! Сколько раз Бордон пытался заключить торговый договор с Багряными землями, и каковы были результаты?

– Мы не можем ответить на этот вопрос, – начал дож в оливково-зеленом. – Нужно поднять бумаги...

– Поднимайте. – Ворон встал слишком стремительно, чтобы это не было политикой. – Или не поднимайте, но единственная уступка, на которую готов пойти Талиг, это предоставление на все время блокады урготским и фельпским негодьям права поставлять жизненно необходимые Бордону товары.

– Ургот сделает все возможное, – ободряюще улыбнулся Марту, – чтобы люди получали необходимое по самым разумным ценам вплоть до подписания протоколов всеми сторонами, включая талигойскую.

– Я требую от старшины Палаты дождей отмены приговора, вынесенного в 388 году ардорским морякам, среди которых находился рэй Суавес, – блеснул глазами бирюзовый дож.

– Бордон пересмотрит обстоятельства этого дела. – Дождь носатый пытался поймать взгляд почти ушедшего Ворона, но сидя это было невозможно. Пришлось встать. – Возможно, меня ввели в заблуждение. Гайифа, добиваясь своей цели, не чурается никаких средств, а я был молод и доверчив. Сама мысль о том, что наши сестры и дочери могли стать добычей...

– Действительно, – согласился Рокэ, – эта мысль весьма неприятна, особенно для любящего брата. Мы с виконтом Валме вас понимаем. И покидаем. Прошу засвидетельствовать мое почтение дочерям города Бордона и успокоить их. Им участь добычи никоим образом не грозит.

Судя по раздавшимся сзади звукам, дожди и союзники встали, но оглядываться имеет смысл либо на возлюбленную, либо на погоню, а вовремя выказанные дурные манеры – это тоже дипломатия. Висконт заговорил, лишь оказавшись в седле.

– Рокэ, – страшным шепотом окликнул он, – выходит, мы более не увидимся с нашими не-девами, которые могли стать добычей?

– Я – нет. Вы как хотите.

– Пожалуй, я тоже нет, – решил Марсель и вновь вспомнил о ненаписанном письме. – А куда мы сейчас поедим? То есть не совсем сейчас, а после морисков? Опять на какую-нибудь войну?

– Разумеется. Зачем дорога, если она не ведет к армии?

3

Руппи сидел с ногами в чудовищном, впору паре откормленных любовников, кресле и жалел Готфрида, хотя следовало думать об Олафе, о себе, о маме... Об оказавшейся во власти урода Дриксен, в конце концов! Танцы кончились, и Руперту фок Фельсенбургу оставалось одно – немедленно и тайно встретиться с бабушкой. Именно герцогиня фок Штарквинд будет командовать сражением, и только она сумеет победить.

Будь Руперт бароном Райнштайнером, он бы без колебаний поступил под начало грозной Элизы и жил от приказа до приказа, но лейтенант не мог выкинуть из головы ни Олафа, ни беднягу Готфрида. Если б Руппи хотя бы ограничился хирургией, а он, как назло, начитался о мозговых и сердечных ударах и теперь знал, что кесарь вряд ли встанет, и лишь

одному Леворукому известно, соображает больной хоть что-нибудь или так и лежит хрипящей колодой. Превратиться в дышащее бревно страшно, но потерять тело и голос, сохранив разум... О таком лучше не думать, но не думать не выходило – автор осиленного Руппи трактата постарался на славу, остальное доделали воображение и воспоминания. О мрачноватом от мореного дуба зале и крупном человеке в мантии с лебедями и секирами – «братце Готфриде», что приходил к бабушке, приносил большие корабли с яркими парусами и весело хохотал. Об обещании взять Руппи на настоящий корабль. О самом корабле, кесарском фрегате, казавшемся огромным и дивным, а позднее ставшем маленьким и чрезмерно изукрашенным...

«Братец Готфрид» оказался кесарем, перед ним следовало преклонять колена, за него громко молились, над ним тихонько подсмеивались. Разумеется, за глаза и не при всех. Потом навалилась политика. Не сразу, а потихоньку, словно днище ракушками обросло. Назначение командующих, звания, ордена, маневры, походы – все это было тенями эйнрехтской возни, а в центре ее стоял Готфрид. Он уворачивался, отнекивался, соглашался, отмалчивался, плавал сразу в двух лодках, но плавал же! И неплохо, пока не позволил себя уговорить и не начал войну, которой так или иначе хотели все.

Ворошить собственную глупость было неприятно, но Руппи не собирался забывать, как едва не запрыгал от восторга, узнав, что Западный флот идет на Хексберг. Да, он бесился от того, что им навязали Бермессера с Хохвенде, но сам поход казался таким замечательным... Еще бы! Они совершат то, что не удалось даже Людвигу, они избавят кесарию от самой болезненной из торчащих в ее брюхе заноз, они, они, они... А ведь Руппи был Фельсенбургом и должен был *понимать*. Не понимал, чего уж говорить о Зеппе с Бюнцем, о сотнях, тысячах офицеров и матросов.

Видел ли сам Готфрид, куда его толкают, нет ли, но кесарь не смог отказать жаждущей расквитаться за последние неудачи Дриксен. Зато он разобрался в горах вранья и поверил не Бермессеру с Хохвенде, а Олафу. Суд окончательно расставил бы все по местам, назвав героев героями, а трусов и подлецов – трусами и подлецами, но сейчас задул другой ветер. Ветер Фридриха. Потрох тюлений... Явился! Под юбку Гудрун и без гвардии, словно в том фельсенбургском бреду.

Любопытно, куда делась армия и что думает о зяте Хайнрих? Вернулся Фридрих сам или его вышибли за особые «заслуги» перед Гаунау? Арно много говорил о братьях, Руппи слушал, не забывая, что речь идет о врагах, и перебирая в памяти военачальников кесарии. Бруно справился бы с обоими Савиньяками, Бах-унд-Отум – хотя бы с Лионелем. А вот Фридрих рисковал остаться без хвоста и, похоже, остался. После чего отбыл домой. С «приятными» новостями.

Ударов просто так не случается. Да, Готфрид любил покушать, и лицо у него было красным, но полнокровие и полнота сами по себе к удару не приводят. Нужен повод, и поводом этим мог стать разговор с Фридрихом. Разговор?! Если кесарь орал на ублюдка так же, как после потери Гельбе, сосуды могли не выдержать. Они и не выдержали, но как же повезло уроду! Отчаянно, неимоверно повезло и с апоплексией Готфрида, и с «засвидетельствовавшей» волю отца Гудрун. Без нее Фридрих вышел бы от дяди не регентом, а хорошо, если не арестантом. Закатные твари! Гудрун должна была сидеть в Фельсенбурге, и сидела бы...

Руппи спрыгнул с кресла и закружил по комнате. Над Эйрехтом висела звездная ночь. В доме все спали, даже неугомонный старец, спали и в домах напротив. Мастера не имеют обыкновения зря жечь свечи, разве что подвернется срочный заказ; мастера вспоминают о политике, лишь когда та возьмет за горло. Люди хотят просто жить, править желают единицы. Эти сейчас пишут письма, рассылают курьеров, «случайно» встречаются. Грядет драка, в которой пойдет в ход все, в том числе и суд... Лейтенант запустил пятерню в волосы – от этой привычки его не отучила ни мама, ни служба – и уселся у стола спиной к ночи с ее соблазнами, некогда смутными, а теперь разве что не вытканными звездным серебром по иссиня-черному бархату. Мастер Мартин настоял на ночной кормежке, и перед Руппи

высился заваленный снедью поднос, похожий под своей салфеткой на заснеженную гору. Рядом мерцал знаменитый «Тот-Самый-Кубок» и кувшин с «Тем-Самым-Вином». Руппи не пил, хотя и хотелось. Напиться. Сбежать. Сдаться. Перевалить все на бабушку, на Бруно, на судьбу с Создателем и Леворуким, и пусть выкручиваются...

Что делать отягощенному медицинскими познаниями младшему офицеру флота при известии, что кесаря разбил удар, и если он, офицер, уверен, что принцесса и регент – лжесвидетели? Увы, подобного пункта в Морском уставе кесарии Дриксен не имелось, а Устав сей по праву считался самым полным и подробным во всех Золотых землях... Дурацкая мысль вызвала злость, даже не злость – бешенство. Руппи прищелкнул пальцами и тряхнул головой. Вспомнил, что так делает Бешеный, и непонятно почему разъярился еще больше. Вместе со злостью явилась и первая разумная мысль. Надо выяснить намерения Фридриха в отношении Олафа и узнать, чем занята бабушка Элиза. Сделать это, сидя у Файерманов, невозможно, значит, придется пробраться в Большой город, но так, чтобы наследника Фельсенбургов до поры до времени не опознали ни убийцы, ни родичи.

Маска провинциала по-прежнему оставалась лучшей из всех возможных, но одно дело – разъезжать по дорогам, и совсем другое – пройти по Липовому парку, где и в обычное-то время от стражи не продохнуть. И стража эта, раздери ее кошки, знает обитателей дворцов не хуже, чем боцман – палубную команду. С десятков капралов и сержантов каждый месяц получают от бабушки кошельки, надо думать, Фридрих и его приятели тоже не скупятся, особенно теперь. О возвращении Руперта фок Фельсенбурга донесут, едва сменится караул, и еще неизвестно, кому первому.

Руппи разорил хозяев еще на пару свечей и внимательно обозрел собственную физиономию. Не так печально, как будь он Савиньяком или Вальдесом, но светлые глаза при темных волосах в любом случае цепляют взгляд, да и родинка на подбородке слишком уж фамильная... Замазать? У кузенов есть какая-то штука для прыщей, хотя все равно просвечивает... Закатные твари, вот оно, прыщи! У юноши из провинции два прыща – на подбородке и на щеке. Замазанные, но разве такое скроешь?! А волосы у истинного варита должны быть светло-русыми. И будут.

4

Последним Эрвин отпустил немолодого охотника, едва не затоптанного удиравшими кабанами. Догадавшись, что дело нечисто, он не только покинул опасное место сам, но и вывел жителей родной деревушки. Охотнику следовало дать пару таллов и отправить восвояси, но Эрвин задавал вопрос за вопросом. Зачем графу Литенкетте требовалось знать, как долго бежали кабаны и что говорят крестьяне, Ричард не представлял, ведь ничего необъяснимого не происходило. Погубивший Надор и Роксли сдвиг стал чудовищным бедствием, но никоим образом не новостью. Такое случалось раньше и будет случаться впредь, пока существуют вода и известняки. И все равно слушать, как спасались пастухи и обозники, было больно. Почему звери знают о грядущей беде, а люди – нет? Почему в Надоре не поняли того, что оказалось по уму крестьянам, ведь собаки и лошади наверняка волновались? Не поняли? Простолюдины суеверны, но матушка со своим эсператизмом не стала бы их слушать, наоборот... Она бы велела закрыть ворота и согнала всех в церковь. В могилу...

– Имей я привычку возносить хвалу Создателю, с ней сегодня было бы покончено, – прервал тишину Литенкетте. – Я могу найти, за что следует наказывать меня или вас, но не этого человека и не оленей с оленятами.

– Этот человек как раз спасся, – буркнул Ричард.

– Потеряв все, что имел. Странные мы все-таки существа. Теряем все, кроме жизни, – благодарим. Не теряем ничего, кроме носового платка, клянем все на свете... Помнится, ближайшая переправа у Собачьей горки, если, разумеется, она цела.

– Есть еще Ритака, – бездумно, словно на уроке, откликнулся Ричард, – только какой в

этом смысл? Мы и так все знаем.

– Все знают только те, кто не знает ничего. – Эрвин рассеянно поправил свечу. Юлиана Надорэа умерла больше тысячи лет назад, а ее потомки и потомки ее брата по-прежнему похожи. Скалы помнят...

– Вы не совсем точны, – вымученно улыбнулся Ричард. – Иссерциал говорил: «Все в этом мире знают лишь невежды, но мудрецы не знают ничего».

– Вы с Иссерциалом правы, – кивнул Литенкетте, – но я не совсем невежда и вовсе не мудрец, значит, у меня есть шанс узнать что-то, достойное внимания. Разумеется, не сейчас, сейчас я способен разве что на ужин... Или, если принять во внимание близкий рассвет, на завтрак, что и вам предлагаю. А вы начитанны, герцог. Иссерциала плохо помнят, особенно в эсператистских семьях.

– Я узнал его в Лаик, – признался Ричард, – и не только его. Нам читал словесность мэтр Шабли. Он выбирал лучшее, как бы это ни бесило... всяких! Иссерциал, Веннен, Дидерих, баллады, которые бессовестно переделали в угоду Олларам.

– От нас Иссерциала тоже не скрывали, а если б скрыли Дидериха, я был бы лишь признателен, уж слишком его везде много... А что за баллады переделали?

– Хотя бы балладу о рыцаре и бастарде!

В последний раз герольды воскликнули, трубя,

И принял этот вызов защитник короля.

– Кто он? – спросил Эрнани. – Кто смерти зрит лицо?

– А дальше бред какой-то... *«Но имени не знали потомки подлецов»*.

– В самом деле – бред, – кивнул Эрвин, – причем пакостный. Я хотел бы знать, откуда он взялся, тем более в Лаик.

– А я хотел бы знать, как было на самом деле, – сообщил Ричард, разламывая хлеб. – Я спрашивал тех, кто жил в Агарисе, но там тоже ничего не осталось.

– Правильно, – Эрвин тоже взялся за хлеб, – в Агарис тащили не стихи, а драгоценности, в том числе и чужие. А списки интересующей вас баллады отнюдь не тайна. В Ноймаре она, по крайней мере, есть. В детстве я любил ее перечитывать...

– Кто он? – спросил Эрнани. – Кто смерти зрит лицо?

– Властитель Кэналлоа, славнейший из бойцов, —

Ответил граф фок Варзов, качая головой:

– Мне жаль его супругу. Неравен этот бой...

А всадники на поле уж тронули коней:

В кольчуге кэналлиец, Франциск – в глухой броне...

– Дальше тоже испакощено?

– Только в самом конце. – Вот, значит, как... Франциска победил Рамиро, пока Придд торчал на стене. Рыцаря осливали предателем, предателя записали в мученики, но кровь есть кровь, а честь есть честь. Борраски верны своим королям, какими бы те ни были, Спруты способны только на измены и трусость. Уж не Придды ли вымарали имя Рамиро из баллады, или это сделал кто-то из «навозников»?

– Когда Лаик снова станет «Загоном», pošлю им список баллад, – решил Литенкетте, нарезаю холодное мясо. – Поэзия поэзией, но есть тоже надо. Или вы хотите, чтобы я управился с этим окороком в одиночку?

– Не хочу. Чего я хочу, так это попасть в вашу библиотеку. Я готов лично снять копию для Лаик.

– Дриксы не позволят нам заниматься балладами. И вряд ли вы захотите переписывать стихи, когда ваш друг Эпинэ будет воевать.

– Окделлы не прячутся за других! – Напрашиваться в гости во время войны и впрямь

неуместно. Другое дело – прибыть с донесением или завернуть после ранения. Тут даже Катари не станет возражать. Боевому офицеру в доме регента ничего не грозит, а «свидание меж двух сражений смягчает женские сердца». – Надеюсь, новый капитан Лаик не будет трусом и подлецом.

– Вы намекаете на Арамону? – уточнил Эрвин. – Он был по-своему полезен.

– Тем, перед кем выслуживался. Вам Свин вряд ли портил жизнь...

Литенкетте пожал плечами:

– При мне в Лаик еще распоряжался полковник Дюваль, но моему брату Арамона жизнь и в самом деле не портил. Он портил жизнь его другу. Свои обиды замечать столь же неприлично, как не видеть чужих... Допекай Арамона нашего врага, братец действовал бы еще решительней.

– Он мог себе это позволить.

– Разумеется. Так же, как и многие ваши однокорытники. Тот же Арно Сэ.

И не только Арно. С Арамоной сцепилось шестеро или, считая Сузу-Музу из камина, семеро. Каждый третий, но двое из трех оказались либо трусами, либо подлецами. Любопытно, куда запирали младшего Ноймаринена и запирали ли?

– Ваш брат поссорился с Арамоной?

– И не раз. Более того, по выходе из Лаик он пробился к Сильвестру. Балбес дышал праведным гневом, а его спросили, стал бы Луи Варден другом Маркуса Ноймаринена, если б не Арамона?

– Варден? – переспросил Ричард. – Варден?!

– Вам знакомо это имя?

– Мне знаком Реми Варден. Предатель!.. Хотя для вас он – герой, ведь он предал Ракана...

– Предал Ракана или не изменил ранее данной присяге? – спокойно уточнил граф. Ричард промолчал. Ссориться он не собирался, тем более из-за ерунды.

– Одного из братьев Луи Вардена в самом деле зовут Реми. – Ноймар не настаивал на ответе. – Луи служил у Эмиля Савиньяка. Он погиб во время Саграннской кампании. Возможно, вы встречались.

– Я не помню такого...

– Жаль, хотя вы и не могли знать всех офицеров. Вы не воевали в строю.

– При Дараме я дрался рядом с Эмилем.

– Сражение не располагает к личному знакомству, а после боя вы вернулись к своему господину.

Говорить о господине хотелось даже меньше, чем о Варденах, сколько б их ни было.

– Вы не досказали вашу историю. Что ответил ваш брат Дораку?

– Ничего. Он ушел. Дворянин должен защищать не только отечество и короля, но и друзей. Именно этот предмет и преподавал Арамона, а вовсе не фехтование, как нам казалось. Свина для того и сунули в Лаик, чтобы он допекал унаров. У него получалось, и Сильвестр сделал его начальником.

Если кто-то выходил из Лаик без друзей и без отечества, в этом виноват был он сам, а не Свин. Мы тоже так его называли – Свин делал все, чтобы унары поняли, что такое дружба и что такое враг... Ладно, дело прошлое. Вы, как я понял, в Надоры не собираетесь?

– Регентский совет ждет известий о беженцах, а причина землетрясений очевидна.

– Я напишу ее величеству и маршалу Эпинэ. Внутри Кольца Эрнани нет условий, пригодных для размещения беженцев, а в Ноймаринен лишние руки пригодятся, не говоря о лишних солдатах. Мои люди будут заворачивать людей в Придду. Думаю, здесь же поставим и вербовщиков. Вы, как доверенное лицо регентского совета, не возражаете?

Чего ж возражать? Мысль удачная, с какой стороны ни глянь. Робер опасался голодных бунтов и ссор между жителями столицы и беженцами. Теперь Иноходец переведет дух и... придумает себе новое пугало.

– Я не возражаю, – твердо произнес Ричард. – Не сомневаюсь, ее величество сочтет

ваше предложение разумным.

Глава 8

Дриксен. Эйнрехт

400 год К.С. 16-й день Весенних Молний

1

Руппи сам не понял, что удумали его ноги, нагло протащившие лейтенанта мимо особняка фок Шнееталей. В сговор с ногами вступили нос и глаза. Первый высокомерно устремился к небесам, вторые уставились на противоположную сторону площади, словно заведя там нечто интересное. Влекомый ногами, Руппи продефилировал мимо почти родных дверей, свернул в ближайший переулок и опомнился – в том смысле, что теперь за дело взялась голова. Лейтенант счел разумным сделать круг, выйдя к площади с другой стороны, где и встал, не забыв поправить шляпу и отцепить с пояса кошелек. Обуянный столичными соблазнами провинциал пересчитывает денежки. Понятное дело, как сказал бы мастер Мартин, снабдивший Руппи всем необходимым, от негерцогской шпаги до шейного платка.

Выходя от Файерманов, лейтенант чувствовал себя честным сухопутным дуралеем, вознамерившимся выбиться в полковники. Это смешило, пока в толпе у ворот не заговорили о Готфриде и Гудрун. Дура присягнула-таки, что отец объявил Фридриха регентом. Это с ударом-то! Лосиха врет, но не считаться с этим нельзя и нужно быть очень осторожным. Очень! Руппи старался, потому так и не постучал ни к цур Броккау, ни к Бах-унд-Отумам, ни к Мёзерицу, хотя вокруг было спокойно. Так же, как и на площади перед домом, где родился Адольф фок Шнееталь.

Кто-то ходил, кто-то стоял и говорил, кто-то ругался. Чуть ли не под ногами у яростно ссорившихся мещан шныряли откормленные столичные голуби. Осознавая собственную значимость, шествовал пузатый лекарь, пара мастеровых тащила лестницу. Пробежала, придерживая юбки, хорошенькая служаночка, споткнулась, потеряла башмак, запрыгала на одной ноге... Руппи резко ссыпал монетки в позаимствованный у мастера Мартина потертый кошелек и деловым шагом отправился прочь. В третий раз за день.

Продуманный план летел к Леворукому, оставалось прекратить маскарад и сдаться на милость бабушки или вернуться. Не к Файерманам и не в Фельсенбург, а туда, где он будет... на месте. В Эйнрехте, в Большом Эйнрехте, Руппи себя на месте не чувствовал. Наверное, потому, что никогда еще не бродил по столичным улицам в чужом обличье, это вызывало раздражение и тревогу. Беспочвенные, так как город был в порядке.

У Фридриха хватило ума не наводнять столицу стражниками и солдатней. На Восьми Площадах продолжалась торговля, у ворот никто никого не расспрашивал, каждый честный дрикс по-прежнему мог войти в добрый город Эйнрехт и ходить по нему невозбранно, пока не ударит Ночной колокол. Руппи и вошел, хотя на мосту через Эйну лейтенанту смертельно захотелось удрать. Вливающаяся в город разномастная толпа раздражала, а запах нечистот и гнили, раньше совсем незаметный, вызывал тошноту.

Аристократ объехал бы столпотворение через Арки Славнейших. Оставившему коня в предместье дворянчику пришлось идти со всеми. И злиться тоже со всеми. Покупатели, просители, торговцы, то и дело толкая друг друга и обмениваясь недобрыми взглядами, пробивались сквозь узость ворот и растекались по улицам. Дальше стало легче, и раздражение почти прошло, а теперь воспрянуло, хотя злиться было не на кого, разве что на себя.

– Молодой господин, а молодой господин!

– Что такое?

– Примерьте плащ! Вы только посмотрите... Он для вас создан, просто создан...

Темно-зеленый, с изумрудной и золотой отделкой плащ был создан разве что для бродячего лицедея, но навязчивый торговец заставил очнуться. Руппи огляделся. Предоставленные самим себе ноги занесли владельца на Большую Суконную, откуда было минут двадцать хода до Липового парка, где располагался дворец кесаря. Ну, и резиденции его «братьев».

Лейтенант быстро, но не привлекая особого внимания, убрался с торговой улицы и, отойдя подальше, остановился, прислонившись к какому-то забору. Он был противен сам себе. Заявиться в чужой шкуре, шарахаться от Бах-унд-Отумов, от цур Броккау и от цур Броккау к Шнееталям, не сделать *ничего* и по рассеянности отправиться в родимое стойло. Изумительно! Лови кто-нибудь Руперта фок Фельсенбурга на самом деле, означенный Руперт уже плавал бы в Эйне с перерезанным горлом или сидел в погребе у бабушки в ожидании выволочки. Вернуться к Шнееталям? При всей любви к семейству Адольфа этого Руппи не хотелось, вот не хотелось – и все!

Подпирать забор становилось неприлично, и лейтенант прогулочным шагом двинулся незнакомой – кесарскому родичу в мещанских кварталах делать было нечего – улочкой, выискивая приличную харчевню. Утром Руппи получил отменный завтрак, но с тех пор минуло часов восемь. В Фельсенбурге обед подавали в четыре, бабушка предпочитала обедать в шесть пополудни. Воспоминания о трапезах в особняке с морскими змеями⁸ и подсказали выход. Слуги! Старые слуги Штарквиндов не пропускают ни единой вечерней службы. Подойти к Гельмуту и расспросить. Старик замечает все: слуги не зря боятся привратника как огня, а к Шнееталям заходить нельзя! Дело не в страхе, просто глаза порой замечают то, что не сразу понимает мозг. Зеваки! Те самые зеваки, что не заржали над потерявшей башмак служаночкой... Леворукий, они на нее и не взглянули, потому что следили за домом капитана «Ноордкроне».

Если по городу не бегают волки, это не значит, что по нему не рыщут псы, и неважно, ловят они Руперта фок Фельсенбурга или любого, кто ищет встречи с врагами регента. Счастье, что госпожа Барбара ни разу не навестила знаменитого родича, а на мещан Фридрих не разменивается... Руппи едва не запустил руку в волосы, но вовремя вспомнил, что он в парике. В парике. В чужом платье. В ставшем чужим городе, но это не повод спускать флаг. Нужно дожидаться вечерней службы, забрести к Святому Отто и подсесть к Гельмуту. Даже если за слугами Штарквиндов следят, убивать в храме вряд ли рискнут. А ведь мастер Мартин предлагал гостю кольчугу, легкую кольчугу, которую так просто скрыть под камзолом... Ну да что теперь делать, не терять же день. И вообще пора обедать!

2

После четверти часа блужданий вокруг Суконной площади подходящее место было найдено. Расположившаяся меж домами богатых меховщиков «Веселая подушка» казалась солидной, но без излишних претензий. То, что нужно, чтобы скоротать время и заодно перекусить, не опасаясь встретить знакомых.

Подвальчик лейтенантские надежды оправдал в полной мере – чисто, пристойно, не слишком людно. Посетители опасений тоже не внушали – мелкие торговцы, тихая компания чиновников, несколько просто одетых дворян, явно провинциалов. Таких же, как Йозев Люстигвинд, в которого превратился Руппи. На всякий случай лейтенант устроился подальше от возможных собутыльников, с наслаждением вытянув усталые ноги. Хозяин не торопился. Сперва это обескуражило, потом – рассмешило. Чтобы перестать быть Фельсенбургом, мало переодеться, надо выучиться ждать трактирщиков, время от времени уступать дорогу и считать деньги.

На вопрос явившегося наконец хозяина Руперт ответил бы монетой и распоряжением

---

⁸ На гербе Штарквиндов четыре увенчанных крылатыми змеями волны.

«подать чего-нибудь попристойней». Новоявленный Йозев взял пример с Зеппа, что расспрашивал не только о кухне, но и о ценах. Трактирщик понял и ничего запредельного не предложил. Сошлись на супе из говяжьих хвостов, говядине с луковым соусом и столовом вине. Красном – тут уж Руппи не мог с собой ничего поделаться.

Хозяин принял заказ и отошел, небрежно взмахнув полотенцем. Больше на скромного молодого человека в углу никто внимания не обратил. Руппи сидел, потом ужинал, потом потягивал заказанное вино, прикидывая, какую дорогу выбрать.

Размышления прервал хлопок входной двери, топот и голоса, слишком громкие для завсегдатаев «Веселой подушки». Удивленные посетители один за другим оборачивались на шум. Кто-то приоткрыл рот, кто-то привстал, кто-то, наоборот, уткнулся в кружку.

Первым новых гостей разглядел от своего прилавка хозяин, торопливо расправивший фартук. Затем меж лестничных перил показались дорогие сапоги и край плаща. Не просто щегольского – роскошного и, раздери его кошки, знакомых цветов. Фок Марге-унд-Бингауэр, да не какой-нибудь внучатый племянник или восьмьюродный братец, а сам полковник Михаэль, наследник титула и личный друг его высочества регента.

Будущего герцога сопровождала пара богато одетых дворян, гвардейский капитан и еще один знакомец. Младший барон Троттен статью напоминал пуфик и обладал препротивной привычкой брызгать слюной, являться туда, куда его не приглашали, и ни за что не платить. Замыкал же процессию, судя по покрою платья и лихо закрученным усам, то ли офицер в отставке, то ли просто забияка.

Оценив свалившиеся на его заведение возможности, трактирщик поправил уже не фартук, а белый цеховой колпак и бросился к гостям, весело устраивавшимся в центре сразу утратившего уютность зала. Вечер только начинался, и господа вряд ли успели набраться, но разговаривали они громко, а смеялись и того громче. Компания чиновников торопливо расплатилась и направилась к выходу, освободив место, с которого было бы куда удобней... слушать. Лейтенант приподнялся и тут же плюхнулся назад – освободившийся стол располагался у самого окна, а фок Марге узнал бы Фельсенбурга с любыми волосами.

Что понадобилось в мещанском кабачке завсегдатаю блестящих салонов и его свите, было неясно, но по сторонам они не глядели. Руппи успокоился и даже решил задержаться – гуляки могли ляпнуть что-нибудь любопытное. Лейтенант изготавился шпионить, а гости – пить, в ожидании заказанного продолжая начатый ранее разговор. Все так же громко.

– А чего еще ждать от мастерового? – возвестил Троттен-младший. – От мужлана, которому самое место в хлеву? Кесарь пускает мужичье туда, куда не следует, и вот...

– Альхен! – слегка повысил голос гвардеец, и любитель чужого вина и грудастых девиц принялся что-то смахивать с раззолоченного рукава. Еще один мещанин тяжело поднялся и двинулся к выходу, столкнувшись в дверях с тремя почтенными горожанами, явно не знавшими, идти вперед или назад.

– Этот Кальдмеер опозорил не только моряков Дриксен, он опозорил дриксенских мастеровых! – Михаэль стукнул по столу пивной кружкой. Он, пивший только вино, да не какое-нибудь, а кэналлийское. О том, что наследник фок Марге якшается с контрабандистами, потому что «не в состоянии пить ничего, кроме выдержанной «Слезы», знал весь Эйрехт, то есть весь дворянский Эйрехт...

– А давайте выпьем, – предложил один из щеголей и улыбнулся. – Выпьем за наших славных оружейников, они не в ответе за бездельника, захотевшего легкого хлеба!

– С мясом и вином, – вставил Троттен, вгрызаясь в горячий пирог. – Хорошо, что Кальдмеер не нравится дамам. Будь у старого дурака сыновья и пойдя они на флот, флоту настал бы конец...

– Этот дурак нанес Дриксен больше урона, чем все талигойские адмиралы, – ввернул второй щеголь. – Пострадал не только корабельный флот, пострадали купцы, доверившие ему свои корабли.

– Все гораздо печальнее, – махнул рукой забияка. – Негоцианты доверились его величеству, а его величество доверился Кальдмееру...

– Увы, его величество назначил Кальдмеера после одного из своих приступов. Его предупреждали, его умоляла дочь, но болезнь оказалась сильнее.

– Болезнь кесаря и чужое золото... – возвысил голос улыбчивый щеголь. – Кальдмеер не так глуп, господа, как кажется некоторым из вас. Он не хотел уходить с флота нищим и поставил все на одну карту. Поражение тоже можно продать. Очень дорого продать...

– Намеряете на талигойское золото? – усмехнулся гвардеец. – Не согласен. Я ставлю на глупость. На глупость и трусость. Фрошеры отпустили Кальдмеера как дурака и труса, чтобы он и дальше губил наши корабли и наших моряков.

– Принимаю пари! – Улыбчивый поднялся и поклонился. – Я ставлю на взятку, на банальную взятку, но не фрошерскую. Дело не в самом поражении, дело в наших славных негоциантах, которые потеряли свои корабли, а с ними и прибыли, и позиции на рынке. Теперь они ардорам, улаппам, флавионам не соперники, а верфи строят линеалы и фрегаты, потому что Олаф утопил Западный флот. За это стоит заплатить одному дриксенскому адмиралу и одному фельпскому капитану, не правда ли?

– Да, – протянул фок Марге, – с фельпом они ловко придумали. Отпусти Кальдмеера фрошеры, это выглядело бы подозрительно, то ли дело – фельп... Галера из Померанцевого моря, случайно оказавшаяся в Хексберг и еще более случайно подобравшая раненого адмирала... Какое везение, господа, какое изумительное везение!

– Видите, Троттен, – забияка стукнул жующий «пуфик» по плечу, – вы назвали Кальдмеера дураком, а он умнее нас всех. Мы теряем победы, друзей, деньги, удачу, а он получает...

– Готов извиниться, – прочавкал барон. – Кальдмеер не дурак, а подлец... Хозяин, вина!

– И еще пива, доброго дриксенского пива!

– Сейчас, господа, сейчас...

Они платят и могут болтать, что хотят... Они платят, и их слушают. Кто-нибудь наверняка поверит, кто-нибудь, чей родич или знакомый потерял корабль...

– ...правду.

– ...Кальдмеер признается? Не смешите меня!

– А вот мне не смешно... Не смешно, что этот ублюдок сделал с нашими моряками и нашей славой!.. Не смешно, что он, пытаясь выкрутиться, бросает тень на цвет Дриксен. Хозяин, вина! Помянем тех, кто не вернулся в Метхенберг... Тех, кто стоял до конца во славу кесаря и Дриксен!

– Стоя, господа! Пьем стоя!

Ярость требовала вскочить и заставить мерзавцев заткнуться хоть шпагой, хоть тяжелым дубовым стулом, благоразумие велело сидеть тихо. Фельсенбург выбрал нечто среднее – дождавшись, когда ублюдки сядут и сосредоточатся на горячем, он обошел фок Марге со спины, бросил на стойку пару монеток и скользнул к выходу.

3

Для праздного шатания среди дворцов было поздновато, а вечерняя служба еще не началась. Свежий воздух слегка остудил лицо и унял жажду крови; лейтенант чихнул и неспешно направился вниз по улочке. У следующего же перекрестка обнаружилось заведение, казавшееся близнецом «Подушки». Народу внутри хватало, но переждать нужные полчаса в подвальчике было всяко умнее, чем слоняться по опустевшим к вечеру кварталам.

Еще один бокал вина; соседи степенно обсуждают кто помолвку дочери, кто сделки с сукном, кто новости из дворца. Не из праздного любопытства – почтенные суконщики гадают, не сменят ли армейских поставщиков и что станет с ценами на шерсть. Привычно улыбается хозяйка в белоснежном чепце, на единственной свободной лавке вылизывается одноухий котяра, на него с умилением взирают негоциант и законник. Мирно, спокойно, до невозможности уютно. Хочется сладких пирожков, хочется потягивать вино, смотреть на

кота, хозяйку, торговцев... Они не грызутся, а живут, просто, без вывертов. Плохого повара никто не наймет, плохой трактирщик проторгуется, а негодный дворянин останется бароном или герцогом, какой бы швалью он ни был. И бездарный вояка станет гнать других на смерть только потому, что он – принц или приятель принца... Проклятье, если Фридрих с Бермессером – это «цвет Дриксен», Руперт фок Фельсенбург предпочитает быть папоротником.

– Сударь, вам что-нибудь нужно?

– Нет... Да... Хозяйюшка, у вас есть сладкие пирожки?

– Конечно! – Радостная улыбка – не мамина, мимолетная, летящая, а... материнская. – Сейчас подам, а о ней не печальтесь.

– О ней?

– А то я не вижу! Сидит в углу, как сыч, скатерть ковыряет... Такое в ваши годочки только от любви и бывает. Если она вас не полюбит, всю жизнь локти кусать станет, уж матушка Ирма знает, что говорит. Повидала матушка Ирма... Пирожки с черничным вареньем или с малиновым?

– С черничным.

– Значит, жениться тебе на маленькой да чернявенькой. Вот и славно, чернявенькие, они как котята... Создатель, кого еще несет?!

От входа – те же громкие голоса и тот же наглый смех. Фок Марге со свитой потерялся, зато гвардеец и улыбчивый щеголь продолжают свои штучки – устраиваются в центре зала, хохочут, требуют вина, сейчас понесут прежнюю мерзость.

– Дурак! – Гвардеец стукнул кулаком по столу. – Дурак цур зее! Гнусный трусливый дурак, загубивший тысячи жизней!

– Не согласен, – замотал головой улыбчивый. – Кальдмеер не дурак и вовсе не трус, трус бы испугался виселицы!..

– Трус боится того, что ближе! – Гвардеец хмыкнул и подмигнул матушке Ирме. – Были ближе фрошеры, Кальдмеер их и боялся, теперь ближе виселица, он ее боится и врет... Хозяйка, вина!

– Лучшего! Эбби, ты не прав, то есть ты прав, что Кальдмеер угробил флот, только не задаром. За нашу беду заплатили.

– Фрошеры? – «не поверил» гвардеец. – Где б наш красавчик их отыскал?

– Ардорских торговцев искать не нужно...

Больше Руппи не предполагал и не гадал – он знал. Слышал еще не сказанные подлые слова. Те, что уже звучали полчаса назад. Те, что сейчас повторяют в других тавернах. Затея была проста до тупости и при этом не лишена смысла. Дураки, если они подлы, становятся хитрее чумных крыс...

– И это адмирал! – вещал гвардеец. – Куда катится Дриксен... Уж лучше глупость и трусость. В конце концов, не всем быть Неистовыми.

– Вы, Эбби, как Бермессер, – укорил щеголь, – не верите в чужую подлость, пока в ней не утонете. Придется вас проучить. Лучше отдать мне кошелек, чем угодить под суд из-за какого-нибудь Кальдмеера. Сотня марок на то, что адмирал нас продал!

– Две сотни за то, что он трус и болван... А теперь выпьем. За тех, кто погиб, но не предал! Стоя. Вина!..

Подойти и вклепать пощечину... Прямо сейчас? Только пощечину? В «Подушке» господа и получаса не просидели... До Ночного колокола, когда закрываются мещанские заведения и на улицах остаются только стражники, дворяне, коты и воры, далеко; надо полагать, субчики пойдут еще куда-нибудь. Что ж, прощай пирожки с вареньем. Неведомой чернявенькой лучше поискать другого жениха...

Руппи поднялся и, ничуть не скрываясь, вышел на улицу. Оглянулся. Тихо. Те, кому не сидится под вечер дома, уже устроились в любимых подвальчиках или засели у соседей. Так... Налево – маленькая площадь, за ней – если память не обманывает – Речная; направо – улица, по которой все они и явились, а из-за ближнего угла отлично виден вход в кабачок.

Куда бы господа ни направились, далеко не уйдут, а вот прыщи и чужие лохмы – долой. То есть долой только прыщи, а лохмы – в карман. Еще пригодятся...

К Святому Отто войдет честный провинциал, но с уклонками разговаривать Руперту фок Фельсенбургу. Адъютанту адмирала цур зее.

Глава 9

Дриксен. Эйнрехт

400 год К.С. 16-й день Весенних Молний

1

Господа ожиданий не обманули, появились очень скоро. Пересекли площадь и, оживленно болтая, свернули на Речную. Самый короткий путь к Большим Дворам... Дорога мастеровых и возчиков, но если господа спешат, почему бы и не опроститься, благо вечер все равно убит на мещанские харчевни. Разобраться бы еще, кто стоит за кутилами, Бермессер с Хохвенде или сам Фридрих. Моряки в сухопутном Эйнрехте наперечет; тех, кто знает, как все было на самом деле, – еще меньше, вот уклонки и развернулись, но признак плохой. Отвратительный признак. Если регент снизошел до заигрываний с торговцами и мастеровыми, жди подлости, да такой, которую город без подливки не проглотит.

Улица вильнула, став именно Речной. Справа плескалась Эйна, слева тянулись глухие задние стены солидных особняков, еще купеческих, но уже всю помышляющих о гербах на воротах. От реки тянуло мятой, в предместьях потихоньку зажигались огни, небо стало сиреневым и прозрачным, а крыши – темными. Руппи глянул вниз – берег был крутым и высоким. Почти обрыв. Спуститься, да еще в сгущающихся сумерках, рискнет не всякий, только в Фельсенбурге горки покруче...

Гвардеец и щеголь прибавили шагу, но не потому, что кого-то опасались. Парочка была в себе уверена и, в отличие от преследователя, по сторонам не озиралась: Эйнрехт по праву считался спокойным, хотя утром у городских ворот и казалось иначе.

Двое впереди громко заржали, на этот раз для собственного удовольствия – улица была пуста, по крайней мере до ближайшего поворота. Смех раздался снова. Щеголь стукнул гвардейца по плечу, они были как раз на полдороге к Большим Дворам. Одни, если не считать реки и вечера. Пора! Лейтенант пошел быстрее, подкованные каблучки громко зацокали по мостовой. Расстояние уверенно сокращалось, добыча по-прежнему веселилась, одинокий прохожий за спиной ее не занимал. Очередной смехок подействовал на Фельсенбурга, как искра на картуз с порохом. Приятели Фридриха могли ржать над чем угодно, хоть над своим драгоценным Неистовым, Руппи чувствовал себя оскорбленным. Вернее, не себя, а Олафа, больного Готфрида, весь Эйнрехт, от мастера Мартина до не подозревавшей об эскападах внука бабушки...

– Господа, – почти дружелюбно окликнул весельчаков лейтенант, – над кем смеетесь?

Остановились. Оглянулись. Не узнали. То ли мало видели Фельсенбургов, то ли темновато уже, да и шляпа сидит низко – лицо в тени.

– С кем имею честь?

Гвардеец. Щеголь выжидающе молчит. Представиться сразу? Обойдутся. Поднять «райос» всегда успеется.

– Вы меня не узнали, а я ваших имен знать не желаю, так что обойдемся без них.

– Я правильно понял, вы нарываетесь на ссору? – Понимает правильно, а улыбчивый опять промолчал. Слишком умен или не слишком храбр?

– Всего лишь на продолжение разговора. Или вы говорите только в кабаках?

– А, вот в чем дело, – хохотнул гвардеец. Зубы у него были хороши. Он еще не получил эфесом в челюсть. – Вы не дослушали про похождения полезшего в море мастерового?

– Эбби, этот молодчик сидел в углу, – осенило щеголя, – в последнем кабаке, а потом

выскочил, даже не поужинав.

– Меня стошнило, – кивнул Руппи, – от вашего вранья. Беседовать с вами можно только... на свежем воздухе и *очень* недолго.

– Я допускал, что среди приятелей контуженого мастерового отыщется кто-нибудь... смелый. Незнатные дворяне, выслужившиеся из нижних чинов офицеры...

– Ты забыл офицерских ублюдков, – напомнил улыбчивый. – Они любят старину Олафа как родного отца. За неимением собственных.

А голубчики навеселе. Целый вечер сражаться за дело Фридриха языком и бутылкой, тут захмелеешь.

– Вы пьяны, – задумчиво произнес Руперт, – но это не оправдание. Мы, незнатные дворяне, знаете ли, не любим клеветников.

– Не терпится получить образование? – Глаза Эбби сузились, как у кота. Он неплохо выпил, теперь хочет подраться. Завершить вечер, так сказать. – Вы его получите, к тому же бесплатно...

Руппи присвистнул.

– Создатель, подручный Фридриха способен на бескорыстие?! Или за сегодня вам уже заплатили? Надеюсь, не ардорские купцы?

Улыбчивый брезгливо выпятил губу и отступил к стене. Дескать, ты с эдаким бревном заговорил, ты его и проучи. Гвардеец неторопливо расстался с плащом и шляпой.

– Вы запомните урок, – пообещал он.

– Я, прошу меня правильно понять, запоминаю только нужные вещи, – очень вежливо возразил Руппи. – Зачем мне помнить купленных мерзавцев? Особенно покойных.

2

Он шесть лет не видел столичных фехтовальных залов. Он не знал противника – ни манеры, ни хотя бы полного имени. Море требует иных наук, но в Придде лейтенант как мог наверстывал упущенное. Потом, конечно, была та самая пуля, но все давно зажило – Осенние бойни это в полной мере подтвердили. Фридриховы подпевалы еще не знают, с кем их свела судьба... Господа намерены развлечься? Господа сейчас развлекутся. Это будет смешно. Это будет *очень* смешно, ведь они так уверены в своем превосходстве. Где уж провинциальному дворянчику, при всей его жалкой наглости, пройти хорошую школу и набраться опыта? Где ему сладить со столичным умельцем, переносящим брехню, как муханавозница – брюшную заразу?

– Начинает Эйрехт? – осведомился провинциальный Фельсенбург.

– Как и заканчивает, – хохотнул у своей стенки щеголь. Занял место в ложе и приготовился развлекаться. Зритель... Ну-ну... Сейчас ты поулыбаешься, а Эбби не промах. Хоть и к провинциалу, а со всей серьезностью. Выучка есть выучка. Этот не развлекается, этот отрабатывает.

Обмен взглядами. Обойдемся без приветствий – не Придда. Ждет, что провинциал полезет вперед. Не дождется. Вальдесом нужно родиться, Райнштайнером можно стать. Так, пошел вперед... Решительно, но без лишней беспечности. Скромное начало, скромное и добротное. Ну что ж... Как вы с нами, так и мы с вами. След в след.

Клинок, почти невидимый в сумерках, метнулся к добыче. Парируем. Без суеты и спешки. Милая атака, а что у вас дальше? Опять длинный выпад... И опять? Скучновато, господин гвардеец, а ответ не желаете? В голову.

Удивился. Еще бы, олух из провинции, а держится. И движения у олуха быстроваты.

– Мы, незнатные дворяне, делаем это так!

Вперед. Вполсилы и вполскорости. Отбил. Еще не боится, но уже напрягся. Почувал неладное... Ветер и звезды, мы же только начали!

Пауза. Короткая. Сейчас осмыслит и атакует. О, в ход идет сложная атака... Изволим финтить?

– Как пожелаете, сударь! Мы и так можем...

А можем и перехватить вашу атаку прямо посередине. Защищайтесь теперь сами!

Ветер, звездная канитель, шорохи, звон... Но ведь клинки должны стучать! Выпад. Ответ. Обмен ударами... Схватка уже утратила начальную простоту, теперь простыми, известными хоть бы провинциалу защитами не обойдешься, здесь нужна *школа*! Та самая, в которой заранее отказано выскочившему из-за угла задире. Ее не может быть, а она есть! Отступаешь? Влево? Ну-ну... А теперь давай вправо... И снова влево, как удирающая по воде утка... Ветер и звезды, волны и утки... Утки, и шпаги, и смех...

– Эбби, он бесноватый! Эбби!..

Кружа по мостовой, они добираются до задних ворот какого-то особняка. Над воротами – одинокий фонарь. Стучит в висках кровь, радостно бьется сердце, бой почти стал танцем. Отбить выпад, резко отшагнуть, повернуться...

– ...да это ж какой-то ублюдок Фельсенбургов!

Шпага Руппи чуть-чуть не достает до горла противника. Тот с трудом успевает закрыться, отскакивает назад. Свет бьет в лицо. Потрясенное, но это длится лишь мгновение.

– Ублюдок, говоришь? С выучкой от Ринге?!

От Ринге. И не только.

– Вы догадливы... Эбби!

Сейчас бросится. Шпаги на миг замирают, слегка соприкасаясь. Враг и так не рохля, а теперь собрался еще больше. Затыгивать дальше нельзя. Пора убивать – обоих и быстро.

– Ну и шустры же вы... лейтенант... Успели добраться... Ну так значит...

Не будет тебе разговора... *«Ноордкроне», мушкетеры на склоне холма, Осенние боины, дядя Мартин, Генрих...* Школа маэстро Ринге... или Бешеного? Клинок по клинку? Обновить? Нет!.. Эту шваль прикончит дрикс!

Молниеносная серия ударов, свет, тени, напряженное ненавидящее лицо. Убивать лучше на свету. Чтобы видеть! Укол, лязг столкнувшихся клинков, еще выпад и еще... Быстрей! В сторону, вверх, длинная атака... Гвардеец кое-как защищает лицо и левый бок, правый закрыть не успевает, пятится. Есть!.. Правое предплечье. Первый шаг к смерти.

– Стража!.. Сюда!.. Стража!!!

Вопли и топот ног... Удаляющийся. В Большие Дворы помчался... Ах ты, ызарг!..

Рубящий удар, якобы в уже раненную руку, вращение в кисти, и клинок с хрустом входит в грудь обманутого. Скорее, пока не ушел второй, освободить клинок... Чужая кровь плещет в лицо, лейтенант, сжимая шпагу, отлетает от оседающего Эбби... Моряк на ногах всегда удержится. Развернуться, утереться свободной рукой. Хрипы за спиной... К Леворукому!

– Стража!..

Длинные тени от фонаря, гаснущие сумерки, удаляющаяся подсакивающая фигура. Вот же зар-раза!..

3

– Сюда!.. Скорее...

Трус выиграл больше десятка шагов, но до угла еще прилично!.. Поймаем!

– Стража!.. Ко мне!!!

Сколько можно вопить? А ведь услышат... Здесь – услышат, слишком уж близко от Больших Дворов. Ничего, услышать – еще не добежать, а добежать – не поймать...

Камзол с позументами маячит совсем близко. Догнал, и даже быстрей, чем казалось. Стражи пока не слышать, значит, сзади можно не бить. Значит, можно задержаться. Схватить за плечи? Прыгнуть на спину? Чтобы вместе кататься по мостовой? Глупо...

Улучив нужный момент, Руппи дал улепетывающему пинка. Подавившись очередным призывом, щеголь кувыркнулся и свалился, заодно позволив лейтенанту погасить разбег. Удачный вечерок, чтоб его!

– Обнажайте шпагу, сударь... Если не хотите... настаивать не буду... Обойдусь и так... Поганец вертит головой. Дыхание сбито, волосы слиплись... Круглые загнанные глаза, а в них понимание – да, этот бесноватый обойдется.

– Я... Мой герцог, я... вас не сразу узнал...

Шум. Дальний, но отчетливый. Бегут несколько человек. Та самая стража, и она торопится.

– Поспешите!

– Я встану... встану...

Тоже слышит. Понял, что нужно протянуть всего чуть-чуть, вот и решился, а пальцы начинают липнуть. Как быстро густеет кровь.

Щеголь уже на ногах. Вскочил, рванул шпагу из ножен и широким махом, реверсом, выбросил в сторону врага. Руппи непроизвольно отшатнулся, уступив загнанной дичи столь нужные ей мгновения. Воодушевленный успехом трус даже не принял нормальную стойку. Не опуская локоть, немедленно нанес колющий удар, длинный и бесхитростный. Убить не рассчитывает, только еще немного отогнать...

Раз – шпага Руппи сверху накрывает стремящийся к горлу клинок, круговое движение сбивает его вправо и вниз. И два – не разрывая соединения, внутрь, еще дальше. Сталь скрежещет по стали, шпага противника все дальше уходит в сторону, а сам он... А он уже мертв – слишком быстрым было встречное движение, слишком точным. Острие клинка вошло в сердце, обладатель которого вряд ли понял, что именно происходит.

Тебе никто не аплодирует, тебя никто не видит, кроме двух мертвецов, но они не в счет... Кровь на руках, на клинке, на одежде. На щеке тоже, но ты ее не видишь, только чувствуешь, словно грязь. Ты сглупил, затеяв драку, но что сделано, то сделано. Подонки свое получили, их не жаль, только без шляпы по Эйрехту бегать не принято. Даже ночью. Топот... Все ближе. И сразу с двух сторон. В реку? Нет, рано...

Наскоро оглядеться, пихнуть по склону кстади подвернувшуюся бочку – и к угловому дому. Прыжок с упором на выступающий из стены камень... Теперь ухватимся за каменный посох – и в нишу, в гости к какому-то святому. Для моряка – шутка, для горца – полшутки...

Глава 10

Дриксен. Эйрехт

400 год К.С. 16-й день Весенних Молний

1

Стражники появились почти сразу, с обеих сторон. Из своей ниши Руппи видел отблески фонарей и слышал топот, тяжелое дыханье, возню, приглушенную ругань. Кто-то шарил вдоль берега, кто-то пробежался вдоль домов, кто-то нашел лишние плащ и шляпу, о чем и доложил начальству. Начальство в восторг не пришло.

– Вот ведь... – внизу смачно сплюнули, – доквакались...

– Кто б сомневался! – угрюмо согласился воистину боцманский бас. – Вчера с рук сошло, а сегодня – навалились.

– Кабы только они одни... – проворчал «плеватель». – Принц за своих дружков все жилы Зануде вымотает, а он – нам. Что там, Мурхен?

– Ничего, господин сержант... В обе стороны – ничего. В Эйну он сиганул, не иначе.

– Похоже, – подтвердил «боцман». – Куда еще моряку сигать, как не в воду? Да и плеснуло, как мы подбегали. Здорово так плеснуло...

– Думаешь, моряк?

– А кто еще? Выпил, наслушался – и за шпагу... Шел за ними, видать, от самой Суконной, пока место не глянулось...

– Не мог в парке их положить, вражина...

– Вряд ли он думал о твоём жалованье, старина, – вступился за наследника Фельсенбургов «боцман», – а место, чтоб кого успокоить, подходящее. Сам бы выбрал, да служба не та. Что делать будем?

– А что тут сделаешь? Если б кого попроще кончили, а тут целый барон, да и капитан Боргут на все кабаки знаменит. Попробуй не узнай!

– И пробовать не стану, – отрезал сержант. Раздалось характерное бульканье. – Значит, решаем: покойников по домам, а сами – к Зануде на доклад. Так, мол, и так... Шли господа домой, да не дошли. Кошельки целы, в ручонках – шпаги. Угощайся.

– Угу... Ловко он их. В сердце ткнуть не баран чихал. Не иначе – офицер, из боевых... Кто попроще, с ножом бы полез.

– Как бы не с табуретом. Мне свояк говорил, Макс в «Прилежном червяке» за табурет давеча схватился, едва оттащили. Помнишь Макса, носатый такой, до боцманмата на Северном дослужился?..

Голоса стали отдаляться – сержанты отправились блюсти и проверять. Внизу остались трупы и при них кто-то с фонарем. Лейтенант взъерошил волосы, потом постарался запахнуть воротник и выругал себя последними словами. Теперь, когда схлынул азарт, до Руппи дошло, что мимолетное удовлетворение имеет не лучшие последствия, первым из которых стал сорванный план. Стража просто обязана озвереть, и не потому, что жаждет изловить убийцу, – в том, что тот прыгнул в реку, сомнений, похоже, нет. Сержантам надо оправдаться перед начальством, а столичный комендант граф фок Гельбебакке прозвище Зануда носит с полным правом.

Если молодой человек без плаща и шляпы, но со следами крови на одежде сунется в Большие Дворы, он не уйдет дальше первого караула, а караулов сейчас будет, что ромашек на лугу. Ворота вот-вот запрут, да и разгуливать по городу в таком виде – глупость несусветная. Остается вплавь вернуться в предместья и проскользнуть к мастеру Мартину. Или... у первой же рогатки назвать свое имя, и пусть провожают в особняк Штарквиндов. В конце концов, дуэли, спасибо спасавшей очередного урода Гудрун, уже год как не под запретом, а свидетель ссоры только один. Наследник Фельсенбургов, вступившийся... ну, допустим, за доброе имя принцессы, над которой смеялись двое... э-э-э... покойников.

Странно все же вышло с последним ударом, словно он увидел чужое движение за мгновение до его начала, а фокус Бешеного сработал! Вальдесом надо родиться... Вальдесом можно стать?! В Придде у них с Арно так ни разу и не получилось, но в том танце не было смерти...

2

– Мерзнешь? – посочувствовали внизу, и лейтенант схватился за шпагу прежде, чем понял – спрашивают не его.

– Мерзну, – весело подтвердил кто-то, – я ж тебе не покойник.

– Ну так погрейся! Слушай, может, монаха к ним кликнуть? Они дрыхнут, кошки серые, а эти в Закат без подорожной шпарят. Да и родичи, как заявятся, оценят... Ну, что позаботились...

– Оно б неплохо, только сидеть тут, с ними, кто будет?

– Да я и посижу. Сапоги жмут. Только не забудь сказать, что благородных кончили.

– А то я монахов не видел. Ну, на дорожку!

Очередное бульканье, топот, тишина и холод. Не смертельный, но противный. Как же мучительно стоять и мерзнуть. Не на вахте, а по собственной глупости, потому что признаваться, что ты в Эйрехте, нельзя. Тебе не будет ничего, кроме очередных убийц, но бабушка с ними совладает не хуже, чем она. Тебе не будет, а вот Олафу...

Руперт любил грозную Элизу, хоть и побаивался, но Кальдмеер и в обычное время значил для лейтенанта больше всех семейных чаяний. А уж теперь... Шляющиеся по мещанским кабакам высокородные лгуны готовили столицу к чему-то небывалому. Будь

кесарь здоров, он бы воздал каждому по заслугам. Будь кесарь здоров, Фридрих позволил бы Бермессера если не повесить, то с позором прогнать, но когда в любую минуту может встать вопрос о наследнике, принц разбрасываться сторонниками не рискнет. А бабушке нужно, чтобы от Неистового затошнило всю Дриксен. Элиза Штарквинд позволит регенту расцвести пышным цветом, а потом соберет ягоды... В том числе и с могилы Олафа.

Проклятье, ну почему малыш Ольгерд до сих пор не говорит? Как бы бабушка ни мечтала увидеть на троне дядю Иоганна, она не замахнется на здорового наследника, но тот, увы, обещает вырасти дурачком. Кесарь не может быть слабоумным, это закон. Если Ольгерда признают безнадежным, великим баронам придется выбирать между Зильбершванфлоссе, Штарквиндами и Фельсенбургам, вернее, между Фридрихом и дядей Иоганном, за которым пойдут армия и флот. Могут пойти, если Бруно объединит Марагону, а моряки увидят во Фридрихе не просто придурка, но кровного врага.

Смерть Олафа нужна обеим партиям, а жизнь... Всего лишь Дриксен и адъютанту, которому неплохо бы наконец предпринять что-то осмысленное. Скажем, поймать незадачливого вора с крючьями и воспользоваться отобранным инструментом. Но воры существуют не для того, чтобы в нужное время попасться под руку. Ему и так везет, как может везти только любовнику ведьмы, правда, изрядно замерзшему. Руппи осторожно растер затекшие руки и поудобней оперся на мраморную спину. Внизу, подтверждая свое присутствие, сопел караульщик. Оглушать и тем более убивать делающего свое дело человека было не только подло, но и глупо. Удирать темными улицами в расчете на то, что служака не погонится, – тем более. Оставалось стучать зубами и ждать, что Фельсенбург и делал.

Когда-нибудь покойников заберут, а он вернется к матушке Ирме, сядет у огня, позволит хозяйке поахать над дракой из-за «чернявенькой», умоется, потом сменит одежду, выпросит веревку и прогуляется по крышам, потому что наземные прогулки до добра не доводят. Правда, в родной дом по верхам не доберешься, но не все же обитают в Липовом парке...

Прошло не меньше вечности, прежде чем послышались шаги, и опять с двух сторон. Первыми явились носильщики и кто-то из дома покойного щеголя. Компания лишь слегка опередила давешнего стражника, который добыл-таки монаха, то есть монахов. Раздались охи, молитвы, сетования и... расспросы. Стучащий зубами Руппи не сразу сообразил, что печальный голос не только утешает, напоминая о бренности всего сущего, но и выпытывает то, что слугам Создателя знать не так уж и обязательно.

Домочадец усопшего отвечал охотно и голоса не понижал, так что Руппи узнал кое-что полезное. Например, то, что покойный куда-то отъезжал и вернулся в Эйрехт в один день с Фридрихом. С капитаном вышло еще веселее – Эбби успел повоевать вместе с принцем на востоке и чудом уцелел для того, чтобы погибнуть во цвете лет от шпаги убийцы. Монах вздохнул о неисповедимости путей Создателя, стражник неуклюже напомнил, кто именно привел утешителей, домочадец все понял правильно – красноречиво звякнуло, и компания начала расходиться.

Топот в проулке подтвердил, что последний путь щеголя и гвардейца лежит в Большие Дворы. Стражники, оживленно переговариваясь, двинулись в сторону Суконной, но кто-то задержался. Руппи слышал шаги и возню. Это было любопытно, и лейтенант рискнул высунуться – две фигуры в балахонах все еще торчали на берегу. Примерно там, где лежала ныне уплывшая бочка. Один монах держал перед собой фонарь, второй что-то разглядывал, присев на корточки. Удовлетворив свое любопытство, святые отцы повернулись и неспешно пошли вдоль Эйны. Улица опустела, но Руппи счел за благо выждать. Просчитав до двух сотен, лейтенант сбросил сапоги и почти бесшумно спрыгнул наземь. Он собирался нанести визит матушке Ирме, а вместо этого, наскоро обувшись, почти побежал по кромке обрыва вслед за монахами.

Скорее всего, любопытные пастыри направлялись в Адрианово аббатство, что уже девятый век смотрелось в воды Эйны. Фельсенбурги тяготели к ордену Знания, а славящиеся

суровостью Штарквинды предпочитали Милосердие. Адрианианцев с их алыми львами Руппи разглядел только в Метхенберг. Военные священники, они жили одной жизнью со своими кораблями... Отец Александер был таким же офицером «Ноордкроне», как Шнееталь с Блауханом, и погиб он, как офицер.

Руппи делал глупости не так уж и часто, а сделав, отдавал себе в этом отчет. Догоняя монахов, он не сомневался, что поступает разумно. В первый раз с того дня, когда в Фельсенбург нагрянула полная дружелюбия принцесса.

Часть третья «Влюбленные»⁹

Есть люди, в дурные дела которых невозможно поверить, пока не убедишься собственными глазами. Однако нет таких людей, дурным делам которых стоило бы удивляться после того, как мы в них уже убедились.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Талиг. Оллария. Дриксен. Эйнрехт 400 год К.С. Ночь с 16-го на 17-й день Весенних Молний

---

⁹ Высший аркан Таро «Влюбленные» (**Les Amoureux**) указывает на необходимость сделать выбор, руководствуясь более интуицией, чем разумом. Может значить, что в вашей жизни появилась «половинка». В сильной позиции это большая эмоциональная свобода, пренебрежение последствиями поступков, продиктованных чувствами. **ПК** : отрешение от своей «половинки», невозможность брака, нереальность планов.

Ноха вырастала на пути черной стеной, врезаая в еще синее, но уже звездное небо. Робер придержал разогнавшегося Дракко, в сороковой раз разглядывая то, что так и не получил магнус Истины. Сумерки неотвратимо оборачивались тьмой, но кони не пугались, да и сам Эпинэ не чувствовал ни страха, ни отвращения, только досаду, что и эту ночь они с Марианной потеряют. Призрачные зеленые столбы и незримый колокол не вызывали даже любопытства, но Иноходец обещал Эрвину отыскать хоть что-то, объясняющее приказ Алвы и, возможно, интриги «истинников». Ноха была последней, а начал он с Лаик, угробив день и

две ночи и ничего не найдя. Даже сожалений об ушедшей молодости. Для очистки совести Робер велел перерыть здание от подвалов до чердаков. Новый комендант, бывший тенъент, зимой потерявший в схватке с мародерами глаз, поклялся поставить Лаик дыбом, но это было бессмысленно, как и визиты в Дору.

Иноходец заставил себя обойти все дворы и соединяющие их проходы. Он стоял возле мертвого фонтана, чего-то ждал над засыпанными ямами, заглядывал в ниши и сточные канавы. Ничего, кроме памяти о чужих смертях и своих ошибках. Эмма Маризо уехала в Эпинэ, она не упрекала, она даже благодарила. Деньги они с мужем тоже взяли, и эта их благодарность была страшной ярости и оскорблений. В Доре же теперь пахло не плохим вином, розовым маслом и смертью, а мокрой зеленью. Аббатство заполонили одуванчики и кошачьи выюны, а сторожа умудрились завести кур. Пестрая нелетающая стайка деловито копошилась в грудах мусора, зная не зная ни о девочках Маризо, ни о кастрюлях и бульоне с потрошками.

Призраков Робер бы пережил, а вот куриная возня на месте рухнувшей галереи заставила сбежать к Капуль-Гизайлям. Разрубленный Змей, какую чушь он тогда нес, но Марианна поняла все. Она больше чем поняла...

Немалым усилием воли отогнав мысли о золотистом будуаре, Робер окликнул Жильбера:

– Можешь быть свободен.

Сэц-Ариж освобождаться не желал, о чем и сообщил. Он жаждал отправить монсеньора отдыхать и заняться ловлей призраков самолично. Трогательно, бесполезно и... заманчиво!

– Ты не видел того, что видели мы с Клементом, – напомнил не столько адъютанту, сколько себе Иноходец, – и не разберешь, что важно, а что – нет.

– Я обо всем доложу, – попробовал настаивать адъютант, но Робер, не особо рассчитывая на собственную волю, затягивать разговор не рискнул.

– Вот утром и доложишь. Обо всем, что случится за ночь. Все. Пошел вон!

Разобиженный Сэц-Ариж развернул коня с нарочитой четкостью, словно на смотр. Что ж, спокойной ночи! Эпинэ проверил сумку с Клементом и подъехал к почти крепостным воротам. Его крысейшество мирно дрых – он был сыт и спокоен, как и Дракко, а ведь зимой кони шарахались от ночной Нохи, как от чумы... Проклятье, вот ведь привязалось словечко, еще накличешь!

Постучать Робер не успел – открыли и так. Дракко без колебаний ступил на монастырские плиты, вряд ли осознавая, что является исключением. Почетным. Левый так и не отменил приказа, запрещавшего приводить во Внутреннюю Ноху не принадлежащих Церкви лошадей, зато даровал Роберу Эпинэ свободный проход в любое время дня и ночи. Это было не только удобно, но и приятно, хотя доверие обязывало.

Эпинэ спешился и отдал повод вышедшему солдату. Рядом уже крутил усы Мэйталь. Встречает, а ведь просили же...

– Доброй ночи, полковник. Вы очень любезны, но мне не хотелось бы лишать сна еще и вас.

– А я не намерен ничего лишаться. – С маршалом Талига церковник держался теплей, чем с Первым маршалом великой Талигой. – И вам не советую. Если красавчики не покажутся до двух, они не покажутся вовсе. Зато вас будет ждать его высокопреосвященство.

– В два ночи?

– Его высокопреосвященство ложится не раньше пяти.

– Я тоже, – признался Эпинэ, ощущая невольную досаду. В три часа он еще мог завернуть к Капуль-Гизайлям, в пять это будет слишком, но оттягивать разговор с Левием и дальше нельзя. – Наверное, лучше начать с колодца?

– С колодца? – Полковник озадаченно нахмурился. – А, с места, над которым видят зеленый столб? Там ничего нет. Его высокопреосвященство распорядился снять верхние плиты, под ними была земля, и, похоже, всегда.

Последние сомнения отпали, когда монахи не свернули на Липовую тропу, а спустившись по лестнице Двух Лебедей, двинулись вдоль реки. Адрианианцы. Никто другой этой дорогой среди ночи не пойдет, и никто другой не объявился бы так быстро. Стражник отсутствовал не более часа, но в нише звезд не разглядеть, к тому же Руппи зверски замерз. И поделом, надо было подхватить плащ, не свой, так хотя бы щеголя. Противно? Не противней, чем чихать и шмыгать носом.

Монахи двигались довольно шустро, но Эйна собиралась вильнуть, и Руппи, срезая поворот, свернул в больше смахивавший на рощу парк. Перехватить святых отцов удобней всего было на полпути между лестницей и аббатством, благо там имелся спуск. Вернее, то, что было спуском для горца, но не для клирика в балахоне и не для стражников в кирасах и с алебардами. Оставалось придумать, с чего начать разговор, чтобы адрианианцы не схватились за оружие. Отец Александер стрелял отменно, да и прочие корабельные священники понимали не только в молитвах. Конечно, в столице смиренные слуги Создателя с abordажными тесаками не разгуливают, но, покидая среди ночи обитель, они могли прихватить пистолеты или хотя бы кинжалы.

Речной ветер взъерошил волосы, не дожидаясь, когда это сделает сам Руппи, и напомнив о звездах и радости, которых в Эйрехте больше нет. А на нет и суда нет, никто не обещал, что твоя жизнь будет сплошным танцем, то есть обещал, но ты не свободен. Ты адъютант Кальдмеера, и ты *должен*, как должен тот же Бешеный.

Запах жасмина, птичьи трели... Жаль, слушать некому, хотя... Желтые огоньки у самой земли, живые и хищные. Кошка. Слушает соловья и будет слушать, пока не прыгнет. Отгонять от певца смерть Руппи не стал, а почему – не понял и сам. Лейтенант раздвинул мокрые от росы ветки; память не подвела – обрыв рассекала промоина, по которой можно сбежать или, если не повезет, скатиться на берег. Руппи побежал. Сквозь ночь и песню, от щелкающих, захлебывающихся трелей к упавшим в воду созвездиям. Ноги почти не касались земли, ветер пугал волосы, это было почти полетом, и это стремительно кончилось. Хрустнула галька, разбег погас, половину неба отрезал обрыв, черный и скучный. Берег был пуст – монахи еще не миновали излучины, он успел!

Руппи подошел к самой воде, наклонился. Пить из Эйны после горных родников можно было, лишь умирая от жажды, но кровь со щеки и рук лейтенант смыть попытался. Сделать это полностью удалось вряд ли, но для ночи сойдет. А вот и святые отцы. Разговаривают. Негромко, но вода позволяет слышать голоса далеко. Руперт разгибаться не стал, наоборот, присел на корточки, продолжая полоскать руки, затем очень неспешно поднялся, пригладил вихры и медленно пошел навстречу остановившимся монахам. Они видели только силуэт. Одинокий. Шпага выдавала дворянина, походка – молодость, но больше о вышедшем навстречу сказать было нечего.

– Доброй ночи, – Руппи поклонился с нарочитой изысканностью, – поверьте, я не разбойник. Разбойники адептов Славы предпочитают обходить.

– Кто же ты, сын мой? – спокойно, точно в исповедальне, откликнулся один из монахов. Тот, что расспрашивал родича покойного барона.

– Путник, – с готовностью представился Руппи. – Путник, давно не бывавший в Эйрехте. Здесь многое изменилось.

– О да, – подтвердил адрианианец, – но долг гостеприимства велит вести разговоры, лишь накормив усталого путника ужином или хотя бы ссудив его теплой одеждой. Брат мой...

Второй монах уже стаскивал свой шап.¹⁰ Надо было отказаться, но от реки тянуло

---

¹⁰ **Шап** – плащ с рукавами и капюшоном.

холодом, а под плащом милосердный брат носил что-то вроде куртки. Не пропадет.

– Благодарю. – Руппи принял одеяние и сообразил, что придется расстаться со шпагой. Это в планы лейтенанта не входило, по крайней мере в ближайшее время. – Я не могу это надеть. Прошу принять мои извинения.

– Лучше примите кинжал и пистолет. Он заряжен, а шпагу передайте – *временно* – брату Оресту. Он еще не отвык от мирской суеты. Так вам показалось, что в Эйрехте многое изменилось?..

3

Робер еще никогда не искал встречи с нечистью. Детская прогулка, до сих пор напоминавшая о себе шрамом от дедова ножа, в счет не шла. Третьего сына маркиза Эр-При испугали не закатные твари и не темный парк, а люди – вроде бы свои и вдруг превратившиеся в чужих и злобных. Робер оставался собой всегдашним, а от него шарахались, пока в руку не впилося раскаленное железо. Тогда пришли обида и желание уйти и больше не возвращаться к тем, кто не поверил.

Почему он не пытался сбежать из дома, Эпинэ не помнил. Наверное, из-за бросившейся на деда Жозины, не мог же пятилетний мальчишка понять, что право уйти – счастье, доступное немногим!

Отзвонило полночь, напомнив о деле. Темные стены вобрали в себя звон. Тишина сошла с ряской на встревоженном камне пруду. Ноха умело прятала свои ужасы, если они, разумеется, были. Покой казался блаженным. Монастырь спал глубоко и мирно, предвкушая суетливый, но добрый день. Придут паломники, заявятся вернувшиеся в свои архивы чиновники, захлопают птичьи крылья. Единственное, что вряд ли вновь услышат здешние стены, это звон шпаг, и хорошо. Хватит с Нохи крови.

– Пойдем, – предложил Эпинэ Клементу, – проверим?

В ответ даже не пискнуло. Иноходец проводил взглядом крупную ночную бабочку и пошел вдоль разделяющей дворы стены – старой, обшарпанной и удивительно мирной. Между кладкой и каменными плитами пробивалась трава, в месячном сиянии она казалась черной, как и деревце, нахально оседлавшее крышу часовни и присвоившее низкую звезду. Ничто не звонило, и никто не ходил. Было прохладно, но пахнувшая жасмином свежесть кричала о жизни, а не о смерти. Хотелось нарвать цветов и бросить в окно Марианне, а потом забраться в то же окно самому. Эпинэ поднял глаза к молодой луне, которая и не думала гноиться. Споткнулся. Выслушал упрек Клемента, отправился дальше, но казавшаяся бесконечной стена вросла в здание, за которым дремала площадь. Напротив прижался к земле храм – там ждал своей участи присмиривший сюзерен, почти не покинувший места собственной смерти. Над ним и вставал светящийся столб, или это было чуть ближе к террасе, под которой горожане рвали Айнсмеллера?

На всякий случай Робер извлек из-за пазухи Клемента. Крыс сварливо пискнул, чихнул и ловко юркнул назад – он не боялся, он хотел спать, и он все сказал. Это хозяин, как дурной картежник, разыгрывал то одну масть, то другую, пытаясь понять, что за карты на руках у судьбы. Гибель Альдо положила конец гальтарским бредням, и тут объявились мориски, а Адгемар из своего Заката напомнил о том, что древних тайн лучше не касаться. Иноходец пытался вспомнить, говорил ли покойный казар о чуме, или слова Адгемара перепутались с приказом Алвы и советами Енниоля и Левия.

Гоган с эсператистом разными словами требовали одного – сделать то, что никто за тебя не сделает. Провести ночь в Нохе и доложить мог любой капрал, но капралы не вглядывались в ару, не ввали «истинникам», не скакали на рожденном огнем жеребце. И не блуждали меж серых, испятнанных небытием стен, так похожих на стены Нохи, Лаик, Доры, Багерлее, сожженных морисками монастырей...

Когда Робер пытался представить разрушение Агариса, воображение отказывало во всем, кроме одного. Эпинэ *видел*, как молнии раз за разом бьют в шпиль торквинианской

обитатели, как взметнувшееся пламя рыжим бешеным конем мечется среди осклизлых камней, и те начинают, нет, не плавиться – пылать, а огненный скакун, сбивая грудью ворота, вырывается на улицу, ту самую, по которой уходили крысы.

Родичи Клемента покинули Агарис, кони не желали входить туда, и Святого града не стало. В Олларии кони тоже беспокоились, но это прошло, а крысы... Инспектировавший провиантские склады Робер насмотрелся на хвостатых мародеров вдосталь. Они были довольны жизнью и искать лучшей доли не собирались. Интенданты ругались, а Иноходец был рад, потому что хлеб подвезут, а исход крысиного племени будет равен приговору.

– Ты уверен, что все в порядке? – потребовал ответа Робер. – Проснись и посмотри как следует.

Его крысейшеству не удостоил. Он был сыт и угрет, его нисколько не заботило, кого прикончили на этой площади и что здесь когда-то светилось.

– Эх ты, сплющ, – укорил Эпинэ, вступая на облюбованную призраками дорогу. Ночь только начиналась.

4

В приемную, или чем там была эта комната, вело семь дверей. Запертых или нет, Руппи не проверял. Если он ошибся, исправлять поздно, нет – выказывать себя мнительным дураком невежливо и лень. Лейтенант сидел у огня и дрожал, несмотря на выпитое вино. Точно так же он трясся от холода и усталости в доме Бешеного. Похоже, это становилось привычкой – бросаться за помощью. Бездумно, как тот заяц, что, удирая от собак, кинулся к Мартину. Косой оказался прав, как и сдавшийся фельпам Руппи: если на твоих руках истекает кровью самый главный в твоей жизни человек, попросишь о помощи самого Леворукого, но сегодня промедление не было смерти подобно. Выходит, наследник Фельсенбурггов и гордость бабушки Элизы сам по себе ни на что не способен? Ему требуется кто-то сильный, умный или хотя бы сумасшедший... Обидно.

Руппи с детства гордился своей решительностью, но, как оказалось, ее хватало лишь на то, чтобы куда-то ввязаться. До ума он так ничего и не довел, уповая то на удачу, то на дядю, то на адрианианцев, иначе с чего он принял приглашение, не от усталости же? Хотя так Руперт не уставал давно. Было даже хуже, чем в день хексбергского побоища, тогда лейтенант хотя бы не стоял в обнимку с каменюкой, боясь шевельнуться. Руппи зевнул и протер глаза, пытаясь сосредоточиться, однако двери, низкий потолок и рогатые подсвечники медленно, но неуклонно кружились, мешая собраться с мыслями. Лейтенант попробовал закрыть глаза – по красно-коричневому бугристому полю заплясали ядовитые пятна. Желтые, обрамленные рыжим, а между ними змеились то ли трещинки, то ли плохо прорисованные речки, как их изображают на картах. Руппи предпочел кружащиеся двери, одна из которых оказалась приоткрытой.

– Урррр... – Что-то толкнуло молодого человека под колено. Уркнуло и ткнуло еще раз, после чего показалось во всей красе. Пышная, как моток гаунасской пряжи, трехцветная кошка извивалась у ног Руппи, исходя нежным мурчанием.

– Уйди, – попросил Фельсенбург, – у меня ничего нет...

Кошка не поверила, а возможно, она была бескорытна. Тяжело взгромоздившись на лейтенантские колени, тварь умело боднула Руперта под челюсть и заурчала еще громче. Когти шутя проникали сквозь сукно, впиваясь в незащищенное тело. Руппи помянул Леворукого. Подданная одного не обиделась, продолжая самозабвенно топтаться по гостю и не забывая оставлять на многострадальных штанах длинную шерсть.

– Я рад видеть вас гостем Адрианклостер, – раздалось за спиной. Лейтенант обернулся, потревоженная кошка сжала когти, но приглянувшийся ей человек все равно вероломно поднялся. Затекая еще в нише поясница немедленно заныла, зато пушистая колючка шмякнулась на пол, тонюсенько мявкнула и немедленно принялась путаться в ногах.

– Простите, – извинился Руперт перед хозяином, – кошка...

– Вижу, – кивнул тот, и Фельсенбург по алому льву на стальной цепи узнал аббата. Рядом стоял давешний монах. Не Орест, а второй, постарше.

– Мы благодарны вам за доверие, *лейтенант*, – произнес он, и Руппи понял, что опознан окончательно и бесповоротно.

– Мне больше ничего не остается.

– Сейчас – да. Но вы сделали свой выбор раньше, я благодарю именно за него. Давайте присядем.

Руппи покосился вниз. Кошка продолжала изнывать от любви. Еще один монах попытался подхватить красотку, та оскалилась и замахала передней лапой.

– Любопытно, – заметил адрианианец. – Очень любопытно.

5

Четверть второго... Если верить полковнику, призраки еще могли появиться, но дожидаться Робер не стал. Желание закончить ночь у Марианны сделалось неистовым, и все же Иноходец отправился к его высокопреосвященству. Он не собирался скрывать приказ Алвы от Левия, но сперва хотел убедиться, что сам не отыщет ничего. Убедился.

Высокое крыльцо, мирное золотистое мерцание в окнах третьего этажа... И вновь дверь распахнулась прежде, чем Эпинэ преодолел последнюю ступеньку. Обитель была не такой уж и сонной, просто ее населяли совы, а совы – твари бесшумные.

– Его высокопреосвященство?

– Примет вас незамедлительно.

Знакомый запах шадди и аромат жасмина. Большой букет на зарешеченном окне, а рядом распласталась зеленоглазая жуть. Прижатые уши, кончик хвоста мечется из стороны в сторону. Кошка молчит, зато Клемент оглашает кабинет его высокопреосвященства громкой жалобой.

– Одну минуту! – Левий подхватывает Альбину под пузо и передает плечистому монаху. Новый секретарь не похож ни на ангела, ни на агнца, но, случись что, сможет таскать мешки и драться. Хорошая замена. – Я полагал, вы придете один.

– Понимаете, крысы очень многое чувствуют...

– Кошки чувствуют больше. – Кардинал уже колдовал над шадди. – Ваш зверек очень рисковал. Альбина не голодна, но она помнит свое предназначение, к тому же у нее нет выбора. У нас, насколько я понимаю, тоже.

– О чем вы?

– О том, что нам остается рассчитывать лишь на себя. Что ж, это даже приятно. Садитесь и пейте. Не знаю, как быть с вашим приятелем. Кошке сюда не пробраться, но крысы не ищут дыр, они их создают. Вы обещали мне какие-то новости...

Знает. Неважно откуда, но знает. Обмануть кардинала непросто, даже при сожженном Агарисе. Его высокопреосвященство лучше иметь в союзниках. Как и достославного из достославных, но союзники незаметно становятся близкими людьми. Приходишь по делу, а понимаешь, что просто рад встрече. Если б не Марианна, они бы с Левием проговорили до рассвета, но рассвет лучше встречать в постели и не в одиночестве.

– Ваше высокопреосвященство, мне остается только выпить шадди и откланяться. Вы все знаете лучше меня.

– Не равняйте меня ни с Создателем, ни с невеждой. Лишь первый знает все, и лишь второй так полагает. Итак, что я, по-вашему, знаю?

– То, что нам запрещено переходить Кольцо Эрнани, как если бы в Олларики была чума.

– Любопытно. – Левий отодвинул лежащую на столе книгу. Это была история падения Агариса. Первого падения. – Я об этом ничего не знал.

– Вы же только что сказали, что мы можем рассчитывать лишь на себя.

– Не знать не равнозначно «не думать». Раньше мы не получали известий, потому что так решили Валмоны и Фома, а купцы не везли товар, потому что их грабили. Теперь мы

больше не Талигойя, мы снова Талиг. В Оллари не хватает очень многого, но здесь есть деньги и ценности. После восстановления порядка сюда не могли не хлынуть негоцианты, а их нет. Нет и известий, которые я бы обязательно получил, если б в Олларию разрешалось въезжать частным лицам, значит, это вновь запрещено. Кем? Либо Ноймариненом, либо Алвой, но я не вижу в этом смысла, разве что Алва пытается сохранить эсператистскую церковь и при этом не рассориться с морисками. Увы, это представляется неубедительным даже мне. Ваша прогулка как-то связана с искомой чумой?

– С предположениями Эрвина... графа Литенкетте. В Бергмарк есть что-то вроде суеверия. Там обращают внимание на любые странности... Они считают их знамениями.

– А знамений хватает, – задумчиво произнес Левий, – и самое явное – разгром Агариса. Святой град не знал святых, настоящих святых, а не тех, кого назначал таковыми конклав. Святой град рос как вздумается, и вместе с ним рос порт. Золото влечет золото и кровь, а не милосердие и не разум... То, что случилось, означает одно – церкви следует вернуться к гробнице Эрнани и очиститься от скопившейся скверны. Это будет возможно, если в войне победит Талиг, а в Талиге возобладает здравый смысл.

– Талиг и эсператизм? – растерялся Эпинэ.

– Именно. Олларианство – каплун. Оно бесплодно и не знает ни чудес, ни истинной святости. Это удобно, пока сильны владыки мирские, но стоит им пошатнуться – не уцелеет ничего. Эсператизм, изначальный эсператизм, полон смысла, но его надо вернуть. Это мог бы сделать единственный уцелевший магнус, но казненный морисками конклав в глазах верующих обрел то, чего ему не хватало последние годы. Святость. Покинувшего Агарис перед нашествием магнуса Славы, как бы прав он ни был, объявят либо отступником, либо трусом. Непричастные несправедливы, и чем дальше они от выбора, тем большего они хотят от выбравших. Аристиду никогда не стать Эсперадором. В отличие от меня.

Зашуршало – Клемент выбрался из-за пазухи и принялся обследовать стол. Робер видел, но мер не принимал, пытаясь переварить услышанное. Левий помог – вытащил свою настойку.

– Покорять мир готовы не только анаксы, – заметил он, – но я не собираюсь объезжать чужих лошадей. Этот конь мой по праву, и ему место в талигойской конюшне. Вы мне поможете?

– Да, – пообещал Робер и, вспомнив про Альбину, ухватил его крысейшество за шиворот. – Но что мы станем делать с чумой?

– Мы? А с чего вы взяли, что чума внутри Кольца, а не вне его? Святой Эрнани считал неправильным разделять Святой престол и имперский. Он перебрался в Кабитэлу и окружил ее кольцами аббатств и обелисков. Рискну предположить, что император знал про то, что мориски называют скверной, а вы – чумой. Ее попытались пронести сюда, но Кабитэла сбросила чуждое, как Моро сбросил Альдо Ракана. Беременность королевы, неуязвимость Алвы, гибель лжеанакса и большинства агарисских пришельцев – все это звенья одной цепи. Кабитэла хранит тех, кто ей угоден, и избавляется от зачумленных.

– Альдо говорил то же самое, но про себя... Про Ракана и эориев.

– Альдо *говорил*, Кабитэла *делает*.

– В Доре погибли не только Морен с Дейерсом.

– В Доре погибли те, кто прельстился подачкой зачумленного. Я не говорю, что Кабитэла милосердна, я даже не говорю, что она справедлива, но мы здесь, и мы должны принять ее волю как данность.

Глава 2

**Талиг. Придда, Тарма. Дриксен. Эйнрехт
400 год К.С. 17-й день Весенних Молний**

Ойген явился утром, но не раньше, чем принесли завтрак. Бергер объявил, что узнал о воссоединении отряда генерала Ариго с армией фок Варзов после полуночи и, принимая во внимание рану и долгую дорогу, решил отложить дружескую встречу до утра, в чем рассчитывает быть понятым правильно. Ариго блаженно потянулся и заверил гостя, что о неправильности не может быть и речи, но ему хотелось бы знать, когда его примет фок Варзов.

— Сначала я тебя провожу на осмотр к генерал-штаб-лекарю, — охотно перешел к делу барон. — Командующий хочет знать ожидаемые сроки твоего возвращения в строй.

— Я вообще-то уже вернулся. Как Вольфганг?

— Искренне рад, что ты жив и не попал в плен. И он рад не просто как человек, хотя ты ему очень дорог. Ты ему нужен как военачальник. Как ты себя чувствуешь? Это не праздный вопрос, но я задал бы его и чисто из дружеских соображений.

— И пошел бы к кошкам!

— Ты верхом уже ездешь?

— Пробовал, но на второй день сдался и пересел в повозку.

— Тебе понадобится спокойный конь. Я этим займусь, но то, что ты при всем своем упрямстве пересел в повозку, вызывает беспокойство.

— Со мной все в порядке. — Вдаваться в подробности Ариго не стал. Из-за дорожных неудобств нога заживала не так хорошо, как хотелось бы, но генералу раны мешают меньше, чем солдатам, тем более на биваке.

— Ты краток, и потому я склонен тебе верить. К сожалению, я не могу последовать твоему примеру. У нас не все в порядке, и я не могу быть кратким, описывая положение, в котором мы находимся. Сперва я должен принести тебе свои извинения. В оценке Бруно оказался прав ты, а не мы.

— Неважно...

— Это очень важно с учетом того, кто командует и кто подчиняется. Я понимаю, ты вежлив и не хочешь задним числом расстраивать тех, кто ошибся. Это правильно, когда речь идет о маршале. Старик очень переживает свои заблуждения и слишком много о них думает, чтобы об этом напоминать. Но ты поступишь не лучшим образом, оберегая от расстройства меня. Я полностью заслужил твой выговор.

— Хорошо, тебя я оберегать не стану. Что у вас произошло? Я кое-что вытащил из курьера, но сложить картину целиком мне не удалось.

— Эта картина в очень несветлых тонах, — «обрадовал» бергер. — Мы вопреки твоим предостережениям пропустили маневр Бруно. К счастью, нашу ошибку частично исправили «фульгаты». Когда дозоры донесли о появлении крупных сил врага, армия была на марше, приличной оборонительной позиции не наблюдалось, а времени ее искать дриksы нам не оставили. Фок Варзов сделал все, что мог: успел собрать войска в кулак и подготовился к бою. Бруно очень решительно и успешно атаковал и начал нас теснить. Армию ожидало упорное и очень невыгодное сражение, но появление в тылу у дриksов корпуса Ансела предоставило нам передышку. Бруно остановил наступление.

— Это я знаю, мне непонятно, почему дриksы сдали назад. Так удачно начать и не развить успех...

— Фок Варзов считает — и я вновь разделяю его мнение, — что обманувшую нас неожиданность Бруно готовил всю зиму. Теперь ему пришлось решать на ходу, и фельдмаршал вновь стал тем, кого мы знаем, — он предпочел не рисковать и остановил преследование. Наши потери оказались меньше, чем могли бы быть, и, самое главное, — армия отошла в порядке и смогла выбрать удобное место сосредоточения. Расположение Тармы относительно дорог и других городов, хоть и не лишено недостатков, позволяет сохранять свободу маневра. Теперь, как ты видишь, мы отдыхаем, готовимся к новым боям и думаем, так что ты появился очень вовремя.

— Спасибо, только не надо... — Что именно «не надо», объяснить не получалось.

Жермон не хотел и не мог советовать Вольфгангу. Неясное чувство опасности, прихватившее генерала на исходе зимы, оправдавшись, стало бесполезным. Он не знал, что сделают дриксы, и еще меньше знал, что нужно делать фок Варзов, а барон смотрел на собеседника, явно ожидая объяснений. Жермон подкрутил усы и решил продолжить расспросы: – Я правильно понял, что Бруно занялся Доннервальдом, а вас пока не трогает?

– Да. «Фульгаты» доносят, что фельдмаршал уже установил осадный лагерь и подтянул тяжелую артиллерию. Очевидно, в ближайшее время следует ждать штурма. В случае успеха Доннервальд станет базой дриков и опорным пунктом в их будущих действиях, но мы постараемся им помешать. Отсиживаться в обороне маршал не намерен. Теперь я хочу узнать о тех твоих подвигах, которые ты не включил в рапорт.

– Да ничего особенного мы не делали. – Скрип колес, боль, облака и тени от них... Военные знают все это и так, а домашним о дурном не рассказывают. – После столкновения с «Забияками» для верности двинули в обход. Сначала – прямо на юг, через три дня повернули на восток. Прошли пару селений, но получить свежие новости до Гинсе, откуда я послал курьера, не удалось. Дриков там, где мы шли, не видели, наши появлялись пару недель назад, и с тех пор никого не было. Часть народа, особенно те, кому есть что терять, убралась подальше в тыл. Оставшиеся не знают, что происходит, беспокоятся. Мы все-таки пустили волка в овчарню... Впервые с Двдцатилетней!

– Я тебя удивлю, если скажу, что теперь мы вынуждены содрать с этого волка шкуру? К сожалению, я с трудом представляю, как мы будем это делать, поэтому я расскажу тебе о другом. Из столицы пришли известия, которые тебя не только удивят, но и обрадуют.

2

Это было невероятно, но Руппи выспался. Спокойно, даже без снов. Солнечные зайчики на стенах намекали, что все замечательно, а будет еще лучше. Лейтенант потянулся, прогоняя остатки дремы, и уселся в постели, равно уместной в недорогой гостинице и береговой казарме. О Церкви напоминал разве что орденский знак над окном, но к алым лвам в Метхенберг привыкли, так же как к капитанским перевязям. Руппи привычно провел пальцами по щеке, убедился, что неплохо бы повидаться с цирюльником, и потянулся за дожидавшимся его платьем. Свежим и добротным, но никак не герцогским.

Одолженные у Файерманов одежды тоже были здесь, валялись возле кровати; оказывается, ничего непоправимого с ними не случилось. Пара кровавых пятен и следы от штукатурки на плечах и спине. Штанам досталось больше – они были сплошь в светлой шерсти. «Львы» держат кошку, причем самой зловердной расцветки!.. Это забавно и вызывает доверие. Как и короткий ночной разговор. Лейтенанта заверили, что о его пребывании в Адрианклостер никто без его согласия не узнает, и отправили спать. Руппи поверил, взял под мышку возвращенную шпагу и поплелся в спальню. Кажется, даже пошатываясь. Подозревать предательство вчера не было сил, сегодня мешали солнце и дела, за которые в конце концов следовало приняться.

Наследник Фельсенбургов бодро вскочил, ополоснул лицо и руки и оделся с похвальной даже для моряка стремительностью. У двери проснулось и тввкнуло подозрение. Беспочвенное, так как единственным запором оказался задвинутый самим Руппи засов. Правда, гостя караулили. Давешнее трехцветное бедствие, издав тоненький писк, ворвалось в комнату, оказалось на столе, свалило стакан, удивилось, соскочило наземь и вернулось к Руппи. Тереться.

– Не надо! – взмолился лейтенант и выскочил за порог, невежливо блокировав гостью в спальне. В коридоре никого не было. Похоже, пробуждения наследника Фельсенбургов дожидалась лишь пушистая надоеда. Руппи огляделся, вспомнил, что ночью проходил мимо ниши с какой-то вазой, сделал пару шагов в нужную сторону, устыдился, вернулся, выпустил кошку и почти побежал на поиски хозяев. Попавшийся первым служка без лишних слов проводил лейтенанта к аббату, но аббата у себя не оказалось. Навстречу Фельсенбургу

поднялся давешний монах.

– Вижу, с вами все в порядке, – сделал вывод он. – Это радует. Можете называть меня отец Луциан. А как называть вас?

– Вы прекрасно знаете мое имя.

– Но не ваши предпочтения. Вы предпочитаете титул, звание, имя или псевдоним?

– Называйте меня Руперт. Я могу потерять все, кроме имени.

– Имена тоже меняют, – заметил клирик, – иногда вместе с предками. Не сомневаюсь, что вы голодны, я тоже. Разделите мою трапезу, Руперт?

– Вы рискуете, – засмеялся лейтенант, – я в самом деле голоден.

– Адрианклостер не то место, где считают, сколько колбасок съедает гость. Я тоже гость, только более дальний. Когда-нибудь я стану вспоминать проведенные в Агарисе годы как сон, кончившийся кошмаром. Прошу. Я уже начал, догоняйте.

Упрашивать себя Руппи не заставил. Адрианианцы то ли не считали нужным умерщвлять плоть, то ли полагали, что гостей умерщвление касаться не должно, но стол был не хуже, чем у Бешеного, правда, и не лучше. Нет, все-таки хуже, потому что вино было алатским, пусть и хорошим.

3

– Ваши выводы, мэтр Лизоб? – На Жермона фок Варзов даже не смотрел. – Каково состояние генерала Ариго?

Генерал-штаб-лекарь многозначительно нахмурился, и Жермону захотелось запустить в него чем-то тяжелым или хотя бы в изобилии украшавшими стол яблочными огрызками.

– Я бы предписал генералу покой, – возвестил медик, – хорошее питание, умеренное количество красного, именно красного вина, а через несколько дней – необременительные конные прогулки и, да простится мне подобная вольность, визит к благорасположенной к нему даме. Состояние раны удовлетворительное, особенно с учетом дорожной тряски, но генерал одновременно возбужден и утомлен не столько телесно, сколько душевно. Мой маршал, я неоднократно давал подобные рекомендации и вам, но они обычно оставались без внимания...

– О чем можно было бы и помолчать! – рыкнул Вольфганг. – Если говорить человеческим языком, генерал Ариго почти здоров?

– С учетом вашего и его характеров да.

– Прекрасно. Можете отправляться по своим делам.

Штаб-лекарь поджал губы и неспешно покинул столовую какого-то купца, волею судеб ставшую маршалским кабинетом. Лизоб был занудой, но в своем ремесле разбирался. Если такой велит старику отдыхать, надо отдыхать...

– Вот теперь здравствуй! – Варзов грузно поднялся и вдруг крепко обнял Жермона. – Спасибо... За то, что жив... И за Ансела!

– Мой маршал... Леворукий! – Ариго растерялся и почему-то уселся, уставившись на разбросанные по сукну грифели и яблоки. Что отвечать и куда деваться, он не представлял. Рядом заскрипело – маршал устраивался в своем кресле.

– Как только сможешь, – объявил он, будто продолжая старый разговор, – снова получишь под командование авангард. Основу составит то, что привел Ансел. От Аконы подошли резервы: комендант города вычистил все, что мог, поэтому из состава главных сил смогу выделить еще два полка пехоты. Не новички – обстрелянные бойцы, «фульгатов» тоже подкину... Задача будет старая – безобразничать на коммуникациях Бруно. Мне не нравится, что инициатива за ним. Первое столкновение мы проиграли и с тех пор только и делаем, что утираемся. Пора что-то предпринять.

Жермон кивнул. Осознание собственной правоты не радовало все сильнее. Уж лучше бы Бруно остался прежним, не портящим борозды медлительным и предсказуемым быком, а сам он – излишне мнительным генералом.

– Райнштайнер тебя уже просветил?

– Да.

– И что думаешь?

Будь у Жермона свое мнение, он бы его отстаивал настойчивей, чем в прошлый раз, но мнения не имелось. Бруно мог вернуться в свою борозду, а мог выкинуть что-то неожиданное. Генерал Ариго не стал ясновидящим, а веры в то, что другие видят дальше и больше, убавилось. Прошлый раз он угадал, да и то не сразу, а от ощущения того, что все пойдет не так, как ожидалось, толку мало, скорее наоборот. Не верить начальству, не знать, что делать, ждать от противника неожиданного и умного хода... С таким настроением не авангард водить, а подавать в отставку!

– Я не представляю, что затевает Бруно. – Ариго заставил себя смотреть в отчетное лицо маршала. – Я и у Хербсте не знал, просто не верилось, что он так... так чтит Пфейтфайера.

– Хорош! – Вольфганг неожиданно усмехнулся. – Хорош, братец! Сестра регентом стала, а он про дриков! Может, хватит злиться?

– Я не злюсь, – растерялся Ариго, – просто... как-то не подумал. Там у них – свое. С Раканом вышло удачно, но нам помощи все равно пока не будет, разве что от Савиньяка. Конечно, я постараюсь расстроить коммуникации Бруно, но на большее не способен.

– К Леворукому! – Фок Варзов с такой силой оттолкнул грифель, которым постукивал по карте, что тот, расшвыряв собратьев, докатился до края стола и свалился. В пыль и яблочные огрызки. – Я не знаю, Райнштайнер не знает, ты не знаешь, а кто знает? Хорст?! Будешь гонять «фульгатов» и думать... Понял у Печального Языка, поймешь и здесь, если выбросишь из головы две дури. Первую – что другие умнее тебя, и вторую – что я расстроюсь, если дураком окажусь. Не расстроюсь, если вы с Ойгеном будете умными. И не только вы... Что ты о своих думаешь? Карсфорн, Берк, Рёдер, Гирке, Придд, как они? Ансела я уже оценил. Оказавшись в тылу у дриков, он действовал решительно и вместе с тем осмотрительно. Молодец. Я написал Рудольфу. Прошу для Ансела и Гирке – по «Охоте»,¹¹ для тебя – Франциска. Серебряного...¹²

– Нет! – Так Жермон еще не орал... – Мой маршал, я исправлял положение, которое сам же и допустил. Я не заслуживаю награды, но я ходатайствую о Талигойской Розе для полковника Придда. По... совокупности личного мужества и... принятия решения, определившего исход столкновения.

– Значит, приказ Гирке о конной атаке отдал Придд? Из рапорта Ансела можно сделать разные выводы. Похоже, Джордж сам не уверен.

– Да, Придд. Я... поделился с ним своими сомнениями. Мы говорили о неожиданностях и о том, что к ним следует быть готовыми, но выводы Валентин сделал сам. И сам же решил, как надо действовать. Мало того, Придд дважды ходил на разведку на дриксенский берег. То, что он нашел, окончательно убедило меня оставить форт. Он заслуживает награды, кроме того, парню будет с ней легче жить. Не хотел бы я родиться Спрутом и оказаться в талигойской армии.

– А он взял и захотел. – Маршал крикнул и полез под стол за грифелем; Жермон сперва почувствовал себя свиньей, потом вспомнил, что нагибаться ему нельзя, но ощущение собственного свинства никуда не делось. Фок Варзов вытащил грифель и яблоко, которое обтер полой мундира. – Кто отпустил Придда на тот берег? Ты?

– Его некому было отпускать. Меня накачали какой-то дрянью, а больше генералов в лагере не имелось. Я бы на его месте тоже пошел, но вот сообразить, куда идти... Не уверен, что сумел бы.

---

¹¹ Орден Королевской Охоты.

¹² Орден Франциска второй степени, к которому полагалась серебряная, украшенная семью изумрудами цепь.

– У тебя мозгов понять, что с Бруно не все просто, хватило. У молодого Придда хватило. У меня – увы... Уж не знаю, радоваться тому, что до Ойгена тоже не дошло, нет ли... С одной стороны, вроде как возраст ни при чем, с другой – плохо, когда командующий гусей не ловит. А Франциска своего ты получишь. Или... пиши рапорт и отправляйся отсюда хоть к кошкам, хоть в свой Агмарен!

4

– Вы удовлетворены? – любезно осведомился агарисец.

– Чем? – не понял Руппи.

– Обедом или, если угодно, завтраком. Прочим, если я правильно понимаю ваше положение, вы удовлетворены быть не можете. Дичью быть очень неприятно.

– Я сыт. – Фельсенбург внимательно посмотрел на собеседника, но ничего нового не разглядел. – Почему вы назвали меня дичью?

– Потому что на вас идет охота. Это третье покушение или я что-то упустил?

Монах смотрел внимательно и с сочувствием. Он знал про выстрелы в Зюссеколь, что неудивительно даже для гостя. Он знал про засаду возле Осенних боен, хотя это и было странно. Он решил, что на Речной караулили пробирающегося домой Фельсенбурга, а тот сумел отбиться. Так могут решить и другие. Матушка Ирма подтвердит, что одетый совсем не как герцог Руппи вышел первым, а щеголь и гвардеец увязались следом. Обратного никто не докажет, и ложью это не будет, потому что убийцы и клеветники жрут из одной кормушки. Адепты Славы водворят спасшегося наследника в отчий дом, получат богатый вклад, а бабушка – внука, и только Олафу не достанется ничего.

Руппи передвинул полупустой бокал. Если б только этот адрианианец был отцом Александером или хотя бы прошел Метхенберг...

– Отец Луциан, вы не были знакомы со священником «Ноордкроне»?

– Я слышал о нем. Подобный конец для адепта Славы – величайшее милосердие.

– Милосердие?!

– Несомненно. Куда страшнее отступить, избегая большой крови и не видя иного способа ее избежать. И узнать, что ты ошибся, что случившееся многократно страшнее твоих опасений, а ты опоздал и вернулся к руинам.

– Наверное. – Руппи было не до руин и не до философии, он почти закусил удила. – Я не исповедовался с осени. Раз уж я здесь, я бы хотел не только позавтракать, но и душу очистить. Отца Александра я знал...

– Вы можете съездить в Метхенберг и поискать знакомого священника, а можете рискнуть и выбрать исповедника прямо сейчас.

– Вас? – в упор спросил Руперт.

– Или кого-нибудь еще. Обитель велика.

– Я рискну. Может ли исповедь быть частичной?

– Святой Адриан оставил на усмотрение своих детей многое. Адепт Славы вправе счесть исповедью любой разговор, если он ведется перед боем и если он облегчает совесть, укрепляет душу и дарует утешение одному из собеседников. Адриан разрешал исповедоваться через третьих лиц, когда о делах и помыслах погибшего или плененного воина рассказывал его друг. Тех же, кто обманывал доверие живых, умерших и плененных, приравнивали к нарушившим тайну исповеди.

– Даже так?

– Многое из Адрианова наследия позднее было отвергнуто Церковью, но орден Славы живет по старинке.

– Хорошо, – Руппи смотрел не в глаза собеседнику, а на алого льва, – хорошо... К частичной исповеди я готов, но я хочу знать, что с кесарем и... что слышно о Бермессере и моем адмирале.

– Кесаря разбил удар, – подтвердил слова мастера Мартина клирик. – Если на то будет

милость Создателя, он излечится. Непосредственной угрозы жизни его величества нет. Принцесса Гудрун утверждает, что понимает отца, и сама ухаживает за ним. Морской Суд состоится в ранее назначенный кесарем срок. Адмирал Кальдмеер и вице-адмирал Бермессер находятся под арестом в Морском доме. Оба. Сношения с ними строжайше запрещены регентом.

- Запрет касается и священников?
- Духовник ее высочества может даровать им утешение.
- Он адепт ордена Славы?
- Ордена Чистоты.

Зильбершванфлоссе – Чистота, Штарквинды – Милосердие, Фельсенбурги – Знание... Так было, но будет ли?

- Моряки тяготеют к Славе.
- Адмирал цур зее не обращался в Адрианклостер, и я отнюдь не уверен, что сказанное в Морском доме останется между исповедуемым, исповедником и небесами.

Подслушают, уж в этом-то сомнений нет. Остается одно – явиться сразу в суд и обвинить Бермессера. В трусости и попытке устранить свидетеля.

- Как долго я могу пользоваться гостеприимством Адрианклостер?
- Обитель Славы – дом для любого не забывшего свой долг воина. Вы не хотите дать знать о своем благополучном прибытии родным?

Хочет ли он успокоить их всех? Да! Но вот может ли...

- Два дня назад на постоялом дворе в Вюрте задушили молодого дворянина, – негромко добавил адрианианец. – Он путешествовал в одиночку на кровном зильбере и имел темные волосы и правильное лицо. Прошел слух, что это вы, но ваша бабушка покойного не опознала.

Он бы тоже заночевал в Вюрте, если б не свернул в лес. За ней.

- Я приехал на простой лошади, правда, очень хорошей, а в город вошел пешком.
- И все-таки вас выследили. Странно, что убийц было лишь двое. После происшествия в Шеке им следовало быть осторожнее.

- Откуда вы знаете о Шеке?
- Вчера утром герцогиня Фельсенбург прибыла в Эйнрехт.
- Мама здесь! Теперь все. Теперь дороги домой до суда нет.

– Отец Луциан, мои родные не видели меня мертвым. Сердце подскажет им, что я жив. Я знаю, что поступаю мерзко, но моя матушка помешает мне сделать то, что нужно. Я помню, что должен чтить родителей и оберегать слабых, но Олафу хуже, чем моей матери. Я понимаю, как это звучит...

- Это звучит справедливо. За века из благих нитей дурные ткачи соткали жуткую картину. В ней слабым можно все, а сильным нельзя ничего, но мир держат сильные, и они нуждаются в защите во имя тех же слабых.

- Я могу остаться в Адрианклостер или мне нужно просить разрешения у аббата?
- Разумеется, вы можете остаться. Если вы все же надумаете кому-либо сообщить о себе, мы постараемся вам помочь. Я знаю ваше имя и ценю ваше доверие, но в обители много братьев. Какое временное имя вы выберете?

- Йозе... – Нет, для того, во что он ввязывается... ввязался, нужно что-то другое. – Пусть будет Ротгер.

Глава 3 Талиг. Оллария *400 год К.С. 17-й день Весенних Молний*

Катарина кормила голубей, те толкались и дрались, особенно усердствовал один переливчатый. Робер не выдержал, поднял камушек, бросил, попал. Переливчатый невежа взмахнул крыльями и тяжело отпорхнул. Катарина слабо улыбнулась.

– Ты и здесь пытаешься быть справедливым.

– Не люблю мародеров, – признался Иноходец, – а этот, ко всему, дурно обращается с дамами.

– Не все дамы стоят того, чтобы их защищать. – Сестра чуть прикусила губу: вспомнила что-то паршивое.

– Дело не в дамах. – Эпинэ всмотрелся в бледное личико. Врач не зря тревожился: девочке следовало себя поберечь. – Как назвать мужчину, поднявшего руку на женщину?

– Голубем, – подсказала королева Талига, – только без крыльев... Робер, пойми наконец, юбки и длинные волосы не превращают нас в ангелов. Не будь некоторых женщин, не было бы и бед, которые они принесли. Иногда мне кажется, что все зло от женщин... Я не о мужском вожделении, тут мы с вами равны.

– Тогда о чем?

– О... неестественном. Женщина создана любить, верить, ждать, встречать... И еще прощать. Своих мужчин, своих детей. Если она захочет большего, то станет чумой. Алиса стала, и твоя тетка Маран... Карваль наказал ее вместе с мужем и был прав.

– Катарина!

– Я тебя пугаю? – Голубые, полные неба и слез глаза – и страшные, горькие слова. – Я сама себя боюсь, но, начав думать, трудно остановиться. Если б тетка Маран не захотела украсть твой титул, ничего бы не случилось. Ты бы договорился с Савиньяками, в Эпинэ не послали бы войска, они бы не изменили...

– Забыла, что творили Манрики?

– Рокэ загнал бы фламинго назад, в тессорию, а Генри Рокслей никогда бы не предал Фердинанда при Алве. Никто бы не предал.

Может, и так, но подлости, не совершенные из страха или невозможности, все равно повисают на шее. Просто их никто не видит, кроме Леворукого, а тот смотрит и смеется.

Прошумели крылья – вернулся переливчатый. Теперь он ухаживал. Распустив хвост и раздувшись, паскудник увивался за одной из тех голубок, которых только что распихивал ради хлебных крошек. Птицы как люди, люди как птицы...

– Почему ты решила, что я сговорился бы с Савиньяками?

– Но... ты ведь приехал по приглашению Лионеля.

– Я?! – не понял Робер. – С чего ты взяла?!

– Ты говорил... – растерялась Катарина, – говорил, что встретился бы с Арлеттой, но помешали драгуны. Извини.

– За что? – Робер притянул сестру к себе. А может, взять да и рассказать? Про письмо, которое не писали ни дед, ни Жозина, про золотых всадников, ставшую огнем Лауренсию, щербатую девчонку на дороге... С ума сошел! Катарине скоро рожать.

– Ты не жил при дворе, – мягкие волосы щекочут щеку, словно на плече устроился Клемент, – ты говоришь только то, что говоришь, а я слышу то... чего нет. Я стала уродом, и винить мне в этом некого. Только себя и... Неважно!

– Важно.

– Хорошо, я расскажу, – пообещала она. – Когда-нибудь... кончится война. Я стану святой сестрой, ты – настоящим маршалом. Боевым, в шрамах и орденах. Мы сядем под акациями, и я все-все расскажу. Уже не о себе, о дурочке, которая взяла чужое и попалась...

– Согласен. – В монастыре Катарина делать нечего, но пусть сперва родит. – А пока объясни, с чего ты вообразила про Савиньяков... Что я с ними договорюсь. Должен же я знать, как... слышат в столицах.

– Умер Дорак, – послушно начала Катарина, – человек, который, как вы думали, хотел убить Альдо. Больше покушений не было, вы спокойно уехали в Алат. Ты считал, что твои друзья в безопасности, ведь Раканов не трогали четыреста лет. Не знаю почему, но не

трогали...

Не трогали талигойцы, не прогоняли эсператоры, не покупали гоганы и торквинианцы, а потом навалилось все и сразу. Вот что нужно понять! Или уже не нужно?

– Удравших в Агарис и в самом деле не трогали. – Как странно рассказывать о мертвом городе и мертвом прошлом. – Попав туда, мы становились ходячими покойниками... Кому мы такие были опасны?

Катари шевельнулась – кивнула. Как по-разному обнимаешь женщин. Благоговей, как Мэллит, смея и гордясь, как Марианну, и так... Прижимая не тело к телу, а к душе душу.

– При Сильвестре военным Колиньяры и Манрики мешали больше, чем мятежники. – Робер уже не спрашивал, но сестра продолжала отвечать. Как девочка ментору, только девочки таких вещей не знают. – Лионель после смерти отца пошел за Рокэ, потом они встали рядом... Эти двое все делали по-своему. Вспомни – Эгмонта убили так, что Надор остался за Окделлами, а вас отпускали, только вы не поняли... Робер, почему вы не ушли от Ренквахи, почему вы *все* не ушли?!

– Из-за Кавендиша. И потом, в такую... милость трудно поверить.

– Если не знать Рокэ... герцога Алва. Он ведь и потом... отпустил тебя... И дважды – Окделла.

– Твоих братьев он не пощадил.

– И вместе с ними убил следствие. Алва и Савиньяк не давали Манрикам и Колиньярам дорваться до вашего наследства. После смерти Сильвестра временщики попытались получить все. У меня не осталось выбора: я вызвала Рокэ, а он опоздал... Из-за Рокслея. И из-за Маранов...

Просто. Даже не просто, очевидно! Можно было и самому сообразить, что Ворон и олени – одно, медведи с фламинго – другое. Чего удивляться, что Савиньяки протянули руку, а Райнштайнер... Райнштайнер не собирался выдавать последнего Эпинэ временщикам, только Никола и Мараны всем спугали карты.

– И ты еще говоришь, что женщины не думают! Я же все это знал и ни кошки не понимал. Не видел, что ветер переменился...

– Ты вернулся, значит, почувствовал. Мы часто делаем, что нужно, не успев подумать, вроде бы не понимая... И хорошо, иначе можно струсить и... не сделать. Давай немного походим.

– Если тебе можно.

– Можно. Брат Анджело – не акушер, но те, кого он приводит, обещают, что маленький постучит между шестнадцатым и двадцатым Летних Скал. Только я... я хочу, чтобы это было раньше.

Мишель родился двенадцатого... Совпадение или недожившие возвращаются к тем, кто помнит? Пошли хоть кто-нибудь ребенку, который родится под теми же звездами, что и брат, добрую судьбу. Без войн, без Кавендишей... Эпинэ поднялся и подал сестре руку:

– Мне тоже захотелось пройтись. Хотя бы до фонтана.

– В Большом саду должны зацвести маки. Я хочу их увидеть. Пойдем туда.

– Как скажешь.

2

Они двинулись так медленно, что голуби и не подумали взлетать. Только переливчатый прекратил урчать и раздуваться, став почти изящным, и отбежал. Рисковать ради дамы он соглашался еще меньше, чем ради еды.

– Никогда не была голубкой, – тихо сказала сестра. – Глупой, жестокой, трусливой была, не отомлить, но дутыши мне никогда не нравились. Разрядиться и крутиться на месте, как же это глупо! Прости... я не хотела обижать мертвого...

– Ты могла вспомнить и худшее. Катари, я больше не жалею об Альдо, после Фердинанда не получается. Вот за Матильду мне страшно.

– Мне тоже, хотя я ее не знала.

– Они с Альдо спасли мне жизнь. Два раза. И Ворон тоже два раза... я должен четыре жизни, а у меня только одна.

– Если ты отдашь ее Талигу, то с Алвой расплатишься. – Катари оглянулась, и Роберт тут же услышал хруст гравия. – Твой капитан.

– Ты хотела сказать, твой барон и член твоего совета?

– Карваль умрет капитаном Эпинэ. Он верен только тебе, по-настоящему верен... Я подожду в беседке, не хочу вам мешать. Нет, это глупо, я все-таки регент.

– Надеюсь, что Карваль умрет маршалом Талига. Мы быстро поговорим и пойдем смотреть маки.

Будь промедление смерти подобно, Никола уже б разгребал беду, а за монсеньором примчался бы Дювье. Да и нет сейчас в Олларии ничего столь тонкого, что грозит порваться. Тихо, солнечно и непривычно, не то что за Кольцом. Алва не пустит беду сюда, к Катари и сыну...

– Ваше величество, – если Карваль считает нужным преклонить колено, он его преклоняет, – разрешите сказать несколько слов маршалу Эпинэ.

– Чуть позже, барон. Давайте дойдем до беседки. Я немного отдохну, а вы с кузеном обсудите ваши дела.

– Ваше величество...

– Не надо... Здесь не надо. Мы ведь могли стать родичами, будь у меня или у Робера сестра... И если б все пошло иначе.

Карваль не ответил – онемел. Зрелище было настолько невероятным, что Эпинэ не выдержал – расхохотался. Чувствуя себя свиньей, не желая обидеть ни сестру, ни Никола, но уж больно опешивший коротышка не походил на себя, всегда знающего, как надо и кто прав.

– Вдовы любят мечтать о чужом счастье, – извинилась за ржущего дурака Катари, – что нам еще остается? А вы... Вы мне не можете быть чужим. Вы из моей Ариго, нас в Олларии очень мало, но это не самое важное... Я благодарна вам потому, что Роберт жив. Он себя не бережет, это делает Создатель и вы.

– Вы... Ваше величество преувеличивает мои заслуги.

– Роберт, разве я преувеличиваю?

– Ничуть. Без Никола я лежал бы в лесу Святой Мартины с пулей в спине, хотя Шуэз был прав.

– Роберт!..

– Я знаю, что говорю. Если б не я, ничего бы не случилось.

– Не ты. – Катари остановилась, позабыв, что они не одни. – Не смей на себя клеветать! На себя и на тех, кто был с тобой. Виноваты другие... Твой дед, мои братья, из-за которых... которые...

– Катари, они все мертвы!

– Братья мертвы... Колиньяры – нет, и Штанцлер нет... Не понимаю... Не представляю, как я могла его отпустить?! Рокэ не знал, но я! Я же все *знала* и поверила, что он уедет, навсегда... А ему было мало здешних пожаров, он поджег еще и наши дома. И теперь... Я опять его выпустила... Сама! Не понимаю почему... В Багерлее мне было спокойней, чем во дворце, я сделала все, что могла, и просто ждала... В тюрьме не страшно, страшно на троне, и все-таки я не сумела оставить там старика... Не из-за него, из-за тех, кто не вышел!.. Фердинанд, Ангелика Гогенлоэ... Она вела меня к алтарю...

– Успокойся, тебе вредно.

– Знаю... Роберт, пойми, ты ни в чем не виноват! Мишель говорил, что дед посылает вас на барьер, и вы идете... Лошадь не может отказаться!

– Может. – Но для этого нужно быть Моро. – Успокойся... Пожалуйста, успокойся. Мы не одни.

– Да... Барон Карваль, прошу меня извинить. У вас срочное дело?

– Оно ждет. Ваше величество, позвольте вас оставить.

– Нет... Мои... воспоминания не должны мешать делу. К сожалению, в моем положении они неизбежны. Еще раз прошу извинить мою вспышку... Это оборотная сторона доверия, при чужих я не забываюсь. Этому я все же научилась.

– Я счастлив служить вашему величеству.

– Робер, объясни... барону, что мне служить не нужно. Мне ничего не нужно, только будьте живы... Пожалуйста... Если хотите, чтобы мне было хорошо, не позволяйте себя убивать и обманывать... Робер, займись делом, я жду тебя в беседке.

3

Иноходец никогда не отличался особой чуткостью, но то, что Катари надо побыть одной, понял. Подхватив Карваля под руку и заставив его отвернуться от удаляющейся фигурки, Эпинэ повел генерала вокруг фонтана, вспомнив, что именно здесь объяснялся с Айрис, только они пришли сюда другой дорогой.

– Ее величество очень расстроена, – пробормотал Никола. – Мне не следовало вас искать.

– Ты меня уже нашел, а Катари не может все держать в себе. Не забывай, она тоже южанка... Что-то срочное?

– Нет. Прибыл курьер. К нам идут три обоза, во второй день Летних Скал их надлежит встречать на Урготском тракте у Кольца. Графиня Савиньяк прибывает в Олларию двадцать второго Весенних Молний. Проэмперадор Эпинэ прислал вам письмо. Я знал, что вы у ее величества, и решил его передать.

– Передавайте. Выходит, на курьеров и графинь чумные меры не распространяются...

– Граф Валмон, рэй Эчеверрия и маршал Дьегаррон вправе подписывать пропуска, – напомнил Карваль, и Робер почувствовал себя болваном. Слишком много говорившим с Эрвином и слишком мало читающим бумаги.

– Я – болван, – не стал скрывать свое открытие Иноходец, распечатывая письмо. Карваль тактично промолчал и бестактно повернулся к беседке. Чего доброго, задумался о женитьбе... А ведь сестра заметила главное – маленький генерал сделает свою баронессу счастливей любой королевы. Если, разумеется, женится по любви.

– А вам никто не пишет? – зачем-то спросил Эпинэ, вскрывая письмо.

– Нет, монсеньор. Зачем?

А зачем все пишут? Либо по делу, либо желая напомнить о себе, сказать недосказанное, пожаловаться, попросить, объяснить...

«Герцог Эпинэ», – почерк Проэмперадора, несмотря на все хворости, оставался четким, – мой сын и наследник считает, что намеков Вы не понимаете, поэтому намеков не будет. Проведенное расследование убедительно показало, что лично Вы не несете ответственности за события минувшей осени. Мятеж был подготовлен с двух сторон. Подстрекаемым родственниками губернатором Сабве и скрывавшимся у доверенных лиц вашего деда Августом Штанцлером.

Ваше появление нарушило планы заговорщиков и вынудило их выступить раньше, чем они намеревались.

Ваше участие в дальнейших событиях было неизбежным, но я не возьмусь ставить Вам это в упрек. Закон – слепая змея, ползущая прямо и пожирающая все, что попадает на пути, но здравый смысл и интересы Талига не позволяют отдавать ей всех, кого она готова пожрать. Скармливать закону Вас не намерен никто из известных мне регентов Талига, один из коих просил справиться о судьбе некоего полумориска золотисто-рыжей масти.

Я же уведомляю Вас, что принял на себя управление Вашими владениями. Земли герцогов Эпинэ способны приносить существенный доход, но находятся в плачевном состоянии. Чтобы исправить положение, требуются серьезные вложения в течение четырех или пяти лет. Я располагаю требуемыми средствами и письменным

ручательством герцога Алва и графини Савиньяк, обязующихся в случае необходимости возместить мои расходы. Первый отчет о состоянии дел и разумную денежную сумму Вы получите не позднее месяца Летних Волн.

К сожалению, состояние здоровья и обилие текущих дел не позволяют мне присутствовать при столь знаменательном событии, как разрешение от бремени Ее Величества. Рискую превысить свои полномочия, настоятельно советую Вам к этому времени ограничить свободу передвижений графа Штанцлера и передать означенного графа в руки правосудия по первому требованию следующего регента. Надеюсь также, что Вы в полной мере обеспечите безопасность и удобства выехавшей в Олларию графине Савиньяк.

Бертрам, граф Валмон,

Прозмперадор Эпинэ волей регента Талига Ее Величества Катарины».

– Никола. – Леворукий бы побрал Ворона с его ручательством, но сомневаться в том, что Алва опять протянул руку, не приходится! Валмон мог выдумать все, кроме вопроса про Дракко, но неужели Ворон не нашел времени для письма Катарины?!

– Неприятности, монсеньор?

– Наоборот. Валмон взялся обустроить мои владения. Под поручительство маршала Алва и графини Савиньяк.

– Это прекрасно.

– Это прежде всего стыдно, но кривляться я не стану. Самому мне не справиться, а людям надо как-то жить.

– В этом нет ничего стыдного, монсеньор. Эпинэ пришла в упадок не по вашей вине.

– По вине деда, но Алва и Савиньяк платить за нас не обязаны.

– Монсеньор...

– Я согласен принять помощь, так что обсуждать тут нечего.

– Как скажете, монсеньор. – Капитан Карваль был более обидчив, чем барон и генерал. Что же будет, когда он станет маршалом?

– Никола, граф Валмон советует не спускать глаз со Штанцлера. Похоже, «гуся» вернут в Багерлее при первой же возможности. Проследите, чтобы он никуда не делся.

– Монсеньор, это просто. Штанцлер не выходит из особняка герцога Окделла.

– И все равно позаботьтесь, чтобы «гусь», в предчувствии неприятностей от нового регента, никуда не «улетел». Зря вы тогда меня удержали... Я про Шарли.

– Примите мои извинения, монсеньор. Я считал графа Штанцлера нашим союзником. Теперь я придерживаюсь другого мнения, но лучше, если его будут судить согласно закону.

– Иногда мне кажется, что вы – ноймар. В каком состоянии дом Савиньяков?

– Особого ущерба зданию не нанесли, но ценности вывезли. Я видел в кабинете Мевена кресла с оленями...

– Они принадлежали Лионелю, когда он командовал дворцовой охраной. Постарайтесь привести особняк в порядок. Графиня знает, что у нас творилось, но надо сделать все возможное.

– Разумеется, монсеньор. Я могу идти?

– Да. – Сказать Катари, что Алва жив и здоров, или ограничиться приездом Арлетты? Наверное, так будет лучше. Женщины слишком долго помнят неподаренные розы...

Глава 4

Талиг. Вараста. Ежанка. Оллария 400 год К.С. 17—18-й день Весенних Молний

Навстречу проскакал очередной патруль, и Бочка зафыркал, вскинул голову и

нахально, не по-военному, заржал. Надо же, заинтересовался, твою кавалерию...

– Жилье чует! – весело сообщил черноусый адуан. – Добрались, почитай.

У адуана имелось имя, но про себя Матильда обзывала навязанного ей беднягу камеристом. Это помогало злиться на Бонифация и на старую дуру, попершуюся на чужую войну вместо того, чтобы выдрать Альберту последние волосы и гордо удалиться грызть сакацкие елки.

Принцесса без всякой нежности ткнула развеселившегося Бочку шпорой в слегка опавший бок, объезжая груженную мешками фуру. Жизнь на тракте прямо-таки кипела, подтверждая близость армии. Возглавляемая пузатым преосвященством кавалькада обгоняла один обоз за другим, встречные патрули появлялись чуть ли не каждые полчаса, и это не считая групп адуанов и отдельных отрядов. В приличных талигойцах Матильда пока разбиралась плохо, а знакомых по Тронко мундиров встречалось немного. Сейчас глаза мозолили варастийские ополченцы, которых так старательно гонял зимой хворый Дьегаррон. Шагали они бодро и всю горланили о далекой милой, которой предлагалось сидеть и ждать, пока ненаглядные вдосталь навоюются. В Алати пели по-другому, но о том же. Это в Агарисе были либо о несчастной любви, либо о казненных страдальцах. Ее высочество попыталась вообразить Анэсти, Хогберда и «Каглиона», радостно марширующих на войну, и едва не сплюнула. Нет бы подумать, может ли твой принц поднять саблю и задницу и что у него за приятели, а она полезла гладить по головке и кормить сахарком.

Бочка опять заржал. Дружелюбно, и Матильда поняла, что сейчас воспоследует Бонифаций. Явился проверять «заблудшую овцу». Обычно Матильда делала вид, что оглохла, но сейчас хотелось цапнуть если не себя шестнадцатилетнюю и не Анэсти, то оллариянского пьяницу.

– Что, дочь моя? – Оллариянец умело пристроил своего мерина рядом с рысаком. – Вижу, алчет душа твоя, только чего? Касеры или ссоры?

– Одуванчиков! – огрызнулась принцесса. Бонифаций почесал нос.

– Сын мой, – весело велел он адуану, – набери-ка нам одуванчиков. Если лысые, то им не в укор, ибо исполнили они предназначение свое, а нам сие только предстоит.

Матильда сжала хлыст. Епископ заржал. Выглядел он в точности как Бочка, стань тот оллариянцем, о чем Матильда и сказала. Бонифаций довольно кивнул.

– Злись, дочь моя, – разрешил он, – сколь душе твоей заблудшей угодно. Злость сия есть дело благое и для тебя полезное, а мне она – что хряку дробина. Не пробьет, но почешет.

Принцесса не ответила – оллариянец в ответах не нуждался. Хотел вещать и вещал, размахивая похотевшим на огурец пальцем. Можно было не смотреть, не слушать не выходило.

– Есть злоба и злоба, – наставлял епископ. – Та, что под корягой сидит да прохожих за пятки кусает, – от Врага. И надобно ту корягу отвалить и башку, ядом истекающую, каблуком кованым расплющить. А есть злоба, что из-под коряги выгоняет да на гору лезть велит, падать, обдираться, но лезть. Эта злоба – от Создателя. Лежащие да стенающие неуютны Ему, злость и обиды для них как кнут да шпоры для коня застоявшегося. Дохнут души от лежания, от стенаний же и жалости к себе протухают. Смерду от них, точно от паралитика, что под себя ходит. Создателю то нюхать неуместно, а Врагу в его болоте радость: дескать, не токмо у меня смердит, но и до Создателя долетает. Уразумела?

Достойного ответа не было, разве что вытянуть надоеду хлыстом, но Матильда это уже пробовала на третий или четвертый день пути. Жирная туша оказалась на редкость увертливой, а самой Матильде пришлось выслушать проповедь о тех, кто замахивается, а ударить толком не может. Этого хватило. Женщина перестала отвечать, если речь не заходила о делах уж совсем житейских. Она просто ехала вперед, равнодушно глядя на варастийские просторы. Собственно, не болтайся рядом Бонифаций, Матильда вряд ли стала бы более склонной к общению. Не то было настроение, чтобы болтать с молоденькими офицерами из конвоя...

– А вот и Ежанка. Приют кратковременный воинов благочестивых! – Кабан сменил назидательный тон на человеческий. – Скоро омоем мы прах с ног наших и утолим голод и

жажду.

Булькнуло. «Скоро» для епископа равнялось «немедленно». Матильда переложила поводья в левую руку и привстала в стременах, рассматривая с небольшого холма многочисленные дома, среди которых виднелись и каменные, полукольцом охватывавшие небольшой форт.

Ежанка, служившая сейчас базой для армии Дьегаррона, два года назад была пограничной заставой, разгромленной и сожженной в самом начале бирисских набегов. Последующие события сказались на развалинах и пепелищах самым благим образом. Заставу, само собой, восстановили, но этим дело явно не ограничилось. Принцесса разглядывала не успевшие потемнеть крыши и запруженные повозками и фурами – это было видно даже издали – улочки.

– Скоро сие скопище отправится творить богоугодные дела, – обрадовал Бонифаций. – Возрадуются праведные, и содрогнутся нечестивые. А вот и гонцы наши.

Навстречу кавалькаде вверх по склону поднимался адуанский тенъент, утром отправившийся к маршалу, предупреждать о гостях. Пару адуану составлял всадник на хорошо знакомом Матильде сером. Хавьер Торрихо. Значит, Дьегаррон в Ежанке.

– Резиденция ее высочества готова. – Адъютант командующего указал на группу каменных домов, стоявших отдельно на восточной окраине поселка. – Маршал освободится к вечеру и просит присоединиться к нему за ужином, но только просит. Если вы устали, ужин будет доставлен к вам. Дом маршала – вон тот большой, справа. Ваше высокопреосвященство, маршал предлагает вам свое гостеприимство.

– Еще б не предложил, – буркнул Бонифаций. – Приютивший слугу Его пройдет Вратами Рассветными, хотя Дьегаррон сей и без того спасен будет, ибо доброе дело делает. Бакраны здесь уже?

– Ждем завтра. Ваше высокопреосвященство, ехать лучше в обход. Сразу с двух сторон подошли обозы.

2

Маки, до которых они все-таки дошли, и в самом деле цвели. Мощные кусты грозили торчащими на жестких сочных стеблях цветами. Пронзительно-оранжевые и чужие, они ничем не напоминали алых бабочек, словно бы присевших на клонящиеся от росы стебельки. Это были придворные маки, не видевшие ни радуг, ни конских табунов...

– Я опять не подумала... – прошептала Катари. – Я просила посадить маки, их посадили. Такие, какие нашли. Будет жаль, если моими последними маками станут эти.

– Прекрати, – велел Иноходец, пытаясь загородить горящее на клумбах безумие. – Следующей весной к твоим услугам будут все маки Эпинэ. Я верю в Валмона.

Катари не ответила. Она смотрела на цветы, привычно теребя кисти шали. Женщины боятся, когда наступает их срок, потому что остаются одни. Мужчина, как бы ни хотел помочь, может лишь ждать, кто победит – смерть или жизнь. И молиться, если хватает веры. Последнего Робер не пробовал очень давно, даже если считать молитвой невнятную просьбу дать продержаться до ночи, сохранить братьев и утопить Кавендиша...

– Я готова, – внезапно решила сестра, – я видела... Нужно идти. У нас много дел – у тебя и у меня. Их надо сделать, их все равно надо сделать, только ты не перебивай. Ты и Марианна... Вы должны быть вместе. Пока я регент, я могу расторгнуть брак, но Капуль-Гизайль должен об этом просить, иначе будет незаконно, я проверяла. Брак бесплоден, пусть барон возьмет это на себя. Марианна останется баронессой, я сделаю ее своей дамой. На Осенний Излом вы сможете пожениться. Вот тогда и поймешь, что значит... Что значит иметь дома одну и ту же женщину.

– Я уже понимаю. Это счастье.

– Надеюсь, для тебя так и будет! Как хорошо, что Марианна здорова. Когда Айри согласилась... я за вас просто испугалась. Девочка сама не понимала, как больна. Она могла

просто не перенести первой ночи. Я чувствовала, что тебе нужна другая женщина, но ты так хотел быть рыцарем...

– Айри умерла не от болезни, а я... Я не кагетский посол, чтобы задним числом объявлять себя тем, кем никогда не был.

– Бедный Бурраз, – улыбка Катари была неожиданной и грустной, – вот он и стал дураком и трусом, а верно, если верно, лишь что-то одно...

– Я тебя опять не понимаю. – Спасибо Бурразу, о нем не больно говорить.

– Ты хорошо помнишь Адгемара? Он был дураком?

– Нет. – Казар был умнее их всех и едва не спас Талиг от Альдо, но Мильжа не позволит вспомнить Лиса добром. Никогда!

– Умный не отправит к сильному соседу послом дурака, особенно перед войной. Или отправит, но для Гайифы. Тогда рядом будет настоящий посол, которому придется договариваться, если Гайифа проиграет.

– Может, ты и права, но менять казаров по восемь раз тошно. Хорошо, что я не посол.

– Те, кто после смерти Альдо отправил вас с Дэвидом в Багерлее, не были послами.

Кракл, Вускерд, Кортней... И тут же Карлион с Берхаймом и Феншо. Дураки, причем тошнотворные. Рядом с ними любой выходец человеком покажется.

– Ты опять права, а выходцы... давно хотел спросить. Ты как-то говорила, что видела в Нохе монахов и слышала колокол...

– Ты ходил в Ноху? – Катарина остановилась и подняла лицо. – Зачем?!

– Охотился на призраков. Слишком уж много о них говорят. Что ты видела?

– Это был моровой ход... Они молились о прекращении чумы... Колокол звонил, монахи шли и умирали со свечами в руках. Через них переступали и шли дальше. Мор прекратился, когда в последнем аббатстве умер последний монах... Умер, не прекращая молить Создателя о милости к городу... Я не знаю, что за аббатство это было, но мертвые пытаются нас отмолить. Снова...

Солнце, птичий щебет, синее небо с белыми облаками, и все равно страшно. От этих ее слов, от так и не забытых кошмаров.

– Ты только на ночь такое не рассказывай.

– Ты же хотел знать...

– Больше не хочу, да и не видел я никого. – В том, что она говорит, может быть смысл, но тогда... Нет монахов, нет и опасности! – Тебе что-нибудь нужно? Негоцианты ради тебя весь Талиг перероят.

– Поблаговари их, мне ничего не надо... Придумала! Скажи им, чтоб нашли серебряных оленей... Ардорские статуэтки. Когда придет Арлетта, пусть ее встретят олени. Поблаговари своего Карваля от меня за новости... С Арлеттой и Марианной мне будет легче. Робер, как же я устала... от Дженнифер, от Одетты. Раньше они не ссорились, теперь спорят из-за каждой мелочи, а я должна решать... Да мне все равно, что есть в обед и чем мыть руки! И им все равно, но они так хотят быть главными.

– Ну так стань не такой святой и прогони.

– Не издевайся. Я не святая... Ты не представляешь, что я делала. По молодости, от безысходности, но делала... Это не на тебе кровь, на мне.

– Катари!

– Дай мне договорить, я не знаю... Не знаю, будет ли у нас время и захочу ли я говорить... Я шла в сад за памятью о доме, а тут... Не думай обо мне лучше, чем я есть. Я сожалею, что вернула к себе прежних дам, что не объяснила Окделлу его место, что выпустила Штанцлера, что обещала ему аудиенцию, но я не могу брать слово назад! Я регент, а все вокруг... оно ужасно. Значит, власть должна держать слово особенно крепко. Я ошибалась, я их... почти ненавижу, но пока я регент, все останется, как я сказала. Потом Рокэ все исправит. Пусть прощает или судит, я... я уже буду свободна.

– Почему ты так говоришь? Тебе плохо?

– Не обращай внимания, это из-за маков. Из-за того, что они не такие, как дома...

Знаешь, в нашей памяти есть что-то от цветов. Стыд – крапива, гиацинты – надежда, маки – несбывшееся... Ты должен будешь подтвердить развод у нового регента, это обязательно. Не забудешь?

3

Дьегаррон появился, когда его никто не ждал. Решившая не пугать на ночь глядя командующего Матильда отказалась от приглашения, накорябав на сей счет вежливую записку. Покончив с ужином, принцесса принялась расспрашивать о ежанских делах невысокую плотную тетку лет пятидесяти, мобилизованную по приказу маршала госте в камеристки. Тетку звали Натали, и она ни разу в жизни не видела гайифских париков и корсетов. Мало того, Натали не кудахтала и не косилась с ужасом на мужские сапоги и флаги, в которых Матильда назло Бонифацию возила воду. Ее высочество успела узнать, что мужа ее новой служанки убили седуны и что та скорее сдохнет, чем уедет из Ежанки, и тут с крыльца завопил дежурный адуан.

Дьегаррон пришел пешком в сопровождении одного лишь Хавьера, но с букетом желто-лиловых ирисов.

– К сожалению, я не представлял, что задумал его преосвященство, – признался кэналлие. – О вашем прибытии мне стало известно только сегодня. Надеюсь, путешествие вышло не слишком обременительным.

– Не слишком, – подтвердила Матильда.

Первую неделю пришлось поспешать, догоняя ушедшую вперед армию, но Бонифаций поспешал разумно, и выходила совсем не та бешеная скачка, как зимой, при бегстве из Оллари. Да и с кормежкой дело обстояло гораздо лучше, но хвалить олларианца не тянуло. Матильда молчала, разглядывая гостя. Маршал все еще выглядел больным, но держался бодрее, чем в Тронко. Это радовало, но о чем с ним говорить, не о погоде же?

– Нам повезло с погодой, – сообщила принцесса и спохватилась: – Прошу вас, садитесь.

– Я люблю степные дороги, – негромко сказал кэналлие, – хотя они могут показаться однообразными. Каждый день – одна и та же отцветающая степь, одно и то же небо, те же спутники и разговоры... Вы довольны ужином и домом?

– Я довольна всем, а вот те, кого вы по моей милости выставили...

– Выставлять было некого. – Дьегаррон улыбнулся и сразу же, как и прежде, поморщился. – Дом построен для офицеров будущего гарнизона, из средств, выделенных собрано на восстановление пограничных застав. Надеюсь, вам здесь будет удобно.

– А я надеюсь, что ваш кабан знал, что делал, когда тащил меня сюда. Я в самом деле нужна? Для чего?

– А что говорил его высокопреосвященство?

– Вы разве не решили, что станете врать? Да, благодарю вас за цветы и пистолеты. Не стоило беспокоиться.

– Как они бьют?

– Хорошо... – До чего она дошла, если ей все равно. – Очень хорошо, но цветы в мои годы – это слишком.

– Там, где появляются женщины, появляются и цветы. – Кэналлие упрямо не спускал флаг вежливости. – Эти ирисы видели многое. Они росли у старой таможни. Ее сожгли, адуанов вырезали, а цветы выжили. Не все, только те, что росли с краю, у канавы. На следующий год они расцвели. Их увидел известный вам Шеманталь, он как раз инспектировал бывшие посты. Нужно было решать, отстраивать ли Ежанку, или строить форт на новом месте. Нам ответили ирисы и куст сирени. У вас должны стоять именно эти цветы, сударыня.

Дарить то пистолеты, то ирисы с пожарища... Анэсти б сдох, до такого не додумался, а внук – тем более.

– Вы – странный маршал.

– Я – кэналлие́ц, мы все суеверны. Не знаю, что вам говорил Бонифаций, но вы приехали, и я вам за это благодарен. Я не считал себя вправе просить вас о таком одолжении.

– Да вы хоть знаете о каком?

– Я уже сказал: я суеверен, – маршал поднес руку к загорелому лбу, – и нам в самом деле очень нужны свидетели... Свидетели того, что мы всего лишь исполняем свои обязательства перед союзниками. Но ваше возвращение значит гораздо больше.

– Возвращение?! – Если все кэналлийцы такие сумасшедшие, надо было ехать не в Агарис, а в Алвасете! – Твою кавалерию, я дальше вашего Тронко не забиралась!

– Вы вернулись к нам, а куда именно, не важно. Армия не пускает корней. Скоро мы отсюда уйдем, хотя неделю, а может, и больше простои́м в Ежанке. Сейчас вы утомлены, я тоже, но завтра... Скажем, за обедом я готов рассказать о Сагранне и положении дел в Кагете и Гайифе. Вы ведь предпочитаете птице мясо?

Что ж, на войну так на войну, свидетелем так свидетелем... Война – это не только смерть, но и жизнь, горение вместо гниения, чего еще можно желать на старости лет?

Ее высочество тронула морисские пистолеты и сообщила:

– Я ем все, но без имбиря и этого вашего... преосвященства.

4

– Я не могу выпускать животное к посторонним в таком виде, но мой куафер решительно отказывается иметь с ним дело. – Коко озабоченно вздохнул. – Я просто не знаю, как быть. С одной стороны, мы в ответе за тех, кого нам оставили друзья, с другой – это опасно для жизни, с третьей – Фальтак и Сэц-Пьер едят все больше... Если б я мог выпускать к ним Готти, с ними стало бы легче разговаривать.

– А почему бы вам их просто не выгнать? – поддержал разговор Робер. Собачьи прически и прожорливость философов Иноходца беспокоили в последнюю очередь, но он не представлял, с чего начать разговор.

– Они истинные жрецы. Я далек от дурных каламбуров и не называю их жрецами форели, хотя они и потребляют ее чрезмерно. Нет, дорогой друг, они истинные жрецы некоего идола, который они называют натурой, а я, как вы знаете, к идолам равнодушен. К тому же так волнующе наблюдать нечто малопонятное и местами пугающее непосредственно перед ужином... И все же как мне поступить с собакой дорогого Марсе́ля?

Момент был самый неподходящий, но говорить о псах и адептах природы с человеком, чью жену он вознамерился отобрать, Эпинэ не мог.

– Барон, я должен вам сообщить...

– Конечно, я заплачу куаферу за риск, но что, если Готти укусит его не куда-нибудь, а в руку? В правую. Мне придется искать другого мастера, а это невозможно. В смене куафера есть нечто отталкивающее и ужасное, как и в смене вероисповедания. Это либо насилие, либо отрицание всей прошлой жизни.

– Сударь, – прервал излияния Робер, – я должен с вами поговорить. Очень серьезно!

– Надеюсь, это не касается молодого человека, которого моя жена отказывается принимать? Понимаете, я считаю правильным предоставлять ей полную свободу в выборе друзей. Недоверие и, того больше, претензии – это в высшей степени вульгарно.

– Барон, я говорил с Катари... Леворукий, я люблю Марианну, а она – меня! Мы просим вас о разводе. Разумеется, я... Я заключу с вами договор насчет имущества. Я в этом ничего не понимаю, но мэтр Инго́лс...

– Договор? – скривился барон. – Не терплю бумаг! Благородные люди обходятся честным словом и при необходимости шпагой, этого вполне достаточно. Постойте... Вы хотите забрать Марианну... то есть связать с ней свою судьбу при помощи законников и церкви? Это несколько неожиданно. Идемте в кабинет, такие вещи всегда обсуждают в кабинетах, к тому же я покажу вам новую камею. Слоистый агат... Танец среди молний... И после этого говорите, что совпадения случайны! Чушь, что бы ни утверждали матерьялисты.

Они пытаются оскотить наши чувства, но оскотленные существа противны той самой натуре, о которой пекутся эти своеобразные господа.

Дориан, «Слезу блудницы» семьдесят девятого года в мой кабинет. Хотя нет... Это название в нашем положении звучит двусмысленно. «Змеиную кровь» восемьдесят второго! И гигантские оливки... Проходите же!

– Сперва скажите, – Робер встал на пороге, напоминая самому себе деревенского осла, – вы согласны дать Марианне развод?

– Не подумайте, что я против, – качнул паричком Коко, – но я не могу пойти на это до окончания войн. Понимаете, мой дорогой друг, я отвечаю за Марианну и не могу позволить ей остаться вдовой в чужом доме. Не спорю, быть маршалом очень достойно, это нравится женщинам и окрыляет молодых людей, но маршалы слишком часто оставляют вдов, а я хочу быть уверенным в том, что моя дорогая жена счастлива и обеспечена. Только тогда я с чистой совестью устрою собственную судьбу. Признаюсь вам, я был бы счастлив найти где-нибудь в провинции девушку, почти девочку. Юную, чистую, прелестную, как сама любовь, и открыть ей мир красоты.

– Вы собираетесь жениться? – не понял Робер. – На ком? Когда?!

– Как только найду достойный огранки бриллиант. Да, на этот раз это будет не рубин, а бриллиант или сапфир! Юная женщина с золотыми волосами и синими или же фиалковыми глазами... Конечно, придется сменить обивку и, возможно, заказать новые витражи...

– Я не так богат, как Валме, – понял намек Робер, – но я уже говорил. Мэтр Инголс...

– Я уже просил вас, герцог, не упоминать о столь отвратительных вещах, как законники, бумаги и тем более расписки. – Маленький барон выпятил грудь и привстал на цыпочки, чем-то напомнив давешнего голубя. – Иначе я сочту себя оскорбленным. Дорогая, как ты некстати...

– Даже с вином? – Марианна ловко пронесла поднос с бокалами между мужем и любовником и водрузила на обширный стол. – Я думала, запрет на посещение твоего кабинета распространяется только на собак.

– Дело не в кабинете, – объяснил барон, – а о некоем предмете, который мы обсуждаем с герцогом Эпинэ.

– Я вынуждена считать себя оскорбленной. Вы говорите о «некоем предмете», подразумевая меня. Вы зашли слишком далеко, господа. – Марианна спокойно разлила вино. Этого платья Робер у нее еще не видел; золотистое с терракотовой отделкой, оно великолепно сочеталось с портъерами и леопардовыми лилиями на плафоне.

– Дорогая, если тебя и можно назвать вещью, то немисливо дорогой, – нашелся барон. – Положительно, меня сегодня тянет на неудачные каламбуры... Да, я же обещал показать дорогому Роберу свою камею! Сядьте. Да сядьте же! Нужно, чтобы свет падал под определенным углом. А теперь смотрите.

Всадники! Всадники, летящие сквозь расколотую молнией осень. И это всего лишь слоистый агат?! Обработанный камень?! Этот полет и это пламя, опаляющее души спустя тысячелетия после смерти мастера!

– Я надеюсь, – возвестил барон, – что она сделана по эскизу самого Диамни Коро. К несчастью, гальтарские мастера не подписывали свои творения, а клеймо нам, сегодняшним, ничего не говорит.

– Но тут какие-то буквы, – возразил Эпинэ, не в силах оторвать глаз от распластавшихся в полете коней, – разве это не подпись?

– Нет, конечно. «Лэйе Астрада» – всего лишь хвала одному из древних божеств...

– Лэйе Астрада?!

– Да, именно так призывали вашего семейного и должностного покровителя. Лично я предпочитаю Унда, он одарил нас музыкой, а не войной, но я не маршал и не намерен им становиться. Пожалуй, я презентую эту камею вам на свадьбу. Разумеется, если вы выполните мое условие.

– Какое? – глухо спросил Робер, впервые в жизни понимая воров и грабителей.

– Остаться в живых до конца нынешних беспорядков. Дорогая, раз уж ты с нами, позволь поднять этот бокал в твою честь. Конечно, муж, пьющий за собственную жену, кажется смешным и навязчивым, но здесь все свои. Не правда ли, герцог?

Что мог ответить Робер? Ничего. Только пригубить «Змеиной крови».

5

Пистолеты били отменно, а вот запястье после нескольких выстрелов заболело. Отвыкла. Принцесса сердито растерла руку и уселась на один из присланных Альбертом сундуков. Великолепная Матильда вышвырнула бы подарки или, того верней, сожгла вместе с братними писульками, но великолепие околело, а отупевшая старуха даже не догадалась раздать дорожные тряпки. В Тронко полно девчонок, видевших бархат только на губернаторских штанах, а уж алатские шали... Сколько было бы счастья, хотя еще не поздно! Оставить себе пяток платьев для кагетов и козлов, а остальное отослать кому помоложе...

Матильда рывком распахнула первый из четырех сундуков и принялась за дело. Бонифаций, даже не подумав спросить, поволок все это добро в Сагранну, ну так пусть озаботится доставить назад! А братец не поскупился. Ни одной дряни.

Атлас к атласу, шерсть – к шерсти, лен – ко льну... Начнешь разбираться, разберешься во всем! Хоть в тряпках, хоть в собственной глупости, только на прошлое редко смотришь заново. Мертвая Мупа, странный врач, знающий про еще более странную отраву, и совсем уже странный вор, позарившийся на старую шкатулку. Альдо выпросил разошедшийся гроб... До этого внука к старью не тянуло, но сидеть всю жизнь в Агарисе он не собирался, вот и рыпался, пока не влип по уши. До сих пор не ясно во что, да и не все ли теперь равно? Светловолосого мальчонку, то ласкового, то своевольного, не вернешь, а выросшего зверя можно любить только мертвым...

С первым сундуком было покончено, в окно таранилась подрастающая луна, перекликались стоящие на часах адуаны, пахло кострами и отцветающей степью. Такой ночью, если не любить, не выть и не пить, только и остается ворочать сундуки, пока не рухнешь от усталости и не уснешь. Без слов и без мыслей!

Постели, куда принцесса вываливала барахло, не хватило, и нижняя юбка звездчатого атласа, из которой вышел бы недурной полог, полетела в сторону кресла.

– Прошу прощения, фокэа. С вашего разрешения я переложу этот предмет туалета на скамью.

Матильда обернулась. В кресле расположился оллариянец. Тот самый, с кладбища и из кошмаров. Женщина закрыла и открыла глаза. Оллариянец остался. Только теперь он стоял.

– Садитесь, – нашлась великолепная Матильда, почти падая на последний нераспотрошенный сундук. – Твою... Кто вы такой?

– Согласен, это имеет значение, – негромко произнес клирик и сел. – Благодарю вас, фокэа.

Имеет значение... Еще бы не имело! Матильда скрестила руки на груди. Чтобы не тянулись к эспере или пистолетам. Первое было глупо, второе – тем более, и в придачу невежливо. В конце концов, на кладбище клирик ее спас.

– Я помню вас по Агарису. – Женщина провела рукой по лицу, нос был на месте. – Вы заставили меня влезть на могилу Руция.

Оллариянец засмеялся; у него был хороший смех. Людям, которые так смеются, веришь.

– Памятник был живым. – Принцесса почувствовала, что улыбается. Может быть, от воспоминаний, довольно-таки неприличных для ее возраста. – Сколько раз мы с вами встречались? Два или три?

– Можно считать и так, и так, но я бы советовал полагать эту встречу второй.

– Значит, этот мерзкий пир...

– Забудьте! – Олларианец блеснул взглядом не хуже Адриана. – Вам там было не место. Забудешь такое! Одна девчонка на столе чего стояла... А внук танцевал сдохлым Айнсмеллером. Дотанцевался...

– Как мне вас называть?

– Как угодно. Имя – это служба, а я никому не могу служить. Я рад, что вы решили остаться.

– Я еще ничего не решила, – возразила Матильда, – я обещала вашему... Бонифацию прокатиться в Кагету, и только. Что мне делать в Сакаци? Рыдать?

– Я имел в виду нечто другое. Я дважды выбирал за вас, потому что вам не давали выбора, но на этот раз решали вы. Вас ждал я, вас ждал другой. Когда-то мы с ним были связаны, но после... некоторых событий его присутствие исключает мое, и наоборот. Пришедший первым получает то, за чем пришел. Или не получает, но не по вине второго. Сегодня мой знакомый от вас отказался, для вас будет лучше, если навсегда. Он может быть убедителен, в некоторых случаях он даже бывает уместен, но его предложения не для вас. Я понял это еще при первой встрече, потому и вмешался. Вы помните наш разговор?

– Помню, – заверила Матильда. Она действительно помнила. – *Цена Зверя – жизнь. Имя Зверя забыто, а Зову цена – смерть...*

Цена – смерть, и Альдо умер. Глупо, неожиданно... Внук бредил непонятным старьем, собирал его, где мог...

– Где он? – почти взывала Матильда. – Где этот Зверь? Он ведь вылез? Альдо его вызвал!

– Не он и не вызвал. Нужен привал, фокэа. Пусть начнется охота, новая охота за голубой звездой, тогда идите вперед и ломайте лежащие позади мосты, но не раньше. Сейчас – покой. Вы поняли? Полный покой, чтобы не расплескать колодцы.

– Нет! – возопила Матильда. – Я больше не могу! Это для... Для Адриана с Левием и для бочки этой бровастой!.. Я не клирик, я – старая дура... Пошли к Бонифацию. Ничего, что ночь, проснется!

– Не получится. – Улыбка. Странная, обреченная... – Я прихожу к вам и, может быть, дойду до еще одного человека. Если смогу. Так вышло. Вам снились сны, особые сны. Молния была рядом, она позволяет видеть. Я увидел вас, вы увидели меня. Несмерть слышит нежизнь, хоть и не понимает. Нежизнь понимает несмерть, но не может всего объяснить.

– Твою кавалерию! – Больше Матильда не выбирала слов. – Я трезва, и я ни кошки не понимаю. Вы можете выразиться понятней?

– Нет. – Олларианец не собирался ни обижаться, ни говорить по-человечески. – Запоминайте, фокэа, потом расскажете тем, кто поймет. Они придут к вам очень скоро. Они должны узнать про свечи и Зверя, но главное – не расплескать колодцы!

Глава 5

Дриксен. Эйрехт. Талиг. Кольцо Эрнани

400 год К.С. 18-й день Весенних Молний

1

Постучали. Спрашивать, кто идет, будучи в гостях, неприлично, и Руппи не спросил. Просто открыл дверь. Торопливо вошел монах, подхватил под пузо Гудрун и утащил. Та даже не мявкнула, обвиснув в руках адрианианца куском пестрой овчины. Руппи из чистого упрямства счистил с рукава и колен кошачью шерсть и раскрыл медицинский трактат на той странице, которую штудировал в Фельсенбурге перед отъездом. В библиотеке аббатства имелись книги поинтересней, но лейтенант дал себе слово изучить медицину, к тому же зубрежка занимала мозги, мешая ходить по потолку и кусаться. Руппи второй день зубрил и ждал новостей. Адрианианцы гостю не докучали, за исключением трехцветной Гудрун,

возвращавшейся с упорством истинной... дуры. Разумеется, она вернулась снова и принялась стенать под дверью.

Лейтенант решил выдержать характер, но сквозь замочную скважину рвался обиженный писк. Казалось, за порогом плачет самый несчастный в мире котенок, а не здоровенная, круглая, как шар, зверюга. Глупейшее совпадение раздражало и казалось издевательством, а скорее всего, таковым и являлось. То, что толстую навязчивую тварь назвали именем Девы Дриксен, вряд ли было случайностью: в Адрианклостер умели много чего, в том числе и шутить. Шутка вышла не из добрых, хотя монахи не могли предвидеть приключения в библиотеке и того, что пустят к себе Фельсенбурга, а кошка с именем принцессы к нему прицепится. Руперт ругнулся и перевернул страницу. Гудрун принялась шаркать когтями по дереву, она знала, как открывать двери, но лейтенант предусмотрительно задвинул засов.

– «О движении сердца и крови», – с чувством провозгласил вслух Руппи, заставляя себя сосредоточиться, и в дверь вновь постучали. Руппи открыл. Гудрун шмыгнула через порог впереди гостя, но ей не повезло. Немолодой монах ловко ухватил кошку и сообщил, что брата Ротгера ждут у аббата. Сразу стало зябко и захотелось сглотнуть, словно в ожидании приказа, за которым следует бой. Руппи пронесся уже знакомыми коридорами, почти зная, что ничего хорошего не услышит.

Аббата на месте снова не оказалось, гостя опять ждали ночные знакомцы. Отец Луциан что-то разглядывал, руку державшего стакан брата Ореста украшали свежие царапины. Совсем свежие.

– Почему вас так интересуют книги по медицине? – полюбопытствовал агарисец, кивая сразу и на свободное кресло, и на сервированный стол. – Угощайтесь.

– Моряку полезно знать медицину, – не стал вдаваться в подробности лейтенант. – Вы хотите, чтобы я обработал руку брата Ореста? Тогда мне потребуется винный спирт или квасцы.

– Вам требуются спокойствие и выдержка, – возразил отец Луциан. – Надеюсь, они у вас есть.

– Разумеется, – подтвердил Руппи и вспомнил, как входила в тело гвардейца шпага. Да уж, выдержка...

– Дознаватели, ведшие дело Бермессера, отстранены, – подтвердил самые мерзкие из догадок агарисец. – Все они были назначены лично кесарем и выполняли его указания, а кесарь желал видеть сторонников принца Фридриха на несколько локтей выше, нежели прочих своих подданных. Брат Орест?

– Суд перенесен, – уточнил оцарапанный монах, – но об этом пока не объявлено. Адмирал Бермессер по-прежнему обвиняется в том, что без приказа вышестоящего начальника покинул Хексбергский залив. Адмирал цур зее Кальдмеер...

– Подождите. Сын мой... Ротгер, в чем можно обвинить господина Кальдмеера?

В чем? В том, что не погнал Бермессера под пушки Бешеного и не избавил Дриксен от этой сволочи...

– Ни в чем.

– Не будьте столь однозначны. Речь не о вине адмирала цур зее, а о том, в чем его *можно* обвинить.

– Если я правильно понял два случайно услышанных мной разговора, – такая откровенность Олафу вряд ли повредит, – речь пойдет о получении взятки от ардорских негодяев. И, как следствие, о гибели одолженных кесарем у дриксенских негодяев кораблей.

– Вы понимаете чужие разговоры правильно, – похвалил отец Луциан. – Только это не все. Адмирала Кальдмеера обвиняют в убийстве рыбаков, принесших весть о возвращении Альмейды, и в том, что, уже выйдя в море, Западный флот вернулся в Метхенберг, предоставив возвращавшимся талигойцам столь нужное им время.

– Бред.

– Вы опять думаете как... лейтенант флота, но вы не в Метхенберг.

– У них есть... то, что может сойти за доказательство?

– У них есть свидетели. – Брат Орест поморщился и покосился на царапины, которые в самом деле следовало обработать. – Рыбак, который сторожил улов и не пошел с товарищами к Кальдмееру, вернувшиеся из Ардоры негоцианты и адъютант генерала Хохвенде. Последний видел, как адмирал цур зее и капитан «Ноордкроне» что-то или кого-то выбрасывают за борт. Есть еще перехваченные письма и обнаруженное у родственников адмирала Кальдмеера золото...

– У родственников? Каких?!

– У троюродного брата в Эзелхарде. Тот уже признал, что по просьбе адмирала Кальдмеера в начале прошлой осени принял на сохранение принадлежащее родичу имущество. Какое именно, этот человек, по его словам, не знал.

– Теперь все?

– Возможно. – Голос агарисца предполагал обратное. – Следствие продолжается. Как вы понимаете, предъявить обвинения проще, чем их отместить. То, что адмирал цур зее ездил в Эзелхард, не взяв с собой никого из адъютантов, не секрет. Следовательно, господа Диц и Фельсенбург, даже будучи подвергнуты допросу, положения Олафа Кальдмеера не улучшат. Зато господин Фельсенбург будет вынужден подтвердить, что в тот вечер, когда, по утверждению свидетелей, были убиты рыбаки, он неожиданно для себя самого получил отпуск.

– Это ложь, – ровным голосом отчеканил лейтенант, словно зачитывая приказ. – Генерал Хохвенде знал, когда адмирал цур зее остался один. Остальное доделала подлость.

Зепп и пятерка артиллеристов со второй палубы устраивали пирушку, Руппи проговорился Олафу, и тот прогнал адъютанта к приятелям. Вежливость требовала захватить с собой офицеров Хохвенде, но Фельсенбург предпочел сбежать, не желая портить себе и друзьям праздник. И сбежал, а потом, Леворукий бы побрал эту вежливость, отоврался. Дескать, увольнение для него стало полной неожиданностью, вот он и пошел куда глаза глядят и случайно встретил в городе друзей с «Ноордкроне»... Кто же знал, что ублюдки запомнят и пустят в ход?!

– Подлость может многое, – задумчиво произнес старший из адрианианцев. – Брат Орест...

– Прошлым вечером шестеро неизвестных с повадками моряков, – монах сморщился то ли от отвращения, то ли от боли, – предводительствуемые темноволосым молодым человеком в маске, напали на четверых возвращавшихся домой дворян. В стычке погибло двое офицеров «Звезды веры». Оба были заявлены свидетелями против Олафа Кальдмеера. Что они знали и знали ли, неизвестно. Нападавшим удалось скрыться, однако спутники погибших настаивают на сходстве вожака разбойников с якобы исчезнувшим наследником Фельсенбургов. Те же свидетели передают его слова: «Теперь можете доносить. Леворукому».

Это нападение увязали с позавчерашним двойным убийством на Речной и вчерашним поджогом Морского Суда, рядом с которым опять-таки заметили похожего молодого человека. Был убит стражник. Пожар потушили, но огонь уничтожил большую часть собранных прежними следователями доказательств. Сгорело все, кроме бумаг, накануне затребованных регентом. Так вышло, что уцелели предварительные показания погибших и бумаги, привезенные из Эзелхарда. Один из отстраненных дознавателей крайне удивлен появлением данных документов, но он слишком привязан к своему семейству, чтобы доверить свои сомнения кому-либо, кроме... Создателя. Здание Морского Суда взято под усиленную охрану, а в Большие Дворы и Липовый парк с сегодняшнего полудня можно попасть лишь по личному разрешению регента и фок Гельбебакке.

Брат Орест снова поморщился и снова посмотрел на царапины. Агарисец потянулся к столу и отломил кусок хлеба. Он не собирался ничего предлагать и ничего советовать. Старая игра: первым говорит тот, кому нужнее.

– Отец Луциан, – негромко попросил Руппи, – помогите мне встретиться с герцогиней Штарквинд. Так, чтобы я мог... уйти, если возникнет необходимость.

– Это нетрудно. – Адрианианец сощурился; кажется, он не слишком хорошо видел. – Утром герцоги Штарквинд покинули Эйрехт и отбыли в свои владения. Они следуют со значительным обозом, догнать который не составит труда.

– А Фельсенбурги?

– Герцог и герцогиня также следуют в Штарквинд.

Все, он один. То есть не он один, а Олаф!

– Я могу остаться в Адрианкlostер еще на несколько дней?

– Разумеется, сын мой.

Руппи-Ротгер поблагодарил, вежливо попрощался и вышел. Под дверью сидела Гудрун. Зар-раза!

2

Литенкette оказался достаточно вежлив, он даже не пытался превратить члена регентского совета в курьера, а просить о дружеской услуге сына врага Ричард на месте Эрвина тоже бы не стал. Ноймар отправил свои письма с коренастым молчаливым тенъентом, которого сопровождало четверо солдат. Против их присутствия Ричард не возражал. Попутчики вели себя терпимо, Блор не имел к ним никаких нареканий, а юноше было не до чужаков. Чуть ли не все силы уходили на то, чтобы не оборачиваться и не нахлестывать Сону. Не знай Дикон, что леденящий спину взгляд предназначен всем и никому, он бы не выдержал, но что по силам сыну Рудольфа и его слугам, по силам и Окделлу. Ричард ехал спокойной рысью в середине отряда, и никто ничего не заподозрил, даже Блор, хотя терпеть становилось почти невозможно.

Предположение, что ноша распределяется на всех, просто не все ее чувствуют, подтвердилось. Отряд стал меньше, и давление резко возросло, хотя ощущал его один Ричард. Еще один довод в пользу безродности, но лучше родиться Повелителем Скал и держать на плечах горы, чем ползать у их подножия. *«Лучше быть покойником, чем никем...»* Горькие слова, сказанные в страшный миг, но от этого не менее верные. Альдо умер, как анакс, но жить, как анакс, он не мог. Сделанное Эрнани не исправить, вернее, не исправить Раканам, которых больше нет и не будет. Странно, что потомки Эрнани вообще дожили до нынешних времен, ведь столько родов угасло... Счастье, что уцелели все Повелители, то есть было бы счастьем, если б не Придды. Оставалось рассчитывать разве что на дриксенцев. Если Валентина убьют, Повелителем станет его брат. Сейчас мальчику лет двенадцать... Много. Слишком много.

Дикон помнил каждое слово отца, а наследник Спрутов старше тогдашнего наследника Вепрей, так что надеяться не на что – Скалы примирятся с Ветром, но не с Волнами. Что ж, три стихии всегда обуздают одну, к тому же не самую сильную. Волны разбиваются о Скалы, ими играют Ветра, они не могут причинить вреда Молниям. Да, они хитры и лицемерны, но Придд уже раскрыл свое нутро, второй раз ему не предать. Впрочем, и в первый раз можно было догадаться. Это Альдо с Робером не желали замечать очевидное.

Сюзерен полагался на ненависть Приддов к Олларам; Эпинэ никогда не разбирался в людях и вряд ли уже научится. Литенкette и тот видит больше. Ноймары жестоки, это так, но они – хорошие вассалы. Манлий остался псом Эрнани, даже когда его выслали к торским варварам. Его потомки тоже не предали, хоть и одичали. Псы должны иметь хозяев, иначе они станут волками. Ноймариненов можно уважать, в отличие от Берхаймов или Карлионов. Вассалы Скал... Ызарги, а с ызаргами возможен лишь один разговор!

Юноша брезгливо вздрогнул, вспоминая сожженных Алвой тварей, и вдруг понял, что свободен. Проклятый взгляд исчез, как исчезает ставшая частью жизни боль. Сломанная ключица ныла так долго, что Дикон перестал ее замечать. Однажды утром все прошло, и он не сразу сообразил, почему так легко дышится. Вот и теперь – древние силы отвернулись от

путников. Уснули или, услышав мысли Повелителя Скал, поняли, что их воля будет исполнена?

– Так и будет! – негромко пообещал Ричард, осознавая, как прекрасен этот весенний день. Зелень лугов, небесная синева, светлая лента дороги и солнце, которое словно бы стало ярче... И еще свобода и скорая встреча с Катари. Больше не надо бороться с холодным ужасом и скрывать эту борьбу от солдат. Можно послать Сону в галоп, не становясь ни трусом, ни беглецом. Исполнивший долг рыцарь вправе торопиться к возлюбленной и королеве, а долг исполнен. Более того, столицу не наводнят беженцы, которых так боится Робер и которым Катари отдала бы последнее. Пусть надорцы отправляются в Придду, пусть вступают в армию Рудольфа... Волк защищает Карла Борраску, он и герцог Окделл – союзники, по крайней мере до конца войны.

Ричард потрепал по шее Сону и поздравил Блора.

– Мы слишком медленно едем, велите поторопиться. Я намерен быть в Оллarii не позднее чем послезавтра.

3

Бабушка все уже решила. Она позволит Фридриху убить Олафа, провалить защиту побережья, поднять налоги... Зато потом, после смерти Готфрида, великие бароны пошлют Фридриха к кошкам, и Элиза фок Штарквинд станет матушкой кесаря, а Руперт фок Фельсенбург – племянником, а после смерти отца еще и «братом»...

Руппи схватил злополучный трактат и подержал на весу, борясь с желанием запустить здоровенным томом в стену. Или затопать ногами. Или хотя бы вышвырнуть развалившуюся в солнечной луже кошку. Еще можно опрокинуть умывальный столик, грохнуть кувшин и зарычать... Лейтенант положил фолиант на место, аккуратно раскрыв на последней прочитанной странице, и уселся на подоконник. То, что рассказали адрианианцы, нужно было в проверке, но Руппи с трудом представлял, как и что он станет проверять. Разве что посмотрит на караулы у Больших Дворов, но после драки на Речной их там не может не быть; пожар тоже не придумать, а всему остальному нужно либо верить, либо нет. Руппи верил – все слишком хорошо выстраивалось в кильватерную колонну.

Пока Готфрид был здоров, Бермессер мог только защищаться, зато сейчас... Вышло как у Хексберг, когда явился Альмейда, только место фрошеров заняла апоплексия. Руппи метнулся к столу: сто раз перечитанные страницы открылись сами. Да, все так и есть – если Гудрун врет, Готфрида по сути уже нет. Если не врет и кесарь пришел в себя, шансы на поправку весьма велики. Да, последствия останутся – ну, будет волочить ногу, ну, с речью будет плохо, но он встанет. И спросит уже не только с Бермессера и с Фридриха, но и с дочери. Значит, встать ему не дадут.

Готфрид будет лежать, пока регент не устроит свои делишки, и лежать ему не так уж и долго, от силы полгода. Эти полгода нужны Фридриху, чтобы влезть на трон или хотя бы остаться регентом при Ольгерде. Эти полгода нужны бабушке, чтобы загнать Фридриха в угол. Эти полгода нужны Бруно, чтобы закончить войну и развернуться к Эйрехту. Сейчас никто из них по-крупному не рискнет, разве что речь пойдет о жизни и смерти. Их собственной, но не адмирала цур зее, пусть и лучшего в Дриксен.

С Бруно все ясно: он не станет топить, но и плечо в ущерб себе не подставит, а бабушке чем хуже, тем лучше. Будь фрошеры в силе, герцогиня Элиза задумалась бы, но Талигу сейчас не до драки. Как только Дриксен захочет прекратить войну, она прекратится, и надолго, только регенту мир не нужен, напротив. Значит, Альмейда с Бешеным разнесут побережье, но обвинят в этом Фридриха, тут уж бабушка постарается. С Неистового спросят за все, только позже. Зато ему самому победы нужны немедленно, а не победы, так сторонники и виноватые.

Если Фридрих с Гудрун не прикроют Бермессера, их приспешники разбегутся, а спасти Бермессера можно, только уничтожив Кальдмеера. И только убив Кальдмеера, можно

подбить моряков на мятеж, а мятеж в сердце страны – это отведенные от границ войска и вынужденное перемирие. Ноймаринен это понял. *Что* регенту Талига чужой адмирал, когда на нем висят собственные беды? Бешеному Олафа жаль, но он будет громить Метхенберг, потому что так надо Талигу. Между боями Вальдес выпьет в память бывшего пленника, если получится, отыграется на Бермессере, только Ледяному будет все равно. Даже если его шпагу повесят в дворцовой церкви рядом с мечом Норберта Пика, а так оно и будет. Новый кесарь восстановит справедливость, бывший адъютант адмирала цур зее на подушке внесет клинок покойного в храм, все прослезятся... Проклятье!

Руппи соскочил с подоконника, словно тот загорелся, и закружил по комнате, понимая, что думает не о том. Плевать на фрошеров, на Бруно, на отступивших в Штарквинд родичей! К кошкам их всех, пусть выжидают и заигрывают с соседями, не до них... В суд идти даже не бесполезно – губительно. Фридрих – болван, но болван, заматеревший в интригах, с него станется наказать и Бермессера. Разжаловать или списать по болезни. Один раз скот уже «болел», теперь на него опять найдет помрачение.

Болящего отправят на воды лечиться, а свидетеля спросят про этот кошачий отпуск, и тут, что ни ответ, лучше не будет. И с покушениями не вылезешь, потому что ветер переменялся. Это при Готфриде показания Фельсенбурга тащили на рей Бермессера, теперь они тащат Кальдмеера, следовательно, он и подсылал убийц к адъютанту. Искать того, кто нанял хотя бы Торна, бессмысленно... Либо ублюдок признается в сговоре с Олафом, либо его прикончат, как тех двоих со «Звезды веры», и спишут на «молодого человека в маске»... Леворукий, он опять не о том! Родичи не помощники, в суд идти нельзя, а что можно?!

Солнце, несущая лодки река, дрожащие блики на потолке, книга на столе, на ней – кошка. Моется, раскинув хвост по цветной сине-красной гравюре... Правила кровопускания. Догадайся кто-нибудь пустить Готфриду кровь, все пошло бы иначе! А догадайся кто-нибудь, что Альмейда вернется, что Фридрих сбежит из Гаунау, что Гудрун нельзя отпускать в Эйрехт... Сделанное уже сделано, его не поправишь, как не заставишь кесаря встать. Как же это страшно – лежать и ничего не мочь, а если еще и понимать, слышать, как врут твоим именем, знать, что лучше не будет, только хуже и хуже...

Готфрид умрет, и тут же вспыхнет драка. А если он умрет... теперь, не дав времени никому? Тогда Штарквиндам придется ударить немедленно. Если кесарь не доживет до суда, если наследник Фельсенбургов явится в суд и станет не отвечать, а требовать ответа, бабушке придется вмешаться. Чтобы не потерять моряков и побережье. Чтобы не упустить корону, но это если умрет Готфрид... Рассчитывать на такое нельзя, такое можно только... сделать.

Руппи отпихнул Гудрун и впился глазами в буквы и цифры. Великие врачи подтверждали – если больной в сознании, вероятность пусть и не полного излечения велика. Если сознание не вернулось в первые часы, больной обречен. Он либо претерпевает великие страдания, либо ничего не чувствует, единого мнения на сей счет не существует, но смерть полагается лучшим выходом в обоих случаях. Лучший... легко сказать, но если другого нет? Не штурмовать же в одиночку Морской дом, а во дворец наследник Фельсенбургов войти может.

Гудрун утверждает, что отец в сознании, значит, Руперт фок Фельсенбург может требовать высочайшей аудиенции, и его придется впустить. Как будущего «младшего брата кесаря». Как возможного наследника. Он войдет и увидит все своими глазами, а дальше может быть все, что угодно. Вплоть до просьбы Готфрида о последнем милосердии, если он в сознании. И о последнем милосердии без просьбы, если душа бедняги и так в Рассвете.

«Если больной в сознании, вероятность пусть и не полного излечения велика...» Иногда человек хочет просто жить. Существовать. Дышать. Как разбившийся лейтенант с «Северного ветра»... Готфрид должен быть одурманен, он не поймет, кто перед ним. А если поймет и решит, что это спасение?! Нет, к дееспособному, в самом деле дееспособному кесарю ни Фельсенбурга, ни кого бы то ни было не пустят.

Руппи сосчитал до сотни, еще раз пробежал глазами показавшиеся вдруг красными

строки, потом перевернул страницу. Если у него отберут оружие, придется пережать один из шейных сосудов. Тут должен быть рисунок...

Глава 6

Нижняя Кагета. Гурпо. Бордон

400 год К.С. 18-й день Весенних Молний

1

Дорога петляла среди зарослей, усыпанных настырно-малиновыми цветами роз. В Йерне и Северной Гайифе среди них толкались бы сборщицы лепестков со своими корзинками, в Кагете розы бушевали просто так, не волнуя никого, кроме пчел. Аромат беспризорных цветов был слишком навязчив, чтобы восхищать, а потом к нему примешался смрад падали. Кто-то либо сдох среди роз, либо был убит. «Следящему» за дорогой казарону было на это наплевать, но Карло Капрас с детства опасался брюшной заразы. Маршал прищепил коня, торопясь миновать поганое место, и жестом подозвал артиллерийского капитана, который, будь в этой кошачьей империи хоть какое-то здравомыслие, уже стал бы полковником.

– Ламброс, мне плевать, кто здесь околел, но в *наш* ручей не должно попасть ничего.

– Не попадет, – успокоил артиллерист, – даже если пойдет дождь. Вернее, попадет, но ниже по течению. Только это не последняя падаль в Кагете.

Капрас злобно согласился. Маршал, мягко говоря, не огорчился б, узнав, что военный министр Квано Забардзакис отправлен морисками в последнее плавание в обществе ызаргов и всех членов Военной коллегии, но обида – а она была, никуда не денешься – не мешала Карло заниматься порученным делом. А именно – блюсти интересы империи в Восточной Кагете, благо Хаммаил-ло-Заггаз, в отличие от Адгемара, был очень даже за присутствие чужих войск. От казара, при всей его глупости, командующий гайифским корпусом неприятностей не ждал; Карло тревожили собственные подчиненные и начальство, к счастью оставшееся в Гайифе.

Военная коллегия сделала все, чтобы испортить Капрасу жизнь: под благовидным предлогом – опасность с моря – ему отказали в предоставлении армии, достаточной для водворения Хаммаила в Равиат. Надавали кучу инструкций, а вместо приличных полков – пару батальонов, полк кавалерии, сотню оказавшихся не у дел офицеров и полномочия на набор солдат в восточных провинциях империи. И выкручивайся как хочешь.

Капрас выкрутился. Он зайцем носился по пограничным провинциям, правдами и неправдами подгребая под себя гарнизоны и спешно формируя новые полки. Ни о каком серьезном обучении новобранцев в такие сроки речи не шло, но корпус за зиму маршал сколотил. В его распоряжении оказалось четырнадцать тысяч человек, другое дело, что на армию походили лишь пара кавалерийских и три пехотных полка. Артиллерия тоже не блистала – паонские умники выделили всего два десятка орудий, еще с десятков Карло раздобыл у военных властей пограничья. Хорошо хоть удалось добиться прикомандирования к корпусу офицеров, ранее находившихся в Кагете в качестве наемников. Эти были обстрелянными, толковыми и к тому же знали, а то и любили нелепую страну, в которой отныне решалась маршальская судьба.

Карло это понимал и делал что мог, терпя казаронов и мух и гоняя до восьмого пота девять тысяч новонабранных. К концу весны что-то стало получаться, по крайней мере сегодняшняя ревизия внушала надежды: результаты жесткой, даже жестокой учебы были налицо, и об этом хотелось поговорить.

– Ламброс, как вам показались наши увальни в сравнении с известными вам талигойцами и здешними бацутами? Собственное мнение у меня есть, но мне важно ваше.

– Я понял. «Черно-белые» нам еще не по зубам, но с Лисенком мы вполне можем

потолковать. Только, если позволите...

– Договаривайте.

– Господин маршал, нам лучше не называть кагетов бацутами, пусть и между собой. Они слышат это слово, даже если его никто не произносит. Понимаете, они только начинают кем-то становиться.

– Если начинают, но за предупреждение спасибо. – Карло был согласен уважать и холтийцев с их халатами и верблюдами. В обмен на право назвать Забардзакиса тем, кем тот являлся, но донести в Паону сумеют и отсюда. – Вы уже сталкивались с этим... ло из рода... Сейчас вы меня опять укорите, но на язык так и просится «Курподай».

Ламброс засмеялся. Насколько все же люди, в самом деле воевавшие, приятней наступных всезнаек, сколько б книг те ни прожевали...

– Панага-ло-Виссиф из рода Гурпотай. Этот не обидится. Гайифское произношение – такого объяснения ему хватит. Вот его покойные братья считались вспыльчивыми.

– Значит, Панага лишился вспыльчивых братьев? Похоже, умелый человек.

– Вы ошибаетесь, он был очень предан родичам, но все они погибли на Дарамском поле. Панага принял сторону Хаммаила, чтобы отомстить если не Лису, так Лисенку. Именно поэтому вы можете называть его как хотите.

– Да уж... Любезный Хаммаил и этот Лисенок явно не желают откладывать выяснение отношений.

Ламброс пожал плечами. Сообщения о мелких и крупных стычках приходили все чаще, а столичные умники тупо требовали поддерживать ло-Заггаза и оберегать его драгоценную жизнь, при этом не рискуя своими войсками и, упаси Создатель, не провоцируя этих сумасшедших талигойцев. Капрас едва не ответил на очередной приказ присказкой про поросенка и окорок, но удержался. Недавний плен и проигранная кампания, хоть вины самого маршала в этом не было, располагали к сдержанности.

– Господин маршал, могу я спросить, что сейчас происходит на Побережье?

– Леворукий, вы же из Неванты!.. Сегодня же напишу друзьям, а пока будем надеяться, что раз мориски нас выкинули из своего дома, то и мы сподобимся сделать то же самое.

– Господин маршал, – *так* Ламброс на начальство еще не смотрел, – а в Зегине военными делами заправляли такие же остолопы, что и у нас в коллегии? Если нет, нечего и сравнивать!

Что это? Проверка, о которой через месяц узнает Забардзакис, или злость и страх? Страх за тех, кого оставил дома, злость на подставивших их под удар?

– Я был не в Зегине, а в Фельпе. Оттуда нас не вышвырнули только потому, что взяли в плен, но Неванта ближе к Йерне, чем к Агарису. Давайте рассчитывать на лучшее.

– Благодарю вас. Господин маршал, я должен проверить своих людей. Медерис давно обещал показать, что они там придумали с лафетами. Похоже, у них что-то вышло.

– Вот и езжайте. Вечером доложите, что получилось и получилось ли. Пушки – это то, на что я очень, очень надеюсь. Пушки и вы.

2

Город заняли, армию разоружили. Склады взяли под охрану, равно как и дворцы дождей – и для безопасности оных, и чтоб приглядывать, но это было только начало. К концу третьего дня победы Эмилю пришло в голову, что до капитуляции было легче, а нынешняя тягомотина – изошренная месть бордонов победителям. Рокэ уехал, Марту и Шантэри вдохновенно чесали языками на пока еще предварительных переговорах, и помощи от них не предвиделось. Джильди занялся бордонскими кораблями, хоть за это спасибо. Все остальное повисло на маршале Савиньяке и его доверенных офицерах. День прошел в сплошных разъездах по городу и вокруг, бесконечных разговорах, угрозах, требованиях, а к вечеру принесли письма. Четыре.

Вскрыв послания, Эмиль понял, что хочет в Гайифу, а еще лучше – в Седые земли, но

не отвечать женщине, с которой ты провел хотя бы одну ночь, неприлично, а граф Лэкдеми резвился на вилле Бьетероццо чуть ли не всю зиму. Тогда это ни к чему не обязывало, теперь веселые пленницы стали дочерьми и сестрами знатнейших граждан, а он – очень похоже, что добычей. Эмиль не выдержал и рыкнул на Герарда. Просто потому, что тот, вручая письма, улыбался. Мальчик не имел в виду ничего особенного, но улыбка – любая – в нынешнем маршальском настроении грозила неосторожному взбучкой. Рэй Кальперадо еще дешево отделался. Эмиль отшвырнул шляпу и разложил послания на столе. Все они были нежными и намекающими. Доблестного маршала, благородного Савиньяка и дважды милого Эмиля зазывали в гости, где наверняка таились родственники. Приглашенный немедленно вспомнил девицу Колинъяр, девиц Манрик, девиц Маран и прочих девиц вместе с маменьками и папеньками. Не удержался – помянул Леворукого. Негодяй отмолчался: дескать, сам вляпался, сам и выпутывайся, а я тебе не помощник. Вот лишний раз согрешить – это да, это пожалуйста, но грешить после суетливого дня не тянуло совершенно.

Впавший в раскаяние на предмет былой неводержанности командующий решил искать утешения у интендантов. Введенным в город войскам требовалось где-то размещаться, не ходить же спать в лагерь! Дожам выставили соответствующие требования, теперь следовало вникнуть в результаты. Это было важнее визитов к дамам и стало бы отличной отговоркой, собирайся Савиньяк отговариваться, но он решил принять бой. Не сейчас и не в одиночестве, а с Герардом и Залем, от которого наконец-то будет польза.

Интенданты не подвели, следующей была встреча с начальником городской стражи, которого следовало припугнуть и запрячь, но опять явился Герард. Больше не улыбаясь, порученец доложил, что в Фонтанной гостиной ждет госпожа Скварца. Она только что прибыла, а великий герцог Фельпа в море, и найти его не представляется возможным. Леворукий не только не помог погасить пожар, он плеснул в огонь касеры, но талигойский дворянин и к тому же временный хозяин Бордона не может выгнать к кошкам союзную Талигу особу. Эмиль одернул измявшийся мундир и спустился в комнату с фонтаном, которую про себя успел прозвать дельфинником. Госпожа Скварца почти не изменилась. Тот же траур и тот же жесткий взгляд, что и в прошлый раз.

– Я сразу же вынуждена попросить у вас прощения, – отдельно произнесла гостья. – Я рассчитывала появиться до сдачи города и принести пользу во время переговоров. Вмешательство маршала Алва сделало мою поездку бессмысленной, но мне придется задержаться на несколько дней. Иначе меня неправильно поймут.

– Я счастлив вас видеть, сударыня, – поклонился Эмиль. – Красота и благородство необходимы всегда. Прошу вас, располагайтесь. Я перееду в свою загородную резиденцию.

– Это неразумно, – покачала головой женщина. – Вам лучше находиться во взятом вами городе, а вот я могу поселиться на одной из окрестных вилл. Я не навязчива. Поручите меня кому-нибудь из ваших офицеров и возвращайтесь к своим делам.

– Неужели я вам так неприятен? – галантно спросил маршал, понимая, что ехать все равно придется.

– Вы прекрасно знаете, что нет, – госпожа Скварца тоже была вежлива, – но я представляю, сколько у вас забот. Вы заняли чужой город, а мы всего-навсего разогнали Дуксию, но я в первый раз выпалась через две недели.

– Я не надеюсь выспаться, но провожу вас я и никто другой. Вы прибыли морем, следовательно, у вас нет кареты?

– И не нужно. Я поеду верхом. Слуг и сундуков у меня не так уж и много, их можно доставить позже. Вы дадите мне лошадь? Только не самую норовистую.

– Разумеется, сударыня.

3

В замке обнаружили паонский курьер и пара посланцев Хаммаила, в ожидании маршала смывавших в купальне дорожную пыль. Мысленно пожелав им плескаться

подольше, Капрас взялся за письмо. Судя по дате, оно добиралось на три дня дольше прибывших вчера предписаний Военной коллегии. Старый друг, плевать хотевший на недовольство облезлых штабных крыс, среди всего прочего сетовал, что талигойцы ухитрились выдернуть засевшую в их столице занозу. Друг, которому и в голову не приходило, что Карло знает меньше его, ставил годовое жалованье против бутылки кагетского, что Дьегаррон на Олларию теперь не пойдет. Кэналлийцу остается либо далекий север, либо близкий юг. То есть гайифская Левкра или Кагета. Карло прогнал курьера отсыпаться, нехорошо выругался и плюхнулся в кресло с дурацкими резными ручками.

Новости были гадостными сами по себе, но то, что они поступили через задницу, пугало. Как бы в коллегии ни относились к «фельпскому неудачнику», такое от командующего корпусом умышленно не скрывают. У не нюхавших настоящей войны столичных красавцев – серьезные неприятности, не иначе, вот голова кругом и пошла. Не сегодня завтра жди приказа о спешном марше на Побережье, так что ввязываться в драку с Лисенком нельзя ни в коем случае. При этом последний паонский рескрипт требует защищать не только Хаммаила, но и занятые тем провинции, а Талигу во главе Кагеты нужен Баата, и только Баата. Вот и «не провоцируй»...

– Бацута! – обозвал маршал здорового, потрясавшего секирой орла. Орел остался от сгинувшего при Дараме казарона. То ли прямых наследников у орлиного хозяина не было, то ли они переметнулись к Лисенку, и Хаммаил отдал ставший бесхозным замок дорогому гостю и союзнику. Вместе с полчищами слуг и усатых ночных жуков, черных и рыжих. Жуки не кусались, только шуршали, но Капрас все сильнее склонялся к мысли, послав к кошкам вежливость, поставить во дворе замка палатку или перебраться в основной гайифский лагерь, благо тот был неподалеку. Покинуть орлино-жучиное гнездо мешали нежелание пускать в лагерь казаронов с их подношениями и пятнадцатилетняя Гирени, которой среди вояк делать нечего: не Зоя. Впрочем, корову в ботфортах и бешеные огурцы Карло вспоминал с куда меньшей злостью, чем собственное начальство. Фельпскую кампанию загубили в Паоне, а свалить попытались на пленного маршала и утонувшего союзника. Не сохрани Капрас письма военного министра и не пообещай переправить их старине Дивину, с карьерой пришлось бы распрощаться навеки. Конечно, Кагета была отливом, но в отлив, не боясь замочить ноги, можно наполнить не одну корзину. Карло принял назначение, и пока все складывалось сносно. Хаммаил не мог идти против командующего имперским корпусом, как сам Капрас в свое время не шел против Забардакиса и дожихи. Теперь у маршала были полномочия. Море полномочий...

По стене что-то побежало: смотреть, что именно, гайифец не стал. Явился адъютант – местных слуг Карло в свой «кабинет» не пускал, – сообщить, что в обеденном зале все готово и мытые казароны уже там. Капрас попросил назвать имена. Адъютант, оттрубивший в Кагете три года, старательно, по слогам, произнес. Гайифских союзников осчастливили тот самый Панага-ло-Виссиф «Курподай» и некий Бушуша-ло-Марзук, привезший личную просьбу Хаммаила, очередные достижения местной кухни и, разумеется, вино... Сколько же его пришлось за эти месяцы перепробовать, и ведь каждый казарон считает, что самое лучшее дают именно его виноградники. Что ж, надо идти и пить. Капрас поднялся, кресло заскрипело, точка на стене вновь пришла в движение.

– Будь я моложе, – сообщил маршал адъютанту, – я бы набивал руку в стрельбе по бегущим жукам. Мы ведь считаем их жуками, не так ли?

– Да, хотя они быстры, как... тараканы.

Капрас засмеялся и отправился к гостям. Того, что громоздилось на столах, достало б на всю Военную коллегию. Пахло умопомрачительно, а маршал изрядно проголодался, хоть и не настолько, чтобы, совершив непоправимую стратегическую ошибку, наброситься на еду. Он уже понял, что есть в Кагете, если ты хочешь выжить и вернуться домой, нужно в восемь раз медленнее хозяев. Только тогда ты имеешь шанс досидеть до конца обеда, не лопнув.

– Господа, – веско произнес Капрас, – я рад вас видеть. Я помню, что в цветущей

Кагете гость пьет вино хозяина, но хозяин пьет вино казара.

– Перед вами – гордость пронизанной солнцем Пакампы, – возвестил «Курподай». На гайи поднаторевший в торговых сделках кагет изъяснялся отлично, а к местному акценту Капрас уже привык. – Казар наш, да увидит он крушение врагов и ликование друзей, посылает его вместе со своим словом.

Если хочешь жить среди иноземцев и не чувствовать себя дураком – выучи их язык, но Карло Капрас чужие слова запоминал с трудом даже в детстве, и у него было слишком много дел с корпусом. Хорошо хоть все попадавшиеся маршалу кагеты знали если не гайи, то талиг, а познания в кагетском самого Хаммаила вызывали у Капраса серьезные сомнения. И, видимо, не у него одного, иначе с чего бы послания казара шли на местной тарабарщине, к которой прилагались носитель слова казара и переводчик. В данном случае – «Курподай».

Носитель, плотный казарон в малиновом, встал и возопил, вновь напомнив о Зое. Капрас, выказывая внимание, дипломатично наклонил голову. Из вопля родился поток. В Гайифе расписывать полученные шишки почиталось дурным тоном, в Кагете жаловаться любили. Это раздражало, хотя повод для сетований на сей раз имелся веский. Владения пяти видных сторонников Хаммаила, в том числе и малинового Бушуши, подверглись нападению натравленных Баатой «барсов».

Бушуша размахивал руками и захлебывался подробностями – «Курподай» с трудом успевал переводить. Все было кошмарно: кровь, пожары, разрушенные жилища, вдовы и сироты... Одного дружественного Гайифе казарона изрубили на куски в самом буквальном смысле этого слова, другой сгорел при пожаре. Спасшиеся рассказывают о бирисских бесчинствах такое, что в жилах стынет кровь. Понятно, что коварный Лисенок хочет запугать южных храбрецов. Также понятно, что у него это не выйдет, южные храбрецы не предадут своего Хаммаила и не обманут доверие великой и благородной Гайифы, но как же тяжело слышать про обрушившиеся на цветущий край беды!

Хаммаил-ло-Заггаз созывает казаронов на большую встречу, где будет решено, как дать отпор Баате и стоящим за его спиной черно-белым убийцам, а на доблестного Карло Капраса с надеждой взирает вся Кагета. Его воины одним своим присутствием отпугнут кровожадных «барсов» и внушат уверенность сподвижникам благородного Хаммаила...

Дальше можно было не слушать. Карло покосился на адъютанта, и тот чуть прикрыл глаза, подтверждая правильность перевода. Над Кагетой висела война, а в Гайифе она, судя по всему, уже шла, и нужно было решать, в какую яму прыгать и что спасать: казара, отечество или себя.

4

– Вы были очень проникновенны, – заметила госпожа Скварца. – Очень.

Эмиль поставил бокал и расхохотался. Обещание суда скорого и немилосердного для всех мародеров, грабителей, насильников и прочих нарушителей дисциплины можно было назвать по-разному, но проникновенным?! Франческа тоже улыбнулась, чем-то напомнив мать.

– Мне предстоит долгий путь, сударыня, – пояснил свою проникновенность Савиньяк. – Я не могу допустить безобразий во вверенной мне армии. Всяких... обалдуев можно распустить за пару дней, а в чувство их приводить – месяц.

– Распуститься можно и в один вечер, – задумчиво произнесла собеседница, – особенно если этому способствуют. Мне неприятно говорить о некоторых вещах, но союзники нуждаются в вашем внимании не меньше солдат. Я знаю фельпских моряков, и я, хоть это меня не украшает, узнала, что могла, о бордонских девицах. И первые, и вторые... готовы на многое.

– Представляю. – Он в самом деле представлял, и до недавнего времени воспоминания о Бьетероццо казались приятными. – Город очень большой, я вряд ли успею его изучить, да, признаться, и не стремлюсь. Здесь нужны свои. Я как раз собирался поговорить с главой

местной стражи...

– И тут появилась я, – подсказала собеседница. – Мне остается еще раз принести свои извинения и напомнить, что я отнюдь не требую внимания к своей персоне. Сейчас уже поздно, но завтра вы займетесь начальником бордонской стражи, а я переговорю с урготами. Они уже предложили помощь с размещением вокруг города застав?

– Да. Блокада есть блокада.

– И она должна приносить доход всем, а не только Фоме. Вы, военные, редко думаете, откуда берутся деньги, а для нас, торгашей, победы и поражения – это сделки. Они должны быть удачными. Теперь – возмущайтесь.

– Я это уже сделал... Лет десять назад. Друг нашей семьи граф Валмон сказал нечто подобное. Мы почти поссорились.

– Почти?

– С Бертрамом поссориться как следует можно, только если он захочет этого сам. К тому же мой брат и моя мать согласились не со мной, а с графом.

– Виконт Валме – его сын?

– Да.

– Я на него обижена. Буду весьма обязана, если вы доведете это до сведения виконта. Он обещал мне свои стихи, но так и не написал ни единого письма. Даже здесь.

Вряд ли ей, теперешней, нужны чьи-то письма, тем более Валме, просто гостя пытается быть вежливой и не говорить за десертом о делах.

– Разрешите мне заступиться за Марсея. У него совершенно не было времени. Валме и Алва появились тринадцатого днем, ночью мы уже штурмовали бастион, потом начались переговоры... Разные. Виконт Валме уговаривал герцога Джильди, а это, как вы понимаете, непросто.

– Вы ошибаетесь, это как раз просто, хоть и требует много времени. Вы, конечно, не знаете, кому помогал Валме – Талигу и Урготу или Талигу и Фельпу?

– Не знаю. Сударыня, я обязательно напишу Валме о вашем приезде.

– Вряд ли это случится скоро. Благодарю вас за приятный вечер и за этот дом. Он тоже очень приятный. Не буду вас больше задерживать, ведь у вас, – женщина улыбнулась и прикрыла глаза, – укрепления, порт, арсеналы, склады с продовольствием и снаряжением, иные места, которые могут стать центрами сопротивления или, наоборот, – опорой для занявших город войск. Я ничего не забыла?

– Нет... Сударыня, вы очень похожи на мою мать. Она тоже все это знает. И тоже сумела заняться делами после... Когда осталась одна.

– Наконец-то я услышала достойный комплимент. Мы еще увидимся?

– Без сомнения.

Женщину, молодую женщину, нельзя сравнивать с пожилой, как бы ты ее ни любил и как бы сходство ни било в глаза! Женщине нужны письма, даже если не нужен тот, кто их пишет. И цветы ей тоже нужны. Всегда и везде.

Эмиль сбежал с террасы; сумерки уже превратили сад в темную чашу, но маршал помнил, где росло нечто высокое и разноцветное. Мать любила сирень, жасмин, любые цветущие ветки, но все, кроме роз, уже отцвело, а розы здесь были неважные. Можно было погнать за цветами Герарда, но Эмиль велел порученцу ждать с лошадьми. Высокое и цветущее нашлось быстро, а сочные стебли ломались на удивление легко. Отец бросал цветы матери в окна или, если окна были высоко и под ними не имелось деревьев, к ногам, но это было бы слишком. Граф Лэкдеми просто вошел в гостиную. Госпожа Скварца все еще сидела у стола с недопитым вином и ощипанным виноградом.

– Сударыня, я не знаю, как называются эти цветы, но им место рядом с вами.

– Дельфиниумы. – Женщина тронула синюю стрелу. – Ничего удивительного, что я напоминаю вам матушку. Рафиано стали талигойскими графами, но Померанцевое море не отпускает никого. Куда удивительнее, что вы... напомнили мне Муцио. Спасибо, и... прошу вас уйти.

Глава 7
Талиг. Придда. Тарма
400 год К.С. 19-й день Весенних Молний

1

Наверное, это называлось отдыхом. Новостей и приказов от командующего не поступало, неотложных дел не имелось. Можно было следовать совету врача и пребывать в покое, но покой тянул за собой мысли о Бруно и мешках под глазами Вольфганга. Вчерашние посиделки с Анселом, Берком и Карсфорном тоже радости не прибавляли, вернее, радость, конечно, была. От хорошего вина, от встречи, от того, что их решение – а это было их общее решение и общий успех – спасло армию, но законная гордость не мешала видеть очевидное: Бруно с превосходящими силами на южном берегу Хербсте, инициатива у него, а старания Альмейды особого влияния на ход кампании не оказывают. То ли у дриков нашлось, чем прикрыть побережье, то ли кесарь решил давить там, где давится.

Жермон подкрутил усы, сгреб со стульев и стола непонятно как заползшие туда вещи и бросил на койку. Обычно генерал порядком не злоупотреблял, но взгляды Ойгена оставляли стойкое ощущение выволочки, а теперь добавился Придд. Дождаться, когда они в четыре глаза уставятся на какую-нибудь миску или рубаху, Ариго не собирался. Велев ординарцу прибраться, генерал, прихрамывая, вышел на улицу и понял, что опять сыграл на опережение. Задержись он на три минуты, и Ойген получил бы повод напомнить о том, что выздоравливающему не следует засиживаться с подчиненными за полночь, но следует проветривать спальню.

– Ты собрался на прогулку, – сделал вывод бергер, – и это очень кстати, потому что я хочу тебе представить твою новую лошадь. Она находится в расположении моего корпуса. Ты должен ее осмотреть и принять, после чего нас ждет обед. Я слишком злоупотреблял твоим гостеприимством, кроме того, ваш повар не очень хорошо готовит говядину.

– Я как-то этого не заметил, – отмахнулся Жермон, – но тебе виднее.

– Ты вообще редко думаешь о себе. Это ошибка многих делающих дело людей, которая в конечном счете сказывается и на самом деле. Лизоб утверждает, что садиться в седло тебе рано, но до моей квартиры ты дойдешь без вреда для себя.

– Разумеется, дойду. – Ойген просто так не говорит ничего. Сказал, что позаботится о лошади, и вот вам лошадь. – Тем более чтобы познакомиться с результатами твоих стараний. Я привык к торской породе.

– Торская порода хороша в Торке, а эта кампания будет протекать на равнине. Я остановился на полумориске шести лет от Мародера известного тебе Хорста и трофейной зильберской кобылы. Надеюсь, ты не питаешь предубеждений против гневной масти...

Предубеждения Жермон питал разве что против буланой, и то потому, что в юности предпочитал эту масть прочим. Еще одна глупость. Думаешь, что воюешь с прошлым, а оно все еще настоящее, а когда становится прошлым, война заканчивается. Незаметно и навсегда.

– Ты еще не узнал, за что меня выставили из дому?

– Нет, и это мне очень многое портит. Я вижу три причины, по которым могли убить Юстиниана Придда, но я не нашел ни одной, по которой твой отец мог лишиться тебя наследства. Он мог бы изгнать Ги и Иорама, если бы знал, что из них получится, но не тебя.

– Ги не было и шестнадцати, а Иораму... Леворукий, я забыл, когда он родился!

– Не думаю, что тебе нужно это вспоминать. Твои братья могли успеть стать мерзавцами, но им в их годы не хватило бы умения обмануть зрелого человека. Значит, это сделал кто-то другой. Твой отец приходил в ярость, получая письма из Олларики. Возможно, причина кроется в них, но если в письмах содержались порочащие тебя сведения, их должны

были проверить. Гвардией командовал генерал Понси, его никто ни о чем не спрашивал, и он, невзирая на скандал, дал о тебе блестящий отзыв.

– Даже так? – Длинный придирчивый генерал, который не понимал шуток и впадал в ярость из-за малейшей ерунды, Понси никому не давал блестящих отзывов. Так, по крайней мере, считалось.

– Понси написал твоему отцу, требуя объяснений. Он не получил ответа и собирался при первой возможности отправиться в Ариго отстаивать твою честь и честь гвардейского мундира. Предлагаю продолжить наш разговор за обедом. Смотри. Вот тот, с белым чулком на правой задней.

Смотреть лошади зубы и ноги после того, как ее одобрил Райнштайнер, было даже не невежливо – глупо. Жермон просто взял у конюха морковку и протянул стройному гнедому жеребцу с такими густыми и длинными гривой и хвостом, что в их обладателе впору было заподозрить линарца. Конь угощение принял. Он казался спокойным и смышленным, а с учетом того, кто его выбирал, таковым и являлся. То, что нужно генералу с простреленным бедром, собирающемуся завтра же проверить свой корпус.

– Как его зовут? – Жермон предложил гнедому вторую морковку и понял, что хочет в седло. Прямо сейчас.

– Его зовут Барон. – Райнштайнер довольно улыбнулся. – Я не буду против, если ты иногда станешь называть его Ойгеном, но постарайся не пить с ним на брудершафт.

Это несомненно было шуткой, и Жермон засмеялся.

2

Лошади могут многое, в том числе и гасить дурные предчувствия. После знакомства с Бароном даже начавшаяся кампания стала выглядеть привлекательней. Жермон еще разок растрепал черную гриву, подтвердил, что коня надо доставить именно в дом меховщика на Крайней улице, и с удовольствием огляделся.

Бергерский лагерь являл собой кусочек Торки, отчего настроение стало еще лучше. Никаких домов, только поставленные в раз и навсегда заведенном порядке вокруг флагштока палатки. Бирюзовые мундиры, золотой крутобокий кораблик в солнечном небе, знакомая громкая речь.

– Тот, кто отобрал у меня имя и отца, подарил мне Торку, – вдруг признался Жермон. – Это больше, чем я потерял. Теперь я это вижу.

– В таком случае тебе нужна жена с толстыми светлыми косами и много родственников. – Райнштайнер все еще был склонен шутить. – Я очень сожалею, что у меня нет сестры подходящего возраста, но после войны я обо всем позабочусь.

Шутка? Как бы не так! Ойген обещал лошадь и нашел. Теперь он станет искать полную белокурую девушку и тоже найдет. Большого бреда в жизни Жермона еще не случалось, но генерал понял, что готов жениться по выбору Райнштайнера хоть сейчас. У него появится толпа здоровенных белобрых родичей, а в Гайярэ можно построить почти бергерский замок. Там даже холм подходящий есть, а старый дворец лучше не трогать: он принадлежит мертвецам. Пусть спит среди своих маков, туда нельзя возвращаться, как нельзя тревожить прошлое.

– Ты внезапно стал таким серьезным, – напомнил о себе Райнштайнер, разрушив еще не построенный дом на Кошачьем Камне.

– Я же в гостях у бергеров, – торопливо усмехнулся Ариго. – С кем поведешься...

– Это не так, твои мысли внутри тебя. Здесь и сейчас нет ничего серьезного. – Длинный баронский палец указал направо, где пара здоровенных горцев усердно выпихивала друг друга из довольно-таки кривого круга. Рядом, подбадривая борцов, топтались бергеры и несколько кавалеристов Гирке. Кто-то на кого-то ставил, кто-то отвечал...

– Предлагаешь присоединиться?

– Если ты готов отложить обед.

– Я предпочту телятину. Сделать ставки можем позднее.

Лагерь шумел, веселый бирюзовый лагерь, где собралась люди, равно готовые обедать, бороться и убивать. Они здоровались и улыбались, показывая крупные белые зубы, Жермон отвечал и думал о доме, но не так, как обычно. Не сожалея, не злясь, не желая доказать или вернуться, просто вспоминалось маковое море, бьющееся в холмы, и чиркающие о плиты террасы ласточки, белые и черные. Чем темнее становится несущее грозу небо, тем ниже летают птицы, тем ярче горят в лучах невидимого солнца красные цветы и белый алвасетский мрамор...

– Пфе!

Несуществующие тучи развеялись, светящийся белый камень сменили опрятные палатки. Жермон потряс головой и понял, что у него колотится сердце. Ну не дурак ли?! Хотя после ран, после серьезных ран, бывает и не такое.

– Это интересно, – сообщил позабытый Ойген. – Интересно с двух сторон сразу.

– Даже так? – скрыл свое замешательство Жермон и понял, что барон говорит не о нем. Ну кто станет оглядываться на вдруг примолкшего приятеля, когда впереди фыркает, топает ногами и тычет указательным пальцем Ульрих-Бертольд, возмущенный разворачивающимся перед ним двойным поединком.

Райнштайнер быстро пошел вперед, Жермон похромал следом. В одном из бойцов он уже узнал Валентина, фехтовавшего с кем-то из молодых Катершванцев. С кем – генерал, естественно, понять не смог. Плечистый белоголовый парень ловко управлялся с клинком, но Валентин превосходил противника, немного, но превосходил! На первый взгляд, Придд дрался как всегда, Жермон узнавал отдельные приемы, в том числе и свои собственные, и все же это был совсем другой поединок! Сдержанность, холодность, расчет – это да, это никуда не делось... Но вдруг появившийся напор, словно парень что-то доказывает... Кому? Потрясающему кулаками непарному барону? Себе? Сопернику?

– Пфе! – возопил Ульрих-Бертольд и топнул ногой. – Норберт, фиконт! Фы биться есть или фальять туракофф?

Виконт? Конечно же, виконт, в нем все и дело! Засмотревшись на Придда, Жермон не обратил внимания на вторую пару. Весьма примечательную. Второй молодой Катершванц, точная копия первого, фехтовал с Арно, стяжав негодование Ульриха-Бертольда. Вполне заслуженное, и не из-за слабости, о нет! Дело было в любопытстве – и бергер, и особенно Арно больше интересовались соседями, чем собственным противником.

– Фы так и будете протафать глаза?! Это нефозможно глядеть без злез!

Это было если не невозможно, то забавно. Виконт Сэ демонстрировал чудеса гибкости и изворотливости, лишь бы хоть краешком глаза видеть, что происходит у однокорытников. Будь Норберт сосредоточен на схватке, виконту б не поздоровилось, но близнец, к очевидному неудовольствию заслуженного родственника, держался не лучше Арно.

– Я не шелаю такое глядеть есть! Пфе! Фы не бойцы; фы – любопытные фороны!

– Не хочешь заключить пари? – Ойген по примеру Арно любовался на первую пару. – Четыре к двум.

– Ставишь на земляка?

– На полковника Придда.

– Близнец тоже хорош...

– Ты принимаешь пари?

– Нет. Я жадничаю.

Катершванцу приходилось туго, но поколебать дух достойного сына гор не могло ничто. Парень стойко защищался, временами пытаясь огрызаться. Выучка у него была отличная, сила и скорость выше всяческих похвал, но Валентин выглядел опытней и, главное, разнообразнее. И, раздери его кошки, он был нацелен на победу в каждом своем движении, даже самом простом.

– Ты – хороший учитель, – одобрил Ойген. – Но Придда нужно научить спокойствию. Это придется делать мне. Так ты не принял пари?

– Пфе! Я не могу тальше финосить зей балаган! Норберт, фиконт, фон из плаца! Я недофольен... Я ф ярости!

3

Арно и Норберт не ушли: стало незачем. Все закончилось после решительной и бурной атаки. Атаки не Придда и даже не Жермона, а... почти Вальдеса! Бергер пропустил пару легких ударов, которые, дерись обалдуи без колпачков, были бы отнюдь не безобидными, но основные угрозы сумел парировать, после чего отскочил назад и поднял шпагу. Возмущенное фыркание старого бойца заглушило стук клинков и завершилось громогласным: «Перерыф!»

Фехтовальщики остановились. Бергер почесал взмокшую спину, Валентин пригладил волосы и расправил воротник рубахи. Он запыхался, хоть и не слишком.

– На фас мощно змотреть, – решил Ульрих-Бертольд. – Это уше мошет быть! Фы работали, а не ловили форон.

Валентин вежливо поклонился. Сперва барону, затем – противнику, а тот внезапно расплылся в улыбке.

– Ты очень хорошо прибавил после Лаик, – объявил он. – Я твою руку больше совсем не знаю. Я буду рад узнавать ее снова.

– К твоим услугам. – Если Валентин и хотел победить, то не для того, чтобы водрузить сопернику лапу на грудь. – С разрешения господина барона, почту за честь.

– Фы мошете играть звоими зубчистками и звоими любьезностями в тругих местах, – не преминул уточнить тот. – Здесь на фечер фы имеее работать тобрым для фоителя орушием.

– Боюсь, у меня нет ничего, кроме шпаги. Я постараюсь найти, но не уверен, что успею.

– Фы тва раза фыходили из окрушений, – проявил осведомленность грозный старец, – и не мошете иметь для зебя много фешшей. Ф моем обозе я имею фсе нушное, и фы его получите. Наука идет фам фпрок, но это пофот не для задирания носа, а для трута. Отшень польшого. Фы готовы?

– Да, господин барон.

– Вас я шду. А фот фы! – Перст Катершванца ткнул в сторону второй пары. – Фы в фехтофальном мастерстве, фидимо, префсошли фсе науки и тостигли фсех фысот. Отпрафляйтесь в ярмарку змотреть шонглероф, лизать летенцы и зкакать на теревянных лошатках.

Заклейменный Норберт опустил глаза, но перед этим успел подмигнуть братцу. На особо трепещущего он не походил, но и бодаться с разъяренным воителем не рвался, а вот Арно не выдержал.

– Трудно улучшить высокое мастерство, – изрек он, обращаясь к товарищу по

несчастьем. – Полковнику Придду проще. Я не помню, каким он вышел из Лаик, но точно не первым и даже не четвертым.

– Восьмым, с вашего разрешения. – Придд слегка поклонился. – Мне казалось, вы должны помнить. Вы еще в Лаик очень внимательно следили за поединками, в которых не участвовали лично.

Арно вздернул подбородок. Он знал, что ответить, мешало некстати припершееся начальство. Жермон огляделся по сторонам в поисках камня или бочонка, на который можно было присесть. Не нашел и отчего-то разозлился. Лаикские приключения молодняка генерала занимали мало, но настроение почему-то портили. Не потому ли, что провожать «унара Жермона» в Торку не пришел никто из болтавшихся в столице однокорытников? Впрочем, он никого не звал.

– Я вышел из Лаик фтором перфым! – напомнил о себе Ульрих-Бертольд. – Я зтал перфым-перфым в оружейном зале, таким перфым, что прошие нунушности фроде малефания и фиршей мне не мешали. Мне есть зтранно, што фы фыходили фосьмой, Йоганн – пятый, а Норберт – фторой. Это есть ошень похоще на нешестности...

– Я занял то место, которого стоил, – вступился за честь «жеребьячьего загона» Валентин. – Именно поэтому позволю себе не согласиться с виконтом Сэ. Достигнутые в Лаик успехи не мешают как росту, так и падению. Хочется верить, что здесь присутствующие выбрали рост. Сегодня Йоганн парировал довольно сложные и опасные удары, которых я в Лаик не знал.

– Та-та, это так есть, – счел своим долгом подтвердить Ульрих-Бертольд, хотя его никто не спрашивал. – Но фся опасность их кончается, когда начинается настоящий бой. Тругое тело, што ф Лаик требуется фладеть именно шпагой. Успехи на танном попритше тают фыпускное место. Ф мои фремена перфый яфлялся настоящим перфым!

– В нашем выпуске первое и второе место определили описательные науки, – объяснил Валентин. – В фехтовании Эстебан Колиньяр и Норберт Катершванц были равны, но следующие номера в самом деле назвала шпага.

– Это телалось шестно? – Ульрих-Бертольд желал знать и не желал успокаиваться.

– В том, что касается меня, без сомнения. – Придд очередной раз слегка поклонился. – Я был заметно слабее Норберта и Йоганна и не знал приема, которым меня победил Эдвард Феншо.

– Теперь тебе Эдвард не соперник! – засмеялся Йоганн. – Но еще остаемся я и Норберт. Ведь так? Было бы красиво собраться всем нашим в Лаик и смотреть, кто теперь первый, а кто фосьмой!

– Это невозможно. – Валентин аккуратно убрал шпагу в ножны. – Первым в нашем выпуске навсегда остался Эстебан Колиньяр.

– Потому что я поступал не должным образом! – Разом покрасневший Йоганн топнул ногой не хуже знаменитого родича. – Я отдавал свое место тому, кого считал обиженным другом, но я был не прав, пропуская такие простые удары... Это сделало первым Колиньяра. Я сбивал все места, и мне давно хотелось это признавать.

– Уступить свое место – не значит занять чужое. – Арно хлопнул бергера по плечу. – Я бы, дерись я с Окделлом, тоже уступил. Назло Свину и... нашему скромному графу Медузе.

– А я теперь думаю, что Берто правильно не давал Окделлу третье место. Дружба не считает, даже если дружба кончилась, но мы с Норбертом много вспоминали. Мы хотели понимать, где было начало. Окделл брал сперва от нас пяти Старую галерею, потом от меня – выход в четверку, потом от других людей много всего и привыкал...

– Мы не знаем, что думал и думает Ричард! – Арно бешено сверкнул глазами. – Я бы посоветовал не делать этого за него, по крайней мере в моем присутствии. До нашей встречи Окделл мне друг, а после мы все решим сами. Наше место зависит не только от умения владеть шпагой, но и от... умения владеть совестью.

Арно спорил с Йоганном, глядя на Придда, но ответил ему Ариго. Не мог не ответить. Потому что вспомнил, так вспомнил, что сам чуть не выхватил клинок.

– Никто не мешает тебе верить в друга. – Именно так все и было. Те же слова, те же мысли, только предателя звали иначе, предателя, которого держали в друзьях! – Но встречаться с «другом Ричардом» ты один не пойдешь. Твой отец тоже ехал к другу...

– Ты устал? – Ойген замечал все, заметил и то, что «друг Герман» сейчас взорвется. – Затронутые нами предметы требуют прояснения, но меньше, чем твоя рана – отдыха и уже приготовившееся мясо – съедения. Удачно, что я могу сообщить всем присутствующим одну новость. Маршал Запада испрашивает у регента для полковника Придда орден Талигойской Розы. Бои у форта Печальный Язык разрешили имевший место в Старой Придде спор, и пора развесить все трофеи по стенам. Прошу всех ко мне.

– Ты должен рассказать нам про свой подвиг! – загорелся Йоганн. Норберт озабоченно взглянул на Арно, тот пожал плечами.

– О делах полковника Придда расскажет генерал Ариго, – уточнил Ойген. – Это будет очень полезная закуска, а потом мы будем есть телятину, а виконт Сэ – свою шляпу с любой из имеющихся у меня подлив.

Арно залихватски сдвинул обреченную шляпу набекрень, он не собирался сдаваться. Ульрих-Бертольд фыркнул, зачем-то попробовал ногой твердость площадки и засопел. Близнецы переглянулись. Придд щелкнул каблуками.

– Мой генерал, – ровным голосом доложил он, – условия пари можно трактовать и так, что я не только должен принять участие в сражении, но и остаться до конца года подданным Талига. У шляпы виконта Сэ еще есть время.

– В таком случае телятину будут есть все, – постановил уставший от препирательств Ариго. – Лично я голоден, как тысяча кошек.

– Это – признак выздоровления. Прошу всех присутствующих.

Сопенье прервалось. Катершванц окинул ястребиным оком двоих генералов, полковника и троих тенъентов.

– Я хочу узнавать, это есть приказ или есть приглашение, от которого можно отказываться? Если так, прошу принять наши изфинения. Я и мои молодые ротственники не мошем присутствовать. Йоганн имеет отрабатывать парирование утара, через который его победили в Лаик, а Норберт телать этот утар.

– Но послушайте! – брякнул Жермон, прежде чем понял, на что себя обрекает в случае согласия. – Почему именно сейчас? И почему они не могут отрабатывать это сами?

– Фосмездие толжно зледовать по звешим слетам! Я узнавал, что Йоганн проявил нешестность, а Норберт помог ее укрывать. Они не заслушивают хороший обед в обтшестве фойтелей, они заслушивают хорошую работу с клинком под толшным надзором.

– В любом случае вы скоро будете обедать у меня. Все. И это уже будет приказом. Если вам нужен приказ маршала, он будет.

– Фы есть шутник, молотой шеловек. Феселые генералы украшают армию, когда они не есть тураки. А фы ошень не есть. Норберт с Йоганном придут тогта, когда будут тостойны, а я принимаю фаше приглашение, но я не пью фаше кислое фино, а только тоброе яшменное пиво.

– Пиво будет, – заверил Жермон. – Валентин, вы что-то хотите?

– Мой генерал, я хотел бы присутствовать на уроке.

– Если господин барон не возражает.

– Фы мошете, не спрашивая, присутстфовать на фсех уроках, но змотреть не значйт понимать. Фам зледует найти себе пару. Если этот фиконт зпособен не глазеть по зторонам, а змотреть на протифника...

– Способен, – заверил внезапно развеселившийся Ариго. – Тенъент Сэ, вы составите пару полковнику Придду.

– И не забудьте о защитных колпачках, – напомнил Райнштайнер. – Вы слишком заметные молодые люди, а начавшаяся кампания слишком серьезна, чтобы между вами могло иметь место непонимание. Дружба всегда с нами. Вражду помнящие присягу офицеры откладывают до конца войны, но непонимание создает неприятную и двусмысленную

обстановку. Когда двое не понимают друг друга, от них расходятся дурные круги. Идем, Герман. Твоей ноге наконец нужен отдых.

Жермон кивнул. Сесть и в самом деле не мешало, хотя... Хотя еще больше не помешало бы помахать шпагой или хотя бы посмотреть, как это делают другие. И верхом проехаться тоже было бы неплохо, и жениться... Жизнь полна таких возможностей, что умирать, болеть и проигрывать войны просто неприлично.

– Теперь ты улыбаешься, – заметил Райнштайнер, – но ты пригласил на обед Ульриха-Бертольда, а это опасней Бруно со всеми его маневрами. Пиво я, конечно, тебе пришлю, но это все равно отчаянная и излишняя храбрость.

– Я знаю, – кивнул Жермон и прислушался.

– Я шелаю знать фсе подробности, – гремело за спиной. – Какие утары пропускал Йоганн? Какое место занимал тот, кто их наносил? И как он принимал такой польшой и некрасивый потарок?..

Глава 8

Дриксен. Эйнрехт. Талиг. Вараста. Ежанка 400 год К.С. 19—20-й день Весенних Молний

1

Ночью Руппи окончательно понял, что не сможет убить Готфрида, если тот в сознании. Фридриха, будь тот четырежды родичем и шестнадцать раз регентом, лейтенант прикончил бы без колебаний; уродов вроде покойников с Речной, хоть больных, хоть мертвецки пьяных, – тем более, а Готфрида – нет. Не потому, что кесарь, потому, что смерть непоправима. Подлецов, особенно сильных, можно и нужно убивать при первой же возможности, но отбирать жизнь у неплохого человека, пока тот дышит и надеется... К Леворукому!

Лейтенант вскочил, зацепив дрыхнущую Гудрун, и от избытка чувств распахнул во всю ширь окно. Текла река, светили звезды, все было издевательски спокойно: садись и пиши стихи... Вот ведь пропасть! Руперт вцепился руками в подоконник и высунулся едва ли не по пояс, пытаясь почувствовать ветер, но тот спал. Река, та хоть и медленно, но жила, играя тоже живыми звездами, остальное вязло в безветрии, как в какой-то смоле.

Чем дольше Руппи смотрел, тем меньше ему нравилась заполонившая Эйнрехт ночь. Она больше не казалась покоем. Так тяжело и тупо спят по канавам пьяные моряки, вводя в искушение нечистых на руку прохожих. Руперт отвернулся от недоброй черной дыры, заставляя себя думать о спасении Олафа как о расчете курса. Прежний оказался неверным, нужно проложить новый...

Не убить Готфрида, а освободить от Гудрун? Стать его языком и руками? Ага, так ты в одиночку кесаря и освободишь! Это не удар милосердия, это мятеж. Пока Готфрид жив и молчит, Фридрих регент. Пока жив Фридрих, Гудрун от него не оттащишь! *«Как прикажет мой кесарь...»* Вот ведь пакость! Неистовый в библиотеке оказался мóроком, Гудрун с ее готовностью хоть ползать на четвереньках, хоть держать в плену больного отца и лгать его именем была настоящей. Дева Дриксен... Всеобщее сокровище, за которым не видать ни тихонькой мачехи, ни хвораго единокровного брата.

Принцессу можно резать на куски, она станет орать про своего Фридриха, а до того не доберешься... Разве что послать вызов, да так, чтобы скот не смог отказаться, не став всеобщим посмешищем. Прекрасно! Ты убьешь Фридриха, а Гудрун казнит Олафа. Не из ненависти к адмиралу цур зее, а из мести. Вот будет Олаф в безопасности, тогда с Неистовым и поговорим. Регент мнит себя великим бойцом? Ну так он себя и полководцем считает, сколько б его фрошеры ни колотили. Павлин недоделанный! Продувает кампанию за кампанией, не складывая хвоста, и принимается искать виноватых. Сейчас, надо думать,

виноваты тесть с женой, но об гаунау обломаешь зубы, вот Фридрих и прячет свой позор в хексбергской беде. От Олафа регента не оттащишь, и думать нечего! Он не только дерется за трон, он срывает зло. Если Бруно повезет в Придде, Фридрих вовсе взбеленится. Жаль, у придурка хватает ума не соваться в Южную армию; фрошерские пули до ставки регента, конечно, не долетят, но есть ведь и не фрошерские.

Мечтать, как Фридрих при помощи Бруно убирается в Закат, а безутешная Гудрун глотает отраву, Руппи себе запретил – с тем же успехом он мог это делать в Фельсенбурге под маминой юбкой. Лейтенант прошелся по комнате, хлебнул все еще тепловатого шадди и утвердился на подоконнике, болтая ногами над ползущей сквозь сон рекой.

Странный адрианианец стал бы отличной мишенью для засевшего на проходящей барке стрелка, но по ночам Эйна пуста – сборщикам пошлин тоже надо спать. Руперт болтал ногами и думал, то возвращаясь к убийству, то шарахаясь от него. Это не был выбор между Готфридом и Олафом, потому что наследник Фельсенбурггов давно выбрал, просто выше головы не прыгнуть. Войти в спальню, подойти к кровати, зарезать беспомощного человека и соврать, что тот сам попросил, Руппи не мог. Он не фок Марге и не полковник, с которым схлестнулся Арно. Эти, с поджатыми губами и холеными ногтями, врут как режут и режут как врут.

Фок Марге не постесняется ударить кинжалом хоть Фридриха, хоть Гудрун, лишь бы вылезти из ямы, и ведь вылезет! Бабушка позволит подонку переметнуться, как Ноймаринен и Алва позволили переметнуться этому... Придду. Руппи сам удивился, что вспомнил не только физиономию фрошера, но и имя, а потом понял, что не вспомнил, а нашел, и едва не завопил от радости.

То, что талигойский подонки сделал, спасая свою шкуру, Фельсенбург сделает, спасая своего адмирала, а осужденных в Талиге и Дриксен возят одинаково – карета и конная охрана. Десятка три, не больше: Эйнрехт – город спокойный. Главное – внезапность, подходящее место для засады и люди. У Придда был полк, но бабушка своих «зверюг» не даст, и не надо! «Дриксен верит своим морякам». Моряки спасут своего адмирала и свою удачу.

Решение пришло, и Фельсенбург сразу же успокоился. До Метхенберг четыре дня пути, но уложиться можно и в два, были бы деньги на сменных лошадях. Нескольких колец и оставшегося от убийц золота на дорогу хватало с лихвой, но сам заговор требовал немалых расходов, и лейтенант решил занять под будущий титул. Прежде раздающие обязательства наследники вызывали у Руппи презрение, теперь другого выхода не оставалось.

Лейтенант подсел к столу и принялся считать. Это было его первое одиночное плавание, и подготовиться к нему следовало основательно. Требовалось не только найти людей, но и доставить их в Эйнрехт, где-то устроить, обеспечить всем необходимым, от оружия до пива. Нужны были верховые лошади, закрытая повозка для Олафа, оружие, порох и подходящий корабль. Стоимость фрахта Руппи представлял смутно, но рискнуть «своей посудиною» уважающий себя шкипер согласится только за *очень* хорошую плату. Руперт помнил имена тех, кто ходил с дядей Мартином к Седым землям, но времени на поиск в северных портах не оставалось. Значит, придется платить еще и за «чужое море»...

Итоговая сумма впечатлила. Руперт пересчитал, понял, что не ошибся, и принялся собираться – оставаться в Адрианкlostер дольше, чем требовалось для разговора с аббатом или отцом Луцианом, смысла не имело. Сборы закончились сожжением расчетов. Огонек погас, и комната, в которой он прожил несколько дней, сразу стала чужой и равнодушной. Делать здесь больше было нечего, но до рассвета оставалось часа четыре, а садиться в седло всяко лучше отдохнувшим.

– Подвинься! – велел Руперт развалившейся на подушке Гудрун и, подкрепив слово делом, спихнул захватчицу с кровати. На полу кошка не задержалась, но вновь сгонять ее засыпающему лейтенанту было лень.

Бочка еще в Тронко завел новую моду, а может, вернулся к старой, алатской. По утрам жеребец валялся в леваде, «радуя» приглядывавших за безобразником адуанов коркой грязи на стремительно округлявшихся боках. Адуаны, как и положено, ругались. Кое-что Матильде запомнилось, и ее высочество потребовала разъяснений у Дьегаррона. Маршал не покраснел только по причине болезни, но объяснил, что «кыкра кыкна» у бакранов означает мелкого мясного козла, находящегося на пределе вожделения. Вот так всегда: узнаешь что-нибудь славное, а пускать в ход поздно. Как бы пригодились «кыкры» в Агарисе, когда на овдовевшую принцессу набросились холостые и вдовы дружки Анэсти! Матильда, конечно, им объясняла, кто они есть, но по-бакрански оно звучало бы лучше. Принцесса вполголоса – не смущать же болтающихся позади охранников – повторила смачные слова и свернула на единственную не забитую людьми, лошадьми и козлами дорогу – к сожженной таможене. Пусть упрямые цветы и вернули в Ежанку людей, совсем уж на пожарище строиться не стали.

Новая таможня красовалась возле форта, остатки старой заплело что-то выющееся и колючее. Уцелело бревно-скамейка возле то ли речонки, то ли канавы, кусты сирени и посаженные матерью убитого капитана ирисы и паонии – белые, розовые, темно-красные. Тяжеленные цветы пригибали стебли к земле, будто невеста венок бросила... Свой венок Матильда не бросала: Анэсти алатские дикарства не одобрял, а она умудрялась одновременно смотреть красавчику-принцу в рот и волоочь его к алтарю. В Соловьиный на Рассвет стукнет сорок восемь лет, как она испортила жизнь себе, Адриану и... Анэсти, потому что лягуху с ужихой счастья не видать.

На раздавшийся позади топот Матильда не обернулась, просто отвела Бочку к обочине, вернее, попыталась. Обленившийся, отъевшийся и обнаглевший рысак решил отбить задом по первой из догонявших лошадей. Не удалось. Передний всадник – Дьегаррон – осадил гнедого и учтиво приподнял шляпу. Рядом кучей чернел Бонифаций, позади гарцевала охрана.

– Проминаю, – не стала вдаваться в подробности принцесса.

– Худо проминаешь, дочь моя! Конь всаднику – не свинья мяснику, не жена мужу и не пастырь Создателю, чтоб телесами и дурью сверх меры прирастать. Так какого сына кошачьего ты дурью маешься и слюни пускаешь?! Держи скота своего, наконец, в шенкелях и в поводу!

– Сама знаю! – сказала принцесса, выпрямляясь в седле. – Господин маршал, я согласна помогать вам на переговорах, но не выслушивать нравоучения еретика и невежи.

– Ересь глаголет твоими устами, – зевнул Бонифаций, – а также гордыня и упрямство ослиное.

– Сударыня, – маршальский жеребец оттеснил мерина вместе с восседавшим на нем хряком, – мои люди могут проминать вашего рысака ежедневно.

– Благодарю. – Вежливый Дьегаррон отчего-то бесил сильнее наглого Бонифация. – Вы, если я не ошибаюсь, куда-то ехали?

– В ближний лагерь. – Кэналлиец неожиданно улыбнулся. – Это ждет. Сударыня, мы надеемся увидеть вас на празднике. Только не говорите, что в Алати забыли Летний Излом!

Соловьиная ночь это, а никакой не Излом! В Соловьиную поют да любят, в Золотую – любят да пляшут, только она отплясалась...

– Маршал, сколько вам лет?

– Мне? – Дьегаррон удивленно раскрыл и так немалые глаза. – В Осенние Молнии исполнится сорок три.

На четыре года младше Эрнани. Мальчишка! Лаци и то на год больше...

– Сударыня, мой возраст имеет какое-то значение?

– Никакого. В этот ваш Излом стукнет сорок восемь лет, как я вышла замуж. Можете прислать мне по этому случаю белены. Вы загородили мне дорогу.

– Простите, сударыня. Так мы вас увидим?

– Твою кавалерию, нет!

Бочка сдал вправо, обходя охранников, и весело побежал к пожарищу. Он любил паонии и не терпел топтаться на дороге, да еще с эдакой тяжестью на спине. Соловьиная ночка все и загубила, и еще дурак Адриан, обвенчавший парочку, вместо того чтоб голубочка вытолкать взащей, а голубку выдрать вожжами и... больше не отпускать.

3

Руппи был спокоен, потому и проспал. Зверски. В другой день лейтенант бы себя обругал, но заключенное с самим собой перемирие мешало злиться. Гудрун и та не бесила, к тому же сегодня кошка лезла к нему последний раз, а дальше – прощай, шерсть и плаксивые вопли. Правда, оставались переговоры с кредиторами. Лейтенант отнюдь не был уверен, что адрианианцы ссудят нужную сумму. «Львы» почитались столь же богатыми, сколь и «единороги», но истинное богатство деньги считает, а не расшвыривает. То, что за авантюру Руперта фок Фельсенбурга заплатят родичи, вызывало сомнение, как и то, останется ли он наследником, или великие бароны лишат беглого преступника родового имени. Пусть не навсегда, а до полной победы Элизы над Фридрихом, но так ли эта победа очевидна аббату Адрианкlostер? Одно дело – оказать услугу третьему из домов Дриксен, другое – пойти против какого-никакого, а регента. Ничего, спасуют монахи, сунемся к мастеру Мартину. Старик поверит, а не поверит, так рискнет.

На всякий случай – вдруг поможет? – Руппи спустился в нижнюю часовню поставить свечи, где и нарвался на отца Луциана. Вот и говори после этого, что святые совсем уж бесполезны.

– Я хочу вас поблагодарить, – лейтенант еще за завтраком решил ничего не скрывать и при этом ни в чем не признаваться, – и попросить помощи.

– Какой, сын мой? – проявил военную деловитость агарисец.

– Мне нужно в Метхенберг, а вы говорили, что одинокие путешественники с моими приметамы рискуют. Кроме того, я хотел бы занять не менее двенадцати тысяч золотых кесарских марок. Я постараюсь их вернуть, но с моей стороны было бы ложью...

– Не думаю, что *такие* дела следует обсуждать в храме, – заметил святой отец, и Руппи понял, что деньги у него будут. – Сегодня хорошая погода даже для южанина. Спустился к Эйне.

Они спустились. Речная вода кошкой терлась об уходящие в глубину ступени – прошла тяжелая баржа. Слабенькие волны, да и те сейчас сойдут на нет... Отец Луциан уселся на верхней площадке, Руппи пристроился рядом.

– Эйрехт всегда был таким? – спросил адрианианец.

– Каким? – не понял лейтенант. – Я здесь давно не бывал.

– Тогда вы тем более заметите, если что-то изменилось. Я не о том, что болтают в тавернах.

– Не знаю, – Руппи беспомощно уставился на монаха, – я не задумывался, и потом... Меня хотели убить, я беспокоился об адмирале цур зее.

– То есть вас что-то тревожит, но вы относите это за счет неприятностей? Попробуйте подумать.

Руппи честно попробовал. Он не радовался встрече с Эйрехтом, но ничего плохого не случилось. Стражник у пушки, мастер Мартин с его «Тем-Самым» вином, матушка Ирма... Славные люди, очень славные, разве что у ворот стало муторно, но с этим все просто: родич кесаря не привык толкаться и ждать.

– Нет, – честно признался лейтенант, – я ничего не заметил, разве что шпионов, но это как раз понятно.

– Это как раз понятно, – задумчиво повторил отец Луциан. – Что ж, будем надеяться на лучшее. Вы знаете, что в Дриксен аббатства не могут снабжать деньгами никого, кроме своих собратьев, короны и опекаемых ею богоугодных заведений?

– Конечно, – подтвердил Руппи, – но я слышал, что ордена нарушали кодекс Людвига.
– Ордена нарушают все кодексы, а некоторые – и собственные уставы. – Южанин невесело усмехнулся. – Но мы обойдемся без нарушений. Деньги дам я. Странствующий епископ, неотягощенный никакими кодексами, кроме Адриановых заповедей. Это мое право. Я должен лишь знать, для чего вам нужны средства, и счесть эту цель благой и совместимой с целями ордена. О том, что святой Адриан считал исповедью, мы уже говорили.

Можно соврать, можно сказать полуправду, можно признаться. Агарисец знает довольно, чтобы догадаться самому. Вернее всего, уже догадался и решил рискнуть, потому и разговор наедине.

– Ваше преосвященство, вы знаете, что случилось в Олларии?

– Там много чего произошло и происходит. Кое о чем мы еще поговорим.

– Один аристократ, которому полностью доверял Альдо Ракан, со своими людьми напал на конвой герцога Алва и освободил его по дороге из суда.

– Об этом я слышал. – Отец Луциан отнюдь не выглядел удивленным. – Операция была проведена блестяще во всех отношениях. Вы хотите отбить своего адмирала, но у вас нет людей, и вы решили нанять их в Метхенберг.

– Не совсем так, – не стал скрывать Руппи. – Спасти адмирала цур зее – долг любого моряка. Деньги пойдут на лошадей, оружие и фрахт. Мы не можем оставаться в Дриксен, пока Фридрих регент.

– Хорошо, что вы это понимаете. Я боялся, что вы собираетесь добить кесаря или убить регента. Это неразумно и невозможно, разве что явиться во дворец, имея за спиной армию.

– У меня нет армии, – хмуро сообщил Руперт. – Я достаточно знаю об апоплексическом ударе и надеюсь, что кесарь поднимется. Готфрид поверил Олафу, мы всего лишь дождемся настоящего суда. В Седых землях.

– Святой Адриан принял бы вашу сторону. Священником «Ноордкроне» был мой духовный брат. Да станет он вашим ходатаем и поручителем.

– Спасибо, отец Луциан.

– С деньгами мы решили. Теперь Метхенберг. Я намеревался посетить этот город и в день святого Торстена отслужить заупокойную службу по всем достойным, погибшим в Устричном море. Мы выезжаем вечером.

– Я еду с вами. Если, конечно, это возможно.

– Разумеется, *брат Ротгер*.

Глава 9 Талиг. Оллария **400 год К.С. 20-й день Весенних Молний**

1

Вепри на воротах встретили хозяина золотистыми искрами, словно улыгнулись. Даже странно, каким живым может стать металл. Радостно блеснули окна, знакомо простучали по добросовестно выметенным плитам копыта... Как же все-таки чудесно возвращаться домой! Ричард ожидал чего-то подобного от встречи с Надором, а нашел разруху, нотации и холод. Старый замок был тосклив и болен, стань он человеком, ему бы не захотелось жить. Может, поэтому Надор и рухнул? У всего есть предел, даже у Скал, а хранить родовое гнездо оказалось некому – Щит был отдан Манлию...

– Что нового, Эмиас? – Дикон не нуждался в отчете, он просто наслаждался встречей. Старые тополя во втором дворе и те казались родными.

– Все хорошо, монсеньор, – камердинер не позволил бы себе фамильярности, даже начнись пожар, – все ваши распоряжения выполняются. Граф Штанцлер...

– Он здоров?

– Граф не приглашал к себе врача.

Эр Август не будет откровенничать с камердинером, но врачей старик любит. Раз не приглашал, значит, все хорошо.

– Монсеньор, осмелюсь доложить...

– Церковь заперта?

– Как вы приказали.

– Откройте. Немедленно...

Золотистый сумрак прихожей, тщательно натертые ступени, багряный, прижатый медными прутьями ковер. Лестница в безукоризненном порядке, как и сам храм. Ни пылинки. Лампады полны масла, в вазах свежие цветы, а ведь хозяина ждали не раньше, чем через десять дней. Эмиас не Джереми и вряд ли закроет господина собственной грудью, но слуга он образцовый.

– Все в порядке, монсеньор?

– Да.

– Монсеньор...

– Все в порядке, спасибо.

Да, все в порядке, если не считать пустой ступеньки. На ней лежал меч Ветра и должен был лежать, пока его не поднимет Карл Борраска. Конечно, во дворце реликвия в безопасности, но Рамиро доверил ее Окделлу. Собрату по верности.

Меч Боррасок и кинжал Алана становились залогом союза Скал и Ветров. Залогом Чести и искупления. Алан ошибся, обвиняя Рамиро. Ошибся и Ричард, отдав меч Альдо. Рыцарь, у которого украли даже балладу, обратился к потомку своего невольного убийцы, а тот не понял, как не понял некогда сам Алан. Предок верил в благородство Эрнани, потомок – в избранность Альдо. Зря.

Усилием воли юноша оторвал взгляд от пустого, чистого мрамора. Стоящий за спиной Эмиас расценил это по-своему.

– Прикажете подать домашнее платье? И что заказать повару?

– Что заказал граф Штанцлер?

– Сваренного на пару цыпленка и овощи. Монсеньор, граф Штанцлер уехал. Ему назначена аудиенция у ее величества.

– Когда?!

– Не могу знать. Дворцовый курьер прибыл около полудня. Граф Штанцлер оставил письмо.

– Принесите.

Катари все же простила! Ссоре конец, хотя какая это ссора? Все они, как могли, приближали победу Раканов, и не их вина, что Кэртиана отвергла бывших избранников. Теперь, убедившись в этом, можно искать иные пути, не становясь предателями. Они со Штанцлером убедились, а Катари... Женщине не место на войне, даже лучшая из женщин никогда не поймет, чем живет мужчина. Она станет жалеть проигравших и защищать узников только потому, что те в цепях.

– Письмо, монсеньор.

«Мой мальчик, я вынужден нарушить данное тебе слово и поспешить на зов моей королевы. Я никогда не усомнюсь в ее сердце и буду счастлив отдать ей те силы, что у меня еще остались, но я слишком много знаю о некоей графине и слишком не доверяю некоему генералу, чтобы уехать, не простившись с тобой, как если б я покидал твой кров навсегда.

Я не сомневаюсь, что письмо Ее Величества подлинное, я, слава Создателю, еще не разучился распознавать подделки, иначе ни меня, ни Катарину Ариго давно не было бы на свете. В том, что мы поймем и простим друг друга, я тоже не сомневаюсь, но обратно я могу не вернуться. Не думаю, что упомянутые мной генерал или графиня, которая прибывает уже завтра, пойдут на убийство, но они достаточно влиятельны, чтобы вернуть меня в Багерлее или же вывезти из города, заручившись приказом кого-либо из

будущих регентов. Я опасюсь, что аудиенция связана с подобным требованием. Однажды Ее Величество уже спасла мне жизнь, было бы слишком самонадеянно рассчитывать на это вновь, тем более что тайного выхода из апартаментов королевы нет.

Если я внезапно скончаюсь или же бесследно исчезну, знай: все, чем я еще владею, переходит к тебе. Это немного, но Окделлы небогаты, особенно после гибели Надора и в случае возвращения даров Альдо в казну. Единственная из принадлежащих мне вещей, что завещана не тебе, это шкатулка с монограммой «А», которую тебе передаст один из моих друзей, ныне находящийся в отъезде. Это память о великой женщине, и она должна перейти к ее соотечественникам. Мне следовало передать ее раньше, но к старости мы не только начинаем бояться смерти, но и становимся сентиментальными. Перечитываю свое письмо и убеждаюсь в этом еще раз. Надеюсь, мальчик мой, что я вернусь и сожгу его, если же нет, прими мое благословение. Я одинок и бездетен, но в тебе вижу своего сына, только много лучшего, чем я смел бы надеяться. Будь счастлив и не оставляй Ее Величество одну, ей больше некому довериться.

Твой эр Август...»

Ричард перечел письмо дважды, но эта задержка была единственной. Не прошло и десяти минут, а юноша уже сидел в седле. Стук ворот, отскочивший от бронзовых вепрей луч, сорвавшаяся в галоп Сона... Он должен успеть, значит, он успеет!

2

Сверкая благородной сединой, его крысейшество выказывал свои претензии. Обоснованные, ведь хозяин нагло провел вне дома без малого трое суток. Конечно, случались и более длительные отлучки, но исключительно по служебной надобности, с которой Клемент был готов мириться. Как крыс узнавал, чем занят и занят ли его человек, оставалось загадкой, но усталого маршала Клемент встречал дружелюбным писком, а удачливого любовника – возмущенным верещанием. Подношение, хоть и не было отвергнуто, сердца его крысейшества не смягчило. Клемент грыз печенье, не переставая браниться. Он был прав, но Эпинэ прощения просить не стал.

– Да, – твердо сказал он, – я ночевал у друзей, а тебе там не место. Эвро съест.

Клемент заверещал громче, и Робер торопливо убрал со стола недопитый бокал – пребывая в расстроенных чувствах, крыс сбрасывал на пол все, что было ему по силам. В первую очередь то, что бьется.

– Все равно не возьму, – отрезал маршал Талига, трогая приколотую к камзолу гвоздику. Утром золотистый цветок украшал тот самый будуар, где в Зимний Излом Эпинэ сцепился с висельниками, а весной стал неприлично счастлив. И в счастье этом не было ничего лихорадочного, пьяного, обреченного, что накатывает на людей перед бурей или войной, заставляя в считанные дни, если не часы, сжигать всю отпущенную тебе радость. Эпинэ собирался жить долго и спокойно с женщиной, которую любил и которая любила его.

Коко не уставал повторять, что жаждет видеть дорогого друга и дорогую жену счастливыми, Катари обещала поторопить барона и события, не возражали даже Никола с Сэц-Арижем. Единственным недовольным оставался Клемент. Эпинэ водрузил обиженного друга на плечо и вышел из кабинета, чтобы едва не налететь на сопровождаемого Жильбером коренастого ноймара.

– От графа Литенкете с письмом и устным докладом, – объявил Сэц-Ариж, – тенъент Варнеке. Говорит, не голоден.

– И ты веришь?

– Не верю, – засмеялся адъютант.

– Ну так накорми. Тенъент, дело потерпит еще полчаса?

– Я уполномочен передать письмо, ответить на ваши вопросы и доставить ответ.

– Давайте письмо, и – обедать! Жильбер, потом подашь нам вина. В чем-нибудь, что не бьется.

– Да, монсеньор. – Сэц-Ариж со значением глянул на крыса и повел ноймара вниз. Рассказ о проделках Клемента гостю был обеспечен. Эпинэ погладил героя рождающихся на глазах легенд и вернулся к рабочему столу. Письмо он вскрыл на ходу.

«Мой дорогой друг, – начало вызывало воспоминание о Коко и улыбку, хотя дружба в понимании маленького барона и сына Рудольфа разнилась, как Эвро и Готти, – пользуюсь случаем и пишу тебе с дороги. Сперва о деле, которое привело меня на берега Лукка. Я подробно расспросил беженцев, и я совершенно не удовлетворен объяснениями, которые мне предоставил Окделл, хотя они и опираются на научные авторитеты. Завтра я переправлюсь через реку и осмотрюсь на месте. Что до беженцев, то во исполнение приказа Первого маршала Талига и в связи с положением, в котором находится Оллария, я принял решение перекрыть столичный тракт и заворачивать людей на запад. Полагаю, отец это мое решение одобрит, пока же рассчитываю на твою помощь и прошу подкреплений. Появление в пределах Кольца Эрнани значительного числа лишенных средств к существованию крестьян ляжет на столицу куда более тяжелым бременем.

Считаю необходимым поставить тебя в известность и о некоторых событиях, хоть и не столь впечатляющих, как твое путешествие из Алата в Эпинэ, но любопытных. Начну с того, что по дороге к Лукку я, герцог Окделл и четверо моих людей (один из них передаст письмо и ответит на твои вопросы) ощущали нечто необычное. Окделл чувствовал на себе чей-то неприязненный взгляд, но этот молодой человек страдает излишней впечатлительностью и все, с чем встречается, примеряет исключительно к своей персоне. Лично я ощущаю лишь некое напряжение. Это чувство сходно с тем, что возникает перед грозой и, в меньшей степени, перед сражением. Именно это ощущение мешает мне поверить в то, что оползни и обвалы в Надорах вызваны разовой причиной и остались в прошлом.

Другие чувствующие, кстати все они состоят в родстве, жалуются на смутную тревогу и испытывают нежелание ехать дальше, однако это не затрагивает животных, а именно животные, в первую очередь собаки, предупредили беженцев о приближающемся бедствии.

Вторым заслуживающим внимания событием стал визит все к тому же Окделлу двоих выходцев. В одном из них он опознал бывшего капитана Лаик Арнольда Арамону, второй, вернее, вторая отрекомендовалась капитаном Гастаки. Окделл о существовании этой дамы не осведомлен, но я про нее слышал. Сестра бордонского дожа, она командовала одним из галеасов, была взята в плен у берегов Фельпа и исчезла при загадочных обстоятельствах. При всем богатстве своего воображения Окделл не обладает пророческим даром; остается предположить, что он видел капитана Гастаки на самом деле.

Я своими руками трогал покрывшиеся плесенью мебель и белье, кроме того, в спальне Окделла стало холодно и промозгло. Плесень и могильный холод сопровождают выходцев, но я никогда не слышал, чтобы они являлись к посторонним им людям с предупреждениями об опасности, а именно это и сделала капитан Гастаки. К сожалению, из ее слов, как их запомнил Окделл, понятно только одно: Олларии грозит что-то дурное, и это дурное можно предотвратить. Это вполне согласуется с мерами, принятыми Первым маршалом Талига, и может служить подтверждением его правоты. Тем не менее советую тебе лично расспросить Окделла о визите выходцев, возможно, ты поймешь больше меня.

Теперь о герцоге Окделле как таковом. Я догнал его сразу же за Кольцом Эрнани. После совместного путешествия и участия в столь неординарном событии, как встреча с выходцами, я готов признать твою правоту. Окделл не является заговорщиком в прямом смысле этого слова, он достаточно смел, прямодушен и вполне пригоден для воинской службы, хотя не думаю, что достигнет на этом (равно как и на других) поприще больших высот. Полагаю, чем раньше Окделл окажется в действующей армии, тем для него будет лучше. Нынешняя кампания не сулит нам ничего хорошего, но те, кто покажет себя должным образом в летних боях, избавятся от любых пятен на репутации. Именно

поэтому я бы на твоём месте, не дожидаясь разрешения ситуации в Оллари, измыслил предлог и отослал Окделла в распоряжение моего брата Людвига, возглавляющего оборону перевалов. Направлять твоего протеже в армию фок Варзов мне представляется неправильным из-за отношений, связывавших Окделла с Альдо Раканом и Рокэ Алвой.

На этом заканчиваю с деловой частью моего письма и обращаюсь к тебе как к другу и одному из ближайших родственников Ее Величества. Я считаю своим долгом поставить тебя в известность о том, что глубоко и давно люблю твою кузину.

Я бы никогда не позволил себе выдать свои чувства, если б не трагические события последнего года и не намерение Ее Величества принять постриг. Я решился вступить в спор за ее сердце хоть с Создателем, хоть с Леворуким и буду бороться. Я понимаю, что надежд на успех у меня еще меньше, чем у фок Варзов в начавшейся кампании. Мне удалось убедить Ее Величество принять приглашение моей матери, и это мой единственный шанс. Я знаю, что Ее Величество пригласила графиню Савиньяк, и опасаясь, что это обстоятельство вкупе с тоской по Эпинэ заставит Ее Величество предпочесть юг северу. Прошу тебя, если мысль о подобном союзе не вызывает у тебя отторжения, поддержать кузину в намерении погостить в Ноймаре. Разумеется, я никогда не позволю себе переступить черту допустимого, но другой возможности у меня не будет. Если ты когда-нибудь любил, ты меня поймешь.

Граф Литенкетте.

Твой друг Эрвин вне зависимости от того, какое решение ты примешь».

Можно подумать, кузены что-то решают! Будь Катари просто вдовой Фердинанда, было бы проще, но она любит... Ну и что? Год назад Роберу казалось, что для него нет и не будет ничего, кроме осени в глазах Мэллит, сегодня он едва помнит бедную девочку. Катари тоже может разлюбить и полюбить вновь. Она – человек, весна может прийти и к ней.

Эпинэ плеснул в серебряный стаканчик воды – поставить начавшую увядать гвоздику, открыл письменный прибор, ничего не понял, а потом расхохотался. Одиноким крыс отомстил коварному изменнику – все перья были тщательнейшим образом изгрызены. Та же участь постигла и стопку подаренной мэтром Инголсом бумаги с золотым обрезаем.

– Ты наказал сам себя, – строго сказал Робер. – Я поеду писать письма к Марианне.

Его крысейшество понял и удалился в корзинку с печеньем. Гордо и по самый хвост.

3

В Парадной приемной, кроме двух дежурных дам и охраны, торчал лишь Карваль, и это Ричарду очень не понравилось. Юноша почти не сомневался, что коротышка был соглядатаем Дорака. Это прекрасно объясняло, почему чесночник успевал туда, куда хотел, и задерживался, когда это вредило Альдо. Опоздать в Дору, исчезнуть из города во время бегства Алвы, привести Моро в Ноху, не поставив в известность Эпинэ...

Иноходца, как оказалось, предупредил Мевен, а Блор удивлялся тому, что лопнула подпруга, затягивал же ее Карваль. Мориск подпускал к себе лишь двоих, но маленький генерал и не подумал остановить взбесившегося коня, хотя это являлось его прямым долгом. Аресту тех, кто был верен Альдо, он тоже не помешал.

Если б не королева, коротышка предоставил бы гнить в Багерлее даже своему «монсеньору», но отказать вдове Оллара олларовский прихвостень не мог. Он переметнулся на сторону Катари и теперь лез вон из кожи, заслуживая ее похвалы, но говорить и даже стоять с ним рядом было противно.

Дикон взял у девицы Дрюс-Карлион «Книгу аудиенций» и вписал свое имя сразу же за эром Августом. Беседа только началась, и Дикон совсем уже собрался пойти в буфетную и перекусить, но что-то заставило юношу вновь взглянуть на запись.

Граф Глауберозе.

Граф Штанцлер.

Герцог Окделл.

Все. Никаких Карвалей, но чесночник здесь и ждет. Не королеву – эра Августа, и ни к чему хорошему это не приведет. В лучшем случае старика оскорбят, в худшем его ждут допрос или новый арест. Если Карваль раздобыл приказ Ворона, Катари его не отменит. Она считает всех, кто боролся с Талигом Дорака и Алвы, виновными, даже себя. Оставалось одно: перехватить эра Августа и вывести из дворца, а если потребуется, из города. Действовать следовало немедленно, но не привлекая внимания. Ричард беспечно улыбнулся, захлопнул книгу и подошел к Карвалю.

– Здравствуйте, сударь. – Вблизи чесночник казался еще ниже, но плечи и шея у него были бычьи. – Рад вас видеть, что нового в Оллarii?

– Добрый день, господин Окделл. В городе спокойно. Вас не ждали так быстро. Вы сделали все, что желала ее величество?

– Разумеется. – Отчитываться перед Карвалем Дикон не собирался, но свое присутствие следовало объяснить. – Дело вышло проще, чем думалось. Я разрешил графу Литенкете заворачивать беженцев в Придду и открыть на берегу Лукка вербовочный пост, о чем и намерен доложить сразу же после вас. Сколько времени вы пробудете у ее величества? Я хотел бы повидать Мевена.

– Я не просил об аудиенции.

– Ее величество сегодня дурно себя чувствует. Я не уверена, что она примет кого-нибудь, кроме графа Штанцлера. Ему было назначено заранее, но ее величество едва не отменила аудиенцию. – Дрюс-Карлион вечно встревала, когда ее не спрашивали, но сегодня это пришлось кстати.

– В таком случае спросите, когда герцог Окделл может доложить о результатах инспекции.

– Конечно, сударь, – подросла на помощь вторая дама, незнакомая и не очень молодая. – Вы будете у виконта Мевена?

И эта все слышала... У этих дам слух, как у сов, и столько же привлекательности.

– Благодарю вас, сударыня. До свидания, генерал.

Небрежно выйти, свернуть к лестнице, спуститься на пролет, оглянуться... Комнаты Мевена – прямо, выход к Весеннему садику сразу же под ними. Вряд ли кто-то заметит, где свернул герцог Окделл, – на служебных лестницах теперь почти пусто. Одинокiй слуга с вазой занят своей ношей, по сторонам он не смотрит. Только бы не вышел Мевен! Не вышел, а теперь бегом вниз. Ниже на ступенях нет ковров, здесь ходят только камеристки и лакеи. Проклятье, тут никогда не было стражи!

– Дайте пройти.

– Только с разрешения виконта Мевена или в сопровождении кого-либо из свитских ее величества.

Королеву Талига стерегли меньше, чем регента; королева Талига мешала временщикам, зачем охранять помеху?

– Вызовите графиню Рокслей.

– Ждите.

Караульные доложат, кто входил и выходил, но не чесночному недомерку и не сейчас. Когда эр Август будет в безопасности, пусть доносят – чем больше бездельников узнает, кто напрямую вхож к ее величеству, тем лучше. Катари не могла не ввести в регентский совет инголсов и карвалей, но Весенний садик доступен не всем.

– Ричард... Мы не ждали вас так рано...

«Мы...» Когда-нибудь он услышит признание самой Катари, но пока довольно обмолвки Дженнифер, спасибо ей за нее.

– Эрза, я приехал так быстро, как только мог. К сожалению, у Скал нет крыльев.

– Не к сожалению, к счастью... Разве можно надеяться на Ветер? Разве можно укрыться за Молнией? Но идемте же, расскажете бедным затворницам, как хорош большой мир... Теньент, может, вы наконец поосторонитесь?

– Кто принимает этого господина?

– Я. Графиня Рокслей. Постарайтесь не ошибиться, когда будете... докладывать. Идемте же, герцог. Как видите, наши жизни под надежной защитой.

– Как ее величество?

– Не слишком хорошо.

– Сердце?!

– Всего лишь отеки и дурное пищеварение, но я вам этого не говорила. Что поделать, четвертый ребенок, к тому же мальчик, а мальчики отбирают у матерей красоту... Ее величество почти никого не принимает.

– Однако графа Штанцлера она приняла.

– Да, мы были удивлены. Ее величество трижды отказывала ему в аудиенции, но отказать в четвертый раз... Накануне родов женщины становятся суеверны. Запомните это и не браните свою будущую супругу, когда она начнет вести себя как крестьянка.

Святой Алан, Катари!.. Она решилась, именно сейчас, оставшись одна! Воистину, благословенна будь разлука, она уносит все, кроме любви и страха больше никогда не встретиться. Останься он у дверей своей королевы, та бы никогда не сказала таких слов даже Дженнифер.

– Графиня Рокслей, я никогда не стану... не обижу ту, кому принадлежат моя кровь и моя честь.

– А они кому-то уже принадлежат?

Смеется и предостерегает. В самом деле, надо быть осторожней, к тому же сейчас он пришел ради друга. И едва о нем не забыл.

– Разумеется, моя честь и моя жизнь принадлежат Талигу и его королеве. – Вот так, с легкой улыбкой, тем более что они уже пришли. Сколько же здесь людей – камеристки, брат Анджело, какие-то дамы...

– Подайте в Малую гостиную еще фруктов и... Ричард, вы будете вино?

– Пожалуй.

– Тогда и вина. – Графиня, слегка приподняв багряные юбки, шагнула через высокий порожек, неожиданно напомнив Марианну, хотя баронесса была чуть полней и много красивей.

Почему Катари принимает куртизанку? Неужели из ревности? Герцога Окделла у Капуль-Гизайлей видели немногие, но барон болтлив, а Алва... Алва не зря посылал к куртизанке слишком похожего на отца оруженосца. Нужно сегодня же съездить к Марианне с подарками и, если не поздно, попросить молчать о... черешнях.

– Смотрите! – весело объявила Дженнифер. – Смотрите, кто к нам вернулся! Сейчас герцог Окделл расскажет о своих приключениях.

– Не сейчас, – улыбнулся дамам и девицам Дикон, – сперва я должен доложить ее величеству.

– Она сейчас занята...

– У нее граф Штанцлер...

– Вы успеете нам рассказать...

– И съесть эту землянику. Она ждет именно вас...

– От земляники можно покрыться красными пятнами...

– Не больше, чем от апельсинов...

– Садитесь же!

– Увы, не могу себе этого позволить. – Эр Август покинет кабинет ее величества вместе с герцогом Окделлом через Весенний садик, а Карваль пусть караулит в Парадной приемной. И пусть знает свое место, если не в регентском совете, то у Катари! – Я должен немедленно доложить ее величеству о своем возвращении.

Растерянные взгляды, вздохи, снова взгляды.

– Ее величество запретила прерывать разговор.

– Да...

– Мы не можем...

– Что ж, значит, Скалы доложат о себе сами. – Однажды Катари уже спасла эра Августа. Она бы сделала это снова, но из ее апартаментов нет тайного выхода. – Граф Штанцлер – мой друг, а... сегодняшняя аудиенция имеет непосредственное отношение к моей поездке.

– Но... – захлопала глазами толстуха в трауре. Кажется, теща Лаптона? Или мать? – Но... Ее величество запретили.

– Запрет ее величества касается нас, но не герцога Окделла. – Дженнифер поймала взгляд Дикона и лукаво добавила: – Наш гость – ближайший друг ее величества, он привез важные известия. Мы не можем его задерживать, и – дорогая Одетта, вы правы – мы не можем нарушить приказ. Нам остается предоставить нашего дорогого рыцаря самому себе. Мне не хочется, чтобы меня сочли глупой уткой, а вам?

– Я... Мне все-таки... У ее величества такой важный разговор...

– Именно поэтому я *должен* войти, – прервал крик Дикон. – Не бойтесь, я знаю дорогу. Я бывал здесь много раньше вас. И эр Август тоже.

Зря он это сказал, хотя пусть знают! Дженнифер чуть-чуть посторонилась и улыбнулась. Тоже чуть-чуть. Дикон понял намек и без колебания открыл дверь, за которой были прихожая и приемная. Те самые...

Глава 10 Талиг. Оллария **400 год К.С. 20-й день Весенних Молний**

1

Самый отважный человек робеет в храме, если верует, и у порога любимой, если любит. Дикон замер среди навязчивой роскоши и плотно прикрытых дверей. Обивку и мебель в Малой приемной сменили, но юноша помнил прежние бледные шелка и схваченные алыми «королевскими» лентами портьеры, а вот цветы в вазах были такими же, как *тогда*. И так же, как *тогда*, его оставили одного – дамы не рискнули нарушить приказ. Дженнифер и та доложить о приходе герцога Окделла отказалась, как отказался прервать *ту* аудиенцию эр Август.

Год назад кансильер остался в Весеннем садике, где еще не было стражи. Год назад Ричард исполнял долг военного, сейчас речь шла о большем – о жизни и свободе друга. Сколько бы ни длился разговор, бывшему кансильеру придется проститься с королевой и выйти в Парадную приемную. К Карвалю. Допустить это нельзя, Штанцлера надо вывести, пока чеснотник не сообразил, что его провели. Дальше Ричард не гадал, дальше все зависело от того, что сделает Карваль и на что готова королева.

Насколько бы легче стало им обоим, узнай Катари, что ее любовь перестала быть тайной, но время откровенности не пришло, только сердце этого не принимало. Оно билось все быстрее, словно эта встреча была первой, словно они сейчас окажутся одни в саду... Ричард расправил воротник и нажал на ручку – дверь в кабинет оказалась не просто закрыта – заперта.

Стучать и объяснять свою навязчивость было опасно – уши оставшихся в свитской гостиной дам стояли торчком, уж в этом-то юноша не сомневался. Выход подсказала память: дверца, из которой в день рождения Катари появился Фердинанд. Кабинет сообщается с будуаром! Если заперто и там – ничего не поделаешь, придется стучать, зато будет не так слышно.

Дверь в будуар оказалась лишь притворена – здесь тоже все изменилось, но черная шаль с длинными кистями не могла принадлежать урготской купчихе. Инкрустированный перламутром столик был ужасен, но на нем лежали молитвенник и томик Веннена, а в вазе атели маки. Маки Эпинэ... Как часто она про них вспоминает! На всякий случай Ричард

задвинул не сразу поддавшийся засов, отсекая чужое любопытство. В рыцарские времена мужчины похищали перчатки и платки возлюбленных, но шаль была слишком велика, и он пришел говорить не о любви... Не только о любви!

Юноша торопливо глянул в зеркало и поправил непослушный воротник. Пять шагов по пушистому ковру, словно по розовому мху... Держащая хрустальный шар золоченая лапа не поддается – и тут заперто. Изнутри.

Объяснить почти неприличную навязчивость, не пугая Катари и не выдавая эра Августа, было непросто. Дикон задумался, подбирая подходящие слова. Нужно упомянуть письмо, но так, чтобы королева не поняла, о чем оно, согласившись при этом выпустить эра Августа через личные покои и насколько можно задержать погоню...

Радужный шар резко пошел вниз, ясно сверкнула позолота, погладил щеку втиснувшийся в щелку сквозняк.

– Графиня Савиньяк завтра будет в столице, – совсем рядом произнесла Катари, – вам следует поторопиться. Передайте имеющиеся у вас документы мэтру Инголсу. Он их оценит с точки зрения законника и подготовит к оглашению.

2

Наверное, дело было в памяти. В Надоре, становясь невольным свидетелем чужих разговоров, Дикон терялся и замирал, ловя полупонятные, предназначенные другим слова. Отец не представлял, что сын прячется в часовне, матушка – что он слышит спор с Эйвоном о Лаик. Это выходило случайно, вот и сейчас юноша не понял, как шагнул не вперед, а вбок, по-детски вжимаясь в розовую стену. Он ничего не видел, только слышал, не подслушивал, а именно слышал, потому что эр Август говорил достаточно громко.

– Вице-супрем не пройдет мимо подобных секретов. – Бывший канцильер знакомо подавил вздох. – Они вызовут оживление, особенно у тех, кто раньше не сталкивался со столь чудовищными вещами...

– Вы правы, – негромко согласилась Катари. – Казус любопытный. Его рассмотрение рискует затянуться, но графиня Савиньяк ничего не потеряет, когда регентом станет Алва. Конечно, стремительность Рокэ разочарует настроившихся на долгий спор законников, зато все разрешится раз и навсегда.

Что ответил Штанцлер, Дикон недослышал. Кто-то долго болел... Кто-то из Савиньяков?.. Но у них все здоровы. Нет, какая-то родственница графини, которую покинули без помощи. При таких-то богатствах... Эмиль так никогда не поступит, а... Лионель?

– ...только не говори мне, что это известно, – четко произнес эр Август.

– То, что может знать мужчина, знает Алва. – Катари отвечала чуть раздраженно, и она по-прежнему была совсем рядом. – Остальное – его высокопреосвященство.

– А то, о чем не знает кардинал?

– Знает Создатель, но вы не Он.

Тем же голосом она отказалась свидетельствовать против Ворона. Катари не забывает добра, но чем она обязана обокравшей собственного сына графине и что знает о Савиньяках Левий? Пусть Арлетта Рафиано в юности дружила с матерью Катари, это не повод покрывать подлость, тем более что Эмиль верен Талигу больше, чем брат. Из-за своей верности он оскорбил Альдо, а Лионель отмолчался, хотя об этом Катари не знает, но узнает. Сегодня же!

– ...не понимаю, – голос бывшего канцильера вновь зазвучал отчетливо, – причину твоего упорства. Если б я тебя не знал, я бы, пожалуй, поверил...

Шорох, скрип, сквозняк вновь добирается до щеки, лезет за воротник. Эр Август верен себе, но бороться за Эмиля некогда. Это не тот случай, когда промедление смерти подобно. Конечно, с Арлеттой Рафиано можно и нужно поговорить. Катари могла бы...

– Вы слишком привыкли ко лжи. – Тоже знакомый тон. Сейчас королева перебирает четки или теребит кисти шали. Нет, шаль здесь, прямо перед глазами. Святой Алан, прятаться и дальше невозможно! Чем дольше он стоит под дверью, тем больше уподобляется

Понси возле замочной скважины, а тайна Савиньяков давно не тайна, только как начать разговор? «Ваше величество, я случайно услышал ваши последние слова и должен засвидетельствовать, что Эмиль Савиньяк – вернейший слуга Талига...» «Ваше величество, я невольно услышал часть разговора. Я клянусь, что Эмиль Савиньяк достоин...»

– Да, я пыталась лгать Алве, – грустно сказала Катари, и обнаружить себя стало невозможным. – Ему это не понравилось.

– Ты думаешь, правда ему понравится больше?

– Я не думаю, я знаю. Правда, сказанная вовремя, Рокэ нравится. О фамильном кольце Ариго он узнал своевременно.

– Но не о молодом Придде. Старшем из молодых Приддов...

О чем они?! При чем тут Спруты?!

– Вы опять путаетесь, граф. *Правда* о Джастине может повредить только вам и, видимо, повредит. В Нохе у нас с Рокэ хватало времени для... правды. Стены монастыря и наше положение располагали к откровенности, вот мы и говорили...

Опять бормотанье; невозможно разобрать, невозможно уйти, не узнав все до конца, не поняв!.. Джастин Придд, любовник Ворона, убитый собственной семьей. Уж не Валентин ли это сделал?! Спас честь Повелителей Волн и стал наследником... Нет, стал наследником, прикинувшись защитником семьи. Картина! Та же подлая манера, что у Сузы-Музы... Неужели Спрут признался? Или Катари спросила Ворона, но спрашивают, когда любят и... ревнуют.

– Создатель, граф Штанцлер хочет правды! – Кажется, женщина смеялась. Этот смех Дикон слышал впервые. – Обратитесь в ведомство супрема, там ее в досталь.

– Моя девочка, – эр Август тоже удивлен, если не испуган, – моя девочка, что такое ты говоришь?

– Ангелика Придд сохранила ваше письмо. – Снова смешок или всхлип? Ей же нельзя долго разговаривать и волноваться. – Оно досталось Манрикам. Прекрасная улика против королевы...

– Я никогда не писал Ангелике Придд.

– Вы писали ее сыну, к несчастью, от моего имени. Это стоило графу Васспарду жизни.

Что-то упало, глухо стукнув. Собеседники молчали. Навязчиво алели маки, тикали часы, колотилось обогнавшее маятник сердце.

– Ты забыла, что говоришь не с Феншо и не с Окделлом. Я смотрел на тебя, когда ты заканчивала письмо, а потом доставил запечатанную тобой смерть.

– Это были ваши слова, граф. Ваши, не мои.

– Значение имеет лишь рука.

Снова смешок, сухой и жуткий.

– Увы, граф, вас начала подводить память. Что поделать: возраст, болезни, Багерлее... Манрик предъявил мне письмо. Почерк похож на мой, очень похож, к тому же упоминается потерянная по дороге в Тарнику серьга с аметистом. Вы слышали об этом от какой-нибудь камеристки и решили добавить подделке достоверности. Откуда вам было знать, что перед самым выездом в Тарнику Фердинанд обварил мне руку. Отваром из лепестков йернских роз... Мы всегда пили его по утрам, а мой муж был таким неловким и всегда так этому огорчался; я не смогла его выдать. Нам помог капитан королевской охраны. Лионель Савиньяк умеет хранить не только большие тайны. Я улыбалась, прятала ожог в кружевах и улыбалась. Я не могла писать больше недели, а в письме указаны время и место. Его написал кто-то другой. То есть вы.

– Чудовище... – Ричард с трудом узнавал кансильера. – Ты – чудовище...

– Я – талигойская святая, граф Штанцлер, и мать короля. Это устраивает всех. Даже меня. Попытайтесь доказать обратное, хоть Рудольфу, хоть горожанам, и можете не опасаться Савиньяков. Вы станете выше любых страхов и скорбей...

– Ты его толкнула... Ты толкнула Фердинанда и превратила правду в ложь. Мне следовало понять, что от змеи родится только змея!

– Вы забыли про соловья, сударь, и вы меня утомили. Ваши советы и ваши... письма слишком дорого обходятся нашей семье!

– О какой семье ты говоришь?

– Вам ли не знать, кого погубили ваши подделки? – Зимняя ясность голоса, ясность и холод. – Вы за время службы заверили такое множество писем... Такое множество чужих бед, но то, о котором вы изволили напомнить, спасло мне жизнь. Фердинанд вспомнил сережку и розовый отвар и не подписал обвинение. Что ж, я возвратила вам долг, хоть и невольный. Вы свободны, у вас на посылах Окделл, но вы не можете не жалить. Вы замахнулись на Арлетту Савиньяк, что ж... Готовьте бумаги или бегите. Если Создатель захочет, Он вас сохранит, а я вас прощаю. Извольте меня оставить. Ваш Карваль вас проводит.

3

– Я не уйду! – Эр Август кричит? Немыслимо! – Ты не осмелишься... Я оставил письмо...

– Как же вы любите писать... Только ваше нынешнее дупло ненадежно. Окделлу уже приходилось красть завещания...

Она знает! Завещание Эрнани могли найти, но откуда оно, знали лишь двое... Хотя если документ так и лежал в «закатной» шкатулке... Мевен! Робер, тот отходил к колодцу, а виконт торчал возле самого гроба. Когда разбирали бюро, Иноходец, как назло, упомянул башню на крышке, и Мевен вспомнил. Святой Алан, ну почему Альдо не сунул в шкатулку браслет, ведь он собирался?! Сюзерен ошибался непростительно часто, а за просчеты анакса платят другие!

– ...странно, что этого не сделала ты. – Невнятное бормотанье вновь распадается на слова. Штанцлер все еще взволнован, хоть и говорит тише. Святой Алан, когда же нашли шкатулку? Кто в нее залезал, кроме Мевена?

– Женщине не следует делать то, что за нее сделает мужчина или Создатель. – А вот Катари спокойна. Признания никчемного короля ей неважны, но как она могла заподозрить кражу?! После всего... – Вы зря избегали пить в моем присутствии, даже присвоив кольцо моей матери. Королева Талига с ядом – это... непристойно.

– Моя девочка, королевой Талига нельзя родиться. Королевами становятся герцогини и иностранные принцессы, но порой они не внушают доверия, а те, что внушают, могут умереть. Внезапно. Тогда вспоминают о графинях, чья родословная безупречна. Савиньяки, Рафиано, Ариго... Сильвестр сомневался в верности Эпинэ, но разорвать помолвку Оллар отказался. Магдала Эпинэ умерла, и Анри-Гийом заподозрил Дорака. У старика не было доказательств, но кому еще была нужна смерть девушки? Герцог умер в уверенности, что знает убийцу, но не может до него дотянуться. Я виноват перед старым другом, я мог открыть ему глаза...

– О да, вы могли даже назвать яд, но вы это можете и теперь. Нынешний Повелитель Молний к вашим услугам. Вы очень обяжете моего кузена, объяснив заодно происхождение выманившего его из Сакаци письма. Еще одного письма, которое не писала женщина... А где письма, там и дневник... Вам было мало залога, вы решили исправить безупречное, но записки моей матери видела не только Жозефина Эпинэ, но и Арлетта Савиньяк. Она их узнает. Или не узнает, если не найдет в них лошадей и маков. Я их маме рисовала, я помню.

Шорох, бой часов. Святой Алан, он здесь уже полчаса и все еще под дверью! Что об этом могут подумать? Нужно выпроводить Штанцлера в провинцию и объясниться... Катари должна понять, что завещание нельзя показывать. Проклятый эсператизм, ставящий превыше всего фантом; если б место Создателя в сердце Катари занимала анаксия, она бы поняла, что это не кража. Он пытался скрыть позор Раканов и защитить память тех же Эпинэ и Приддов, хотя Придды как раз этого и не стоят.

– Ты проиграешь... Савиньяки не забывают... а ты – наполовину Борн...

Неужели Катари надеялась, что Арлетта Рафиано признается?! Она объявит дневники подруги фальшивкой, а подруга мертва. Проклятье, дорога каждая минута, а они спорят, нет, не о ерунде, о том, что можно отложить. Не все ли теперь равно, кто вызвал Робера в Талиг, а Лионеля с Эмилем рассудит война.

– И это ты называешь помощью? Это?!

– Неужели вы так боитесь Карваля? Капитана самого Анри-Гийома? Великого человека и вашего друга... Теньент Карваль хотел служить, а его вышвырнули из армии. Вы заставляли Ги обвинять толковых офицеров и играли на их обидах. Вы готовили мятеж, а тут вернулся Робер. Не вовремя. Вам был нужен мертвый Эпинэ, но Карваль его почему-то не убил... И не дал ему убить вас. Святой человек...

Вновь молчание. Тяжелое, вязкое. Странно, как в этом болоте колыхнутся занавески. Странно, непонятно, нелепо все. Надо вмешаться, но как объяснить Катари про завещание, чтобы она поняла?! Как объяснить, почему он стоял и слушал?

– ...не из тех, кто прощает, а Ноймаринен ему покровительствует. – Теперь голос Штанцлера звенит, разрывая болотную тишь. – Волку нужен твой сын, не ты. Ты делаешь глупость, отрекаясь от старых друзей!

Это хуже сна, хуже любого бреда. Катари и эр Август!.. Еще немного, и они потеряют друг друга, а их и так мало в этом полном предательствах вертепе.

– ...ты умеешь удивляться... Сколько раз ты была потрясена гибелью Надора? Три раза? Четыре? Пять?

– Я была потрясена, этого довольно. Я любила Айрис, хоть и меньше Луизы Арамоны с ее девочкой... И я жалела Мирабеллу, она заслужила своего мужа, но не сына и не вашу... дружбу!

Святой Алан, когда не знаешь, что сказать, говори правду! Он искал шкатулку после смерти Альдо и не нашел, а без доказательств не обвинишь даже Придда. Королева знает о том, что сделал последний Эрнани, но не о завещании Франциска, это станет для нее новостью. Не из приятных, но идти придется до конца. «Ваше величество, вы предпочли бы, чтобы содержание завещания, согласно которому ваш супруг не имел права на корону, стало известно всем? Его исчезновение вы называете кражей, что ж...»

– Катарина, ты должна понимать...

– Я устала от вас. Не сейчас, давно. Графу Ариго перед смертью казалось, что у него в голове жужжит муха... Эта муха – вы.

– Да, – признал бывший канцильер, – я навязчив, ведь ты мне больше чем дочь. Несмотря ни на что. Я слишком много в тебя вложил, Катари. Нет, я не жду благодарности, в наше время люди на нее не способны...

– Не подменяйте людей Окделлами и Штанцлерами, сударь.

– Мне жаль тебя, Катарина. Твое предательство не принесет тебе счастья. Я боюсь за тебя и все еще надеюсь на твой разум. Ты можешь отдать меня Карвалю, ты можешь выманить у Окделла мое письмо и бросить влюбленного щенка волкам, как Васспарда, Феншо, Колиньяра... Ты уже ужалила Глауберозе, он твой, но кесарь, к счастью для него, с тобой не знаком, и тебе не дотянуться до Маргариты Борн. Пока ты была в своем уме, твоя тетка по совету приютивших ее дриксенцев молчала, сейчас она заговорит. Ты права, Алва и Ноймаринен тебя не тронут, но не Жермон Ариго. Я никогда не терял его из виду, этот человек не забывает и не прощает. Он поверит родной тетке, а дальше – думай.

– Вы опоздали и с советом, и с угрозой. – Тот же холод, то же равнодушие, откуда в ней эта зима?! – То, что сын Эгмонта даже глупее отца, не значит, что дочь Каролины Борн глупее матери. Я достаточно знаю про брата, чтобы понять – вы врете. Не судите об Ариго по Окделлам. И не пугайте леопарда.

– Леопарда?!

– Леопарда, мерзавец!

– Под Алвой ты больше напоминала кошку... Похотливую кошку.

– Достоин мужчины, который не пригодился ни одной женщине. Все вы сходите с ума

от Алвы, ведь он настолько лучше вас всех... Во всем. Вам не понять, что Ворон может быть просто другом.

– Расскажи это Окделлу. Или покажи... еще раз. Чтобы он в конце концов рассмотрел. В этом кабинете подходящий стол, ты будешь на нем особенно хороша.

– Окделлу придется довольствоваться прелестями графини Рокслей. Или вашими, если вы не рискнете сбежать в одиночку.

– Как же ты хочешь, чтобы я исчез... Ты даже открыла Багерлее, но я не доставлю тебе такого удовольствия, милая девочка. Я покину столицу только вместе с тобой.

– Вы ее вообще не покинете. Хватит подбирать ключи к гайифской шкатулке. Это только умножит ваши... неудачи.

– У меня была лишь одна неудача – по имени Каролина Ариго. Мне не следовало покрывать преступление, но я не мог не помочь женщине, которой грозит смерть, тем более знакомой с юности. И тебя я тоже не могу бросить. Твоя мать сделала для тебя немало, но без меня ты бы уже догнала Магдалу. Кто дал тебе совет сойтись с Вороном и помог остаться с ним наедине в королевской опочивальне? И не говори мне, что он это знает.

– Он знает больше. Алву просил стать моим любовником мой муж, иначе нас бы развели. Вы думали, я слушаюсь вас... Сильвестр думал, я – прихоть Алвы. Плохо же вы оба нас понимали! Это не Фердинанд был глуп, а вы... Великие умы, кардинал и канцильер...

– Ваше величество!..

– Я не могу уделить вам больше времени. Делайте, что хотите, – оставайтесь, удирайте... Один, с вашим надорским болванчиком. Мне все равно, что вы сделаете и что сделают с вами.

– Девочка моя...

– Вон.

Глава 11 Талиг. Оллария *400 год К.С. 20-й день Весенних Молний*

1

Время еще было. Выйти, закрыть за собой двери, пошутить с дамами, пройти мимо стражников, вскочить на Сону... А дальше? Куда дальше?! Не туда же, куда вернется Штанцлер и где еще не сгорели свечи перед святой Октавией... Коронованной шлюхой, вернувшейся в конце Круга Скал. Любви нет, как нет Надора, как нет сюзерена... Друзья? Иноходец сочтет решение Окделла слабостью, подумает, что он испугался Ворона или, того хуже, послушался самого Робера. Эпинэ всегда считал Штанцлера ублюдком и трусом, именно поэтому признаться в подлости бывшего канцильера невозможно. Когда не остается ничего, кроме Чести, нельзя открывать душу, нельзя соглашаться, нельзя каяться, даже если четыреста раз ошибался. Лучше ничего не говорить, просто идти, глядя прямо перед собой, рассекая плечом толпу... Только идти...

– Дикон? Что ты здесь делаешь? – Катарина. Черный бархат в розовой комнате кажется зловещим. Бледное лицо, тени под глазами, изящная рука знакомо оттягивает воротник. Лживая тварь! Подменьш. Из тех, что приходят на закате, пьют чужие жизни и смеются. Она и пришла на закате Олларов. На закате Круга Скал. На закате Дома Скал... – Что ты тут делаешь?

– Ничего... Я все знаю, ваше величество... Я теперь все знаю... Я не позволю называть себя вором!

– Тебе опять посоветовали переехать? Не знаю кто, но он прав. Ты живешь в чужом доме, Дикон, это не украшает ни тебя, ни твой род. Тебе об этом уже говорили... И я, и Робер...

Смотрит как ни в чем не бывало. Словно это не она только что...

– Я не Дикон, я тебе больше не Дикон!.. Я знаю *все* ... Знаю, как ты относишься ко мне... К отцу... К ноймарским волкам... Слышал! Святой Алан, ты все время лгала! Ты сама – ложь, ты не смеешь обвинять меня в краже, ты... Ты хуже Марианны, ты...

– А ты – мальчишка, подслушивающий под дверь. – Катарина убрала с кресла шаль и села. – Никогда не упрекай, не понимая. Это присуще только женщинам... Нелюбимым и неумным. Что произошло в Надорах? Сколько человек осталось без крова?

Тонкая рука дергает розовый шнур. Как же он забыл о звонке?! Сейчас сюда сбежится толпа...

– Как... как ты только можешь? Ты...

– Я – регент Талига, Ричард Окделл. Вы вернулись, значит, вы выполнили наше поручение. Докладывайте.

Она хочет его смутить. Не выйдет, ему есть что ей сказать. Он сделал все и больше и бросился назад. К ней... К этой...

– В Кабитэле не будет беженцев, – отчеканил Дик, – можешь не бояться. Они отправятся в Ноймар, я разрешил графу Литенкетте прислать вербовщиков.

– Сколько людей осталось без крова? – Можно подумать, она озабочена делами этих крестьян! – Сколько деревень разрушено? Каково состояние дорог и переправ?

– До Лукка все в порядке. Беженцев в городе не будет, этого довольно?

– Нет. Я благодарна графу Литенкетте за помощь. Он сделал то, что должны были сделать вы.

– Я не должен тебе ничего!

– Мне – нет, вы должны Талигу, Алве, герцогу Эпинэ, барону Карвалю, а теперь еще и графу Литенкетте. Можете идти.

– Тебе не удастся... Ты оскорбила не меня... Ты оскорбила отца и Скалы... Ты возьмешь свои слова назад, слышишь? И тогда я уйду... Навсегда.

– Вечером регентский совет. Вы не можете сказать, сколько беженцев примет Ноймаринен, но можете поделиться подслушанным. Кража завещания Эрнани Ракана нуждается в расследовании.

Снова это проклятое слово! «Кража»... Окделл – вор! Окделл!!!

– Ты можешь отправить меня хоть в Занху, я знаю тебе истинную цену... Я не унижусь перед тобой, ты больше надо мной не властна! Ни твои упреки, ни твои просьбы, они больше... ничто! Мне все равно, будешь ты плакать или смеяться... Я не видел, не желал замечать правды, а ты... Ты хотела, чтобы я увидел тебя с Вороном! Ты все подстроила!

– Тогда я хотела и чтобы ты подслушал мой разговор со Штанцлером. Ты еще младше, чем кажешься. Пойди и успокойся, а заодно расспроси эра Августа о том, чего не понял.

– Катарина, я требую ответа. Или... Или я... – Эта дрянь не могла знать, что он стоит за дверью, *тогда* она тоже не знала, но это не оправдание! – Катарина, я требую объяснений!

2

Сколько у него времени? Ровно столько, сколько нужно, чтобы добежать до двери, убедиться, что она заперта, и пойти в обход. Или звонок ведет в Парадную приемную? Тогда нет даже этого.

– Ты лгала... Ты звала, ты обещала, но ты не любила!

– Не любила и *не* обещала. Я сказала тебе об этом в Нохе, я это повторяю. Ты живешь, словно... в яйце. Изнутри оно золотое, а что снаружи, ты не видишь. Твоя сказка позволяет тебе все, в ней нет ничего, кроме тебя, но ты цел, потому что тебя защищает скорлупа. Если б не Робер с Карвалем и не Алва, ты не был бы в Багерлее только потому, что лежал бы в могиле.

– Не учи меня, слышишь! Ты... Это ты неблагодарная, тебе нравилось спать с Вороном, а ты... Ты лгала и про него... Он еще узнает, узнает все...

– Он и так знает. Если ты в самом деле хочешь драться с Алвой... драться так, чтоб он не щадил, найди его и спроси. Колинъяр спросил. И Феншо...

– Мне не нужно спрашивать. Я все помню... Про сапоги... Стол в кабинете Штанцлера, твоя младшая дочь... Это было? Или ты откажешься? Может, ты и этого не говорила?!

– Узнай у Штанцлера. Ты ему веришь, ты привел его в дом Алвы, ты прибежал за ним сюда, пусть он тебе и отвечает... С кем бы ты ни говорил, что бы ты ни слышал, ты бежишь к Штанцлеру и доносишь. И хочешь доверия?

– Окделлы не доносят и не бегают. Ни за кем! И никогда... Я верил... Верил другу отца, но спасал тебя! Знал, что меня ждет, но я сделал это!..

– И что тебя ждало? Лошадь, деньги и свобода... Для яйца это в самом деле страшно, ему нужно лукошко.

– Меня ждал выбор между ядом и сталью. Алва приказал мне умереть, но мы забыли гальтарский обычай, даже Повелители. Это меня спасло, но это не повод обвинять меня! Это не повод...

– Создатель, какая чушь...

– Чушь! Для тебя, может, и чушь...

– Для всех, кто знает Алву. Смешно, ты был с ним рядом едва ли не больше всех и так ничего и не понял. Рокэ не держит чужих вещей и не желает помнить о подлости. Он вышвырнул отравителя и избавился от его вещей. Даже от лошади... Именно поэтому ты ничем не рискуешь, сидя в его доме. Он туда не вернется, тем более что ему придется жить во дворце.

Лучше б она его ударила, лучше б Робер не стрелял, пусть бы взбесившийся мориск... У нее на глазах...

– Не смей меня учить! Мне от тебя ничего не нужно. И ты не нужна... Люби, кого хочешь, отдавайся, кому хочешь... Ворон прав, в этом мире хватает роскошных яблок...

– Хватит!

3

Она бы ушла, и Дик ничего бы не смог сделать. Она бы ушла, если б не запертая дверь – золоченый засов сидел слишком плотно для нежных рук. Катарина обернулась, свет из окна окатил ее с ног до головы серебристой волной. Она стояла так же, как святая Октавия в домашнем храме... Девочка с широко распахнутыми глазами и светлой косой... Брюхатая шлюха... Чем бессовестней и наглее шлюха, тем больше она походит на святую.

– Открой, – велела Катарина, но Ричард сумел остаться на месте, хотя голос... Этот голос все еще имел над ним власть. Королева сжала губы, нежное лицо стало жестким и взрослым. Она больше не смотрела на Ричарда, не приказывала и тем более не просила. Отодвинуть засов она тоже не пыталась. Женщина просто повернулась к двери в кабинет. Не выйдет. Ричард заступил путь, понимая, что сейчас или никогда, но Катарина прошла мимо, словно в будуаре никого не было. Вернулась в кресло, потянулась за томиком Веннена. Королева Талига и мать наследника. Предательница. Шлюха. Все еще любимая. Несмотря ни на что!

– Катарина! – крикнул Ричард. – Катарина!

Узкая рука спокойно переворачивает страницу. Королева читает.

– Катарина!

– Вы еще здесь?

Выход через Весенний садик открыт. Отодвинуть засов и уйти. Сбежать?! Выказать себя не только глупцом, но и трусом?

– Ваше величество?

Россыпь бликов от хрустального шара, уже знакомый сквознячок. Святой Алан, почему засов лишь со стороны кабинета?! Дрюс-Карлион прикрывает за собой дверь, выплывает на середину будуара, приседает в реверансе. Куриная шея, покатые плечи, прическа с янтарными гребнями. Она одна! Одна! И так задержалась...

уступить шлюхе, рыцарь может простить все, кроме презрения. Дикон ударил, и королева засмеялась! Засмеялась, пошатнулась, оседая, потянула за собой. Юноша разжал пальцы, и она упала, все так же не отводя взгляда и сбив на ковер томик Веннена...

На красном кровь не видна, на розовом... На розовом она ужасна!

Алые маки, сквозняк, часы, сонеты. Смерть. Вот она... Росчерк красным по розовому и разметающиеся светлые волосы... Катари!!!

Часть четвертая

«Сила» («Похоть»)¹³

На каждого человека, как и на каждый поступок, следует смотреть с определенного расстояния. Иных можно понять, рассматривая их вблизи, другие же становятся понятными только издалека.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Талиг. Оллария

400 год К.С. 20-й день Весенних Молний

---

¹³ Высший аркан Таро «Сила»/«Похоть» (**La Force**) символизирует жизнеутверждение, гордость, страсть, любовь к плотским утехам. Карта рекомендует не бояться препятствий и смело встретить возникающие трудности, ибо имеется достаточно сил, чтобы справиться с любой ситуацией. Это знак превосходства, силы, не только силы физической, но также и силы воли и намерений, желания выстоять, даже если это причиняет боль. Чтобы быть сильным, надо заставить замолчать сердце, надо осознать свой долг и вести себя справедливо. Это отвага, с которой сражаются с превратностями судьбы, способность отказаться от чего-то дорогого во имя высшего. **ПК** : символ слабости, неуверенности в себе, иногда – страха, также указывает на вмешательство в вашу жизнь посторонних. Карта может означать, что препятствия не будут преодолены вследствие недостатка физических или духовных сил.

1

Лежащая на коленях Марианны Эвро скалилась и мешала целовать хозяйку. Собачонка была разлучена с возлюбленным и на свой манер страдала, норовя тяпнуть кого-нибудь – то есть Робера. На Марианну свои претензии левретка все же не простирала.

– Скоро Готти вернется, – пообещала баронесса то ли любимице, то ли любовнику, – красивый и причесанный.

– Все-таки он страшно похож на волкодава, – поделился своими подозрениями Робер, – только стриженного и отмытого.

– Разумеется. – Марианна подняла глаза и улыбнулась, едва не подвигнув Робера на убийство разлегшейся там, где не надо, собачонки. – Разница между волкодавом и львиной собакой такая же, как между птичницей и баронессой.

– Герцогиней, – резко поправил Эпинэ. – Ты в самом деле вошла не вовремя. Если Коко согласен дать развод, надо успеть, пока Катари еще регент.

– Если он не согласился сразу, он не уступит. – Они говорили о бароне третий день, хотя все было сказано в первый. – Торговаться и спорить с Коко так же бессмысленно, как со старшим Савиньяком. Он никогда не сделает того, чего не хочет.

– Но это же глупо... Или он врет и не желает тебя отпускать.

– Не врет. Коко не доверяет военным, потому что их могут убить, но если не будет войны, он развод даст. Если будет уверен, что мне это не повредит.

– Странный муж...

– Другого у меня быть не могло. У той меня, что понадобилась тебе. Без Коко я была бы толстухой с пятью детьми и мужем-трактирщиком. Может быть, счастливой, но ты бы проехал мимо.

– И остался бы один.

– Ты не можешь быть один.

– Не могу, вот прямо сейчас и не могу. Когда они закончат?!

– Они только начали. Не вздыхай, твою сестру причесывают дольше.

Эвро плаксиво тявкнула, словно понимая, что еще ждать и ждать. Марианна засмеялась, левретка залилась лаем. Нет, собачонка ничего не поняла – она услышала шорох за дверью. Или кого-то унюхала.

– Госпожа баронесса, – возвестил камердинер барона, – к господину маршалу. Срочно.

Вот и отдохнул...

– Хорошо, – начал Робер, но давать разрешение не потребовалось: гвардейский тенъент уже ворвался в будуар и застыл, именно застыл посреди комнаты, косясь на Марианну. Та подхватила взывшую Эвро и без лишних слов вышла. Жена маршала может быть только такой.

– Мы одни, – бросил Эпинэ, чувствуя себя вновь в лесу Святой Мартины. – Что случилось?

– Окделл убил королеву.

– Что?!

– Окделл убил королеву, – повторил гвардеец, словно не замечая, что его трясут, – и фрейлину... Дрюс-Карлион.

– Убил? – вцепился в хвост надежды Эпинэ. – Она умерла?..

Тенъент молча кивнул. Перекошенная физиономия говорила сама за себя. Сестра умерла, можно было не торопиться, но Робер бросился вон из комнаты. Гвардеец помчался за маршалом. В коридоре уже торчал Коко, высыпали на лестницу и слуги, хорошо, что еще не начали съезжаться гости! Эпинэ на бегу замахал на барона руками, тот отскочил, в глубине дома выли псы. Марианна угадала: Катари не будет старой, никогда не будет!.. Как она смотрела на чужие маки, словно знала... Выжить при Сильвестре, при Манриках, при Альдо и так дико...

– Где он?

Гвардеец опять понял.

– Сбежал... Через Весенний садик... Тревогу подняли не сразу. У Окделла было время.

– Кого он еще?.. – Дикон, убивающий женщин... Немыслимо! Этого не может быть, тут какая-то ошибка! И она будет стоять дурню головы, если его найдут. Если он вообще жив...

– Дрюс-Карлион, – назвал гвардеец. Он уже говорил кто, но имя стекло с памяти, как вода. – Она прошла к ее величеству... Монах... который врач, говорит, у нее... у фрейлины перерезана яремная вена...

– Это не Окделл!

– Больше никто не входил...

Никто?! Во всех дворцах есть тайные выходы. Если о них никто не слышал, это не значит, что их нет. Надо искать и найти! Дик вышел, и тут какая-то мразь...

– Кто еще к ней приходил? Я про Кат...

– Штанцлер.

– Штанцлер?! – Она же говорила, что примет гадину... Вот и приняла...

– Штанцлера уже не было, когда Дрюс-Карлион вошла...

Все равно дело в нем! Девица Нику... Старая сволочь!

– Кто ищет Окделла? И где?

– Генерал Карваль послал людей в дом Алвы и по городу... За Штанцлером тоже поехали. И за его высокопреосвященством, и за мэтром Инголсом.

Никола ничего не забудет и ничего не перепутает. Когда за дело берется Карваль, можно не спешить...

Конюх оседлал бы Дракко не хуже Робера, но стоять и ждать Эпинэ не мог. Надо было делать хоть что-то, и не когда-нибудь, а сейчас! Полумориск беспокоился, чувствовал, что с хозяином неладно. Коня гвардейца не расседывали, можно было взять его, но понять, что минуты ничего не решают, Робер был в состоянии. Катари уже ушла, как и Жозина. Без него. Если б он помчался во дворец с письмом Эрвина, а он вновь, нет, не опоздал, просто не подумал. И другие не подумали, даже Никола, только убил не Дикон. Что угодно, но это не он!

Последняя пряжка застегнулась с трудом, она и раньше упрямылась. В распахнутую дверь конюшни ломилось солнце, радостное, как скачущие по двору воробьи.

– Монсеньор, – подал голос гвардеец, – сейчас на улицахлюдно.

– Не бойтесь, я никого не убью.

2

Дома еще ничего не знали. Слуги распахивали ворота, принимали Сону, спрашивали, что подавать к ужину. Дикон не знал, как скоро за ним прискачут чесночники, но времени было в обрез. Будничным тоном юноша велел переседать мориску и так же спокойно и ровно спросил о Штанцлере. Бывший канцильер не появлялся. Этот долг все равно придется отдавать, но раз сейчас это невозможно, займемся другим. Юноша поднялся в кабинет. Следовало сжечь важные бумаги, но важных бумаг после устроенного временщиками обыска не осталось, а тратить время на неважные было непозволительной роскошью. Дикон отпустил камердинера и принялся наполнять кошель золотом и ценностями. Давно не напоминавшее о себе плечо разнылось, это было некстати, но и только. Ричард сменил рубашку и сапоги, надел под темный дорожный камзол морисскую кольчугу и снял со стены украшенный карасами кинжал. Юноша уже носил его вместо отцовского, пока тот согласно договору лежал в церкви. Теперь меченный вепрем клинок остался в груди королевы. Дик не стал его вырывать, и вовсе не потому, что брызнувшая кровь выдала бы его первому же стражнику...

– Эмиас.

– Да, монсеньор.

– Я принял решение. Немедленно уберите икону Октавии и уничтожьте. Все остальное пусть остается как есть.

– Да, монсеньор.

– Я сказал – немедленно.

– Прикажете заказать замену?

– Что? Да... Пусть будут... святой Алан и святая Мирабелла.

– Монсеньор, под парные иконы придется переделывать весь иконостас.

– Проклятье, пусть их нарисуют на одной!

– Если мне будет позволено заметить...

– Не будет.

Последнее, что он сделает здесь, – это избавиться от лживой шлюхи, корчащей из себя святую. Таким нельзя молиться, но при виде таких не молиться невозможно. Значит, икона сгорит. Среди нынешних мазил никто не сможет ее повторить, пусть сколько хотят малюют опущенные глаза и сложенные на груди руки, они никого не сведут с ума, не заставят поклоняться подлости, не заставят именем этой подлости забыть о Чести. Наваждение должно сгореть, что до всего остального... Ричард глянул во двор, потом на часы. Сону еще не привели. Что ж, потратим оставшиеся минуты на письма, то есть на записки, их и нужно-то всего две.

«Робер! »... Нет, не так. *«Герцог Эпинэ, я сделал то, чего требовали обстоятельства и Честь Скал. Отныне наши пути расходятся. Я покидаю Кабитэлу, так как мой сюзерен мертв, а никто другой судить Повелителя Скал не вправе. Моя дорога останется дорогой Чести, я желаю тебе удачи »...* нет, *«я желаю Вам покоя и здоровья, но лучше нам в этой жизни не встречаться. Ричард, сын Эгмонта ».*

Спрут, уходя, накорябал триолеты, но у него была целая ночь, а не несколько минут, к тому же писать стихи надо либо лучше Веннена, либо никак. Со второй запиской было совсем просто: Ричард благодарил полковника Блора за службу, оставлял ему все, что есть ценного в доме, и просил отслужить молебен в память герцогини Мирабеллы и ее дочерей. Песок прикрыл написанное золотистой волной забвения. Со двора донесся шум – переселенная Сона стояла у крыльца. Пора.

Прощаясь, Дикон окинул взглядом золотистый от солнца и алатского шелка кабинет. Прощай, дом, в котором было место всему – горю, радости, страху, удивлению и снова горю... Запечатанные письма легли под бронзового вепря. Зверь гордо отвернулся от бросающего его хозяина, и Дикон не выдержал, сунул тяжелую фигурку в одну из сумок, а письма придавил подсвечником. Герой Дидериха оставил бы за собой пожирающее прошлое пламя, но написать об этом проще, чем сделать.

Уходить в никуда страшно, но инголсы и карвали Окделла судить не будут! Сумки оказались тяжелее, чем думалось. Вызвать слуг? Лишние разговоры не нужны, а спуститься по лестнице он сможет. Джереми Ричард взял бы с собой без колебаний, но Эмиас не солдат, а лакей; даже последуй он за господином, толку от него будет мало, да и не сменит Эмиас столицу на изгнание, другое дело Блор... Полковник остался бы верен, но искать его нет времени, и потом один человек может исчезнуть, но отряд найдут всегда. Ворон, появившись у эшафота, доказал это в очередной раз, а Ричард собирался исчезнуть, по крайней мере из Олларии.

Сона потянулась к хозяину в расчете на угощение. Он всегда, выходя из дома, приносил девочке лакомство. Сегодня забыл.

– Прости, – сказал Ричард своему единственному другу. Конюх удивленно покосился, но послушно заменил седельные сумки на принесенные господином, и Дикон вскочил в седло.

– Я вернусь вечером, – соврал он. – Если появится герцог Эпинэ, проводите его в кабинет. Там письмо – на случай, если маршал не сможет ждать. Не забудьте.

– Да, монсеньор.

В последний раз распахнулись украшенные гербами створки, пропуская последнего Повелителя Скал. Он покинет город через Ржавые ворота, а доберется туда окраинами. Дорогой, которой в день бегства Алвы прошли «спруты», там никто не станет караулить. Но сперва – долг Чести, последний в этом городе. Если Штанцлера вернули в Багерлее, ничего не поделаешь, но оставалась вероятность, что старик отправился в свой особняк за уликами, о которых говорил. Уехать, не проверив, так ли это, Ричард не мог.

тени и сжимающихся заплесневелых стен, но Робер, не убавляя шага, прошел сквозь смешавшихся возле розовых с золотом дверей гвардейцев, дам, придворных и позабывших свое место слуг. Дворец уже знал все – скоро узнает город.

По ушам умирающими в гальке волнами прошуршало что-то сразу и утешающее, и гневное. Столько мужчин! Столько мужчин не смогло защитить одну женщину...

Набитая приемная и почти пустой кабинет. Распахнутые окна, сквозь запах крови пробивается запах лилий. Лилии в колодце, лилии на полу, среди осколков белой с золотом вазы. Уронили или сбросили со стола, а на столе – тело. Почти незаметное под розовой тафтой, только очертания и выдают. И еще пятна, частью бурые, частью еще красные. Сдвинутые в угол кресла, кухонные ведра и два монаха. Врач на чем-то сидит, свесив с колен красно-бурые руки, Пьетро стоит у стола, то есть у тела. Без четок, светлые волосы стянуты на затылке, словно у кэналлийца.

– Не смотрите, – устало рычит брат Анджело. – Ее надо... привести в порядок.

– Она моя сестра...

– Не смотрите. – А это уже Пьетро. – Потом... Женщины все сделают.

– Пусти.

– Нет. – Монах загораживает стол, он не похож сам на себя. А ты сам похож?

– Я видел мертвых. И женщин тоже...

– Не таких. – Брат Анджело. Оттеснил Пьетро, смотрит в глаза, а у самого глаза красные. – Если нельзя спасти мать, спасают дитя.

– Так угодно Создателю, – напоминает Пьетро. – Новая душа пришла в мир.

Плач... Ребенок... Значит, не показалось.

– Мальчик? – Не все ли равно кто?..

– Да. Он почти доношен, его жизнь вне опасности.

– Я слышал крик, а сейчас тихо.

– Принца перенесли в дальнюю спальню. За кормилицей послано. Вы все еще хотите...

– Да. Я сам...

Розовая, непристойно розовая тафта издевательски шелестит, будь прокляты простыни из тафты, кто только их сюда приволок?! Сухой шорох, почти шепот, становятся видны сбившиеся набок волосы, потом лицо... Какая она бледная, бледнее других мертвецов. Брови заломлены, на лбу – морщинка. Девочка успела почувствовать боль, только поняла ли?

– Ее нашли без сознания, – глухо объясняет врач, – но сердце билось... Создатель даровал нам больше четверти часа. Поверьте, это щедрый дар, неслыханно щедрый... Была перерезана легочная артерия.

– Она что-то говорила?

– При мне нет, но брат Пьетро...

– Она дважды прошептала «Ариго» и один раз «это маки». Я могу закрыть?

– Нет!

Шелестящая жуть отправляется на пол. Обнаженная женщина на столе казалась бы мраморной, если б не три раны. Две длинные встык рассекают живот, третья, короткая, – грудь. Били в сердце, клинок ушел немного вбок... Крови уже нет, полосы на теле кажутся странно сухими... *Только не забудь подтвердить развод* ... Подтверждать нечего, она не успела. Как же много она не успела, а Эрвин еще надеется... И Алва... Ему тоже придется узнать.

– Теперь можно закрывать, только это розовое... – Придд отдал Октавии плащ, Эпинэ снять нечего, разве что сорвать занавески. С леопардами Ариго...

– Все, что нужно, скоро принесут. Выпейте.

– Не хочу.

– Пейте. Вы маршал, а не вдовец!

Он в самом деле маршал, значит, надо собраться и заняться делом, а не висеть на Карвале, как бы умен и расторопен тот ни был.

– Что вы мне суετε?

– Вытяжка из зерен шадди. Она придаст вам сил, но первые минуты будет болеть голова. Затылок и виски.

– Переживу. – Горечь, такая горечь, что перестаешь ее ощущать, словно во рту все немеет. – Брат Анджело, если вы нужны ребенку – идите к нему. Нет – отправляйтесь отдыхать, на вас смотреть страшно. Брат Пьетро...

– Я еще не исполнил свой долг.

Собрался молиться, Катари бы этого хотела... Пусть будет так, как казалось правильным ей.

– Исполняйте, не стану вам мешать. Это случилось здесь?

– В будуаре.

– Я пройду туда.

В будуаре крови не просто много, очень много. У двери и возле кресла. Где-то убили фрейлину, где-то Катари – родную кровь от неродной на коврах не отличишь. Упавшая книга. Веннен... Спрятаться тут негде, а тайный ход нашли бы обойщики, разве что люк в полу... Полы Альдо не срывал, только ковер лежит ровно, и ковер тяжелый. В кабинете стукнуло – наверное, ушел брат Анджело, одну жизнь он все-таки спас.

Робер поднял томик: на обложке виднелось несколько бурых пятнышек. Памятью о сестре и о собственных надеждах заодно. Коко Капуль-Гизайль мудр, он сохранит Марианну, а ты не сохранил ни матери, ни сестры, только крыса. Вот и живи с ним.

Эпинэ захлопнул Веннена, сунул в карман. Виски в самом деле заломило, ничего, переживем, лишь бы продержаться на ногах, пока не найдут Дикона. Сестра шептала про Ариго... Вспоминала юность? Звала брата, настоящего брата? Не узнать, но генералу Ариго нужно написать все как есть. У Робера Эпинэ близкой родни больше не осталось, только Жермон, которого он если и видел в детстве, то напрочь забыл. Родней повелителя Молний стали Карваль, Жильбер, сержант Дювье и... сын Эгмонта. Влюбленный дуралей еще мог поднять нож на Катари... Отвергнутая любовь и ревность способны на страшное, но перерезать горло фрейлине... Яремная вена... Кровь течет, а не бьет ключом, окатывая убийцу. Нет, это не Дикон, это прикрывшийся мальчишкой опытный убийца. Тварь вроде Люра, и эту тварь нужно поймать. Не только ради Катари, но и ради Ричарда, ему еще жить...

Робер прикрыл ладонями глаза, окончательно приходя в себя. Боль и слабость, как и обещал врач, сгинули, голова стала ясной, а дела не ждали. Эпинэ вытащил из вазы алые цветы – они были неправильными, чужими, дворцовыми, но они были *маками* – и вернулся к сестре. Анджело в самом деле ушел, а Пьетро распустил волосы и вновь походил на монаха. Эпинэ положил к изголовью Катари садовое пламя и почти выбежал в приемную. Карваль куда-то уехал, но Мевен ждал. Он хотел заговорить, Робер не позволил:

– Закрой все выходы из дворца. Немедленно. Пока не найдут Окделла, никто не выйдет и никто ничего не разболтает. Нам только второй Октавианской ночи не хватало...

Глава 2

Талиг. Оллария

400 год К.С. 20-й день Весенних Молний

1

Когда немыслимо давно Ричард забирал бывшего кансильера из Багерлее, сломанная ключица не позволила выйти из кареты, и вообще было не до того, чтобы разбираться, что случилось с особняком Штанцлера. После гибели Альдо казалось, что все кончено, Дикон не представлял, не мог представить, что это еще не предел. Страшно лишиться дома и семьи, еще хуже потерять сюзерена и проиграть войну, но понять, что ты любишь шлюху и ведьму... И в тот же миг узнать, что друг, которого ты раз за разом спасаешь, видит в тебе

орудие, болвана, с которым можно делать что угодно!..

Ричард смотрел на добротное приземистое строение с заколоченными окнами и временными, как во многих разгромленных особняках, воротами. Казалось невозможным, чтобы Штанцлер вернулся сюда, но слишком много невозможного в последние месяцы становилось жизнью. Чудовищной, как не бывает чудовищна ни одна выдумка.

Над уцелевшей привратницей вился дымок, и Дикон вспомнил, что дал Эмиасу двенадцать таллов и велел нанять привратника. Штанцлер слышал разговор, но отказаться и не подумал, словно не он попрекал Дикона деньгами Ворона. Лживая гадина, разбившая на исходе Круга наметившийся союз Скал и Ветра. Четыреста лет назад это сделали Спрут и Эрнани, сейчас хватило старого мерзавца и его соучастницы... За это тоже придется отвечать: Штанцлеру – перед Окделлом, Окделлу – перед Кэртианой, вернее не отвечать, а исправлять ошибку Алана.

Юноша окинул взглядом замусоренную площадь и вливающуюся в нее улочку. Тихо, да и кто станет искать убийцу королевы в центре столицы? Погоня, если она уже послана, бросилась в особняк или в казармы северян. Ничего не найдя, чесночники примутся рыскать по предместьям и караулить у ворот Роз, а самые прыткие проскачут по Надорскому тракту до первой деревни и вернуться... Время есть, хотя разбрасываться им и не стоит. Ричард проводил взглядом двоих пожилых горожанок и послал Сону в проулок. Шагом, чтобы не привлекать ненужного внимания. Стук тоже вышел достаточно небрежным, но привратник появился тотчас – молодцеватый, с лихо закрученными усами, он бы сошел за капрала, если б не пустой рукав.

– Чем могу служить монсеньору?

Узнал... Несмотря на платье, ну да кто станет этого калеку расспрашивать!

– Граф Штанцлер дома?

– Полчаса уж как...

Не может быть!.. Вот так сразу взять и найти в огромном городе одного-единственного человека. Подобные случайности и называют предопределением. Повелитель Скал не может бежать, не заплатив по счетам, и... Святой Алан, у Повелителя Скал есть союзник посерьезней Блора с его ребятами. Судьба или, если угодно, Кэртиана приводит своих избранников туда, где они нужнее всего. Она не щадит, она требует. То, что случилось в будуаре Катари, тоже не было случайностью, он пришел именно тогда, когда следовало, чтобы освободиться от опутавшей его лжи и освободить от нее Талиг.

Надсадно заскрипело – привратник, не дожидаясь приказа, распахнул ворота, и Ричард бездумно бросил калеке монетку.

– Благодарствую, монсеньор. Свести на конюшню девчонку-то?

– Нет.

Сона, словно понимая, мотнула гривой. Иссиня-черная переливчатая волна и яркий свет напоминали о Моро и Вороне. Алва чувствовал, что их коням недолго идти рядом, и сожалел об этом. Дикон теперь тоже сожалел, но во Фрамбуа Повелитель Скал и помыслить не мог, что станет таким же одиноким изгнанником со сгоревшей душой, в которой нет места ничему, кроме долга Повелителя и верности сюзерену. Погибшему. Ворону хуже, он положил жизнь на служение ничтожеству, но не потомуку Алана его осуждать. Юноша зацепил поводья за луку седла.

– Я скоро вернусь. Если меня или Штанцлера будут спрашивать, ты никого не видел.

– Да, монсеньор.

Слуг в разоренном особняке не водилось, открывать тяжеленные, изуродованные ломом двери пришлось самому.

Позабывшая о коврах полутемная лестница была истоптана чужими сапогами, вровень с порогом стояла лужа, на верхней площадке уныло торчал безголовый рыцарь, не вдохновивший даже мародеров. Бывший кансильер не врал хотя бы в одном – жить в таком доме невозможно. Дикон брезгливо переступил зеленоватую, дурно пахнущую воду и, придерживая шпагу, начал подниматься. Шаги гулко отдавались в полутьме, выдавая

пришельца, но тут уж ничего не поделаешь, а удрать у бывшего кансильера не выйдет: будь здесь потайной выход, хозяин не стал бы беспокоить привратника. Штанцлер явился полчаса назад, чем он занят? Ищет клад? Или, всего вернее, дневник Каролины Ариго. Тот самый... Что ж, посмотрим, есть ли там маки и лошади... Знать, так уж все!

Лестница кончилась, светлее не стало – заколоченные почти доверху окна пропускали ровно столько света, чтобы не спотыкаться. В пасмурный день здесь совсем темно, но сегодня солнце, и солнце с самого утра... Нужно попасть в промозглый, брошенный дом, только тогда поймешь, как же светло на улице! Этот свет принадлежит тебе, как и весь мир с его дорогами, но сперва дело. Мерзкое дело в ставшем мерзким месте.

Полупустые комнаты перегораживала перевернутая мебель. Слишком тяжелая, чтобы быть украденной. Кое-где валялись вырванные из рам картины, видимо сочтенные мародерами неказистыми, но занавеси и шпалеры исчезли, не говоря об оружии и бронзе. Обивку со стен и ту во многих комнатах ободрали. Особняк словно бы выгрызли изнутри, и он простоял всю зиму нетопленным, чего удивляться сырой промозглости? Юноша брезгливо поморщился при виде распотрошенного дивана, покрытого желтой плесенью, будто овчиной. Что-то треснуло, словно кто-то тоненько и отвратительно хихикнул. Анфилада вильнула, стало суше – тут окна выходили на юг, к тому же привратник отодрал на одном пару досок, а может, они сами отвалились, впустив в бывшую приемную свет.

Покинутый дом, не этот, так другой, может до ночи стать хорошим укрытием... Глупости! Город нужно покинуть засветло, пока выдрессированные Карвалем стражники не закрыли ворота. Дикон ускорил шаг. Если Штанцлер не сбежал, он или в кабинете, или в жилых комнатах на третьем этаже.

Сперва кабинет, он ближе. Дверь прикрыта, но не заперта, совсем как в будуаре Катари. Неужели не прошло и пары часов? Алое на розовом, тиканье часов, равнодушие маков... Он должен был сделать то, что сделал, кровь предательницы смыла с клинка Алана кровь погибшего по ошибке Рамиро. Так решила судьба, так велели Скалы, да и он сам... Сны о кинжале были отзвуками его собственных сомнений, а Катари в платье Марианны ему снилась еще в Сагранне! Не будь Штанцлера с его ложью, все прояснилось бы в первое же лето. Сына Эгмонта заставляли молиться лгунье и не верить человеку, слишком гордому для лжи, но нельзя лгать вечно.

Дикон прислушался. Кажется, в кабинете кто-то был, хотя шуршать и скрипеть могло и подсыхающее дерево. Внезапно захотелось все бросить и уйти, но лишиться фамильного кинжала не значит лишиться Чести. Эру Августу придется ответить на несколько вопросов и отдать дневники Каролины Ариго.

Карл Борраска станет королем, какой бы ни была его мать. Женщина – всего лишь сосуд, она может быть святой, а может оказаться последней шлюхой, но вышедший из ее чрева ребенок принадлежит отцу. Или анаксии, если его отец – Повелитель грядущего Круга. Герцог Окделл избран хранителем тайн Великих Домов, и он эти тайны сохранит. Если Штанцлер знает нечто, порочащее будущего анакса, тем хуже для Штанцлера. Бывший кансильер вместо Рамиро, истинная подлость вместо мнимой – вот она, примета времени!

Ричард резко и вместе с тем несуетливо распахнул дверь. Август Штанцлер был в кабинете, но не один. Напротив старика, чуть расставив крепкие ноги, стоял Карваль. За спиной юноши заскрипело и раздались шаги, Ричард резко обернулся – в приемную ввалилось трое южан.

2

– Дикон, – выдохнул Штанцлер, – мальчик мой, как ты догадался?.. Создатель, как же ты вовремя!

– Это было нетрудно, – соврал Ричард. Что делать дальше, он не представлял. Непонятно откуда взявшийся Карваль тоже. Коротышка, по своему обыкновению набывчившись, пялился на вновь пришедшего, он был раздосадован, но и только. Святой

Алан, чесночник же ничего не знает! Карваль шел по следам Штанцлера, как тот и предполагал, но как южане проникли в дом? Привратник либо запуган, либо подкуплен, хотя непохоже... Если Карваль собирался тайно прикончить Штанцлера, он обошелся бы без свидетеля. Значит, черный ход. У коротышки наверняка есть ключи! Как же, комендант Оллари...

– Мальчик мой, – вновь подал голос Штанцлер, – я понимаю, ты волновался, но ничего страшного. Мы уже закончили. Генерал Карваль обоснованно раздосадован моей забывчивостью, ведь я нарушил указ о домашнем аресте... Я хотел найти одну вещь, но мародеры потрудились на совесть.

Штанцлер улыбнулся, и Дикона передернуло от отвращения. Это было омерзительней лужи у входа и шкуры из плесени, но выказать свои чувства юноша не мог. Его появление стало неожиданностью для всех, и это давало шанс. Это, да еще калека-привратник, видевший, как герцог Окделл входит в дом вслед за Штанцлером. Конечно, привратник может исчезнуть, а Карваль – избавиться одним махом и от свидетеля своих преступлений, и от ненавистного северянина, но риск слишком велик... Теперь Дикон жалел, что не заговорил с горожанками, но ведь никто не знает, что он с ними не говорил! А почему, собственно, с горожанками? Существует старый трюк, старый и безотказный.

– Граф Штанцлер, ее величество предположила, что вы поедете к себе, – сказал Ричард и понял, что его голос не дрожит. – Я обещал помочь в поисках доказательств по делу графини Савиньяк, но раз вы ничего не нашли...

– Здесь не найдешь даже крыс, – подтвердил Карваль. – Прошу меня простить, герцог. Дела... Надеюсь, вы помните, что граф Штанцлер передан вам на поруки и не может покидать вашего дома без сопровождения. Господин Штанцлер, обманув людей герцога Окделла, вы нарушили волю ее величества, о чем я буду вынужден доложить при первой возможности.

«При первой»... Коротышка всегда точен. Собирайся он во дворец немедленно, он бы так и сказал, но нужно проверить.

– Это недоразумение, генерал. – Святой Алан, откуда берутся силы и слова?! – Но, разумеется, поступайте так, как велит вам долг. Можете донести на нас обоих незамедлительно.

– Я не могу отменить инспекцию гарнизонных арсеналов ради походов бывшего кансильера, – окрысился чесночник. – У вас есть время придумать оправдание прыти господина Штанцлера и донести его до ее величества. Вы всегда можете это сделать... через Весенний садик. Прошу меня простить. Дювье, успокойте привратника. Он, чего доброго, решит, что на господ напали мародеры.

– Слушаюсь.

– До встречи, герцог Окделл.

Встречи не будет, но Штанцлера придется тащить с собой хотя бы до роши, в которой ждали Придда. Глупо вышло, не следовало сюда заезжать, пусть бы все сделал Карваль. Это было бы лишь справедливо, а теперь придется покупать лошадь и простую одежду. С другой стороны, двое мещан, пожилой и молодой, возбуждают меньше подозрений, чем одинокий дворянин, особенно когда в городе тревога. Если Штанцлер сбреет бороду, он запросто сойдет за какого-нибудь шляпника...

– Мой мальчик, чего мы ждем? – Теперь, когда южане убрались, бывший кансильер дал волю страху. – Вид разоренного гнезда действует на меня сильнее, чем я ожидал... Конечно, ты в детстве пережил большее... Солдатня, переворачивающая Надор вверх дном, это ужасно... даже ужаснее мародеров... Эти всего лишь грабили, у них не было приказа вытравить саму память... Дикон, что с тобой?! Чего мы ждем?!

В кабинете Катари он визжал так же, а что он делал, когда Робер наставил на него пистолет? Знал бы мерзавец, что Карваль спасает его уже от второго Повелителя. Пришел прикончить, а спас. На несколько часов.

– Мы ждем, когда уйдут солдаты... эр Август. – Ричард заставил себя поднять глаза, но

улыбка не получилась. – Мы не вернемся домой. После того, что я узнал от ее величества, это невозможно. Сейчас мы купим вам лошадь и одежду, и я выведу вас из города.

3

– Нет, Дикон. – Бывший кансильер красноречиво кивнул на дверь. Он всегда был трусом. Об этом говорил еще Ворон, а Ворон ни разу не солгал, даже с Катари, но как было не верить другу отца?! – Нет, мой мальчик, нам лучше поехать домой...

Домой! Штанцлер уже считает дом Окделлов своим... «У вас *есть* герцог Окделл». Именно так они и говорили. Оба. словно речь шла даже не о слуге – о лошади! Чтобы прекратить невыносимый разговор, Ричард распахнул дверь. Разумеется, в приемной никого не оказалось. Потрескивал изувеченный особняк, настырно лезло в узкую дырку солнце, напоминая, что до Летнего Излома всего четыре дня...

Карваль, не рискуя поднять руку еще и на герцога Окделла, убрался восвояси. Скоро чесночник будет кусать локти, ведь он говорил с убийцей регента и не схватил его. Это было чудовищным, но юноша едва не расхохотался, вообразив себе эту картину. Иноходцу полезно узнать, что его распрекрасный коротышка тоже ошибается. Ошибаются все – Дора и Ноха тому свидетели! Жаль, нет времени проститься с сюзереном, но лезть в логово кардинала – безумие, на которое не пошел бы даже Алва. Он служил живому Фердинанду и без колебания покинул мертвого. Ричард Окделл поступит так же.

– Идемте. – На Штанцлера Ричард старался не смотреть. Не потому, что сомневался в принятом решении, – зрелище трусости всегда вызывает отвращение.

– Дикон, – обрюзгший опасный старик тоже высунулся в приемную, внимательно оглядел полутемную облезлую комнату и тщательно прикрыл дверь, – то, что ты предлагаешь, неразумно, хоть и благородно. Да, я хочу жить, хотя я стар и нездоров, а Багерлее и смерти тех, кого я любил, превратили меня в развалину. Вряд ли я переживу следующую зиму, так что дело не во мне. Ты уверен, что Карваль ушел, не так ли?

– Не бойтесь, эр Август, все в порядке. – Коротышка скачет к воротам, наверстывая упущенное время, только к каким? И догонят ли его новости? – У Карваля инспекция, он ее не отменит.

– Без сомнения, – кивнул Штанцлер, и Ричард понял, что ненавидит эту мнимую многозначительность еще больше трусости. – У нашего генерала достаточно людей, которые проследят за нами. К тебе им хода нет, но, тайно покинув столицу, мы лишимся защиты короны, и южанин не преминет избавиться от нас обоих. Я тебя предупреждал на его счет, но я говорил не все... Тот, кто хранит некоторые тайны, долго не живет, а я хочу, чтобы ты жил, мой мальчик... Очень долго и очень счастливо, не только за себя, но и за Эгмонта, и за девочек... Создатель должен наконец стать справедливым к Скалам. Это...

Ричард не дослушал и ударил. По дряблему лживому лицу. Так, как дворяне испокон века бьют подлецов. Юноша не собирался давать волю рукам, он решил держаться и держался, но эти слова про сестер, этот дрожащий голос, эта ложь...

– Вы – лгун, – прошипел Ричард, – мерзкий лгун... И трус... Друг отца, как же! Друг отца умер бы вместе с ним. Вы хуже Спрутов, те... Те хотя бы не клянутся Скалам в любви... И не живут за наш счет. Вы хотите прятаться за моей спиной, пока не удастся удрать в Дриксен!

– Дикон...

– Я все слышал, ясно вам?! Я был в будуаре и слышал, что вы обо мне думаете... Вы и ваша Катарина...

– Так ты пришел меня убить? – Бывший кансильер отшатнулся к окну. Ничего, оно заколочено. – Рано или поздно это... должно было случиться. Хорошо, убивай... Я это заслужил, только не суди мою... дочь!

– Вас это не касается. – Хлопнуть дверью и уйти. Пусть выбирается сам. Если южане караулят, он далеко не уйдет. Если не караулят, Карваль все равно своего добьется, не

сегодня, так завтра. Чесночник достоин того, чтобы прикончить шляпника, а Штанцлер – самозванец, в этом сюзерен не ошибся. Рядом с Аланом и Рамиро этой швали делать нечего...

– Как же ты все-таки похож на отца! Смерть от кинжала Алана, того самого кинжала, который я умолял тебя найти... Как оказалось, для себя. В хрониках я встану рядом с Рамиро Алвой, но ты не должен повторить судьбу Алана, слышишь?! Не должен...

– Окделлы не имеют обыкновения марать руки, и мне нет дела до вашей дочери. Идите куда хотите...

– Дикон!

– Для вас – герцог Окделл. – Ричард отцепил от пояса один из кошель и швырнул на подоконник. Если мерзавца прикончат, пусть это будет ограблением. – Я не желаю вас знать, но раз уж пустил вас к себе... Этого вам хватит до Дриксен.

– Ты многому научился у Ворона, – Штанцлер знакомо и отвратительно вздохнул, – даже швыряться золотом. Когда-нибудь ты станешь Первым маршалом этой страны, но я могу занять деньги только у друга. Единственное, чего я от вас хочу, *герцог*, это узнать, что *она* вам сказала. Кроме того, что меня следует искать здесь.

Она ... Ее уже нашли, не могли не найти, а он вязнет в каком-то диком разговоре. Нужно оторвать от себя эту липкую мерзость и уходить. Ради Скал и ради анаксии, которую не спасли ни отец, ни Альдо.

– Я вас не понимаю.

– Понимаете. – Опять этот проклятый вздох! – Но я спрошу так, чтобы вы не могли отговориться непониманием. Что вам сказала ее величество? Катарина Оллар. Леони Штанцлер. Моя дочь.

Поздно! Даже если это правда, поздно... У старого мерзавца нет дочери, а у Ричарда Окделла – любви, но это объясняет многое. Святой Алан, это объясняет все, кроме предательства!

– Вы удивлены? – Штанцлер шагнул вперед, словно намереваясь коснуться плеча собеседника, и Дикон отпрянул, как от жабы или змеи. – Твоя королева – моя дочь... Все было почти так, как я тебе рассказывал, только сделала это не Арлетта Рафиано, а Каролина Борн. Моя жена... Мы были тайно обвенчаны по эсператистскому обряду в присутствии ее величества Алисы. Подругой невесты была Жозефина Ариго, другом жениха – Морис Эр-При. Я уступал Борнам в происхождении и знатности и боялся, что Кару мне не отдадут. Мы хотели сделать путь к отступлению невозможным и боялись скандала. Ее величество... Ее величество Алиса сочувствовала нашей любви...

– Зачем мне это?

– Ты должен знать о женщине, которую любишь, все. На самом деле *все*, а не полуправду, которая может привести к несчастью. Борны были эсператистами, для них наш брак был бы священен, но тайна сыграла с нами дурную шутку. В Кару влюбился граф Ариго. Он потребовал ее, именно потребовал, а за ним стояли Алва, Дораки, Савиньяки, Валмоны... Борнов вынудили согласиться, а королева Алиса... Она оказалась в ловушке, ее положение было шатким уже тогда, и она не рискнула...

– Эр Август, – раздельно произнес Дик, – меня ваши дела больше не касаются. Мне все равно, чья дочь Ка... королева Талига. Я ее не люблю и никогда не любил. Вы меня поняли?

– Ты пожалеешь, если не...

– Прощайте и будьте прокляты!

Ричард в который раз рванул на себя облезлую дверь и столкнулся с Карвалем. Оттеснив юношу плечом, генерал шагнул в кабинет, по-бычьему наклонив голову.

– Уже уходите? – деловито уточнил он. – Разве вы не собираетесь довести дело до конца?

– Нет! – рявкнул Ричард, не оборачиваясь. – Я за этого человека больше не отвечаю. Пусть он... отправляется в Багерлее.

– Там ему не место.

– Дикон! – взвизгнуло за спиной, и тут же раздался грохот. От неожиданности Ричард вздрогнул. Он слышал выстрелы, и не раз, но здесь и сейчас – не ждал. *Этого* не ждал...

Штанцлер лежал на спине, зачем-то разинув рот. Он упал быстро, быстрее Катари. Морщинистый лоб был разворочен, как если бы кансиллера с силой ткнули ломом. Кровь на истоптанных темных досках тоже казалась темной, и становилось ее все больше. Пахло сгоревшим порохом и все равно плесенью...

– Есть люди, за которыми постоянно приходится подтирать. – Карваль невозмутимо сунул пистолет за пояс. – Например, вы. Дювье!

Чужие лапы обхватили юношу сзади за плечи прежде, чем он успел сообразить, что коротышка вернулся не один.

Глава 3

Талиг. Оллария

400 год К.С. 20-й день Весенних Молний

1

В кабинет Мевена – пустой – они вошли одновременно. Робер – из приемной Катари, бывшей приемной, Карваль – со двора. Маленький генерал хотел что-то сказать, Робер не дал.

– Нашли?

– В известном смысле... Монсеньор, Штанцлер найден убитым в собственном особняке. Не берусь решать, ограбление это или месть. Может быть и то и другое.

– Садитесь, и по порядку.

– Я боюсь повторить уже... известное.

– Закатные твари, я сейчас плохо соображаю... Мне доложили... – На регентском совете он будет называть сестру ее величеством, но при Никола можно не лукавить. – Катари принимала Штанцлера, он убрался, и к ней вошел Окделл, а потом – фрейлина. Проклятье, опять забыл, как ее звали...

– Дрюс-Карлион, но все было несколько иначе. – Когда Карваль научился *так* докладывать, после Доры или раньше? – Ее величество велела всем ее оставить, дамы и врач прошли в свитскую гостиную. Почти сразу же графиню Рокслей пригласили к посту у входа в Весенний садик. Она вернулась вместе с Окделлом, который настаивал на немедленной встрече с ее величеством. Такое уже случалось, и его пропустили. Спустя три четверти часа Окделл вышел. По словам дам, он был очень бледен и сказал, что ее величество вызвала фрейлину и просила ее не беспокоить. Дамы сочли, что герцог Окделл... попытался объясниться и не встретил понимания. Окделл ушел. Приблизительно через пять минут духовник ее величества, ничего не объясняя, увел брата Анджело. Разумеется, все находящиеся в свитской гостиной решили, что начинаются роды...

А что еще можно было решить? Он бы тоже так подумал и сидел бы со всеми, ждал... Ну, может, молился бы, если б умел.

– Я так и понял, что ее нашел Пьетро.

– Да. Он отлучался в Ноху, видимо, с поручением ее величества, потому что сразу же прошел в кабинет.

– Никола, а не могло... – Бред. Не подкрепленный ничем, кроме того, что Дикон не мог! – Сколько времени Пьетро там пробыл?

– Он вызвал меня через несколько секунд, прежде чем пошел за врачом. Монах успевал только открыть дверь в будуар и вернуться. Монсеньор, я понимаю, что вы чувствуете, но виновный очевиден. По крайней мере, виновный в убийстве ее величества и фрейлины. Со Штанцлером могут быть сомнения, здесь – нет.

– Почему вы так уверены? Потому что никто, кроме Ричарда, не входил?

– Если бы... – Никола все же сбился с ровного тона. Малыш умел держать себя в руках, но Приддом он не был. – Простите, монсеньор... В ране остался кинжал, с которым герцог Окделл не расставался и который я видел у него перед тем, как он прошел якобы к Мевену. Мне кажется, дамы угадали, Окделл попробовал объясниться и... не встретил взаимности. Монсеньор, я был уверен, что вы знаете подробности.

– У меня нет времени делать плохо то, что вы уже сделали хорошо. Никола, я могу допустить, только допустить, что Дикон убил... женщину, которая его отвергла, особенно если она... не стала скрывать своих чувств к другому. Любовь и ревность творят из нас чудовищ, этого не отменить, но я никогда не поверю, что Ричард убил фрейлину и сбежал. Он бы или покончил с собой, или во всем признался.

– Только не нам. Монсеньор, я должен просить прощения: я прочел не предназначенные мне письма. Окделл оставил их на письменном столе в доме Алвы. Одно адресовано вам, но в нем могло быть что-то... не терпящее отлагательств. Я ничем не мог помочь брату Анджело, а Мевен справляется со своими обязанностями...

– Не извиняйтесь. Давайте письма.

Это Дикон... Лэе Астрапэ, это все-таки Дикон, и при этом все же не он! «...*требовали обстоятельства и Честь Скал*»... От Дикона здесь только руки, но не сердце и не умысел; дурака втравили, как втравили в убийство Ворона и в эту подлость с судом... Штанцлер и втравил, только зачем?!

Эпинэ убрал письмо, стараясь не думать о возможной встрече Ричарда с Эрвином. Только бы Окделл не бросился к Лукку, хотя куда он может сбежать? Ни дома, ни друзей, ничего...

– Что со Штанцлером?

– Это моя неудача, монсеньор. Дом, который занимал Окделл, находился под наблюдением. Карету Штанцлера тоже сопровождали, но Штанцлер избавился от спутников в церкви Святой Алисы. Он ездил туда довольно часто, к этому привыкли, к тому же его, как и было предписано, сопровождали люди Окделла. Возвращаясь после аудиенции, Штанцлер остановил карету и вошел в храм. Кучер и лакей, как обычно бывало, остались с лошадьми, мои люди в церковь не входили, чтобы не привлекать внимания. Иногда Штанцлер молился очень долго, а может, не молился, а размышлял. Как бы то ни было, его ждали, а он выскользнул через боковой вход и отправился к себе. Это не очень далеко...

– Я знаю.

– Я счел своим долгом отыскать Окделла. Я знаю, как вы относитесь к этому... молодому человеку, но я в любом случае не допустил бы расправы.

– Спасибо, Никола...

– Я забрал письма, оставил в особняке нескольких человек и поехал назад. У церкви я заметил карету и неподалеку своих людей. Я поговорил с ними и вошел в церковь, думая, что нашел хотя бы Штанцлера, но ошибся. На всякий случай я решил проверить особняк. Привратника на месте не оказалось, но ворота были распахнуты, и мы вошли. В доме похозяйничали мародеры, но давно. Беглеца мы обнаружили в бывшем кабинете. Труп уже остывал.

Штанцлера кто-то застрелил, кто-то очень меткий, поэтому я сомневаюсь, что это Ричард Окделл, хотя он там был и оставил вороную мориску. Вы ее знаете, монсеньор; она, насколько я мог понять, была подарена Окделлу герцогом Алва.

– Да, я ее знаю. Дикон ее бы никогда...

О «никогда» пора забыть не только на войне. Если Ричард решил бежать, он мог понять, что Сона слишком приметна, но бросить лошадь у дома Штанцлера! Разве что бедняга не сомневался: по его следам уже идут...

– Его не могли увести силой?

– Кто, монсеньор?

Таинственные убийцы бывшего канцильера, которых, скорее всего, не существует. Что-то заставило в общем-то доброго мальчишку сперва убить Катари с фрейлиной, а потом

и старого мерзавца. Убить и бежать... Может, сама Катари? С сестры бы стало из последних сил велеть дураку уходить.

– Вы хотите осмотреть особняк?

– Зачем? Если вы уверены, что Штанцлер мертв...

– Уверен, монсеньор. Герцог Окделл, уезжая, велел слугам уничтожить икону святой Октавии, я отменил это распоряжение. Это было бы святотатством.

– Правильно... Полковнику Блору придется обойтись без подарков. Все, что еще остается в доме, принадлежит Алве. Сейчас не до того, чтобы переделывать ворота, но выгнать лишних и поставить охрану нужно.

– Уже сделано. Позвольте мне выразить...

– Не надо, Никола. Вы все уже выразили. Не знаю, что бы я без вас делал...

– Монсеньор, нужно отменить инспекцию гарнизонов. Лучше, если письма с объяснением подпишете вы. Я распорядился их подготовить.

Никола успевает всюду, но понять, что из этого выходит, у него получается не всегда. Он не думал с драгунами Райнштайнера, и теперь тоже...

– Сейчас не время что-то отменять. Мы с Левием займемся похоронами, а вы – гарнизоны. Отправитесь с утра, с надлежащей охраной, и сдерете с нерадивых восемь шкур. Нельзя позволить им думать, что власти больше нет... Так уж вышло, что в пределах Кольца Эрнани единственный маршал и родич новорожденного принца – я. Если Ноймаринен или Алва захотят свернуть мне шею за то, что я делаю, пусть сворачивают, но пока будет так, как я скажу.

– Как именно, монсеньор?

– Катарина умерла родами. Родами. Она велела врачу спасти не себя, а сына, и врач повиновался. В присутствии двоих монахов и вашем сестра объявила меня Проземператором Оллари и прилегающих земель, и я немедленно приступил к исполнению своих обязанностей. Брат Пьетро и брат Анджело это подтвердят с разрешения Левия. Вы?

– Разумеется, но слухи все равно пойдут.

– Безусловно. Они бы пошли, даже будь все правдой, но я не хочу, чтобы горожане принялись искать убийцу. Не думайте... Дело не в Диконе, то есть не только в Диконе. Я не хотел бы, чтоб толпа разорвала даже Штанцлера, а люди на взводе, хотя кому это я рассказываю? Мы не можем подливать масло в огонь – наша королева умерла от естественных причин. Слабое сердце, переживания... Странно, что девочка в самом деле держалась... Держалась и...

– Хотите вина, монсеньор?

– Хочу. И вы хотите... Никола!

– Да, монсеньор?

– Я получил письмо от Эрвина... От графа Литенкетте. Он просит помощи. Ему не хватает людей, чтобы перекрыть дорогу к Оллари и заворачивать беженцев в Придду.

– Я пошлю туда Дювье. Он знает те места, хотя мне было бы спокойней увидеть беженцев своими глазами. Конечно, если в Оллари...

– Мы с Мевеном и Дэвидом справимся. Ричарда ищут?

– Я сделал все от меня зависящее.

– Не сомневаюсь. Будем помнить!

– Будем, монсеньор.

Никола не просто сочувствует, ему больно... Как же ее все любили... Все, от последнего нищего до несчастного убийцы!

– Она должна лежать среди маков... Среди маков, Никола... Идемте, срежем все, которые найдутся в этом закатном саду! Сколько бы их ни было...

обманувшего Дика пустым рукавом. Ловушку поставили на всякий случай, а она сработала. Теперь ставший тюремщиком «безрукий» драил свои сапоги, насвистывая какую-то песенку. Будь мерзавец дворянином, Дик, даже связанный, знал бы, как с ним разговаривать. Но препираться со слугами и солдатней – не уважать себя, и Окделл молчал, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход.

Карваль как исчез, так и не возвращался, время шло, закрывавшие окна доски уже не золотились, но свет сквозь них еще проходил. Самые долгие дни в году и бесконечное, убивающее своей беспомощностью ожидание, в конце которого либо Багерлее, либо смерть на месте от руки все того же Карваля. Дикон понимал, почему его не прикончили вместе со Штанцлером: смерть Повелителя Скал привлекла бы слишком много внимания, а жирный Ингоल्с заставляет говорить даже ключи. Коротышка медлил, думая, что держит в руках близкого друга ее величества, а солдаты при всей своей надежности имеют языки.

Конечно, Карваль мог приказать своим головорезам убить пленника, когда господин генерал будет где-нибудь в Барсине. Новоиспеченный барон вернется, и ему «доложат» о двойном убийстве в особняке Штанцлера. Иноходец в очередной раз убедится в незаменимости своего подручного, а подручный избавится от всех подозрений. План был бы безупречен, если б не известная всем верность Эпинэ старой дружбе. Среди чесночников может затесаться кто-то, кто предпочтет выскочке истинного герцога. Быть уверенным в молчании всех побывавших в особняке Штанцлера солдат нельзя, а выкормыш Дорака неглуп и осторожен. Это давало смутную надежду выбраться из передраги живым. Давало бы, если б не Катарина...

Прежние планы Карваля были неочевидны, его нынешние действия сомнений не вызывали – инспекцию отменят, Карваля вернут, и он бросится «искать» убийцу и, разумеется, найдет. Скорее всего, герцог Окделл «погибнет в стычке», и это будет хуже всего. Смерти Ричард не боялся, как и суда. Ворон сохранил достоинство и в цепях, а мужество Алана стало легендой. Пока ты смеешься своим палачам в лицо, ты не побежден, другое дело – получить пулю в чужом подвале. Штанцлер жил и умер как подлец, но его убийство не стало возмездием. Карваль не мстил и не исполнял законный приговор, он прикончил бывшего сообщника, как вор убивает вора...

– Сидит?

– Да что ему станется? Как оно?

– Да кошки его знают. Ты его кормил?

– Такого, пожалуй, накормишь... Укусит еще. Ну, я пошел.

Шаги, шорохи, скрип. «Привратник» убрался. Тот, кто заступил на смену, смачно чихнул и осведомился:

– Ужинать будешь?

– Нет.

– А подумать?

– Нет. – В последний раз Дик перекусил утром, причем наскоро, но голодным юноша себя не чувствовал, а вот пить хотелось ужасно. Как и размяться, но не просить же милости у «тыкающего» герцогу солдата. Все, что Ричард мог в своем положении, это сохранить достоинство. Никто не скажет, что Повелитель Скал унижается и юлит, а южане – солдаты, они отличат Окделла от Штанцлера, но как же старый гусак струсил! Фердинанд и тот больше напоминал дворянина. Еще одна жертва конца Круга, как и его так и не рожденный сын... Катарина нагромоздила горы лжи, но имя отца последнего ребенка назвала верно, в этом Дикон не сомневался. Олларам отпущен один Круг. Род был обречен и исыак, только об этом никто не расскажет. Как и о конце Ричарда Окделла. Ну почему он не умер во дворце, оборвав династию узурпаторов и смешав на клинке Алана свою кровь с кровью женщины, которую любил до того, как возненавидел?! Такая смерть не была бы ни глупой, ни бессмысленной, но Повелитель Скал сделал то, что требовал долг, и проиграл. Карас выпал из рукояти меча, второй раз его не найти. Нет камня, нет Надора, нет Окделлов...

– Может, хватит дуться? – раздалось над ухом. – Чего пузо мучить, не казенное!

– Оставь меня в покое!

– Ну, хозяин барин.

Узнав про королеву, чесночник запоем иначе. Южане помешаны на Катарине Ариго, им не объяснить, что они молятся на змею. Не объяснить даже Роберу, если они вдруг встретятся. Единственный, кто может понять, это Алва. Ворон знал цену любовнице и не считал нужным это скрывать. Ветра честны, как и Скалы. Штанцлер лгал, утверждая, что сын Эгмонта подражает эру, это было не подражание, а сходство, которое не могло не тревожить старого интригана и его дочь. Знает ли Алва настоящее имя Катарини? Эпинэ, тот уверен, что королева – его кузина... Была кузиной.

Если дневник Каролины Борн еще существует, он где-то в кабинете. Штанцлер не успел открыть тайник, только это не значит, что его нельзя отыскать. Пока есть время, надо заставить солдат обыскать кабинет. Сейчас не до фамильных тайн и не до вежливости к покойной гадине. Правда о Катарине может спасти даже от Карваля...

Ричард обернулся к зевающему сторожу, но заговорить не успел. В коридоре раздались шаги, в дверь просунулась усатая физиономия. Охранник вскочил, широкие плечи заслонили проем, но разговор длился недолго.

– Эй, – кивнул вошедший усач, – пошли. Генерал ждет.

Ричард поднялся, возможно торопливей, чем следовало, но лучше поспешить, чем позволить до себя дотронуться. Сторож снова зевнул, распространив вокруг себя запах чесночной похлебки. Он был спокоен, как и вошедший Дювье. Видимо, Карваль не счел нужным сообщить своим людям о смерти королевы. Что бы он ни затевал, новость о дневнике заставит его обыскать дом.

Сторож вышел первым, а Дювье посторонился, пропуская пленника. В руке сержанта был палаш. Какие, однако, предосторожности!

– Я не намерен бежать, – бросил Дикон. – Скалы не бегают.

...Оно налетело сзади, едва Дикон шагнул за порог. Чесночная вонь сделалась кислосладкой и тошнотворной, как в Доре. Юноша еще понял, что падает. Истоптанный мраморный пол сделался розовым и мохнатым, закачался, позеленел, став лужей у порога, из которой усмехнулась, показав язык, щербатая толстощекая девчонка. Ювелирша.

– *Трак-так-так!* – завопила она. – *А ну, взяли! Трак-так-так...*

3

На ночь Эпинэ во дворце не остался, хотя понимал, что придется привыкать. Королевская резиденция не должна пустовать просто потому, что не должна, а без короля, регента, Проземперадора дворец пуст, даже если в нем спит новорожденный принц. Смерть Катари навсегда сделала ее сына Олларом и братом его величества. Октавий Оллар... Имя предложил Левий, и Робер удивился, что не додумался сам. Иноходцу казалось правильным назвать мальчика Фердинандом, но это имя не сулило счастья, как и имя Мишель, которое Иноходец из всех сил старался не назвать. Октавий, тезка стоившего матери жизни и оставившего по себе добрую память короля, – это то, что нужно Талигу. Даже если Ноймаринен и Алва отменяют все решения самозванного Проземперадора, имени у принца не отобрать...

Звон от Святой Луизы заставил натянуть поводья и оглядеться. Проклятье, он свернул туда, куда ехать ни в коем случае не следовало. С Капуль-Гизайлями кончено. Завтра он напишет барону, все объяснит и попросит объяснить Марианне. Повелитель Молний должен ходить по лезвию ножа один. Как Ворон. Почему Алва не написал сестре, Робер догадался в саду, когда они с Никола кромсали маки. Охапки кровавых цветов ложились наземь, заполняя пространство между коротко подстриженными кустами, и он вспомнил. Это было в Сакаци, в ночь смерти деда. Духота и далекая смерть породили сон, бред, откровение, в котором Робер надевал кольцо с отравой и оставался жив. Последний из семьи, когда-то такой большой...

Родные тонули в смертных гвоздиках, их захлестывали увядающие волны, а он пытался застрелить убийцу, не понимая, что стреляет в родную кровь. Он, Робер Эпинэ, маркиз Эр-При. Последний в роду.

– *Кукушонок, вот ты кто!* – надрывался писклявый голосишко, отвратный, но от этого не менее правдивый. – *Кукушонок Эпинэ... Они умерли, а ты живешь... Ты живешь, потому что они умерли... Они умерли, потому что ты живешь...*

Все, кто оказывался рядом, кто был нужен и дорог, погибали, а он не понимал, что это из-за него. И Алву тоже не понимал, а ведь с маршалом творилось то же самое – погибшие братья, мертвые сестры и одиночество. Единственный способ защитить любимых – это отказаться от них и уйти, унося свое проклятие – свою замешенную на чужой гибели удачу.

Робер не знал, кто из них двоих погубил Катари, вернее всего он. Алва пытался спасти свою женщину бегством, но тут объявился пропащий брат, и гвоздики взяли то, что хотели...

– Монсеньор, вам плохо?

Бледные, заострившиеся лица в ворохе алых цветов, сухая вязкость песка, кольцо, которое он не выбирал. Молния! Древней кровью вечер ал...

– Все в порядке, Жильбер. Если ты имеешь в виду обморок.

– Монсеньор, сегодня плохо всем! Если я встречу Окделла...

– Надеюсь, первым его встретит Карваль. И еще больше надеюсь, что ты умеешь молчать.

– Монсеньор, я помню Айнсмеллера. Каким бы он ни был...

– Вот и помни.

Только бы отыскать Ричарда и понять, как все случилось! Штанцлер поплатился за какие-то прошлые подлости, сестра... сестра не выдержала и сказала, что Дику надеяться не на что, но дурочка-фрейлина?! Зарежь ее кто другой, Робер бы решил, что Розалин стала свидетельницей убийства, но сын Эгмонта не был ни трусом, ни подлецом, по крайней мере пока его не толкал под руку опытный интриган. Только интриган не стал бы губить себя самого, а выстрел из пистолета в лоб старику, почти в упор... Это даже не кинжал в грудь сказавшей «нет» женщине. Это что-то другое, но как же мальчишку довели! Как Моро...

– Мы ведь у Старого парка, да, монсеньор?

Старается отвлечь. Глупо, наивно, и все равно спасибо. Ну почему Дикон не подружился с Жильбером, ведь они же почти ровесники? Жил в своих выдумках, слушал Штанцлера, вот и...

– Сворачиваем.

Темные колокольни, темные деревья, темные дома. Зимой ночи светлее. Зимой любой дом – дом, если в нем тепло, если тебя там ждет хотя бы крыса. Проклятье, может, хватит себя жалеть?! Ты не так уж и одинок – у тебя армия и город, а без любви живут тысячи тысяч, и ничего. Встают, едят, что-то делают. Алве придется страшнее, когда он узнает... Моро был не первой потерей маршала и не последней.

– Покарауль лошадей.

– Я не пущу вас одного!.. Как хотите, не отпущу. Храм сейчас все равно закрыт.

– С чего ты взял, что я собрался в храм?

– А разве... Разве ее величество похоронят не здесь?

– Ее похоронят в Гайярэ! Постерегите коней, ребята.

Пройтись до каскада и обратно, освежить голову, и домой – письма должны быть готовы к рассвету. Скольким ему предстоит написать? Ноймаринену, Эрвину, Жермону и Ворону в его никуда... Эчеверрия должен знать, где собрано. Тот получит письмо, сорвет печати. Прочтет. «Я не сохранил вашего коня. Я его убил, спасая вашего бывшего оруженосца. Я не сохранил вашу королеву. Ваш бывший оруженосец ее убил, но я попробую сохранить вашего сына. Я знаю, что он ваш, но я назвал его Октавием...» Безумие и при этом правда. Можно подыскать другие слова, суть останется. Моро. Дикон. Катари. Октавий.

– Мы ведь тут были. Помните? Зимой... После гайифского посольства.

– Были. Будь другом, помолчи.

Плеск воды, ровный, спокойный, ласковый. Как быстро они дошли, словно что-то вело, словно тропа сама бросалась под ноги. Водопад, мраморные скамейки белеют сквозь летнюю тьму, будто светятся. Тут они говорили с Эрвином, и ноймар кинул в бассейн золотой. На счастье... Не помогло, не считать же счастьем вечное незнание того, что ты любил без надежды.

Мраморная скамья манит, Дракониий источник утешает, уговаривает, лепечет, что время сглаживает боль, как волны обтачивают камни. Самые острые, самые твердые, они становятся гладкими, по ним не больно ходить, но камни остаются камнями... Волны помнят и с этим живут, среди горьких и странных песен, среди рухнувших старых лестниц, задыхаясь от новой боли, унося слезы сердца в море, остывая, как скалы ночью, поседев, как травы обочин, ты идешь от осени к лету, от заката идешь к рассвету... Остальное, поверь, не нужно, отвернись от беды минувшей, посмотри на цветы живые, твои раны – не ножевые, твое горе – не соль морская, жизнь твоя – не чаша пустая...

Плеск. Что-то упало в воду. Что?

– Монсеньор, я бросил на счастье монету. Это все делают.

Все... Он тоже бросит, только не золото. Пусть Марианна живет, пусть она встретит старость, счастливую и незаметную, пусть к ней придет тот, кто заберет ее у барона и кому барон с легкой душой вверит женщину, за которую отвечал... Этот, новый, не подведет – не умрет, не разорится, не разлюбит.

– Будь счастлива, любовь моя. Пусть без меня, но будь жива и счастлива!

Теплая жемчужная змейка в последний раз обвивает пальцы. Завтра Коко получит письмо и рубины Эпинэ, а этот жемчуг останется здесь, на дне. Ничьим... Тихий плеск, песня водопада, почти лето, но звезды еще не падают. Никогда не иди по кругу, пустота не твоя подруга, твое сердце забьется чаще, отрешившись от уходящих; не пытайся бежать от песни, слушай, чувствуй, и ты воскреснешь... Ты поднимешь глаза и встретишь новый день и обнимешь ветер... Эта воля воды и лета предвещает ласку рассвета, предвещает, поет и плачет для тебя, и никак иначе...

– Все, Жильбер, возвращаемся во дворец.

Глава 4

Восточная Гаунау. Нижняя Кагета. Гурпо 400 год К.С. 21-й день Весенних Молний

1

Рядом весело говорили о полуденном привале. В хорне или чуть дальше обнаружилось селение; Реддинг его уже проверил – чисто, маршал решил...

Еще бы он не решил! Маршал у нас молодец, снова угадал, успел протащить армию в узкую щель между наваливающимся врагом и взбесившимися скалами... А кто, хотелось бы знать, ее туда завел? Леворукий? Чарльз ухватил себя за язык, вознамерившийся ляпнуть ненужную и несправедливую гадость, и огляделся. Обвал случился пять дней назад, а капитан все еще был как с похмелья, с трудом соображая, где он и что делает. Колонны талигойцев вовсю куда-то маршировали. Судя по висящему за спиной солнцу, командующий повернул не на юг, как намечалось, а на север. Опять в глубь Гаунау, из которой вроде бы собрался уходить. Как всегда, ничего не объясняя, хотя тогда Сэц-Алан с Лецке гадали бы, что задумал Савиньяк, а не болтали про обед. Значит, он сам что-то недослышал. Капитан вгляделся в лица свитских, потом привстал в стременах и узрел за спиной Айхенвальда маршальскую шляпу. Понятнее, само собой, не стало, и Чарльз обернулся на еще не ставшие холмами горы. Это было ошибкой.

– Надеюсь, на нас сейчас ничего не посыплется? – немедленно пошутил Лецке. – Терпеть не могу обвалы перед обедом. Уж лучше драка.

– Сперва найди, с кем драться...

– В такую погоду? Я не желаю, чтоб мне портили прогулку какие-то «медведи». Вот в дождик...

Шутки были глупыми, разговор – раздражающим, но деваться было некуда. Офицер для особых поручений следует вместе с маршальской свитой. Хочется ему кусаться или нет, никого не волнует и не должно волновать.

Лецке заговорил про быструю скачку и великолепные прыжки своего Стрижа, Сэц-Алан ответил, Чарльз кивнул. Он чувствовал себя прилично, но не настолько, чтобы обсуждать чужих лошадей.

– Леворукий! Это еще откуда?

Теньент-драгун выскочил сбоку, галопом пронесся напрямик через кустарник и еще издали заорал:

– Срочное донесение! От капитана Уилера!

– Хотел бы я знать, что ловят кошки, – улыбнулся Лецке.

– Кошки ловят медведей, – шепнул Сэц-Алан, – по крайней мере наши кошки. Кто тут хотел драки?

Офицеры переглянулись и вновь уставились на драгуна, который уже добрался до капитана охраны. На вышедшего из боя гонец не походил, но лошадь успела хорошо пробежаться: Уилер шел последним, вслед за арьергардом. На всякий случай. Схваток после обвала не было, как, собственно говоря, не было и гаунау. Противники потеряли друг друга и найти вновь не особо спешили: и Хайнриху, и талигойцам требовалось прийти в себя.

– Давенпорт, Лецке, к маршалу.

Передние расступаются, пропуская адъютанта и офицера для особых поручений. Колонна стоит. Теньент докладывает, Савиньяк слушает. Очень спокойно, Леворукий бы его побрал. Сейчас что-то опять начнется, что-то пакостное.

– ...мы решили, засаду устроим, если приблизятся, – частит драгун. И его никто не учит, как докладывать! – Не получилось – они, как на дорогу выехали, серый флаг подняли и в открытую двинулись. На дороге следов полно, трудно не догадаться, что здесь армия еще утром проходила. А где армия, там и мы неподалеку. Так и встретились... Уилер своих «фульгатов» там оставил, на всякий случай, а из наших я лучший наездник, да и конь мой порезвее остальных.

Савиньяк кивнул и повернулся к свитским. Чарльз не переносил этот его взгляд, пробегающий по лицам, словно по выставленным на стол закускам.

– Вайспферт, кто из знающих «медвежьих» повадки есть поблизости?

– Капитан Шлянгер.

– Очень хорошо. Давенпорт, ваша лошадь в порядке?

– Да.

– От нашего неугомонного друга Хайнриха прибыл парламентар. Вам придется его встретить, но пускать не самого глупого гаунау в гущу наших частей я не намерен. Везите его стороной, на подходе отправите гонца. Лецке, выделите им десяток гвардейцев.

2

Вопрос с увеличением поставок свежего мяса, овощей и вина был решен. Цена, которую, как дал понять явившийся на сей раз в одиночестве Панага, обеспечил лично он, вполне устраивала и Капраса, и его интендантов. И о лошадях для пополнения кавалерии договорились, и о работниках. Пара мелких казаронов из местных за очень скромную плату соглашались предоставить для разного рода хозяйственных работ крестьян, чтобы маршалу не приходилось отвлекать своих новобранцев.

Очень неплохими были и присланные Хаммаилом вина. Капрас с удовольствием смаковал свое любимое белое и ждал, когда у гостя закончится овес и начнутся шпоры. Ждать пришлось недолго, «Курподай» заговорил о том, чего маршал и ожидал с тех пор, как

до его сведения довели подробности учиненных приспешниками Лисенка зверств. Казар желал, чтобы несколько гайифских отрядов были выдвинуты к речонке с зубодробительным названием, разделявшей Кагету Лисенка, которую Капрас для удобства называл талигойской, и Кагету гайифскую, то есть, простите, Хаммаила.

Казарон замолчал и воззрился на дорогого союзника. Союзник сочувственно покачал головой и сказал, что появление на берегу, – он замялся и обернулся к Ламбросу, – на берегу...

– Пантаяксы-Хандуги, – подсказал артиллерист.

Капрас кивнул и объяснил, что появление гайифских отрядов на берегу Пантаяксы может быть расценено как выпад против Бааты. И что Военная коллегия Гайифы и лично военный министр Квано Забардзакис запретили любые действия, способные подтолкнуть Талиг на помощь Лисенку.

Похоже, Панага чего-то подобного и ожидал. Он сразу же объяснил, что неточно передал смысл просьбы благородного казара, так как слишком волновался. На самом деле Хаммаил-ло-Заггаз просит выдвинуть войска не на саму границу, а в любое удобное дорогому союзнику место на пути к оной. Гайифские отряды могут опереться на укрепления казаронских замков и перекрыть основные ведущие на юго-восток дороги.

«Одновременно защищая эти самые замки», – дополнил про себя речь посланца маршал, а вслух объяснил, что запросит Военную коллeгию. «Курподай» настаивать не стал. Выразив надежду, что к назначенному Хаммаилом съезду казаронов друг и союзник получит ответ из великой Паоны, кагет поднялся, чем поверг Капраса в удивление. Казарон, передающий то, что ему поручено, и отбывающий назад, не обглодав ни единой бараньей ноги, не проревев ни единой песни и не рассказав ни про единого родственника, – это было невысказанно, но прекрасно. Не веря собственным глазам, ушам и разуму, Капрас отправился провожать посланца казара. Лестницы миновали благополучно, но в нижнем зале кагет остановился, и маршал понял, что мир становится на место, но вечер все-таки испорчен.

– Могу я просить дорогого гостя и уважаемого маршала о личной услуге? – Красивое, очень красивое лицо Панаги стало озабоченным.

– Если это в моих силах. – Такой ответ ни к чему не обязывает, особенно если свои силы оцениваешь ты сам.

– Это не составит никакого труда! – Собеседник замахал руками: он все же был кагетом. – Я хочу определить в обучение некоторое число молодых парней из своих крестьян. В обучение к вам... Они перейдут под ваше полное начало, а потом укрепят мою дружину. Раньше о сабле думали мои братья, сейчас я рассчитываю лишь на себя, а граница подошла... Нет, подползла к лучшим моим виноградникам. Если просьба благородного казара будет исполнена, мои замки с радостью примут ваши отряды, и дальнейшее не составит никакого труда...

– Сперва я должен получить ответ Военной коллегии, – перебил Капрас.

Станный казарон немедленно согласился ждать и без лишних слов убрался. Пора было посылать донесение, обдуманное еще неделю назад. Тянуть с депешами в Паону Капрас не мог, оставалось надеяться, что Забардзакису сейчас не до просьб Хаммаила и не до сведения счетов с опальным маршалом.

Будь на то его воля, Карло предпочел бы остаться на месте: пускай и удалось научить этих криворуких ходить строем и правильно заряжать мушкет, их еще гонять и гонять. Чем, собственно, он ежедневно, все светлое время, и занимался. Побери их всех Леворукий! Неужели нельзя прижать этого расфуфыренного Хаммаила, чтобы он не лез в пасть закатным тварям хотя бы сейчас, пока мориски не угомонятся? А Панага, пожалуй, совсем не то, чем кажется. Когда поднаторевший на торговых сделках казарон завязывал знакомство с гайифскими офицерами и помогал обустроить корпус на новом месте, казалось, он старается для своей мощны, но эта его просьба... Дружины казаронов, даже лучшие, это не армия. А «Курподай», видите ли, желает обучить своих на современный манер, да еще вдали от чужих глаз. Крупнейший владетель провинции, богат, умен, знатен – чем не казар? Не сейчас,

разумеется, сейчас на трон Южной Кагеты может лезть только дурак...

– Господин маршал, что-то случилось?

– Нет, Ламброс. Правда, я был несколько удивлен... И вот еще что. Помнится, пару месяцев назад бирисские отряды, те немногие, что не поладили с Лисенком, исчезли из мест своего размещения. Стояли, зимовали, выезжали коней, а потом раз – и нет никого. И никаких криков насчет измены от сторонников Хаммаила. Ну и куда, по-вашему, отправились эти «барсы»?

– Ссорить нас с Лисенком? Похоже на то... Одни «гости» с запада на восток, другие – с востока на запад...

– Если с запада вообще приходили.

– Вы думаете, сторонников Хаммаила рубили в мясную лапшу его собственные «барсы»? Это было бы очень по-кагетски и очень по-казарски, если б только Адгемар был жив.

– Это может быть будущий казар... Ламброс, проследите, чтобы «головорезы Лисенка» не похитили у вас парочку артиллеристов. Я своих людей терять не намерен.

3

– О, вот и наши! – обрадовался проводник при виде выехавших из-за очередного поворота драгун. – «Медведей» мы дальше оставили, за горкой. Еще с четверть хорны...

– Там они и торчат, – подтвердил еще один тенъент. – «Бурые» и парламентар. Как гусак среди уток. Желаете глянуть?

Бергер желал, Чарльзу было все равно. От него ничего не зависело, а голова сразу и болела, и хотела спать, хоть водой обливай. Чалый сам завернул за остальными лошадьми, и Давенпорту вдруг стало странно, что он не только не зовет коня по имени, но даже это имя позабыл. Попытка вспомнить съела пресловутые четверть хорны. Бергер, имя которого тоже вылетело из головы, поднял трубу. Чарльз ограничился тем, что сощурился.

Гаунау честно ждали. Стайка егерей в коричневых куртках, и среди них – осанистый всадник в темно-зеленом мундире. Слишком крупный для местной горной лошади.

– Ронсвикский полк, – вынес вердикт бергер. – Любимцы Жирного. Перевязь, шитье, цепь «Секиры»... На первый взгляд на маскарад не похоже. Капитан Давенпорт, ваше мнение?

Мнения у капитана не имелось, а значит, было оно таким же, как у этого, как же его...

– Я целиком полагаюсь на вас. – Разговоры все еще давались Чарльзу с трудом, хотя окрестные склоны больше не рычали и не жаловались.

– Благодарю. Предлагаю показаться и выяснить, что нужно ронсвицу, но спрашивать будете вы.

– Хорошо.

Солнечные пятна, невнятные лесные шорохи и две группы по десятку всадников в каждой посреди заросшей таволгой лощинки. Враги. Так странно смотреть на врагов, не хватаясь за оружие. Лица обычные, спокойные, если б не мундиры и не мелкие лошади, от своих не отличишь.

– Капитан, мы чего-нибудь ждем?

– Ничего. – Чарльз выслал чалого вперед. Бергер... Шлянгер, его фамилия Шлянгер, приотстал, отдавая первенство посланцу командующего.

– Капитан Давенпорт, офицер для особых поручений маршала Савиньяка. Чем могу быть полезен?

Егеря как на подбор – невысокие, сухощавые, и среди них – здоровенный полковник с орденом на груди, похожий сразу и на Вайспферта, и на Стоунволла. Спокойные серые глаза разглядывают талигойцев. Чарльза меньше, бергера – больше. Бергеры и гаунау – это хуже, чем дриксенцы и марагонцы...

– Господа, мое имя Пер фок Лауэншельд. Я – полковник гвардии и личный посланник

его величества Хайнриха. У меня есть письмо к маршалу Савиньяку. Согласно воле моего короля, я должен передать его из рук в руки. Прошу доставить меня к вашему командующему. Это чрезвычайно важно не только для нас, но и для вас.

– У меня приказ – доставить вас как раз туда, куда вам надо. Но только вас одного, ваша охрана останется здесь.

– Я понимаю. – Талиг полковника был вполне приличен; отец, всю жизнь воевавший на севере, знал варитские языки много хуже. – Вы не должны мне верить, но я все-таки скажу. Вашим «кошкам» не о чем беспокоиться. Мы не склонны поднимать серые флаги по пустякам, но если делаем это, то честно и добропорядочно.

– Благодарю вас, – зачем-то сказал Чарльз.

Лауэншельд чуть наклонил голову, затем повернулся к своим и что-то коротко произнес. Командир егерей отдал честь и тронул своего конька.

– Мои люди останутся на опушке и не покинут ее до моего возвращения.

– Следуйте с нами.

Еще один наклон головы; маленькая лошадь, несущая большого человека, идет рядом с чалым. «Секира»... Кажется, это вроде талигойской «Охоты», придворным ее не получить, да и лицо у полковника совсем не придворное. Не из-за пересекающего щеку шрама, просто во дворцах таких лиц не найдешь, это Давенпорт понял еще в Олларии. Другое дело, что Савиньяки и Алва успешны и на паркете, и под пулями, такие, как этот Лауэншельд, – только в армии. В боевой армии, не в гвардии...

Тихо. Талигойцы молчат, не слышно даже драгуна – в присутствии монументального «медведя» стало как-то не до болтовни. Парламентер тоже ни единым намеком не выдает желания поговорить, потом замечает в придорожном кустарнике мундиры: Уилер с безопасного расстояния наблюдает за егерями и парламентарями. Он «фульгат», он должен.

– Я же говорил, – ворчит полковник. – С нашей стороны никакого предательства не будет. Но ваша осторожность понятна, я бы поступил так же.

И снова – лесная дорога и сонная одурь, что никак не желает проходить. Сон... Он сменил ярость и страх, горы отсыпаются, как отсыпаются солдаты после битвы, а крестьяне – после работы. На обочинах цветет ежевика, тянет колючие плети к тропе. Птицы спокойны, как и насекомые. Можно отдыхать.

– Капитан Давенпорт, я правильно понимаю, что вижу вашего командующего?

– Да. – С маршалом только Сэц-Алан, словно они не во вражеской стране, а на прогулке в Тарнике. Серый в яблоках Грато горделиво несет безупречного всадника. Кто-то все же озабочился послать гонца. Шлянгер или Уилер? А ты хорош – проспать всю дорогу, забыв о приказе!

Савиньяк небрежным и каким-то непривычным движением отпустил адъютанта и двинулся дальше один. Он был при всех регалиях, но почему-то без шляпы. Легкий ветер отбрасывал белокурые волосы назад, открывая правильное худое лицо. Чарльз покосился на гауна. Тот, разумеется, и бровью не повел, но что-то неуловимо изменилось. Полковнику было не по себе, это чувствовалось, хотя внятно объяснить, в чем дело, Давенпорт не смог бы.

Чарльз со Шлянгером разом натянули поводья, но посланник был поручен Давенпорту.

– Господин фок Лауэншельд, командующий вас ждет.

Заминка, мгновенная, но заминка, затем горная лошадка двигается с места. Полковник скалой высится в седле, он напряжен до предела, а Грато уже замер перед перечеркнувшей тропинку тенью. Пара мгновений, и Лауэншельд остановил лошадь у той же темной полосы. Савиньяк резко и красиво вскинул голову, и Давенпорт вдруг вспомнил, что Леворукий у гауна черноглаз. Маршал появился перед парламентарем с непокрытой головой не случайно: это было даже не намеком – предупреждением. Иначе Проэмперадор Севера отослал бы Сэц-Алана *правой* рукой.

Глава 5
Талиг. Оллария
400 год К.С. 22-й день Весенних Молний

1

Эпинэ растерянно поднялся, приветствуя стройную даму средних лет в богатом дорожном платье. Он совсем забыл о графине Савиньяк, а та взяла и приехала. Подруга Жозины, которую он в последний раз видел перед Лаик...

– Сударыня, – с чего начать, Робер не представлял, – сударыня... Не бойтесь! Это Клем... моя крыса. Он ручной, я сейчас его уберу.

– Спасибо. Это необязательно. – Графиня сощурилась на попиравшего кипы прошений Клемента. – Я не раз имела дело с говорящими крысами, молчаливую как-нибудь переживу. Только не позволяй ей на меня залезать, я все-таки дама.

– Клемент первым не полезет. – На всякий случай Робер сгреб его крысейшество со стола и сунул за пазуху. – Не знаю, знаете ли вы... То есть сказали ли вам...

– Я видела траурные знамена. Теньент у заставы объяснил, что Катарина Ариго вчера умерла родами. Я велела сразу ехать к тебе. Сейчас не до этикета, вернее, не до этикета между нами. Ничего, если я не прижимаю тебя к груди? В последнее время я, как ты, без сомнения, слышал, не слишком женственна. И, с твоего разрешения, я сяду.

– Простите! – Тетка Маран и в самом деле сетовала, что графиня Савиньяк после смерти мужа стала груба и неженственна. Жозина пыталась защищать подругу, но мама никогда не умела спорить, зато Арлетта умела. «Эта маленькая Рафиано», – говорил дед и выходил к ней только в парадном мундире...

– Слишком дорого. Я о ценах на муку. – Гостья, все так же щурясь, разглядывала верхнюю из лежавших на столе бумаг. Вот теперь Робер вспомнил ее по-настоящему. Арлетта всех ставила в тупик, даже деда, который пытался ее не любить. – Чем я могу тебе помочь? Послы? Негоцианты? Письма?

– Послы. – Клемент рвался на волю, пришлось легонько щелкнуть по любопытному носу. Нос обиделся и исчез. – Я не дипломат. То есть я и не все остальное, в лучшем случае – полковник, но с военными я хотя бы разговаривать могу.

– Когда эта свора начнет соболезновать?

– Сегодня. В шесть часов пополудни... Но вы не в трауре.

– Мне есть в чем выйти, – отмахнулась женщина. – Фердинанд Оллар в последний раз позаботился о своих подданных. Даже герцогини не шьют двух больших траурных туалетов в одну весну. Не возражаешь, если я переоденусь в твоём особняке? На площадь Оленя мне уже не успеть.

– Я бы хотел, чтобы вы остановились здесь. – Пусть за стеной будет хоть кто-нибудь, кроме солдат! – Правда, я превратил дом в казарму...

– О да! – Графиня неожиданно улыбнулась. – Казарма – это именно то, что испугает женщину из дома Савиньяк. Разумеется, я остаюсь. Заниматься после бунта домом, даже если его не сожгли, такая морока.

Кошки б разодрали Никола с его великой Эпинэ, но что сделано, то сделано! Сэ сожжен, люди погибли с обеих сторон. Такие раны враз не залечишь.

– Я должен... Я должен извиниться за тех болванов, что сожгли Сэ. Мы возместим вам убытки...

Графиня думала иначе.

– Колиньяр возместит, – изрекла она. – Восстали больше из-за него, чем из-за тебя, а заниматься Сэ будут мои невестки. Должны же они у меня появиться... Ты не обратил внимания, как в последнее время болели послы? О том, что здесь творилось при Валме, я наслышана. Где, кстати, его собака?

– Там, где он ее оставил. Готти подстригли, он опять львиный. Сударыня, я должен вам

сказать, что сестру... ее величество убили. Влюбленный дурак... Она отказала, может быть, резко. Дикон становился навязчив, а Катари не то чтобы болела, просто с женщинами...

– Я знаю, что случается в это время с женщинами. – Темные глаза стали чуть мягче, и они все еще щурились. – Кто тебе посоветовал объявить смерть естественной?

– Никто. Я решил, что так лучше. Город еще не опомнился после... всего. Долго рассказывать... Был один мерзавец, действительно мерзавец, в крови по горло. Во время коронации его отдали толпе...

– Ты это видел?

– Да. Я много чего видел... и здесь, и в Сагранне. – Дорога селя и дороги Доры, что страшнее? Пожалуй, все-таки Дора. – Когда столица снова станет столицей, пусть регент делает что хочет, но сейчас... Сейчас я Проэмперадор Оллари и не хочу, чтобы горожане охотились за убийцей! Не потому, что это Дикон... Айнсмеллер был хуже чем мерзавцем, он был бешеной тварью, но дело не в нем! Дело в них, в тех, кто его рвал. Понимаете... Гробницу Франсиска ломали по приказу, Айнсмеллера отдали толпе, но это тоже был приказ. Почти приказ... А в Доре они уже сами и уже друг друга...

Как высказать то, что не понимаешь, а чувствуешь, будто Дракко или Клемент? И так же, как они, не можешь объяснить, просто *знаешь* : горожанам нельзя ловить убийц и плясать у винных фонтанов. Нельзя!

Графиня расправила манжеты.

– Похоже, нас ожидает золотой век, – задумчиво сообщила она, и Роберу на миг показалось, что ему двенадцать лет и они собрались за столом в Старой Эпинэ. Все, даже Дени и Магдала. – Я не думала, что доживу до времен, когда во дворце не останется дураков и хапуг. Дожила... Можешь меня не убеждать, ты выбрал единственный верный ход. Где твой Карваль?

– Инспектирует гарнизоны, потом проедет на север к Литенкетте.

– Он нужнее здесь... Или он уехал раньше?

– Я решил, что отменять инспекцию нельзя, а здесь уже... все случилось. – Никола был в приемной Катари и ничего не сделал. Никто ничего не сделал! – Смерть не обмануть, сударыня. Катарина это чувствовала. Я думал, дело в ее... положении, а она знала, что эти маки последние...

– Глупости! – Графиня Савиньяк не желала верить в судьбу. – Смерть обходят не так уж и редко, просто то, что не случилось, забывается.

– Я помню три свои пули, – вдруг сказал Иноходец. – Ренкваха, Сагранна и позже, уже в Эпинэ... Только я все еще живу, умирают другие.

– Такое, пока он жив, вправе сказать любой. Что ты написал регентам?

– Пока ничего... Было некогда...

Сговориться с Левием и Никола нетрудно, куда хуже – врать Ноймаринену и Алве, только без лжи он не может называться Проэмперадором, а это сейчас нужно. Не герцогу Эпинэ и не мертвой Катари – этому городу, разнеси его Охота!

– Хочешь, напишу я?

– Хочу, но не имею права. Так вышло, что Оллария на мне, значит, я должен...

– Делать то, что за тебя не сделают другие, – заключила графиня. – Напиши Рудольфу, только коротко. Что случилось и что ты предпринял. Остальное предоставь мне. Убийца, как я понимаю, сбежал?

– Убийца? – Эпинэ прикрыл руками глаза. Он сам произнес это слово, но как же оно не вязалось с сероглазым мальчишкой, взглянувшим на Робера у Барсовых врат. Дикон воевал, пытался отравить Ворона, убил Штанцлера, фрейлину, Катари, но он *не был* убийцей. Не был, хоть режьте!

– Ричард Окделл исчез, – негромко произнес Иноходец, – наверное, покинул Олларию. Больше мне ничего не известно. И хорошо... Я узнал Катари совсем недавно, я даже не вспоминал о ней, но... Она сразу стала мне сестрой, но я не могу... Не могу хотеть суда и казни, это трудно объяснить.

– Объяснять не надо. – Арлетта взглянула на часы, которые Жильбер умудрялся вовремя заводить. – Мне нужно привести себя в порядок, а с возрастом это требует все больше времени. Прогоним послов и поболтаем. Про Окделла я слышала, а Катарину знала. Она была слишком умна, чтобы ее убили из ревности; в этом убийстве еще надо разобраться. Что говорит твой Карваль?

– Он сомневается, что Окделл убил еще и Штанцлера.

– Что?! Эту гадюку тоже?

– Да.

– Ничего не понимаю... – Арлетта устало опустила руки, внезапно напомнив Жозину. – Ничего. Но таких совпадений не бывает. Куда идти? Я никогда не бывала в этом доме.

2

Шествие послов замыкал дуайен. Новый. Графиня Савиньяк проводила глазами высокую иссиня-черную фигуру. Граф Глауберозе не из тех, кто сутулится, но сейчас дриксенец не исполнял дипломатическую повинность, он был искренне огорчен, хоть и пытался не показать вида. Гайифец, тот не знал, рад он или встревожен, остальные вели себя как и положено послам, то есть многозначительно и скорбно. Немногочисленные по нынешним временам придворные страдали громче. Дамы прижимали к глазам платки и платочки, мужчины... Мужчины либо скорбно вздыхали и за неимением лучшего косились на Проэмперадора и графиню Савиньяк, либо не видели ничего, кроме гроба. Таких было большинство – Катарину и в самом деле любили, да и четыре смены власти кряду хорошо пропололи ряды шкурников.

– Сударыня, прошу вас. – Седой и бледный, как четверо выходцев, человек подал руку, помогая подняться с резной скамьи в ногах гроба. Помощь пришлась кстати. Карета была прекрасной, во всего лишь хорошую Бертрам бы ее просто не посадил, но дорога всегда утомляет, а уж вместе с послами и возрастом...

– Ну вот, одно дело сделали, – бодро сообщила Арлетта, и Эпинэ попробовал улыбнуться. Не хочет оставаться один, и правильно. Поминальные ритуалы для того и выдумали. Чтобы те, кто потерял все, не легли и не умерли от нахлынувшей пустоты.

– Благодаря вам, сударыня. – Герцог Эпинэ был отменно вежлив. – Думаете, послы удовлетворены?

– Они убедились в том, что ее величество в самом деле мертва, а Проэмперадор Олларию действует в согласии, самое малое, с Савиньяками, Валмонами и Рафиано. Завтра то же должны увидеть и представители сословий.

– Я рассчитываю и дальше на вашу помощь. Надеюсь, вы хорошо отдохнете. Мой дом в вашем полном распоряжении...

– Ты решил заняться делами? Займись ими завтра.

Опирается на тень бесплотную казалось свинством, но Арлетта повисла на руке сына Жозины. Именно повисла, потому что потерявших близких надо тянуть к земле, иначе улетят. Тянуть долгом, а еще лучше любовью, только любовью Робер обзавестись, похоже, не успел...

– Мне нужно переговорить с Мевеном и Рокслеем и послать курьеров к герцогу Ноймаринену и графу Ариго. Я благодарен вам, но должен сделать это сам.

– Сделай, но я все равно напишу. Хотелось бы мне, чтобы вы с Жермоном стали братьями. Других братьев вам не оставили...

Эпинэ нахмурился. Жозина называла предпоследнего сына Ро, но это имя другого человека. Не седого и не измученного.

– Я даже не помню, видел Жермона или нет, – признался бывший Ро. – Катари писала ему, но он не отвечал.

– Она опоздала с письмами.

– Сударыня, не надо об этом. Катари была моей сестрой, и потом... Что она могла, если

семья решила по-своему?

– Наверное, я пристрастна. Просто ты знал сестру, а я знаю брата. Не буду врать, что Жермон мне как сын, но племянника он мне ближе.

– Понимаю... Лэ́йе Астрапэ, как же я ненавижу, когда это говорят мне!

– Что поделаться, ведь ты в самом деле понимаешь. – Свое горе начинает драть душу с опозданием, когда все доделано, убрано, сожжено и ты остаешься с ним один на один. Или почти один на один. Вот тогда оно и приходит, садится на кровать и начинает здесь жить. Долго... А горе друзей, оно болит сразу, оно зазора не дает. Правда, оно, сделав свое дело, иногда собирается и уходит. Туда, где все доделано, убрано, сожжено...

– Сударыня, я не представлял, что Дикон... Он был таким влюбленным, он молился на Катари и... убил! Как?!

– Рокэ тоже ошибся, взяв к себе Окделла, но это казалось разумным. – Лучше о политике! Сейчас лучше о политике, иначе Ро не выдержать. – Два года назад Талигу мешали не вы, а Манрики с Колиньями. Мы не могли отдать им Надор и Эпинэ. Оставалось дожидаться смерти Анри-Гийома и не позволить прикончить тебя и Ричарда.

– Его в самом деле хотели убить. – Справся Джереми с поручением, Катари и эта... Дрюс-Карлион остались бы живы. – Один малый со Двора Висельников опознал человека, нанявшего убийц. Он был из подручных Люра.

– То есть Манрика. Где сейчас эти люди?

– Джереми... Тот, кто платил «висельникам», в Багерлее. Где вор – не знаю. Наверное, можно найти.

– Поищи и отправь в Ноймар, хотя нет... Рудольфу не до старых интриг. Вернется Карваль, и решим.

Анфилада уперлась в лестницу, и стало не до споров – шлейф большого траурного платья требовал полного сосредоточения. Придворную амуницию Арлетта и в юности-то терпела с трудом. Как и Олларию, хотя столица не только не сделала ей ничего дурного, но и подарила Арно. И все равно хозяйка Савиньяка держалась от двора подальше, наезжая лишь тогда, когда ее отсутствие становилось либо неприличным, либо излишне красноречивым. Годам к сорока графиня наконец объяснила свою нелюбовь тем, что ее затащили в столицу насильно.

Требовать в заложники наследников Алиса не рискнула, и Гектор просидел в Рафиано до Лаик, зато Арлетта разделила судьбу многих девиц и девочек, угодив во фрейлины в неполные семь лет. Ее никто не обижал, но дочь графа Рафиано уродилась злопамятной. Алису она невзлюбила сразу, хоть королева и была удивительно хороша собой. Последнее до Арлетты дошло не сразу – в юности кажется красивым либо то, что нравится, либо то, чего у тебя нет, а хочется...

– Сударыня, – Робер так изумительно молчал, что Арлетта позабыла, что опирается не о перила, – вы не будете возражать, если я поручу вас заботам своего адъютанта? Понимаете, это Жильбер Сэц-Ариж...

– Вот и славно. Я совсем недавно болтала с его дедом. Мы поняли друг друга, но сперва мне нужно взглянуть на кабинет и будуар. Потом я займусь дамами Катарини. Они ведь сейчас здесь?

– Да... Только что это даст?

– Возможно, ничего. – Робер никогда не будет похож на деда, и слава Создателю. Анри-Гийом не желал слышать никого, кроме себя. В семье это отчего-то считалось силой и мудростью.

– Мевен и мэтр Инголс проверили все. Ошибки быть не может. К сожалению. Я же рассказывал...

– Считай это капризом. Я, если ты вдруг забыл, взбалмошная. – На Мориса Робер тоже не походит, так что Создателя надо благодарить дважды. Быть внуком Анри-Гийома и уметь не только думать, но и спорить... Мальчик пойдет далеко, если не свалится где-нибудь... Рядом с Росио. Объяснять таким, что нужно спать, бесполезно.

– Сударыня. – Еще одна попытка улыбнуться, но лучше б не старался. – Я попрошу Мевена выполнить все ваши... капризы, но мне... надо отдать несколько распоряжений.

Не хочет заходить туда, где еще горят прощальные свечи и где уже ничего не исправить. Она бы тоже не пошла, но слишком уж просто у них получается. Слишком... Королев так не убивают, *таких* королев.

– Там все убрано, – из последних сил напомнил Робер.

– Я так и думала.

3

Мевен спорить и удивляться не стал – вековое соседство с Приддами даром не проходит. Виконт смахнул с мундира отсутствующие соринки и вышел, оставив Проземперадора писать письма. Эпинэ открыл пережившую четверых правителей чернильницу, обмакнул перо и одним махом написал об убийстве Катарины Оллар влюбленным герцогом Окделлом, после чего скомкал бумагу и зашвырнул в не топлённый несколько недель камин – письмо слишком походило на донос, чтобы обойтись с ним иначе.

Иноходец не представлял, что бы стал делать, явись сейчас перед ним Карваль и заяви, что Дикон схвачен и препровожден в Багерлее. Убийство двух женщин, одна из которых готовилась стать матерью, не могло пройти безнаказанным. Спроси кто Робера, что делать с безымянным убийцей безымянных женщин, он бы не колеблясь ответил: «Занха», но у преступника было лицо, и Эпинэ не знал ничего. Даже того, отпустил бы он Ричарда, попадись тот ему в руки, или убил на месте.

И еще он не понимал, как можно убить из любви. Робер не надеялся на любовь Мэллит и отчаянно ревновал Марианну к Валме, но ему ни разу не пришло в голову поднять руку ни на гоганни, ни на баронессу. И наброситься на Альдо или Марселя тоже не тянуло. Если не любишь, этого не исправить. Он не любил Ирэну, как бы хороша и знатна она ни была, почему должны любить его? Потому что он это *он*? Но чем Робер Эпинэ лучше других, да и при чем здесь «лучше»? Это родители ищут детям богатых, знатных, выгодных, а сердце то ли слепое, то ли, напротив, видит дальше денника с кормушкой. Эгмонт полюбил незнатную девушку по имени Айрис и оставил ее по воле семьи. Ричард полюбил королеву и убил, потому что она не полюбила его. Сюзерен мечтал о старых богах и проклял их, хотя старые боги, если они где-то и есть, Альдо Ракану не обещали ничего... Любовь и власть. Ничего похожего, но хотят и не хотят их одинаково.

Чернильница, словно поняв, что в ее услугах не нуждаются, захлопнулась с громким щелканьем. Правильно, зачем ждать, открыв рот, если ты не нужен? Иноходец поднялся и тщательно придвинул к столу тяжеленный стул. У Мевена в бюро всегда имелось вино, и хорошее, но пить Проземперадор Оллари не стал – глаза и так слипались. Последний раз он выспался у Марианны, когда барон одного за другим отправил завтракать двоих порученцев и трех курьеров. Капуль-Гизайлям надо прислать приглашение в Ноху. Катарина любила Марианну... Сестра почти убедила его в возможности счастья, хорошо, что Коко смотрит глубже. Барон и впрямь может быть несмешным. Он поймет...

Робер протер слипающиеся глаза и уселся у холодного камина. Графиня Савиньяк ничего не отыщет, только надежда настырней репья. Надежда на то, что это не Дикон или хотя бы не только он. Яремную вену фрейлине перерезал кто-то другой, кто-то знающий, как убивать и не измазаться в крови. Кто-то вроде Люра или Джереми. Как чужак пробрался в апартаменты королевы, Робер не думал, вернее, не думал на этот раз, он просто хотел, чтобы все стало иначе. По-детски, глупо, понимая, что Ричард без помощи, даже без мориски, далеко не уйдет и придется даже не решать – делать то, чего не сделать невозможно.

Время шло, очередные часы отмеряли очередные минуты. Мевен с графиней не появлялись, голова все тяжелела. Стулья, кресла, стол, стены оставались на месте, одновременно становясь призрачными, а ветки за окном расцветали солнечными бликами, словно он сидел у Драконьего источника. Робер успел понять, что засыпает и что лучше бы

этого не делать. Было тепло, губы пересохли, но вставать и даже шевелиться не хотелось, и Проземператор прикрыл глаза, чтобы не видеть, как за открытыми окнами блестят и переливаются тополиные листья, а они шуршали, шуршали, шуршали...

4

Приемная Катарини удручала, но кабинет пугал. Наследник Бертрама порезвился вволю. Наследник Бертрама, уверовавший в урготскую свадьбу Ракан, обойщики и мебельщики. Вместе они превратили чудесные комнаты в нечто непередаваемое. Вроде рамки, что таскает с собой Ли.

Когда ее юный сын раздобыл розовый ужас и втиснул в него портрет Алисы, бывшая фрейлина почувствовала себя отомщенной. Странно, что из всех ее мужчин только Ли почуял спящую среди счастья полудетскую ненависть и сумел ее убить. Безвкусица, становясь смехом, убивает... Марсель знал, что творит, а состраданием к тем, кто им не по нутру, Валмоны сроду не отличались. Медовые капканы, они и есть медовые капканы. Милейшие люди, даже когда кого-то душат.

– Сударыня, это произошло не здесь.

– Но здесь она говорила со Штанцлером.

Почти час разговора с самым непонятным человеком Талига. Дураки, хотевшие всего и сразу, графине Савиньяк попадались не раз, Штанцлер дураком не казался. Усердно пытаясь, он лез на государственную гору, долез до канцильера, сделал несколько путных дел и года через полтора после мятежа Борна принялся эту самую гору подрывать. Усердно и осторожно.

– Баронесса Дрюс-Карлион вошла к ее величеству, когда Штанцлер уже покинул кабинет, – напомнил Мевен. – Он не имеет к убийству никакого отношения.

– Он никогда не имел к убийствам никакого отношения, – согласилась Арлетта, – только рядом с ним то и дело умирали.

Любопытно, это у нее упрямство, которого не должно быть у Рафиано, или поиски костей в устрицах, чем никогда не грешили Савиньяки? Ли – первый; Ли и она. Поверил бы старший во влюбленного Окделла с фамильным кинжалом? И в застигнутую врасплох Катарину?

Графиня медленно обошла сияющий кабинет, стараясь не замечать уцелевших в укромных местах ласточек и похожих на ошипанные хризантемы «Зверей». Здесь Катарина и Штанцлер говорили. Около часа. Врач сидит с дамами в свитской гостиной. Духовник отлучился в Ноху. В приемной толкуются придворные, под окнами нет никакого плюща, зато внизу стоят гвардейцы... Штанцлер убрался, это видели десятки глаз. Минут через десять Катарина вызвала фрейлину, та вошла и больше не появлялась, что никого не удивило и удивить не могло.

Вернулся монах, не задерживаясь вошел к королеве, тут же позвал Карваля и Мевена и бросился за врачом. Убить, да еще двоих, он не успевал, как бы того ни хотелось усыновившему Окделла Роберу. Врач клянется, что Катарину ударили ножом за несколько минут до того, как он ее увидел. Позвать на помощь с такой раной не смог бы и Росио, а женщина, скорее всего, сразу же потеряла сознание. На фрейлину врач не смотрел, было не до того, но девица умерла раньше Катарини. Карваль с Мевеном вряд ли ошибаются.

– Виконт, их убили одним ножом?

– Кинжалом, сударыня. Очень похоже, но не поручусь. Брат Анджело со мной согласен. Он считает, что Розалин истекла кровью очень быстро.

– Вы хорошо знаете Окделла?

– Мне казалось, что да, но эта фамилия... непредсказуема. Я не ожидал, что Ричард окажется опасен. Понимаете, его сестра очень плохо отнеслась к тому, что брат принял сторону Ракана. Она на Ричарда... просто напала и исцарапала в кровь. Во дворце, при свидетелях, при ее величестве. Ричард сестру даже не ударил, а ведь в ее величество он...

– Был влюблен, – закончила графиня. – Не пугайтесь, я о ваших делах знаю не только от герцога Эпинэ, но и от виконта Валме. Он просил передать вам свои извинения за то, что не простился.

– Вот скотина! Сударыня, прошу меня извинить.

– Не сердчайте. Валмоны доверяют порядочным людям только в бою и на дуэли. К сожалению, они правы – откровенность в политике до добра еще никого не довела.

– Наверное, – взял себя в руки капитан личной охраны убитой королевы.

Ли бы убийства не допустил, хотя с кем не бывает, убрать себя из Олларики сын все-таки позволил... Арлетта присела у письменного стола, на котором не осталось даже чернильного прибора. Что спрашивать, она не представляла, оставалось тыкаться наугад.

– Стол здесь и стоял?

– Да. Здесь все как было. В будуаре тоже, только вынесли ковры и мелкие вещи... Да, со стола все пришлось снять. Нужно было где-то... Где-то...

– Разумеется, нужно.

Катарина сидела либо у стола, либо в кресле у камина, в ее положении долго не прстоишь. Штанцлер мог стоять, мог сидеть, но, скорее всего, сидел. Говорить, долго говорить, глядя снизу вверх, неприятно. Двое сидели и говорили, потом расстались и умерли. Какое милое совпадение. Еще одно. Здесь вообще от совпадений не продохнуть, знать бы, зачем Катарине понадобилось встречаться со Штанцлером, причем открыто. Бывший канцильер спокойно пришел и ушел, только до особняка Алвы живым не добрался. Все тот же Окделл? Не много ли для одного не слишком расторопного молодого человека?

Графиня сощурилась и резко дернула звонок. Стражники возникли немедленно. Фрейлины – не солдаты, но дольше пары минут копать не станут и они. Арлетта проследила глазами исчезающую в золотых завитушках проволоку. Марсель сказал бы, что не убить в такой комнате невозможно, но, если б понадобилось, виконт бы премило провел время и здесь.

– Я вижу только один шнур.

– Да, у камина звонка нет.

– А в будуаре?

– Звонки из будуара и спальни выходят в свитскую гостиную и комнату камеристки.

Значит, Катарина звонила из кабинета и, по крайней мере в тот момент, ничего не опасалась, иначе одним звонком не обошлось бы. Несчастливая девица вошла в кабинет, но была ли там королева? Если была, получается бред. Две женщины проходят в будуар, где их принимают убивать, и ни одна не успевает ни дернуть шнур, ни выскочить за дверь и завизжать. Если Окделл был в кабинете, когда Катарина звонила, бред становится еще мрачнее. Беременная, вымотанная тяжелым разговором, королева велела бы фрейлине выпроводить гостя, а если бы гость заупрямился? Вот он, звонок, и мужчины в приемной.

Графиня подошла к двери, отодвинула вызолоченный, почти невесомый засовчик, повернула ручку. Раньше птичья лапа сжимала не хрусталь, а очень светлое дерево. У Катарини был хороший вкус, даже лучше, чем у Кары, – та порой путала красоту вещей с их уместностью.

– Женщины вышли вместе, – твердо сказала Арлетта, и Мевен кивнул. – Королева устала, вызвала фрейлину и, скорей всего, собиралась лечь, хотя тут нужнее врач и камеристка, но они были в свитских комнатах. Да, она устала, возможно, почувствовала себя дурно. В любом случае она не хотела никаких встреч.

– Говоря по чести, Окделла не следовало пускать без доклада, – согласился виконт, – но за два дня до убийства дамам досталось за попытку задержать баронессу Капуль-Гизайль, а буквально накануне графиня Рокслей некстати прервала беседу королевы с духовником. Ее величество раздражала излишняя опека, да и этикету она следовала не всегда.

По этикету вдовствующая королева должна молиться. И королева, носящая под сердцем ребенка, должна молиться. И королева воюющей страны должна молиться, а не сидеть над бумагами и не принимать преступников и дураков, но какой уж тут этикет...

Графиня Савиньяк, которой по этикету надлежало либо бдеть у гроба, либо рыдать в обществе первых дам королевства, сощурилась и открыла дверь. В глаза вцепилась розовая дурь. Окна по южному обычаю были распахнуты настежь, занавеси отдернуты, пол устелен еще живыми гвоздиками и розами. Человеческая смерть тонет в смерти растений. Если сгрести цветы в кучу, на полу проступят два кровавых пятна, а может, и не проступят. Скоблить доски дворцовая прислуга всегда умела.

5

Это была дурная примета. Это была очень дурная примета – переступить порог смерти раньше, чем через четыре дня, – но Арлетта Савиньяк переступила. Одна. Мевен был безжалостно остановлен. Военные суеверны, хоть и пытаются не подавать вида. Ох уж эти смешки над смертью, но Арно, уезжая к брату Кары, не смеялся. Он не ожидал удара, как не ожидала Катарина, вот и попался...

Арлетта сама не знала, чего ищет среди цепляющихся за юбки роз. Малый будуар не зря назывался малым. Две двери, окно, кресло, два пуфа, зеркала, пара столиков – не спрячешься и не развернешься, и тем не менее мужчина в нем убил двух женщин и ушел. Мужчина... Влюбленный мальчишка, которому сказали «нет», но когда?!

Вышел Штанцлер, вошел Окделл, заговорил о любви, королева позвонила, явилась Розалин, все трое отправились в будуар, и мальчишка схватился за кинжал? Это даже не Дидерих, подобной дури еще никто не написал. Времени для объяснения у Ричарда не было. Совсем. Рамиро, тот мог подхватить Октавию в седло и помчаться в ближайшую церковь, Окделлы так не объясняются, влюбленные во взрослых дам мальчишки тоже. Ричард не успел бы даже проблеять о послужившей ему пропуском поездке, разве что разговор о любви начала сама Катарина, но тогда б ее звали Ивонн Маран.

Десять, ну пусть пятнадцать минут между уходом Штанцлера и звонком, и столько же между звонком и возвращением монаха. Они были заняты не любовью. И не ссорой, по крайней мере до звонка. Даже если королева собиралась замуж, она не заговорила бы об этом, не родив, и первым бы потрясающую новость узнал Робер. Робер, не Ричард!

Проклятый звонок, то есть звонки... Звони не первый, а второй, все бы стало на свои места. Арлетта опять позвонила. Просто от отчаянья, прекрасно зная, что полдюжины человек в свитской гостиной не могли разом оглохнуть. И лгать они тоже не могли. Даже если дамы сговорились, остается врач, который слышал не хуже кошки, она спросила об этом сразу же.

– Кто? – раздалось по ту сторону раззолоченных створок. – Кто звонил?!

Дверь затрясли, но еще один золоченый засовчик держал на совесть. Зацепившись за особо колючую розу, Арлетта перебежала комнату и дернула задвижку. Та не поддавалась, графиня потянула сильнее, засов заупрямился. Он был слишком тугим для женских рук.

– Мевен! – крикнула Арлетта, позабыв о приметах. – Идите сюда! Все в порядке... Я – графиня Савиньяк. Я проверяла звонок.

Вот оно! То, что объясняет почти все. Если зверь совсем как лошадь, только с рогами, долой рога! Это лошадь, с которой пошутили. Лошадь, господа...

– Что случилось, сударыня? Что с вами?! – Мевен решил, что на нее напали, а ей просто мутно от глупой подлости. От того, что она угадала, потому что начинала фрейлиной, а во дворцах ничего не меняется, кроме королей.

– Виконт, вы можете открыть дверь?

– Разумеется.

– Открывайте.

А ведь и он не сразу... Из какой ерунды можно сделать смерть. И жизнь, наверное, тоже, но смерть получается чаще.

– Подвиньтесь.

– Что вы хотите?

- Задвинуть засов.
- У вас не получится. Он слишком тугой для женщины.
- Именно, виконт. Закатные твари, вы еще не поняли?!

Глава 6

Талиг. Оллария

400 год К.С. 22-й день Весенних Молний

1

Эпинэ с трудом разлепил глаза и увидел графиню, Мевена и четверых гвардейцев. Они могли быть сном, а могли – и явью. Робер глубоко вздохнул, приходя в себя после короткого липкого небытия. Он каждый день клялся не спать сидя, от этого становилось лишь хуже, и все равно засыпал, стоило хоть на двадцать минут оказаться не у дел.

– Тебе нужен шадди, – определила графиня. – Вообще-то тебе нужна кровать, но чуть позже. Сейчас войдут дамы, и мы кое-что выясним. Твое дело не удивляться.

– Это не Дикон?

– К сожалению, это Окделл, но не все так просто.

– Закатные твари!

Не услышала? Рафиано тактичны... А он, дурак, надеялся, что Арлетта что-то все-таки найдет. Какой-нибудь ход...

Иноходец зевнул и застегнул олларовский мундир. С маршальской перевязью. Видел бы дед! А хоть бы и видел... Маршал Шарло выбрал то, что следовало, и нечего было сворачивать к Ренкваху.

Принесли шадди. Так быстро его не сваришь, значит, в буфетную послали заранее.

– Я дам буфетчику пару уроков. – Арлетта поставила чашечку на поднос. – Это ужасно!..

– Неважно. – Робер с трудом удержался от искушения присвоить отвергнутый графиней напиток. Марианна не велела выпивать больше трех чашек в день, и он обещал, но тогда они собирались жить долго и счастливо. – Шадди должен быть крепким, остальное – неважно.

– Только когда надо проснуться, – зевнула Арлетта. Графиня устроилась у окна в кресле, на котором взлетал в прыжке дождавшийся хозяйки олень. – Представляешь, я встретила знакомую юных лет. Одетта Мафра́... Какой же красавицей она была... Ни денег, ни титула, ни мозгов, зато личико принцессы из сказки.

– Неужели?

– Увы. Виконт, мы готовы.

– Позовите дам, – велел Мевен. Он шадди не пил и в отличие от Робера понимал, что происходит. Двое гвардейцев замерли у стены, еще двое встали у дверей, словно на одном из затеянных Альдо советов. За плечом левого гвардейца тикали часы. Закатные твари, он проспал почти три часа!

Заскрипело, зашуршало. Дамы вошли гурьбой. В своих траурных платьях они напоминали черных алатских овец, особенно Одетта Мэтьюс. Мевен галантно поднялся из-за стола. Робер понял, что ведет себя по-свински, но вскакивать было поздно. Арлетта даже не шелохнулась. Кабинет капитана личной королевской охраны был большим, сидящая на другом его конце графиня казалась молодой и гордой, как демоница. Эпинэ смотрел на материнскую подругу и не заметил, как Мевен подал знак и гвардейцы четко, словно на параде, заступили выход.

Толстуха вздрогнула, Дженнифер словно бы и не заметила, шесть других дам, из которых Робер помнил только Феншо и Лору Фарнэби, молча переглянулись. Глаза красными были у всех, только горе от бессонницы и горе от тертого лука отличишь не

всегда. Эпинэ потер виски, понимая, что ненавидит и этот траур, и эти лица, и то мерзкое, что сейчас наверняка всплывет.

– Графиня Феншо, – словно выстрелил именем Мевен, – почему к ее величеству пошли не вы?

– Я де услышала, – к красным глазам добавился немедленно покрасневший нос, – де услышала... Я дичего де предполагала... Если бы...

– А почему услышала баронесса Дрюс-Карлион?

– Де здаю... Я де слышала, я дичего де слышала!

– Госпожа Мэтьюс, что сказал Окделл, когда уходил?

– Ох!.. А почему... Почему я?

– Что он сказал?

– Он...

– Что он сказал?

– Я обожала ее величество! – провыла дама. – Обожала!.. Она была... так добра...

– Что сказал Окделл, когда уходил?

– Что... ее величество вызвала фрейлину... и просит... не беспокоить.

– Герцог Окделл долго пробыл у ее величества?

– Не знаю!.. Я ничего не знаю... Я любила ее величество...

– Госпожа Мэтьюс!

– Долго... Мы пили розовый отвар... Мы выпили розовый отвар... Мы заварили отвар...

– Около трех четвертей часа. – Дженнифер хотя бы не тряслась.

– Окделла привели вы?

– Да.

– Почему?

– Обычно посетителей, проходящих через Весенний садик, встречаю я.

– Кто еще проходил этой дорогой? – сухо уточнила Арлетта Савиньяк.

– Герцог Эпинэ, его высокопреосвященство, дочь госпожи Мэтьюс, врачи, которых приглашал брат Анджело.

– Госпожа Мэтьюс, вашу дочь тоже встречала графиня Рокслей?

– Нет! – завопила толстуха. – Ее встречаю я... Но моя дочь... Она приходила только раз! Это было важно, это было очень важно... Малыш мучился животиком и...

– Кто встречал его высокопреосвященство и герцога Эпинэ?

– Никто... Они проходят... проходили сами. Монсеньор – кузен ее величества и маршал... Его не задерживают. И его высокопреосвященство. А врачей проводил брат Анджело. Их было шестеро... За все время.

– Значит, единственный посетитель, которого встречала графиня Рокслей, это Окделл?

– Да. – Женщина задумалась, но почти сразу уверенно кивнула. – Да!

– О визите Окделла сообщил гвардеец. Что именно он сказал? Госпожа Нэж, вы помните?

– Пожалуй. – Эту даму средних лет Робер видел раз или два. Она была молчаливой и казалась неглупой. – Гвардеец сказал, что герцог Окделл хочет видеть графиню Рокслей.

– Об аудиенции упоминалось?

– Нет.

– Вы сидели напротив часов. Вы запомнили время?

– Я не очень уверена... Кажется, было без четверти четыре. Или без двадцати.

– Кто-нибудь может сказать точнее?

– Без двадцати, – негромко сказала Лора Фарнэби. – Три четверти отбило, когда Дженнифер спустилась в сад.

– Во сколько пришли графиня Рокслей и Окделл?

– Было чуть больше пяти.

– Вы уверены?

– Да. Уже отзвонило.

Кто когда пришел, кто что сказал, кто где сидел, кто заваривал лепестки роз и разливал отвар по чашкам... Робер пытался слушать и даже запоминать, но память отказывалась удерживать ненужное ни ему, ни Катари, ни Дикону. Наверное, Арлетта Рафиано знает, что делает. Ноймаринен захочет знать все, он должен быть уверен, что это не заговор, а нелепая случайность. И Алва должен знать все, и Эрвин, и брат, так и не ответивший сестре. Ариго будет легче всех, он потерял Катари не сейчас, а двадцать лет назад...

Расспросы продолжались. Они были даже безнадежней заупокойной службы, на которую нельзя не идти и которая не связана с умершим ничем, кроме проклятого «так принято...». Так принято. Носить траур. Приспускать флаги. Писать письма. Произносить и выслушивать выдуманные чуть ли не в Гальтарах слова и не мочь выдохнуть то настоящее, что только и имеет значение. Мятеж не дал проводить Жозину как должно, кто бы тогда сказал, что это – везение... Насколько легче не иметь времени думать, что не хватило минуты, слова, мысли, чтобы беда прошла стороной и под Шар Судеб угодили другие. Чтобы уже их близкие гадали, где нужно было сделать шаг, где – подставить плечо, где – спустить курок.

– Графиня Рокслей, – отчеканил Мевен, и странные мысли метнулись и исчезли, как исчезают застигнутые врасплох сородичи Клемента, – вы арестованы по обвинению в соучастии в убийстве ее величества. Все остальные свободны. Корона напоминает, что вы не вправе разглашать то, чему стали свидетелями, под страхом Багерлее.

Двое гвардейцев отделились от стены и встали по обе стороны кресла графини. Так вот для чего они были нужны...

2

– Неправда! – Дженнифер Рокслей вскочила. Теперь она смотрела на Робера. – Виконт Мевен... Он меня оскорбил. Меня некому защитить, а он меня оскорбил, чтобы... Он не смог предотвратить убийство и теперь ищет виновных!

– Не усугубляйте свое положение. Окделл явился к вам, к тому же не в первый раз. Вы провели с ним много больше времени, чем требуется, чтобы дойти от входа в Весенний садик до апартаментов ее величества. Вы повели разговор так, что Окделл прошел к ее величеству без сопровождения. Вы предложили приготовить отвар из лепестков роз, и вы его приготовили, хотя обычно это делает госпожа Мэтьюс. Когда вы заливали лепестки кипятком, вы сняли язычок колокольчика и вернули его на место только после ухода Окделла. Брат Анджело со своего места видел в зеркале, как вы дважды что-то делали с колокольчиком, но не придал этому значения.

– Я проверяла, – быстро и тихо сказала Дженнифер. – Я волновалась... я волновалась за ее величество...

– Вы проверяли колокольчик, который перед приходом Штанцлера был в полном порядке, и после этого он не зазвонил тогда, когда был должен зазвонить?

– Я проверяла. – Дженнифер все еще ловила глазами взгляд Робера. Именно так смотрит ложь, когда ее схватят за горло. – Я хотела убедиться... Понимаете, госпожа Мэтьюс... Она сама – добрая женщина, но ее дочь... ее муж в Багерлее, она затаила зло...

– Не она, вы! – отрезала Арлетта, и Дженнифер замолчала. – Ее величество не звонила из кабинета, иначе бы это услышали все, кто находился в Парадной приемной, а не одна Дрюс-Карлион. Фрейлина вошла в кабинет, потому что хотела поговорить с ее величеством наедине. Мы знаем о чем. О своем приданом, которого у нее не осталось. Она надеялась на королеву. Эта смерть тоже на вашей совести, госпожа Рокслей!

– Она могла вообще не звонить! Откуда вы знаете? Никто ничего не видел...

– Видел Окделл, – отрезала мать двоих маршалов. – Он не знал, куда выведен звонок, но Катарина дернула шнур, и почти сразу вошла Дрюс-Карлион. Разумеется, убийца связал это воедино, чем вас и выдал. Словами о вызванной фрейлине...

Мертвый звонок и ошалевший Дикон с кинжалом! Закатные твари, за стеной были люди, готовые сто раз умереть за Катари, но они не знали. *Не знали!*

– Если б не вы, сестра была бы жива! – Робер понял, что стоит очень близко от графини Рокслей. И кричит. – Она звала на помощь... Ее не слышали. Из-за вас!

3

Дрянъ сейчас сдастся сразу и полностью. Уже сейчас, и поэтому пусть сын Жозины кричит. Это страшно, когда от боли, от несправедливости кричат те, кто привык встречать любую беду молча, но сейчас так нужно.

– Я не думала... Я не хотела! – Дрянъ по имени Дженнифер Рокслей выставила вперед руку в траурном бархате, словно защищаясь. Она шарахнулась бы назад, но там стояли гвардейцы, и им было не все равно. Королеву любили, этого Катарина добиться сумела.

– Дженнифер ловила Окделла, как... петуха! – Лицо Одетты пошло пятнами. – Это становилось неприличным... Она и вчера к нему побежала!

– Катари хотела, чтобы Дикон ушел к вам. – Глаза Робера – глаза Мориса, но смотрит ими Жозина. Жозина, узнавшая о Ренквах. – Она взяла вас, куда бы вы пошли без нее?! Лэе Астрапэ, как вы могли? Как?!

Как могла? Такое либо просто, либо невозможно, но чаще – просто!

– Герцог Эпинэ, – попросила, вернее, велела Арлетта, – сядьте. Ваше горе свято, но Прозмперадор Оллари не может позволить себе самосуд. Судьбу Ричарда Окделла и графини Рокслей решит регент.

– Да, – выдал из себя седой человек, стремительно становящийся близким, – все решит регент. Пусть ее заберут... отсюда. В Багерлее.

– Я не пойду! Нет! – Дженнифер заломила руки. Она бы предала всех, если б было, кого предавать. – Я не была... в сговоре... Я... Меня использовали, меня и мою любовь... Я не знала!.. Не знала, что задумал Окделл... Я не думала!

Подумать, *как следует* подумать, она в самом деле не могла. Хотела молодого любовника, получила Багерлее, а королева умерла. Не вовремя. Случайно. Самое страшное всегда выходит случайно. Ну, не всегда, но часто.

Арлетта тронула черно-белое алатское кружево: она не носила траура по любимым, только по королям, но траур по королям – это даже не лицемерие, это политика. Ею и займемся. Графиня сощурилась. Дженнифер Рокслей стояла достаточно близко даже для глаз хозяйки Савиньяка, но, шурясь, Арлетта напоминала закатную тварь. Сейчас это пришлось кстати.

– Когда вы задумали убийство? – Вопрос ударил хлыстом, как она и хотела.

Дженнифер дернулась. Стало мерзко, словно сорок с лишним лет назад, когда у фрейлин ее величества начали пропадать безделушки, а слуги были ни при чем. Алиса собрала дам в расписанный лебедями зал и велела отвечать на вопросы графа Штанцлера. Воровку тогда еще не кансильер уже знал, собравшиеся – нет.

– Когда? – повторил Мевен, и началось.

Дженнифер больше не запиралась. Все вышло так, как только и могло выйти. Затосковавшая в одиночестве красotka взялась за мускулистого юнца, а тот видел только королеву. Рокслей ее тоже видела, и не первый год. Женщина женщину поймет всегда, пусть и не до конца. Замыслов Катарины Дженнифер не знала, да ей этого и не требовалось. Главное, чтобы Ричард увидел свою богиню без крыл и сияния. Если горшок разобьется, мед достанется мухам. Юнцы с разбитыми сердцами лезут в любые постели, лишь бы услышать, сколь они мужественны и желанны. Утешенный дурак очнется женихом, если не мужем, только с Окделлом ошиблись обе – и королева, и графиня. То есть не с Окделлом, с разговором...

– Он был такой, как всегда! Клянусь... Он думал только о ней... Я надеялась, я так надеялась, что он поймет... Когда поймет, что там нечему молиться!

– Графиня Рокслей, замолчите. – Эпинэ заговорил так спокойно, что оставалось ждать выстрела. – Мевен, проследите, чтобы ее водворили в Багерлее. Госпожа Савиньяк... Я...

– Герцог Эпинэ, – пришла на выручку Арлетта, – я понимаю, что веду себя неприлично, но в моем возрасте это допустимо. Вы меня очень обяжете, если проводите до самого дома.

– Да, сударыня. – Так говорят, просыпаясь или выздоравливая, но до выздоровления тут далеко. – Конечно... Я провожу.

Все, можно падать. То есть, конечно же, влезать в прекрасную карету, трястись по мостовой, вползать на лестницу и расшнуровывать корсет, хотя сперва – туфли... Нет, сперва бокал вина. Любого. Вечность и пол-Бертрама за бокал «Черной крови», или что там старый друг сунул в багаж?

Глава 7

Талиг. Кольцо Эрнани. Оллария

400 год К.С. 22—23-й день Весенних Молний

1

Копья тополей целили в безоблачное небо, оно еще было светлым и полным кружащего воронья. Точно так же птицы кружили над Лаик, над Сакаци, над Старым парком, предвещая ночь и наполняя душу тревогой.

Впереди что-то крикнули, громко щелкнул хлыст, телега покатила быстрее. Отряд торопился на ночлег, и Дикон догадывался куда: южане шли той самой дорогой, которой Ричард проезжал два дня назад. Юноша узнавал то мостик через голодный овраг, то одинокое дерево, то заколоченный постоянный двор. Оказывается, он все это запоминал, хотя по сторонам почти не смотрел; помнил он и испятнанный злящимися на весь мир валунами луг у извилистой речонки, что отсекал облюбованную воронами рощу от невозделанных полей. До следующего водопоя раньше полуночи не добраться, значит, встанут там.

Если б не память, Ричард не представлял бы ни где он, ни куда его везут. Когда позапрошлой ночью юноша пришел в себя, он мало что соображал. Противно скрипело, сверху кривлялось забрызганное белым небо, а голова была неподъемной. В памяти плавали обрывки кошмаров – девчонка-ювелирша, старческая голова с развороченным лбом, красные пятна на розовом ковре... Били часы, скрипели разошедшиеся половицы, Дикон шел по старому дому и кого-то искал. Нет, он лежал в телеге и смотрел в небо, совсем как рассказывал Робер. Пахло дегтем и лошадьми, телега тряслась, все болело, но боль тоже может сниться. Ричард надеялся на это до последнего, потому что к утру вспомнил. Он убил *свою* королеву.

Да, он убил и не жалел об этом. Катарина упала на розовый мох и забрала кинжал Алана. Карваль застрелил Штанцлера в его собственном кабинете. Пуля вошла в лоб, но самого выстрела Дикон не видел. Коротышка задел его плечом, почти отпихнул; закричал бывший канцильер, грохнуло, юноша обернулся, и тут на спину навалился сержант-южанин. Кэналлийцы, «спруты», ублюдки Кракла, а теперь – чесночники... В сказках и балладах рыцари тоже четырежды попадают в плен, а потом воздают врагам четырежды по четыре. В балладах плен вмещается в несколько строчек, в жизни это бесконечные дни, бессилие и память, которая могла бы быть и похуже, и поуступчивей.

Юноша не хотел, но вновь и вновь шел в окружении солдат Карваля гниющим особняком, лихорадочно прикидывая, как освободиться. Если бы его вывели во двор, если б там все еще стояла Сона, если б удалось ударить Дювье по колену, вырвать палаш и ткнуть остроносого солдата... Леворукий бы побрал высокое искусство фехтования! Оно годится, чтобы гонять Спрута садовыми аллеями, но бесполезно, если нужно вырваться из солдатских лап, а у тебя ни шпаги, ни пистолетов, ни хотя бы кинжала. Чесночники не оставили пленнику ни малейшего шанса, пришлось смириться и ждать то ли допроса, то ли Багерлее,

то ли пули. Чего Дикон не боялся, так это суда, но кто-то слишком хорошо усвоил преподанный Алвой урок – обвиняемый может стать обвинителем, а обвинители – шутами. Ричарда Окделла оглушили, связали, выволокли из города, как какой-то куль, и третий день куда-то везли Надорским трактом.

Где и чем окончится дорога, Дикон мог только гадать – с ним не разговаривали даже так, как Варден. За два дня Ричард не увидел ни одного офицера. Конечно, те могли ехать впереди, но тогда были бы слышны команды. Похоже, отряд вел Дювье, один из любимчиков Робера, уже бывавший на севере по делам Эпинэ. Дикон находил этому лишь одно объяснение – Иноходец повторяет выходку Алвы, причем втайне ото всех, возможно, даже от своего Карваля.

Ворон выдворил поднявшего на него руку оруженосца из Талига, даже не переговорив. Эпинэ тоже не стал разговаривать, и Дикон его не винил: сам он, не зная правды, обошелся бы с убийцей Катарины куда жестче. Иноходец правды не знал, но он и не любил сестру так, как любил эту тварь Ричард.

Трясаясь между каких-то мешков, Дикон по слову, по взгляду, по жесту перебирал встречу за встречей. Он отдавал Катарине больше, чем жизнь и душу, он пожертвовал Честью, нарушив ради своей королевы присягу, а ведь ей ничего не грозило. Ничего! Коронованная шлюха, словно закатный оборотень, обрекала на смерть всех, кто верил ее слезам, только караулящие на перекрестье дорог твари хотя бы отдаются обреченным путникам. Катарина уклонялась даже от этого, она спала с Вороном по доброй воле и на него же клеветала. Еще бы, ведь Алва знал цену любовнице, потому и не стал мстить оруженосцу. Робер тоже не мстит, но не от знания: Иноходец был всей душой предан Альдо. В память о сюзерене он и пошел против Олларов, к которым переметнулся все из-за той же кузины.

Святой Алан, какая нелепость! Повелитель Молний служит потомкам марагонского бастарда. Служит не так, как Алва, превратившие служение в месть сразу и Франциску, и последнему Эрнани, а признавая право Олларов на Талиг. Последнее бесило почти до слез, хотя от службы Раканам эориев освободили сами Раканы. Чего удивляться, что Кэртиана отреклась от потомков колченогого труса?! Оскорбить богов можно лишь единожды!.. Знание захлестнуло Ричарда холодным потоком, разбудив страх перед чем-то высшим, тяжелым, требовательным. Нет, это вернувшийся чудовищный взгляд даровал знание и с ним – забытый за два дня человеческих бед холод. Ричард судорожно вцепился в край телеги, ощущая непреодолимое желание броситься назад, но пути назад не было. Во всех смыслах.

2

Три загубленных дневных часа Робер решил загладить письмами. Со смерти сестры прошло больше двух суток, а он так никому и не написал. Арлетта предлагала взять это на себя, но графиня не объявляла себя Проэмперадором Оллари, а Катарина была для нее всего лишь дочерью подруги. Также умершей. Эпинэ поднял глаза на сидящую напротив женщину, которую уговорил поселиться в дедовом особняке. Не мать, не жена, не сестра и тем более не любовница, но в этом доме при нем других женщин, похоже, уже не будет.

– Сударыня, я напишу Ноймаринену, что не знаю, где находится убийца. Я готов в этом покаяться, но регент мне вряд ли поверит, я ведь просил за Окделла. Последний раз – совсем недавно.

– Рудольф поверит мне, – негромко пообещала собеседница, и Робер понял, что беспокоиться не о чем. – Когда регент тебя узнает, нужда в посреднике отпадет, но пока мое мнение лишним не будет. Что ты еще хочешь сообщить?

– Что кузину из ревности убил герцог Окделл и что без графини Рокслей убийства бы не случилось. Это было стечение обстоятельств, а не заговор.

– Заговора и в самом деле не было, – подтвердила Арлетта. Графиня привезла кэналлийское, оливки и даже сыры. Она готовилась встречать новую жизнь, а не провожать

мертвых. – Есть вещи, которые не докажешь. Эту тоже не докажешь, по крайней мере без Окделла, но не думаю, что дело в ревности. Королеву убил не влюбленный дурачок, а наследник святого Алана. Арно, мой младший Арно, говорил, что Окделл бредит предками и балладами. Это и сделало его страшным.

Робер не понял. Просто не понял, а немолодая, удивительная женщина сидела перед ним с бокалом в руках, щурясь на оставшуюся в память о Придде бронзовую змеедеву. Робер прикрыл ладонями глаза, пытаясь обдумать сказанное. Мешали горящая даже сквозь тьму рубиновая звезда в бокале графини и слова, вернувшиеся в память среди срезанных маков. Разбивается бокал... Полночь!

Сейчас почти полночь, и у них в руках бокалы. Сегодня вот-вот станет «вчера», но маятник будет качаться, а вода в Драконьем источнике – петь о лете, до которого остается два дня...

– Робер, – раздалось сквозь монотонный напев, – если ты сейчас же не отправишься спать, я, чего доброго, подумаю, что это ты старше Жермона на десять лет, а не он тебя.

– Неважно. – Глаза на удивление послушно открылись. – Сударыня, если это не ревность, то что?

– Долго объяснять, ты уснешь.

– Нет, – заверил Иноходец, глядя в винный огонь. – Не усну.

– Тогда скажи: если бы Альдо убила не лошадь, а человек, что бы сделал с этим человеком Ричард Окделл?

– Альдо убил Моро.

– Я сказала «если». Ричард постарался бы отомстить, чем бы это ему ни грозило? Как Алан?

– Да... Альдо стал для Дикона всем. Не знаю, как это вышло. Просто не знаю! Я боялся, мальчишка вообще не переживет... Не представляю, что бы с ним случилось, если б не сломанные кости и не переворот. Дикон не мог покончить с собой на глазах у этих... своих вассалов. У Карлиона с Берхаймом, а потом понеслось. Он решил, что вошел в регентский совет. Мы не стали его разубеждать, а он думал, что нужен Катарии. У бедняги только и оставалось, что любовь... Нет, сударыня, он... убил из ревности.

– У него для ревности просто не было времени. Ну подумай же! Дженнифер Рокслей решила заполучить Окделла, ей мешало его чувство к королеве. Намеки не помогали, а намеки были, можешь мне поверить, только Ричард либо не понимал, либо пропускал мимо ушей. Он вбил себе в голову, что любим. То, что это было не так, видели все. И Дженнифер.

– Это видел даже мой адъютант...

– Дженнифер решила открыть Окделлу глаза и устроить так, чтобы он подслушал разговор королевы и оскорбился или был оскорблен. Графиня все обдумала: выговоры, которые получали излишне навязчивые дамы, удержат их в свитской гостинной, а страх нового выговора не позволит задержать близкого друга королевы. Окделл окажется в приемной. Один. Задняя дверь кабинета заперта намертво, но он бывал в малом будуаре и знает, что в кабинет можно пройти еще и оттуда. Будуар открыт – женщина просто не может задвинуть засов. И отодвинуть тоже.

Гость беспрепятственно попадет из приемной в будуар и окажется перед еще одной дверью. Эта дверь запирается только со стороны кабинета и, скорее всего, будет закрыта. Влюбленным свойственна робость. Молодой человек постучит не сразу, он будет прихорашиваться, подбирать слова, услышит голоса и вряд ли устоит перед искушением узнать, не о нем ли речь.

Разобрать, о чем говорят за дверью, можно. Особенно если говорят не у стола, а в креслах у камина. Как мне сказали, последнее время Катарина принимала посетителей именно там. Это знали все, и, разумеется, это знала графиня Рокслей. Если бы разговор, паче чаяния, шел в самом будуаре, гость мог просто встать в приемной у стены, портьеры скрыли бы его от собеседников. Думаю, Дженнифер задержалась именно там, когда Катарина говорила с духовником. Полученная выволочка натолкнула мерзавку на еще одну мысль:

застав Окделла за подслушиванием, Катарина скажет резкость и ему, а много ли нужно обидчивому молодому человеку, чтобы отправиться доказывать *ей*, что *она* ему не нужна?..

Раньше Дженнифер в определенном смысле могла опасаться баронессы Капуль-Гизайль, теперь опасность отпала. Единственной дамой, готовой утешить большое самолюбие герцога Окделла, осталась она. Думаю, Рокслей собиралась впустить Ричарда в приемную, когда с королевой будешь ты. Вы так или иначе коснулись бы регентского совета и судьбы герцога Окделла. Остальное доделали бы воображение и оскорбленная гордость, а дальше ссора, обида и утешительница...

– Лэйе Аstrapэ, так и было!

– Нет, не было. Конечно, я могу ошибаться... Почему Катарина приняла Штанцлера?

– Он настаивал, сестра просто не выдержала. Трудно объяснить. Катари знала Штанцлера с детства, даже помогла ему бежать... Сестра однажды сказала, что чувствует себя... овцой, которая ненавидела собак и пастуха и мечтала убежать в лес к свободным волкам. Потом она встретила свою мечту... Она поняла многое, и цену Штанцлеру тоже, но выпустить человека, любого, из Багерлее и тут же вернуть в тюрьму слишком жестоко. Катари так считала, хоть и признала, что поторопилась... После нашего разговора она запретила Штанцлеру покидать дом Окделла.

– Окончательно судьбу Штанцлера должен был решить новый регент?

– Да.

– Гусак не мог не понимать, что скоро его как следует прокоптят, и был слишком умен, чтобы пытаться сбежать от Карваля. Последней надеждой Штанцлера оставалась королева, вернее, ее прошлое. Он добивался встречи, добился и остался ни с чем, иначе не рискнул бы удрать от охраны и забраться в свой особняк. Надо думать, там было спрятано что-то, что могло сделать Катарину сговорчивей. Налей мне воды, пожалуйста, я давно столько не говорила.

3

Водопад ли, источник ли, кувшин ли, вода льется одинаково, льется и поет о лете. Песня воды гасит боль и затягивает память туманом. Туман, песня и радуга, хотя радуга и есть песня.

– Мне кажется, с тебя хватит.

– Нет. Штанцлер ничего не нашел.

– Находку мог забрать убийца.

– Карваль осмотрел все места, где потревожили пыль. Там не было никаких тайников...

– Значит, гусака спугнули раньше времени. Робер, Штанцлер не получил от Катарины, чего хотел. Он не мог быть уверен, что они встретятся снова, и выложил все карты. Что-то он хранил у себя, это так, но я не представляю, что могло повредить королеве после того, что она сделала для Талига. Ей забыли бы даже покушение на короля, не говоря уж о мелких заговорах. Даже будь Рудольф или Алва вне себя, они бы скрыли свои чувства: Талиг сейчас не в том состоянии, чтобы обвинять Катарину Ариго.

– Штанцлер мог хранить письмо. Личное письмо. – Да, королеву никто бы не обвинил, но Катари ждала любви. Не признавалась в этом, но ждала; если Штанцлер об этом знал... – Сестра пыталась это скрывать, но она любила Алву, а он... Неважно!

Кому говорить о крадущихся по его следам чужих смертях, решать Ворону... Полночь. Молнию сменила Скала, а бокалы все еще целы. Лето стало ближе еще на один день, но чем ближе лето, тем ближе и осень...

– Пусть будет неважно, – Арлетта Савиньяк тоже смотрит на часы, – Катарина все равно устояла. Маркизу Фарнэби не обманешь. Штанцлер дважды прошел мимо старой змеи; второй раз он казался изрядно ошипанным. Похоже, королева решила окончательно объясниться с бывшим... наперсником и выбрала время, когда ей никто не мешает. Возвращения Окделла она не ожидала.

– То, что должен был сделать Дикон, взял на себя граф Литенкетте. – Скоро Карваль доберется до Лукка, и Эрвин узнает все. Никола не станет щадить Дикона. Он бы пощадил Литенкетте, если б догадывался, только ноймар скрывал свою любовь лучше Окделла. – Ричард вернулся раньше времени.

– И тут же помчался во дворец, по-прежнему влюбленный, в этом дамам можно верить безоговорочно. У королевы был Штанцлер, и графиня Рокслей решила, что пора действовать.

Бывшие заговорщики говорят о политике, но если у женщины в голове мужчина, ей кажется, что он во всех головах. Окделл отправился докладывать о своей поездке, Дженнифер предложила заварить розовые лепестки и заварила, сняв при этом язычок с колокольчика. Она ждала ссоры и обиды, после чего наступил бы ее час. Не допив отвар, графиня удалилась в уборную и вернулась с подкрашенным лицом и свежим цветком в прическе. Дженнифер Рокслей охотилась за мужчиной и добилась бы своего, услышь Ричард, как Катарина от него устала, или раскройся обман с регентским советом. К несчастью, собеседником королевы был не ты.

Окделл вошел в будуар, услышал голоса. Дверь в кабинет была закрыта, но если люди ссорятся, они говорят громко, а они наверняка ссорились. Штанцлер настаивал, королева отказывала. Чужих ушей она не боялась – в Парадной приемной никто не осмелится встать у замочной скважины, дамы в свитской гостиной шпионят друг за другом, врач без вызова не войдет, духовник уехал, к тому же и ему, и тебе, и Карвалю удобней пользоваться главной дверью.

Можно только гадать, что привлекло внимание Окделла, подозреваю, что имя Альдо Ракана. Ричард начал слушать и услышал нечто, заставившее его запереть дверь в приемную и схватиться за кинжал. Я думаю, Штанцлер обвинил Катарину в смерти Альдо.

– Сударыня!..

– Я не вижу никакого другого объяснения. Мевен рассказал мне, как все было...

– Да никак, никак не было! Катари потом радовалась... почти радовалась, что Альдо умер, что все кончилось хотя бы для города, но это несчастный случай!.. Если кого и можно обвинить, то Никола... то есть Карваля. Он оседлал и привел Моро, не послав за мной. Любой конник – любой! – понял бы, к чему все идет. Они и поняли! Никола, Мевен, Халлоран... Тот даже пытался меня задержать. Я не видел, как Альдо упал, но я видел Моро... Его гоняли по двору несколько человек, не ловили, а гоняли, потому что Альдо шевелился. Они не сговаривались, просто решили, что так лучше для всех. И так в самом деле лучше... В том, что случилось, виноват сам Альдо. И я, потому что не объяснил ему, какой он наездник. Мы еще были друзьями, я должен был это сделать!

– Если наездник или фехтовальщик не понимает, что никуда не годится, ему этого никто не объяснит. Альдо мертв. Кто бы его ни убил, он оказал услугу Талигу, но что, если Ричард услышал о сговоре южанина Карваля с южанкой Ариго? О подрезанной подпруге, раздавшемся вовремя крике, слетевшей вуали? Что, если Катарина призналась или, того больше, бросила это Штанцлеру в лицо? В ответ на напоминание о прошлых заговорах? Довод «я избавила Талиг от узурпатора, теперь мне нечего бояться» производит впечатление.

– Но она этого *не делала* !

– Тогда почему? Почему нелепый, напыщенный, помешанный на фамильной чести дурак убил двух женщин и старика, за которого только что просил?

– Не знаю!

– Робер, Ричард что-то услышал. Что-то, перевернувшее все его представления. Он решил убить, но убийство беременной женщины и королевы невозможно. Значит, это не убийство. Алан Окделл ударил кинжалом раненого, который протянул ему руку. Рыцарь не мог так поступить. Рыцарь так поступил, но он не предавал и не убивал, он казнил предателя и убийцу сюзерена. Нынешний Окделл слышал про это всю жизнь и всю жизнь мечтал о славе Алана. Он запер дверь, вынул кинжал и стал ждать, но Катарина вошла с фрейлиной. Они удивились, но и только. Катарина села в кресло или собралась сесть. Окделл заговорил,

он не мог сделать свое дело молча. Катарина схватилась за звонок, Дрюс-Карлион бросилась к выходу, не справилась с засовом, метнулась к двери в кабинет и получила удар клинком. Потом пришел черед Катарины. Кинжал Алана Ричард оставил в ране как свидетельство того, что это сделал именно он. И того, что это казнь, возмездие...

4

Над валунным лугом висела тишина. Выползший из речки туман обвивал тележные оси, становилось зябко. Не холодно, а именно зябко и неуютно. Если б Ричард позвал, кто-нибудь наверняка бы подошел и даже швырнул с телеги второй плащ. Именно поэтому Дикон и не просил – уважение к себе рождается из умения терпеть. Почти летний луг – это не лаикская галерея в разгар зимы. Юноша поежился, кутаясь в солдатскую тряпку, и поднялся – чесночники стерегли пленника по-своему. Не было ни цепей, ни веревок, наоборот – у Ричарда отобрали сапоги, чулки и все ремни. Унизительная нелепость угнетала сильнее затекавших от сидения мышц и вонявшего чесноком варева. Знай Эпинэ, что вытворяют его люди, он бы спустил с Дювье восемь шкур, но Иноходец вряд ли внятно объяснил подручным, что от них требуется. Велел доставить герцога Окделла к дриксенской или гаунасской границе и успокоился. Ричард подозревал, что его оставят не только без лошади и оружия, но и без сапог, а украденное разделят между собой или продуют в кости. Гаденькая месть юга северу, гаденькая и безопасная. Повелитель Скал не станет сводить счеты с солдатней, разве что, встретив Иноходца, со смешком пожалеет о перчатках и шейном платке, хотя нужнее всего сапоги. Ходить босиком было противно даже по мокрой от росы траве, а в предгорьях, где его отпустят, дороги сплошь усыпаны мелкими камешками. В Сагранне Эмиль и тот сменил кавалерийские сапоги на адуанские, с толстыми подметками.

Теперь кавалеристу уже никогда не стать графом Савиньяк, но жаль его Ричарду не было. Человек, оттолкнувший протянутую ему руку, даже не удосужившись подумать, всегда останется вторым, а Лионель... Будь он другим, можно было бы его разыскать, только любимчик Дорака не из тех, кто примет беглеца.

Юноша обошел обернувшихся на звук караульных, те даже не окликнули, просто проводили взглядом. Остальные уже улеглись, Дикон, проводи он весь день в седле, тоже бы спал, но его оставили без лошади. Вообще. Спину полоснул чей-то взгляд. Не часовой, но и не тот, с севера, отвернувшийся от отряда еще на закате. Что ж, кто бы ты ни был – смотри! Дикон распрямил плечи и нарочито медленно спустился к речке.

Сквозь туман рыжим фонарем светил костер, глухо переговаривались коноводы, а кони бродили по груди в стелящемся над травами мареве. Черные силуэты встряхивали гривами, клали друг другу на спины головы, ныряли в молочные волны и вновь появлялись. Дикон вспомнил Сону и сжал кулаки. Мориску было жаль нестерпимо, украденный жемчуг и золото не шли с ней ни в какое сравнение. Сона была другом, прошедшим Варасту, Дараму, Святую Мартину и ни разу не предавшим. Ни разу! Юноша все больше понимал Ворона, ставившего Моро выше любовницы. Вряд ли Алва простит Эпинэ смерть коня, но это уже их дело. Повелитель Скал не желает больше слышать о Талиге, у него своя дорога!

Босые ноги вступили в вязкую холодную грязь, Дикон вполголоса выругался, у костра издевательски заржали, Ричард понимал, что не над ним, но последняя охота подходить пропала все равно. Юноша уселся под корявым деревом, обхватив руками колени, и тут же из зарослей выступили две стройные фигуры. Блеснул эфес шпаги – святой Алан, в отряде все же были офицеры. Ну и дряни!

– Здесь не нужно приглашение, – сказал первый. – Нет, здесь не нужно.

– Я вас и не приглашаю, – отрезал Ричард.

– Это неважно. – Второй – черный оллариянец! – вышел из тени, и Ричард узнал отца Германа! Рядом стоял Паоло в том же платье, что и прошлый раз. Сны, покинувшие юношу зимой, возвращались кошмарами или бредом, но в этот раз Ричард даже обрадовался. Ему

все-таки удалось уснуть назло корчащей роже судьбе.

– С тобой тяжело говорить, – Паоло присел рядом, – и почти незачем, но тебе придется вернуться.

– Не жди помощи. Открой дверь первым, тогда ты можешь успеть. – Олларианец не садился. Четкая черная фигура ниже колен расплывалась, становясь призрачной: туман пробрался даже в сон.

– Смешно, что вы пришли именно сегодня. – Дикон рассмеялся. Он предпочел бы говорить с Рамиро и еще раз ощутить вкус «Черной крови», но сны не выбирают.

– Мы не можем войти в город, – объяснил Паоло, – больше не можем. Ты – другое. Рыцарь всегда войдет к своей королеве. Рыцарь будет ей служить.

– У Окделлов одна королева – Честь. – Он опять говорит с собой о том, что хочет забыть, но пока не может. – То, что я сделал, я сделал ради Чести.

– Неважно, тан. Недавние деяния ничего не изменили. Ты избрал королеву не сейчас. Она тебя призовет, и ты придешь. Если будешь.

– Лучше, если будешь, хотя было бы лучше, если б ты не был. – Приди они наяву, Дикон отобрал бы у родича Алвы шпагу и увел лошадь... Робер хочет, чтобы он уехал из Талига, он уедет! В Гаунау. Союзники отца помогут и сыну. Эгмонт Окделл не принял бы помощь из недостойных рук.

– Вы так и не видите очевидного, – сухо сказал олларианец. – Тяжесть камня и бесформенность воды – это ужасно, но королева будет ждать. Ваша королева. Не предайте хотя бы ее.

– Это она предала. – Он бросил это Катари в лицо, он повторит то же самое хоть Леворукому. Герцог Окделл свободен от любви, свободен от всего! – Она лгала, господа. Лживая шлюха прикидывалась святой! Ей не место на троне. Я горжусь тем, что сделал, и я бы сделал это снова... Эпинэ трусит, как трусил всю жизнь, он боится меня судить, боится, что я скажу правду об этой дряни... О том, какой она была на самом деле. Шлюха на столе... Жаль, я не могу сделать с ней то, чего она заслужила, и сказать, что бывают яблоки и получше, а они есть!.. Жаль, если ее сделают святой, но я еще вернусь и объясню всем, кто она такая!

– Да, ты вернешься, – кивнул Паоло, – ведь твоя кровь принадлежит твоей королеве. Она тебя не выбирала, ты выбрал ее. Ты клялся, ты вернешься...

– Я не выбирал шлюху! – крикнул Ричард. – Моя кровь и жизнь принадлежат Чести!..

– Нет, тан Окделл. Вам нечем клясться третий раз. Горячая кровь отдана, холодная кровь отдана. Третьей не бывать. Вы сказали, вас слышали. Все, что вам осталось, – не забыть сказанного вами же.

– Окделлы ничего не забывают.

– Только клятвы и добро.

– Добро? Какое добро?! У добра слишком много яда, чтобы его забыть... Я уже расплатился со святой шлюхой, расплачусь и с другими! Со всеми, кто меня предал...

Он спросит за все, но сперва нужно выжить и вернуться. Дриксенцы и гаунау схватились с ноймарами, вот она, война Окделла. Не за Марагону и не за Хексберг – за щит Манлия. Дриксенцам придется повернуть на Ноймар. Круг еще не закончился, и он принадлежит Скалам.

– Круг еще не кончен, слышите, вы! И он мой!

– ...Чего разбазлались?! Никак, гадюка?

Грубый, злой голос. Туман. Вода. Тускло светит рыжий костер, по белому лугу бродят темные лошади. Олларианец и однокорытник вернулись в сон...

– Эй, че у вас там?

– Да ничего... Кабанчик орет.

– Ясное дело, – долетает из тумана. – Совесть нечистая, вот и орет... Обен, ты, что ли?

– Я!

– Шел бы ты спать, а я погляжу, все одно разбудили... Кошка уже эвон где, через

полчаса так и так караулить...

Глава 8

Дриксен. Метхенберг. Талиг. Хексберг 400 год К.С. 23-й день Весенних Молний

1

В окне кареты показалась вывеска. «Везучий боцман»... Там они с Зеппом и с другими... Там...

– Брат Ротгер, – раздалось позади, – опустите капюшон и вздохните. Не меньше шестнадцати раз. Вы едете не за воспоминаниями.

Руппи исполнил и то и другое. Он приехал не рыдать и не попадаться, а искать помощников. С деньгами решено, есть и время, в обрез, но есть. У карет свои преимущества: сами они не спят, а в них спать можно. Отец Луциан хотел успеть к празднику и успел, но день святого Торстена¹⁴ в этом году будет «штормовым».

– Брат Ротгер, это ведь резиденция коменданта Метхенберг?

– Да, ваше преосвященство.

– Брат Орест, сообщите коменданту Метхенберг о нашем прибытии и о том, что вечернюю службу проведет странствующий епископ Славы Луциан. Сын мой, опустите занавески.

Стук копыт, скрип колес... Трое суток дороги в тряском ящике, остановки, смена лошадей. Ночью, днем, снова ночью, снова днем, потом отдых, куда более короткий, чем на флоте; опять тряска, скрипы, и вот он, Метхенберг. Иди и действуй.

– Вы знаете, куда пойдете, не так ли?

– Знаю. – Сперва – на причал, бросить в воду монетку, ведь он вернулся. Потом – на поиски деда Зеппа. Если ветерана не окажется дома, придется пройти по кабакам, их, тех, в которые пойдет боцман с «Зиглинды», не так уж много. Только бы Йозев Канмахер был жив! От горя умирают не только покинутые девы, но и потерявшие внуков старики.

– Вы представили себе что-то неприятное?

– Я подумал, что человек, на которого я рассчитываю, мог умереть. Но есть и другие.

– Да будет так... Если вы не найдете здесь тех, кто вам нужен, очень может быть, что ваши внуки не найдут здесь ничего и никого.

– Отец Луциан... Что вы хотите сказать?

– Только то, что туда, откуда вытекла совесть, приходит небытие. У вас приметное лицо, но если вы не станете поднимать капюшон и бросаться на сторонников регента, то останетесь неузнанным. «Лев», накануне праздника навещающий родню павших в битве моряков, – хорошая маска.

– Благодарю. Только разве Слава может позволить себе такой риск?

– Может. Но если вас поймают, я и мои братья будем вынуждены вас не узнать. Дорогу в аббатство вы найдете. Привратник пропустит брата Ротгера в любое время, хотя вечером ваш приход покажется более уместным.

Все правильно. Вечером монахи возвращаются в обитель, а верующие направляются в храмы. Вечером легче затеряться в толпе.

---

¹⁴ В Дриксен первый день Летних Скал почитается днем святого Торстена, легендарного варитского короля, причисленного к лику святых и считающегося покровителем военного флота Дриксен (покровителем торговых судов является святой Пауль). В день святого Торстена в морских портах поднимают шестнадцать цельных флагов. В обычные годы – восемь иссиня-черных «штормовых» в память о тех, кто погиб во славу Дриксен, и восемь серебристых, «рассветных», символизирующих победы дриксенских моряков. Но в годы серьезных поражений и больших побед соотношение «штормовых» и «рассветных» флагов меняется.

– Я приду вечером. Как только у меня будет, с чем прийти. Отец Луциан... Я обещал передать вдове шаутбенахта фок Шнееталю обручальный браслет ее мужа. Я хотел сделать это лично, но у меня не получится это сделать... в ближайшее время.

– Браслет при вас?

– В доме мастера Файермана, что в Пушечном предместье. Я должен был попросить об этом еще в Эйрехте, но я просто забыл.

Сейчас забыл, а прежде не хотел, чтоб исполнение последней воли Адольфа стало очередной картой в бабушкиных играх. Лейтенант так и ходил со ставшим привычным браслетом, пока из головы не вылетело все, кроме Олафа и *нее*. Руппи вспомнил о завещании Адольфа, когда мастер Мартин велел снять фамильные кольца и отцепить шпагу, и решил не рисковать. Самым умным казалось вернуться с кем-нибудь из дома Шнееталей...

– Вы опять вспоминаете, – отец Луциан дернул шнур, приказывая остановить лошадей, – а вам нужно забыть. Забыть все, кроме того, зачем вы здесь. Сейчас непростые дни – куда бы вы ни пришли, везде будут пить за погибших,¹⁵ но они уже погибли, а ваш адмирал пока жив. И жить ли ему, зависит от того, чем вы займетесь – зауспокойными рыданиями или делом. Извольте взять себя в руки.

– Слушаюсь, – отчеканил Руппи и тут же сообразил, что забыл еще одну вещь: отец Луциан был монахом, а не шаутбенахтом.

2

Вальдес свалился на голову именно тогда, когда обещал, – ни днем раньше, ни днем позже. Вернувшись с «Акулы», Луиджи обнаружил хозяина восседающим на краю стола и сосредоточенно разглядывающим снятый с пальца изумруд.

– Что мне пишет дядюшка Везелли? – Кэналлиец вернул перстень на место и потянулся. – А он пишет, потому что не писать не может...

– Ротгер! – В присутствии Вальдеса Луиджи стремительно отвыкал удивляться, но адмирал уходил в море, и фельпец к вечеру вспоминал, что люди имеют обыкновение ходить вверх головой, а сидеть на стульях и креслах.

– Ну, Ротгер, – вице-адмирал потянулся еще раз, – как тащить в мой дом раненых и мокрых, так вы первый, а как прочитать письмо или поцеловать девушку, так не докличешься. А еще почти герцог...

– Девушку? – не понял Луиджи. – Почему я должен целовать твоих девушек?!

– *Мои* девушки целуют сами, а наш долг – целовать девушек, которые сами это сделать не в состоянии... Обед сейчас подадут, сколько съешь – все твое, но завтра кормить не буду: с полным животом на Горе делать нечего.

– Я не собираюсь ни на какую гору!

– Собираешься. А не пойдешь ты, придут к тебе, вернее, за тобой, только меня, уж прости, дома не будет.

– Кто придет?!

– Тетушка Везелли. – Вальдес вытащил из кармана что-то золотистое и бросил через всю комнату на подоконник. Луиджи вгляделся. Ожерелье, кажется, янтарь.

– На ваше дерево я не полезу.

– Тебя кто-то просит? Ты навещал нашу баронессу?

– Нет! Сколько можно тебе повторять, что я не собираюсь...

– Свинья. Ей хуже, чем тебе. Она страдает, даже когда ест, а ты, мой друг, когда ешь, не страдаешь. Особенно если перед тобой бергерские пироги. Это значит, что девушку надо спасать больше, чем тебя. Но не сегодня.

– Лучше расскажи, как сходил, – вильнул в сторону Джильди. – Как поживают «гуси» и

---

¹⁵ Моряки Дриксен поминают погибших с 22-го дня Весенних Молний по 1-й день Летних Скал.

когда наконец найдется дело нам с Рангони?

– «Гуси», мой друг, сидят на берегу и вкочнут. Мы забрались далеко за Метхенберг, потом развернулись и прочесали побережье. Брали все, что попадалось, а попадались сплошные купцы, даже неприлично. За два месяца – парочка фрегатов, и все! Офицеров прихватил сюда, толку-то: северяне еловые, только что от пиратов, понятия зеленого ни о чем не имеют. В общем, в море ловить было нечего, а из Метхенберг и Ротфогеля дриков не вытянуть. Я болтался на виду и там, и там, хоть бы одна гусятинка из гавани вылезла!

– Они хотели, чтобы ты подошел поближе.

– Мы и подойдем. – Глаза Вальдеса мечтательно сощурились. – «Девочек» уважим, а потом и гульнуть не грех. Ноймаринен желает учинить на «гусином» побережье разгром, и альмиранте учинит. Все готово. Метхенберг, может, и не возьмем, но остальное – наше!

– Так ты от адмирала?

– От Дитриха. Это ты все в дом волочешь, а мне здесь дриksы без надобности. Пусть с ними кузен возится, он комендант, ему положено. Кстати, из Эйрехта ничего не слышно?

– Нет, только из Оллари. Тебе Лаузен уже рассказал?

– Да, – задумчиво протянул Кэналлиец. – Чужие лошади и чужие города – это смерть... А смерть – это глупо, особенно не в бою.

3

Старого Канмахера Руппи видел только раз. После их первой и единственной ссоры с Зеппом, когда будущий герцог орал на отказавшегося принять подарок приятеля. Ну и что, что хороший «шкиперский сундучок» съедал полугодовое лейтенантское жалованье? Зеппу он был нужен, а Руппи мог его купить и купил. Какие счета между друзьями? Зепп упирался, пока Руппи не выдал из него, что дед обещал не пускать внука на порог, если тот примется лебезить перед кесарским родичем. Означенный родич ругнулся вполне побоцмански и, отмахнувшись от Зеппа, помчался к Йозеву-старшему, зная не зная, где тот живет. После пятого заданного на улице вопроса послушный внук сдался и отвел приятеля куда надо. Они поладили, наследник Фельсенбургов и отставной боцман. Сундучок остался у Зеппа, а через две недели пришел приказ взять Хексберг...

Высокий монах со знаком Льва на плече не таясь постучал в тщательно выкрашенную дверь. Дом, в котором старик жил один, не желая переезжать ни к предавшему морю сыну, ни к излишне суетливым дочерям, ничуть не изменился. Гость стоял под зеленеющей яблоней с выбеленным стволом и пытался не вспоминать прошлую осень и грызущего яблоко друга. Если старый Канмахер откажется помочь, за дело можно вообще не браться, но он не откажет. Если не ради Олафа, то ради Зеппа и Шнееталей...

Открыли, как и в прошлый раз, сразу – Канмахер не имел привычки тратить время на расспросы и разглядывания гостей.

– Входи, братец! – приказал он. – Нальем...

Руппи помедлил, боцман проволочку расценил по-своему.

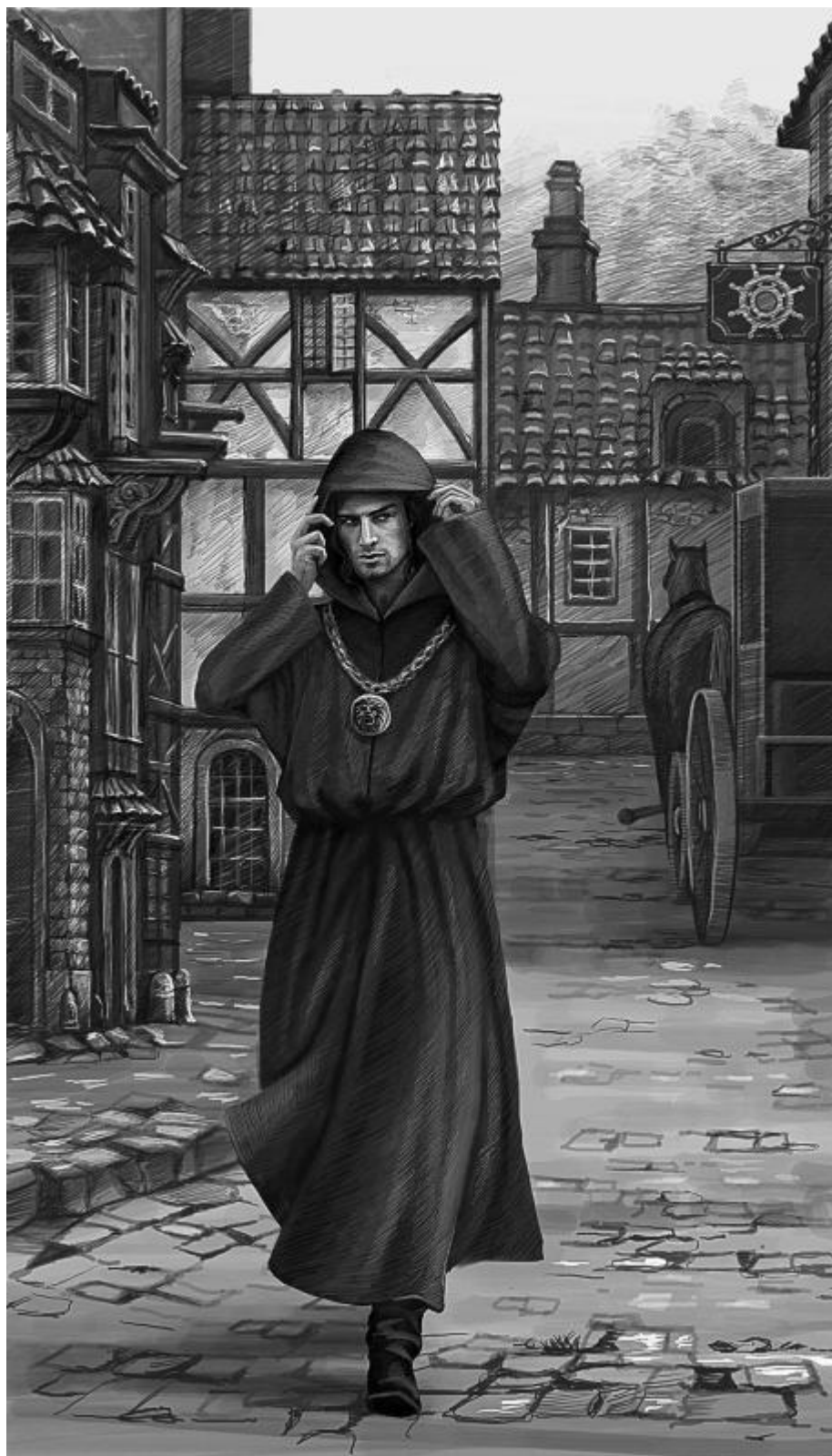
– И на храм свой получишь... Но сперва выпьем. Надо. Торстен на подходе.

Что оставалось? Только войти, лихорадочно подбирая слова. Запахло жареным мясом, пискнул и засуетился в клетке чиж, его Руппи тоже помнил, как и картинки. На одной стене – портрет кесаря, на другой пенит неправдоподобно зеленое море старая «Зиглинда», святой Торстен поднимает кружку пива, а святая Моника держит корзинку с зеленью.

– Садись. – Канмахер уже взялся за жбан. – Сейчас люди придут, а тут – ты, и не откуда-то, а из «Славы»! Теперь – все, теперь оно срастется. Голодный или подождем?

Да, теперь срастется! Ветеран решил из дому не выходить и пригласил старых товарищей к себе. Товарищи у него, надо думать, на подбор, шелупонь в этот дом не пускают.

– Господин Канмахер, – Руппи рывком сбросил капюшон, – господин Канмахер, вы меня узнаете?

Старый боцман со стуком поставил жбан и рванул занавеску, впуская в дом послеполуденное солнце. Двое замерли, разглядывая друг друга. Дед чудовищно походил на постаревшего внука, но раньше это в глаза не било. Руппи не знал, сколько Йозеву-старшему лет, но когда фёнрих Шнееталь пришел на «Зиглинду», Канмахер уже был боцманматом.

– Так! – Хозяин отпустил занавеску. – Кто ж вы теперь и как вас звать?

– При чужих – брат Ротгер, а так... Я просто вернулся, то есть не просто...

– Ясно, что не просто. Вы Зеппа мертвым видали?

– Я – нет. – Врать здесь невозможно даже во спасение. – О смерти лейтенанта Канмахера мне рассказал шаутбенахт фок Шнееталь. И еще он сказал, что гордился бы таким

сыном...

– Значит, все. – Слова старика падали, как гири, но есть люди и есть вещи, которым и о которых не лгут. – Шнееталь, не зная, не брякнет. Спасибо, что пришли и сказали. Надежду кормить хуже, чем рыб...

– Господин Канмахер, я пришел не из-за Зеппа. Хотя и из-за него тоже. Я...

Руппи не рассказывал и не просил. Он докладывал старому боцману, как докладывал бы старшему по званию. Так было и проще, и правильней. За два года адъютантства Руперт фок Фельсенбург научился выбирать главное и быть кратким.

– Я принял решение отбить адмирала цур зее по дороге к месту казни и переправить в Седые земли. У меня есть на это деньги, но у меня нет ни корабля, ни людей, и я не счел возможным набирать их в Эйрехте.

– И хорошо. Ох, лейтенант, быть вам адмиралом, если не прикондючат...

– Господин Канмахер, я могу рассчитывать на вашу помощь? – Как же раньше он хотел именно этого – стать адмиралом цур зее, а теперь... Теперь он отдаст море, все моря мира за жизнь Олафа!

– Спрашивает тоже... Я с чего в монаха впиваялся? Дельце мы одно затевали. Вот, думаю, подфартило – теперь, если что, без исповеди не сдохнем... А за такое можно и без исповеди. Торстен – не сухопутчик, поймет.

– Наши исповеди примет епископ Славы Луциан. В память отца Александера.

– Он, что ли, вам балахон ссудил?

– Да. Я прятался у адрианианцев, когда убил двоих... Они ходили по кабакам и распускали про адмирала цур зее сплетни.

– Уже?! – Йозеф Канмахер с восхищением уставился на Фельсенбурга. – А мы только собираемся. Они ж, свисты рачьи, и сюда заявились!

– Господин Канмахер, сейчас не до них. Я не знаю, когда начнется суд. Они должны восстановить сгоревшие улики, то есть подделать их. Прежние следователи работали два месяца, но с Фридриха станется наплевать на приличия...

Договорить помешал стук. Наверняка пришли друзья, но Руппи на всякий случай опустил капюшон. Канмахер кивком указал на полускрытую зеленой занавеской дверь, и лейтенант скользнул в комнату, оказавшуюся по-корабельному выдраенной спальней. За стеной раздались шаги, что-то сказал Канмахер, что-то ответил гость, и Руперт фок Фельсенбург, едва не завопив от радости, ринулся к Рыжему Зюссу.

Глава 9

Талиг. Оллария

400 год К.С. 23—24-й день Весенних Молний

1

Графиня Савиньяк удивилась. Очень. И сама же себя за это удивление выругала. То, что она не думала о мэтре Капотте, не означало, что и мэтр позабыл фрейлин, которых обучал доолларовским балладам и основам стихосложения. Арлетта велела провести просителя в бывшую приемную герцогини Эпинэ и – женщина есть женщина – поправила все еще черные волосы.

В том, что бывший ментор решил напомнить о себе приехавшей в столицу значительной персоне, ничего удивительного не было. Увы, значительная персона уродилась слишком несерьезной, чтобы оценить чувственные вирши, от которых таяли ее подруги, а потом появился Арно, и стало не до придуманных любовей. Арлетта знала, что ничего не жалевший для наследников Пьер-Луи выписал в Ариго бывшего ритора ее величества, и тот поехал: то ли понял, что академиком без августейшего покровительства не стать, то ли и впрямь искал сельского уединения. Позже Кара предлагала взять Капотту для близнецов, но

Арлетта не хотела вспоминать о дворе Алисы. Она отказалась, сославшись на Арно, и едва не забыла сообщить ему об этом обстоятельстве. Когда муж приезжал домой, они напрочь забывали о делах, наверное потому, что случалось это редко. Реже, чем ей хотелось.

– Эрза, я не могу выразить, как благодарен вам. – Высокий белоголовый старик, некогда читавший сонеты о смутной любви, отрешенно поклонился. Создатель, каким же он стал! Хотя и ты давно не смешливая юница в кудряшках. Забавно было бы взглянуть на себя глазами красавца в отставке. Или, вернее, печально, но способствовало бы смирению.

– Я очень рада вас видеть, мэтр Капотта. *«Встреча с тенью весны золотой оживляет холодную осень»* ... Видите, я еще не забыла ваших уроков, но расскажите о себе. Я потеряла вас из виду, когда вы покинули Гайярэ. – И вспомнила о вашем существовании, только слушая о суде над Росио. Вспомнила и несказанно удивилась негаданной смелости. А мэтр не на шутку взволнован и смущен. Если он пришел за помощью, он ее получит, нет – тем более нельзя его бросать одного... А почему, собственно, одного? У красавца тоже может быть жена и дюжина внуков. Ну и что, что не сочетается с высокой поэзией? Зато уютно.

– Я давно вернулся в Олларию, эрза. – Капотта вытащил из-за пазухи плоскую алую шкатулку и открыл. – Эрза, я всегда много говорил. Я любил слушать свой голос, но в этот раз... умоляю вас прочесть. Я должен был сделать это раньше... Если б я сделал это раньше, возможно, те, в кого я никогда не верил, пощадили бы тех, кто был мне дорог.

Раньше Капотта ругал учениц за повторение, за оборванные фразы. «Вы можете быть сколь угодно взволнованы, на вашей речи это не должно сказаться. Зеркало не отражает ветер». Только что делать, если ты лужа или море, – разве что покрыться льдом. Она сумела, старый учитель, похоже, нет.

– Мэтр Капотта. Боюсь, я вас не вполне понимаю.

– Я написал все... все. Только прочтите!

– Хорошо, но вы сперва сядете.

– Что?..

– Прошу вас сесть, мэтр Капотта. Хотите шадди?

– Если можно... Я не спал три дня, как только узнал... Я писал и писал... Боялся не успеть. Случается, люди умирают, не сделав, что должно. Я хотел просить приема у маршала Эпинэ, но приехали вы, и я счел возможным... Я видел вас вчера в Нохе, вы стояли совсем рядом с... гробом ее величества. Я безмерно благодарен его высокопреосвященству за пропуск, но на исповедь я не пойду. Я очень долго был безбожником, но, уверовав, страшной ценой уверовав, все равно не готов преклонить колени перед свечой... Видите, я опять говорю. Тот, кто всю жизнь проговорил, не остановится никогда, это – клеймо. Вы прочтете?

– Я обещала. Вы хотите, чтобы я сделала это при вас?

– Это не займет много времени. Исповедь принадлежит Создателю. Эта рукопись принадлежит вам и герцогу Эпинэ. Употребите ее так, как сочтете нужным.

– Хорошо, я распоряжусь насчет шадди и начну читать.

2

«Я, Горацио Капотта, магистр описательных наук, находясь в здравом уме и твердой памяти, по своей воле сообщаю всем, кого это так или иначе касается, следующее.

В 356 году Круга Скал я по рекомендации декана факультета Высокой словесности господина Мурье был определен ко двору Ее Величества Алисы. В мои обязанности входили помощь в проведении поэтических состязаний и игр, которые часто устраивала Ее Величество, а также чтение лекций и проведение занятий по истории, изящной словесности и основам стихосложения. Я был молод, честолобив и легкомыслен, что никоим образом меня не оправдывает, но объясняет мое поведение, обычное для человека благородного происхождения, но не для сына провинциального лектора, милостью короны окончившего университет.

Пользуясь благосклонностью Ее Величества, я предпочел забыть о своем положении и

не избегал общества фрейлин, искавших со мной встреч по причинам, не имевшим отношения к моим обязанностям. Дочери аристократов могут себе позволить увлечься безродным молодым человеком, если он хорош собой, но молодой человек должен отказаться от предложенной ему чести или же, не чувствуя в себе должной твердости, бежать. Я не сделал ни первого, ни второго, тем самым став соучастником преступления и причиной многих несчастий. Так вышло, что я полюбил, и, мне казалось, полюбил навек.

Забыв не только о своем положении, но и о нравственном долге перед поручившимися за меня достойными людьми, я предлагал своей возлюбленной бежать в Гайифу или Агарию, где надеялся получить место в университете. Каролина Борн, имя которой я не могу более скрывать, понимала всю тщету моих надежд. В ответ на ее сомнения я дошел до того, что обещал укрыть возлюбленную в лесной хижине и добывать пропитание охотой. Каролина была непреклонна – она не желала терять свое высокое положение. Не желала она и прерывать наши отношения, а у меня не хватило мужества сделать это самому.

В 358 году текущего Круга три фрейлины Ее Величества в один день сочетались браком с тремя родовитыми военными. Графиня Борн стала графиней Ариго. Свою помолвку она от меня скрыла. Я узнал о готовящейся тройной свадьбе от слуг и почувствовал себя глубоко оскорбленным. Мои негодование и горе вылились в рондель, который я счел мстью. Он в самом деле оказался таковой, став первым звеном злосчастной цепи, оборвавшейся лишь в двадцатый день Весенних Молний текущего года. Я передал свое послание с подкупленным лакеем и получил ответ – Каролина назначила мне свидание. Мы встретились в условленном месте, и я обрушил на невесту графа Ариго множество упреков. Я совершенно обезумел, угрожая ей поочередно смертью, самоубийством и разоблачением нашей связи, которая была вполне невинна и ограничивалась перепиской и двумя поцелуями. Я настаивал на немедленном бегстве, а в итоге согласился на тайное венчание по эсператистскому обряду.

Каролина при всем своем богатстве не имела собственных денег, но за время службы я скопил довольно, чтобы заплатить младшему священнику церкви Посольской палаты. За сорок таллов он тайно нас обвенчал, не зная о женихе и невесте ничего, кроме имен. В молодости я отрицал существование Создателя и Леворукого, но обряд давал мне право на Каролину, и я согласился его пройти. Тем не менее моей женой в полном смысле этого слова она не стала. Я ждал Каролину в условленном месте всю ночь, но она не пришла. Утром младшая сестра Каролины передала мне ее письмо – моя тайная жена заверяла меня в своих чувствах и извещала о том, что мы не можем видеться, так как прибыли ее родители. Она просила меня ничего не предпринимать и ждать известий. Я ждал, пока не увидел ее в свадебном наряде рядом с графом Ариго.

Была осень, шел холодный дождь, а я стоял у храма, где моя жена давала уже олларрианскую клятву верности человеку, которого я еще не знал, но уже ненавидел. Не знаю, на какие безумства я бы отважился, но меня свалила мозговая горячка. Две недели я находился между жизнью и смертью, а когда поднялся с постели, то узнал, что молодые уехали в Гайярэ. Я едва не последовал за ними, меня удержала гордость, вернее, гордыня. Каролина даже не написала мне, что ж, я вырву ее из своего сердца. Для меня церковная клятва не значила ничего, я чувствовал себя связанным лишь страстью, которую надеялся побороть.

Прошло четыре года. Падение Алисы косвенным образом задело и меня – я потерял место и был вынужден поступить на службу в нохский архив. Это давало время для стихосложения, но лишало меня уже привычного мне блестящего общества и женского внимания. Мой доход также уменьшился, но это я перенес спокойней, чем потерю свободного входа во дворец. Я любил рассуждать о своем презрении к придворному блеску, более того, я верил в то, что говорил, но на самом деле был тщеславен. Мне нравилось видеть, как на глазах моих высокородных учениц вскипают слезы, вызванные стихами, среди которых были и мои. После измены Каролины я написал двадцать семь посланий «К изменнице». Их переписывали и клали на музыку. Я надеялся, что хотя бы некоторые

достигнут Ариго.

Когда я узнал, что Каролина родила сына, я пришел в неистовство, по своему обыкновению выплеснув злобу в стихах. Я опустился до того, что узнал у знакомого лекаря о скрываемых женой интимных подробностях и описал разочарование и отвращение поэта, увидевшего изменившую ему возлюбленную, когда та носила ребенка. Леворукий, в существовании которого я больше не сомневаюсь, послал мне вдохновение, и «Ода брюхатой Клариссе» обрела широкую известность. По ряду не украшающих меня причин я не поставил под ней своей подписи, чем незамедлительно попытались воспользоваться балующиеся пером бездарности, но Каролина узнала и себя, и меня.

Позднее она утверждала, что ею двигала любовь, мне кажется, что тогда это был страх. Страх разоблачения. Каролина решила откупиться от меня и, воспользовавшись тем, что граф Ариго отбыл в Торку, приехала в столицу. Мы встретились. Моя эсператистская жена предложила мне денег и должность в ее родной провинции. Я отказался, и Каролина предложила мне себя. Она уже не была девственницей, ее супруг отсутствовал, к тому же она была с ним несчастлива.

Мы обезумели, но не как люди, а как двое изголодавшихся животных. Через неделю моя жена должна была возвращаться в Гайярэ, в наш прощальный вечер я сам заговорил о должности в Ариго. Каролина обещала и на этот раз сдержала данное слово. Получив приглашение, я сразу же подал в отставку. Меня не удерживали: я не был особо любим собратьями по службе, а желающих занять мое место имелось в избытке. Я переехал в графство Ариго и спустя год стал отцом.

Я был счастлив и горд рождением сына, пока муж Каролины не потребовал, чтобы ребенка назвали Ги, а не Иорам, как хотелось мне. Я еще больше возненавидел человека, который, как мне казалось, украл мою жену, ведь я женился на Каролине первым. Она полностью разделяла мои чувства, но что-то менять было поздно, к тому же нам достало корысти понять, что сын графа в этой жизни добьется большего, чем сын поэта. Второй наш сын все же стал Иорамом, затем родилась дочь Катарина-Леони. Когда малолетнему Жермону Ариго потребовался наставник, Каролина устроила так, что граф Ариго пригласил меня, и я, отринув последнюю гордость, стал домашним ментором. Мы были бы счастливы, если бы не приезды генерала Ариго и не взаимная неприязнь, вспыхнувшая между мной и сыном Каролины от графа.

Я и моя жена (а я всегда считал Каролину своей женой) мечтали о том, чтобы граф Ариго погиб, но он всякий раз возвращался и поднимался в супружескую спальню, а я в своей комнате страдал от унижения и бессильной ненависти. Каролина молила Создателя избавить нас от графа, потом она прибегла к волибе и попыталась наслать на Ариго порчу. Я не верил ни в милость Создателя, ни в деревенские заговоры, но вскоре граф едва не погиб. Он выжил чудом, но был вынужден выйти в отставку и вернуться в свои владения, окончательно разрушив наше счастье.

Его сын к тому времени уже покинул отчий дом и служил в гвардии. На мой взгляд, он вырос ограниченным, грубым и ординарным молодым человеком, не ценившим то прекрасное, что было создано человеческим гением, и помышлявшим лишь о военных развлечениях. Неопрятный, прожорливый и навязчивый, он был истинным сыном своего отца. Сперва мы с Каролиной произносили эти слова с горечью, позже – со страхом.

Возвращение графа Ариго превратило нашу жизнь в пытку. И раньше невоздержанный и грубый, граф, лишившись любезных его сердцу военных утех, перестал отпускать от себя жену. По ночам его часто мучили боли, и он требовал, чтобы Каролина оставалась с ним в одной спальне. Попытки объяснить графу, что его состояние требует воздержания, ни к чему не привели. В отчаянии Каролина вызвала свою сестру Маргариту, так и не вышедшую замуж. Мы надеялись, что граф обратит внимание на свояченицу, но тот гостю сразу же невзлюбил. Граф Ариго по-своему неплохо относился к Ги, но я даже сейчас не могу назвать его влияние благотворным. Иорама граф не любил, громогласно называя своей неудачей, а дочь не замечал. Все свои чаяния и надежды Ариго сосредоточил

на старшем сыне, которого, по его собственным словам, желал «видеть не паркетным шаркуном, а торским офицером».

Мы с женой соглашались с тем, что Жермону отъезд в Торку пойдет на пользу, но граф Ариго хотел подобной судьбы всем сыновьям Каролины. Врачи строжайшим образом запретили ему путешествовать, как верхом, так и в карете, и граф решил вызвать наследника к себе и устроить ему экзамен. Затем графу Ариго пришла в голову мысль совместить встречу со старшим сыном и празднование шестнадцатилетия Ги. Жермона он намеревался перевести в действующую армию, а Ги определить в оруженосцы к кому-то из высокопоставленных военных. Последняя мысль настолько завладела графом, что он не мог ни о чем другом говорить. Я и Каролина с ужасом ждали этого дня, не в силах помешать распоряжавшемуся судьбой нашего сына упряму.

До шестнадцатилетия Ги оставалось немногим более полугода, когда граф Ариго получил приглашение на прием в честь дня рождения Его Величества Фердинанда. Сам он ехать не мог, но настоял на том, чтобы поехали Каролина с младшими сыновьями. Я, как наставник, должен был сопровождать мальчиков. Мы были счастливы этой поездкой, казавшейся глотком благословенной прохлады после Заката, в котором мы пребывали с момента возвращения графа. Однако этот глоток счастья оказался последним.

Мы остановились в особняке Ариго на площади Леопарда. Каролина, исполняя волю графа и опасаясь дурного влияния на Ги и Иорама со стороны единокровного брата, навещала сына в гвардейских казармах. В первый же день она вернулась потрясенной сходством Жермона с отцом. Это сходство отмечали все, от командующего гвардией генерала Понси до Ее Величества Алисы, которую Каролина, отдавая дань благодарности, посетила в ее уединении. Я не знаю, кому из нас первому пришла мысль о том, что Ги и Жермон не должны встречаться при посторонних, а меня с мальчиками не должны видеть вместе.

Иорам был еще мал, и его лицо сохраняло детскую неопределенность, но Ги уже сформировался. Наше сходство было очевидным, в то время как в мое отсутствие Каролина могла объяснить внешность младших сыновей своим северным происхождением. Мы решили, что я не вернусь в Ариго, и Каролина написала несколько писем своим друзьям, у которых подрастали сыновья, предлагая мои услуги.

Понимая, что нам суждено расстаться, мы замечались, как часто случается с людьми, которые осознают надвигающуюся беду и пытаются предотвратить потерю самого дорогого в их жизни. Увы, судьба решительно ополчилась против нас. Ее перстом стал генерал Понси, нанесший визит графине Ариго. Увидев Ги и Иорама и поговорив с ними, Понси пошутил, что, если б не всем известная добродетель не покидавшей Гайярэ графини, он бы решил, что у Ариго всего один сын. Мы поняли, что нужно что-то предпринять. В этот вечер мы поссорились впервые с того дня, когда я написал Каролине оскорбительное письмо.

Утром моя жена сказала, что знает, кто нам поможет, и назвала имя графа Штанцлера, в то время еще не ставшего канцильером. Я хорошо помнил этого вельможу, проводившего немало времени при дворе Ее Величества. Август Штанцлер никогда не пользовался успехом у дам, но охотно оказывал им услуги. У него была репутация человека отзывчивого и готового помочь всем, кто нуждался в его помощи. Я не думал, что Штанцлер сможет найти выход из нашего положения, но Каролина была о нем высокого мнения, и я не стал с ней спорить. Как ни странно, граф согласился нам помочь.

По его совету мы расстались. Каролина с мальчиками вернулась в Ариго, я остался в столице. При помощи Штанцлера мне удалось получить незначительное место в Академии, я надеялся, что ненадолго. Через полтора месяца меня разыскал наш покровитель и сообщил, что все уладилось: Жермон отправится в Торку, не повидавшись с отцом. Граф Штанцлер предупредил, что меня станут расспрашивать высокопоставленные лица и что мне следует выказать свою неосведомленность, но найти способ упомянуть о дурном самочувствии графа Ариго, вспышках необузданного гнева, которые имели место и в

действительности, а также о том, что это случалось после получения писем из столицы. О наследнике графа мне не следовало говорить ничего, кроме правды, а именно – что юноша резок, неучтив, не склонен к наукам и дурно влияет на младших братьев. Мы проговорили более трех часов, обсуждая мои возможные показания и вспоминая нашу молодость.

Через два дня меня в самом деле вызвали в Канцелярию Его Величества, где я ответил на заданные мне вопросы. Они не стали для меня неожиданностью, и я видел, что мои ответы произвели на геренция благоприятное впечатление. Последним был вопрос, не слышал ли я от графа Ариго о намерениях лишить старшего сына наследства и титула. Для меня это стало неожиданностью, и я ответил уклончиво. Геренций настаивал, и я признал, что незадолго до отъезда слышал от графа слова, которые можно истолковать подобным образом, но Ариго был очень раздражен, и я могу лишь догадываться, что причиной стало полученное им письмо. От меня потребовали молчать о данном разговоре, что я с готовностью обещал.

Спустя неделю стало известно, что наследник графа Ариго по просьбе отца лишен наследства и титула и отправлен в Торку. Я почувствовал несказанное облегчение и стал ждать известий от моей жены, но их не было. Сперва я думал, что она опасается довериться бумаге, потом мое терпение истощилось, и я начал подозревать худшее. В конце концов я не выдержал и, отпросившись на службе, отправился в Гайярэ.

Мой приезд никого не удивил, а Иорама и Катарину обрадовал. Я узнал, что граф Ариго недавно скончался от сердечного расстройства, что он в конце жизни повредился рассудком и то, что нам казалось несдержанностью, было первыми проявлениями душевной болезни. Я остался в Гайярэ и находился там, пока мое присутствие было оправданно, после чего переехал в Олларию, купил дом и стал жить на выделенный мне новым графом Ариго пенсион.

Каролина почла за благо сохранить от детей тайну их рождения, которую ей пришлось защитить, пожертвовав старшим сыном. Покинув Гайярэ, я следил за судьбой своих сыновей и дочери, но виделся лишь с Иорамом, когда тот велел мне укрыть в моем доме некоторые предметы, и с Катариной-Леони, сообщившей о моем существовании Его Высокопреосвященству Левию и генералу Карвалю.

Я был правдив на суде, но не на исповеди, скрыв от Создателя и слуг Его то, что ныне доверяю бумаге. Я стар и одинок, мои дети и жена мертвы; то, что в молодости мне представлялось важным, оказалось тщетой и миражом. После Октавианской ночи, ставшей истинной причиной гибели моих сыновей, я понял, что за нами следит всепоглощающая и равнодушная сила, равно чуждая состраданию и пониманию того, что нами движет. Я в нее верую, но не могу ее любить, и мне поздно умолять ее о милосердии, да и что может дать Создатель тому, у кого отобрано все? Но если то, что рассказывают эсператисты, хоть отчасти соответствует истине, я хочу облегчить положение моей жены, где бы сейчас ни находилась ее душа, по возможности исправив причиненное ею зло. Именно это желание и смерть моей дочери, чье положение обязывало меня хранить тайну, подвигли меня на это письмо. Я описал случившееся так подробно, как только мог, предвосхищая неизбежные вопросы и желая по возможности избежать повторного допроса. Теперь же последует главное, ради чего я взялся за перо.

Я, Горацио Капотта, свидетельствую, что Жермон Ариго не совершил никаких преступлений, навлекших на него гнев отца, но пал жертвой подделанного графом Штанцлером письма и лжесвидетельства своей матери, ее сестры Маргариты и моего. Я свидетельствую, что покойный граф Пьер-Луи Ариго не знал и не мог знать ничего, порочащего сына, и что он не писал никаких писем, кроме вызывавших сына в Гайярэ, а его обращенный в адрес наследника гнев, о котором упоминали непредвзятые свидетели, был вызван якобы нежеланием Жермона покинуть столицу и усилен соответствующими лекарствами. Я готов в любой форме подтвердить вышесказанное пред лицом власти как светской, так и духовной и согласен понести любое наказание за соучастие в клевете и мошенничестве.

3

Арно бы пожалел человека, потерявшего всех, кого любил, и решившегося заговорить не ради себя, а ради оклеветавшей собственного сына дряни. Графиня Савиньяк была из другого теста. Мужчину она не жалела, женщину ненавидела как никого и никогда раньше. Единственной, кого Арлетте стало жаль до несвойственных ей слез, была мертвая Катарина, в одночасье ставшая понятной. Окажись Арлетта дочерью... турухтана и гиены, она бы тоже боролась сразу за себя и за родных. Ненавидя, презирая, но боролась бы. Одна против всех. Совсем одна. Навеки.

– Этого должно быть довольно. – Голос, от которого сорок с лишним лет назад таяли девицы, дрогнул. – Пятно с имени Жермона Ариго будет снято.

– Оно и так снято, – окрысилась графиня. – Торкой. Только дело не кончилось клеветой, в которой вы поучаствовали.

– Я больше ни о чем не знаю!

– Не знаете, потому что боялись знать, но вы умны. Трусливы и высокомерны до подлости, но в сообразительности вам не откажешь. Вы не могли не понимать, что ссылка Жермона продлится до первого затишья в Торке, когда Арно... или кто-либо другой навестит Гайярэ. Пьера-Луи убили. Вы не можете этого не понимать. Мало того, вам это не понравилось до такой степени, что вы оставили Каролину, как только это стало возможно.

– Сударыня, мои домыслы не могут служить доказательствами! Как и ваши. Если бы в смерти графа... В смерти графа Ариго никого не обвинили. Не было даже слухов, какой смысл будоражить прошлое?

– Это решать не вам. – Жаль, Штанцлер уже подох, очень жаль.

– Сударыня!..

– Кто отравил Магдалу Эпинэ? Штанцлер или Каролина?

– Но...

– Каролина. Я так и думала. Гусак сам не делал ничего.

– Это не Каролина!.. Магдала умерла, вот и все... Быстрый рост... Сердце не справилось...

– Вижу, вы посещали вашего друга-лекаря не только ради «интимных женских подробностей». Когда умерла Магдала, вы уже не жили в Гайярэ, зачем вам понадобились недуги девицы Эпинэ?

– Я... Я боялся за Леони... Она росла такой хрупкой, вот я...

– Вам в самом деле стоило бояться за вашу дочь. Раньше. До того как ее сожрали ваша подлость и Штанцлер.

– Моя госпожа!..

– Мой муж был бы вам благодарен. Я не удивлюсь, если вам будет благодарен и Жермон. С грубыми военными такое случается, но я до отъезда вас видеть не желаю. И я вас не выпущу. Удрать... к Каролине вам тоже не удастся, даже не думайте.

Он пытался что-то говорить, но Арлетта, глядя на оставшуюся от Жозины чернильницу с леопардом, уже трясла колокольчик. Мэтр Капотта все лепетал, когда явился дежурный тенъент – мальчишка с обвязанной головой. Еще один грубый и, без сомнения, прожорливый вояка, не способный воспарить к высотам человеческой мысли!

– Сударыня, шадди сейчас будет.

– Подадите позже, – холодно распорядилась вдова Арно Савиньяка, – и в другую комнату. Мэтр Капотта с должным сопровождением отправится в Валмон, а пока останется здесь. В этом доме. Пусть он ни в чем не нуждается. Если ему понадобится бумага или книги, дайте, но отпускать его нельзя. Никуда и ни под каким предлогом.

– Сударыня! Я должен быть на... на похоронах.

– Туда вас доставят. – Арно бы разрешил, значит, разрешит и она, но только это.

– Сударь, – мальчишка щелкнул каблуками, – сударь, прошу вас.

Мэтр Капотта поднялся, поклонился и вышел. По тщательно выбритой щеке катилась слеза. Несчастненький... Арлетта вскочила и закружила по комнате, как угодивший в клетку пресловутый леопард. С мыслями было худо, с яростью – лучше не придумаешь. Графиня металась между окном и дверью, повторяя намертво засевшую в голове фразу.

«Дурно влияет на младших братьев...» Во дворе превращенного в казарму дома офицер говорит с двумя горожанами, солдаты разгружают повозку, рядом крутится собака и трое котов.

«Дурно влияет на младших братьев ...» Обивку не перетягивали лет двадцать, на побуревших стенах открывшимися ранами алеют пятна – Робер снял портреты своих мертвецов.

«Дурно влияет на младших братьев ...» Жозина думала, брат повредился рассудком, Арно с ней соглашался, а Пьер-Луи с ума не сходил. Он медленно умирал среди убийц и ждал сына, а сын дрался с дриксенцами в надежде доказать всем и отцу, что он не мерзавец... Как же надо понять «грубого и ограниченного» мальчишку, чтобы не сомневаться – этот не помчится просить прощения за то, чего не делал. А если бы Жермон все же приехал? Если б его притащил к отцу кто-то из друзей Пьера-Луи, хотя все они были слишком «грубы», чтобы торчать в столице во время войны. Разве что наездами... Штанцлер выбрал время, когда Жермон остался один, они умеют выбирать время, эти...

Арлетта никогда не била посуду, не каталась по полу, колотя по нему кулаками, но сейчас была к этому позорно близка. И все-таки она удержалась. Вернулась за стол, провела пальцем по прохладной бронзовой спине. Когда-нибудь она напишет о леопардах, гиене и турухтане. Наверное...

«Дурно влияет на младших братьев ...» Графиня Савиньяк собралась с силами и вновь нырнула в признание. Она перечитала его дважды и долго смотрела на красно-пегую стену, потом схватила перо и стремительно вывела первые строки. Арлетта, как и всегда, писала сразу, не отвлекаясь и не перебирая слова.

«Жермон, славный мой! Не знаю, обрадуют тебя эти вести или огорчат. Еще больше не знаю, что ты станешь испытывать к принесшему их человеку – отвращение или благодарность. Очень боюсь, что благодарность, но тут уж ничего не поделать. Ты, как и мои младшие, слишком не веришь в мерзость, хотя я сейчас особенно пристрастна, потому что оказалась даже легковвернее своего мужа. Арно не распознал предателя и убийцу в Карле Борне, я – в его сестре, которая зашла дальше брата. Твоя мать тебя предала и убила твоего отца, скрывая свою измену. Это так же верно, как то, что твой отец тебя любил, тобой гордился и на тебя надеялся до последнего своего дня...»

Глава 10

Черная Алати. Восточная Гаунау. Талиг. Оллария 400 год К.С. 24-й день Весенних Молний

1

Вылезший прямо на дорогу дуб был роскошен. Толстенный, он казался приземистым, хотя и превосходил ростом окрестные деревья, тоже немалые. Марсель восторженно присвистнул. Рокэ молчал, как какой-то сундук; прихваченный на морисском линеале старец с таким взглядом, что Марсель не полез под стол только благодаря папенькиному воспитанию, держался в середине кавалькады, а спать к полудню расхотелось. Путешествие становилось скучным, и тут навстречу вышел ОН.

– Приветствую вас, о будущий шкаф! – поклонился Марсель, глядя на роскошное дерево и вспоминая Кракла, который при этом мог бы смотреть вторым глазом на спутника. – Вы

будете великолепны и в гардеробной прелестной дамы, и в кабинете умудренного законника или посла. Переродившись и отринув минувшее, вы не вспомните нас, проезжавших под вашими ветвями и восхищавшихся вашей статью и силой натуры, год за годом гонящей от корней к ветвям жизненные соки. Что для вас нынешнего и вас грядущего, резного, мы, лишенные корней и предавшие свое естество, не годные ни на что, кроме бессмысленных порывов и жалких страстей. Скольких нас вы уже пережили и скольких переживете, сменив кору на изысканную резьбу, а весеннее возрождение – на воск и бархат в руках опытного слуги...

– В Черной Алати дубы не рубят, – не выдержал Ворон, а кто бы такой бред выдержал? Разве что засевшие у Коко философы, и то если к ним приставить Котика.

– Я немедленно извинюсь. – Валме еще раз поклонился исполненному равнодушия дереву. – Сударь, вам не стать шкафом, но я вас все равно глубоко уважаю, а вы меня все равно не запомните. Так что продолжайте млеть в лучах на радость тем, кому нечем заняться. Рокэ, мы так и будем мотаться от армии к армии? Я понимаю, ты даешь понять своим генералам, что ничего не изменилось, но неужели тебе не надоело? Конечно, мориски – это занятно, но Савиньяк не знает, с чем это блюдо подавать, а мы его бросили. Вместе с Джильди, дядюшкой Шантэри и дамами... Он казался таким разочарованным, я имею в виду Эмиля.

– Тебя так это волнует?

– Волнует. Кого ты взял с собой? Я его боюсь! Кроме того, мы можем встретить великого герцога Алатского, и что я ему скажу? Что я скажу папеньке, Шеманталю-старшему, Котику, наконец?! Он не поймет ни моего отъезда, ни моего молчания.

– Так ты молчишь?

Это было уже слишком.

– Если человек не знает, что сказать, – возмутился виконт, – он все равно что молчит. Что я знаю, кроме того, что мы в Алате и завтра праздник?

– Сегодня. В Алате празднуют ночами.

– А мы будем праздновать?

– Будем. Что-то еще?

После такого остается не заметить, обидеться или обнаглеть. Марсель не терпел *таких* вопросов с детства и предпочел обнаглеть.

– При лучшем для нас раскладе мориски уберутся за Межевые острова по тем же причинам, по которым явились, – сообщил он. – Я слышал, как ты это сказал Эмилю, но не понял.

– Странно. – Кажется, Алва начинал просыпаться. – Обычно ты понимаешь больше.

– Мне было скучно, – признался Марсель, – и я уснул. Я ночью иногда сплю.

– Бывает. – Алва тронул своего нынешнего гнедого, вынуждая идти быстрее. – В Зегине, знаешь ли, думают о нашем союзе с Агернэ примерно то же, что в Золотых землях, но наоборот. Тергэллах готов представить нас эдакими исполнителями своей воли, которые завершат искоренение скверны, избавив морисков от необходимости с ней соприкасаться. Садр это устроит: ему хватает врагов за Внутренним морем, а вот Зегине придется захлопнуть пасть. Жрецы – чтобы не забивать тебе голову жуткими словами, назову их так – разрешили перейти море, лишь получив доказательства того, что Агарис исполнился скверны. Очень похоже, что так оно и было. Теперь Зегина нашла скверну в Паоне. Это может быть правдой, а может – политикой. Вытеснить «павлинов» с побережья, соорудить там «чумные» заставы, потом разрешить вокруг них селиться, передвинув Межевые острова за море и сделав их только зегинскими, – это заманчиво...

– Папеньке не понравилось бы граничить с морисками, – задумчиво протянул Марсель, – тем более с чужими. Но если мы будем граничить с гайифцами, которые граничат с морисками, может выйти неплохо. Так почему бы зегинцам не искоренить немножко скверны, а нам в это время не навестить фок Варзов? Пока мориски не нарушат еще чего-нибудь...

- Я должен навестить даму.
- Да, ты говорил, – припомнил Марсель. – Но разве ты имел в виду не Клелию? Ведь тебе с ней, если я ничего не путаю, должно быть как ни с кем.
- Кто бы спорил? – Алва рассмеялся, и Валме порадовался, что он не Клелия, не зегинец и не его величество Дивин.

2

Тени стали совсем короткими, солнце весело сияло прямо над головой. Последний день весны... Весна и война, вместе они нелепы, наверное, поэтому люди видят только войну.

– Это может быть хитростью, призванной выиграть время для подготовки очередной ловушки, – в очередной и, вероятно, последний раз предупредил начальник штаба.

– Может, – пожал плечами Савиньяк и вскочил в седло. Хеллингенов отвернулся и принялся что-то выговаривать командиру васспардских кирасир. Время подходило к полудню, до встречи оставались четверть часа и четверть хорны. Хайнрих искал встречи с Проземператором Севера, Лионель был на такую согласен, Айхенвальд с Хеллингеном – нет, но решали не они. Савиньяк ответил «да», и война задремала. Гаунау стояли на прежнем месте, в этом Реддинг был готов поклясться и клялся. Талигойцы, не теряя времени – потом «медведи» могли его и не дать, – сооружали полевые укрепления вроде тех, что так пригодились при Альте-Вюнцель, а фок Лауэншельд и Хеллингенов утрясали кучу неизбежных при таких переговорах мелочей. Лионель почти не вмешивался: то, что предлагали гаунау, почти исключало удар из-за угла, а встретиться и лично посмотреть на врага, тем более на такого, было в любом случае полезно.

Маршал первым послал коня на ведущую к месту переговоров тропу. Над головой навис Летний Излом, и мысли сами собой сворачивали на костяные деревья, бергерские поверья и прочие прелести. Хайнрих пожелал говорить после обвала – гнался, гнался и вдруг остановился. Это могло быть связано... Это должно быть связано, потому что просто так медведи добычу не выпускают.

- Мой маршал, они ждут.
- Кто был первым?
- На открытое пространство мы вышли одновременно.
- Отлично.

Хайнрих привел с собой два полка, Лионель удовлетворился гвардейцами Мениго. О том, что долина Рачьего ручья будет набита «Закатными тварями» и егерями, никто не договаривался: обе стороны полагали разведчиков естественным дополнением пейзажа. К слову сказать, изумительно красивого. Маршал неспешно поднял трубу: гаунау стояли на виду, и пехота, и конница. С развернутыми знаменами, ровными рядами. На строго оговоренном расстоянии от брода. И еще у самого берега виднелась цепь егерей, эдакое отражение гарцующих на «талигойской» стороне «фульгатов».

Странно ровный для этих мест луг, надвое рассеченный широким ручьем. Костяная ива в Рафиано стоит в похожем месте.

- Уилер, тут в самом деле водятся раки?
- Мой маршал...

– Когда будете снимать дозоры, не забудьте проверить. – Савиньяк поправил шляпу и неспешно выехал из зарослей. Гаунау тоже не стали мешкать. От общего строя сразу же отделились с сотню конных и широкой рысью пошли к берегу, над всадниками реяли королевский штандарт Гаунау и большое серое полотнище. Добрались до широкой луговины в паре сотен бье от воды и встали. Чужая труба звонко сыграла что-то не слишком быстрое.

– Вот сейчас и узнаем, чему мы обязаны неожиданной передышкой. За мной, господа. «Идем с миром».

Талигойский трубач оглашает окрестности непривычным ему самому сигналом, Сэц-Алан поднимает наскоро сделанный серый флаг. Кавалькада перестраивается, дальше

уместен церемониальный шаг. Грато не зря два года служил капитану личной охраны его величества Фердинанда, он знает, как себя показать. Сам Лионель под столичным седлом ходил дольше и – сейчас он отчетливо это понял – отнюдь не хотел возвращаться. «Торка молодит, Оллария старит», – повторял, возвращаясь к своей войне, отец. До того, что убивают обе, новый граф Савиньяк додумался сам.

Еще один зов трубы. Две кавалькады, одна против другой, и Рачий ручей между ними. Переправа легка и неопасна, это успели проверить уже раз шестнадцать.

– Сэц-Алан, передайте штандарт Уилеру. Уилер, Давенпорт, со мной. Остальным стоять.

– Мой маршал...

– Стоять, господа!

Шагом к журчащей сверкающей ленте. Если он прав, подвоха не будет, если ошибся, нынешние позиции на Кребсхюгель лучше тех, что были к началу перемирия, а пистолетный залп через ручей еще не смерть. Шагом, Грато, шагом...

Бурая шеренга за текучей водой расступается, пропуская всадников в темно-зеленом. Тоже троих! Ронсвикцы, и какие! Со стороны зрелище, должно быть, изумительное: три талигойские борзые и три гаунаских кабана... А Хайнрих, ничего не скажешь, хорош даже между своих полковников. Последний король-воин Золотых земель – это почти что последний дракон! Грузная фигура медленно поднимает руку, и полковники придерживают коней. Первым рискнул талигоец, первым отпустил свиту гаунау.

– Господа, вы мне больше не нужны. Все в порядке.

Да, теперь ясно, что все в порядке. Хайнриху нужен этот разговор, Савиньяку тоже.

– Вы хотели меня видеть, ваше величество? – Гаунау писал на талиг, талигоец ответил на дриксен. – Я здесь.

– Я вынужден видеть вас здесь, потому что не хочу видеть вас вообще. Мы – воины, а не болтуны, и нас никто не слышит. Предлагаю обойтись без дипломатии.

Предлагать обойтись без дипломатии – уже дипломатия.

– Нас слышат Создатель и Леворукий, но это неважно, ведь они читают в сердцах. Вы не хотите меня видеть, но вы хотите мне что-то сказать. Я весь внимание.

3

О чем только не передумаешь на похоронах и свадьбах, если ты не в горе и не в радости, а просто торчишь на виду с приличествующим случаю выражением. Арлетта Савиньяк думала о кардиналах, двух черных и высоких и одном маленьком и сером. Против маленьких мужчин графиня была предубеждена с юности, хоть и понимала, что высокий красавец может оказаться и мерзавцем, и дураком, и слизнякам. Покойный Альдо, дриксенский Фридрих, Лансар, мэтр Капотта, Карл Борн... Никто из них не был обижен Создателем, или все-таки был? Недомерки души тоже недомерки, просто не сразу заметишь. Карла с Каролиной она так и не разглядела, почему бы не ошибиться и в другую сторону, особенно если Левий не считает себя обделенным. Сан, как и титул, и звание, – неплохие каблук. Молящийся кардинал и уехавший генерал... Первый выглядит естественно, второй – нет.

– *Ураторе Кланние*, – напомнил о своем хор, – *те урсти пентони мэи нирати!*

– *Мэи нирати*, – бездумно повторила Арлетта. Пели в Нохе отлично, а гальтарский графиня знала: в доме Рафиано предпочитали читать Иссерциала в подлиннике.

– *О Деторе, взаон тенни мэ дени взати!..*

Служба завершалась, красивая служба, строгая и печальная. Катарина уходила по-эсператистски. Так предложил кардинал, а не сомневавшийся в набожности кузины Робер согласился. Арлетта спорить и не подумала: любая смерть либо примиряет оставшихся, либо сталкивает лбами. Живая королева смогла удержать горожан от бунта, мертвая пусть служит тому же. Примирение церквей сейчас тоже полезно: Левий Талигу нужен, хоть и меньше,

чем Талиг оставшемуся без Агариса Левию.

Арлетта сощурилась, разглядывая человека, разговор с которым ей вскоре предстоял. Долгий и наедине, но эсператист слишком умен, чтобы отвлекать графиню Савиньяк в день прощания, а первый шаг должен сделать он. Значит, пока займемся бумагами – Бертраму нужны доказательства допущенных Колиньярами злоупотреблений. Будь Катарина жива, хватило б ее свидетельства, но молодой Придд о безобразиях в Эпинэ вряд ли знает много. Прочая добыча временщиков либо мертва, либо замаралась об Альдо, подтвердив выдвинутые против себя обвинения, хотя вряд ли заговор имел место *тогда*. Просто Манрики и Колиньяры вознамерились встать вровень если не с Алва и Ноймариненами, то с Валмонами, Савиньяками, Рафиано...

Хор некстати завел о неужодности Создателю мстительных и злопамятных. Графиня поморщилась и, как по заказу, вспомнила последний визит Колиньаров. «Пойми» она намек, Жоан, возможно, и отложил бы прыжок до помолвки дочери, но Арлетта в тот день была не Рафиано, а Савиньяк. В том числе и из-за гадости с книгой... И вообще она, выходя замуж, поклялась не лезть в политику! Она продержалась сорок два года, но теперь впору клясться в обратном. Бертраму, Рудольфу, Гектору, Росио, Ли не разорваться, а сын Жозины слишком... иноходец, чтобы доверять ему волков, какими бы мелкими и дружелюбными те ни казались.

Нет, инспекцию гарнизонов Робер не отменил правильно, но Карваль, тот Карваль, о котором говорил Марсель, не оставил бы Олларию. Он очень серьезно относился к своему великому будущему, этот коротышка, а великое будущее рождается в столицах в те дни, когда требуется выказать незаменимость. Карваль, узнав о смерти королевы, сорвался с места, нашел сдохшего наконец Штанцлера и отправился в провинцию. Это Арлетте не нравилось, но Робер безоговорочно верил бывшему капитану Анри-Гийома, да и с чего было не верить? Вышвырнутый из армии офицерик сперва решил стать генералом хотя бы в Эпинэ, потом вцепился в столичные возможности, при этом привязавшись к господину. Все просто и понятно. Все, кроме скоропалительного отъезда...

Если человек делает то, чего от него не ожидаешь, надо не удивляться и не злиться, а искать причину. Карваль в самый неподходящий момент бросил столицу. Почему? Ответ должен быть, и его нужно найти. Задумайся она вовремя, с чего это сроду не замечавшая слуг Каролина навязывает ставшего ненужным ментора и почему Пьер-Луи перестал писать друзьям, скольких бед удалось бы избежать! Любовная интрижка между фрейлиной и ментором обернулась такими несчастьями, что Иссерциалу и не снилось. И ведь никто не хотел ни убийств, ни войн, ни мятежей, все обделывали свои делишки и заматали следы...

– *Лэ́йе Ураторе! Лэ́йе Деторе!..*

Маленький кардинал начал последнюю молитву, графиня это поняла сразу, хотя на эсператистской заупокойной службе присутствовала впервые. Конец, если к нему подводит умный человек, всегда ощущается, а голос и движения Левия изменились, предвосхищая нечто значительное. Клирик вещал на мертвом языке, который понимали разве что некоторые послы. Эсператизм в Талиге был мертв или очень глубоко спал, только не слушать эсператиста не выходило: Левий встряхнул всех, но тем, кто не понимал по-гальтарски, было проще. Раздающиеся под сверкающими свежей позолотой сводами слова о бренности сущего не вязались с тем, как их произносили. Клирик не сулил блаженства умершей, не напоминал живым о том, что придет их черед, а требовал жить и что-то делать, какой бы болью это ни отдавалось! Мертвые мертвы, они следуют своими тропами к своим вратам отвечать за содеянное и несвершенное, но мы здесь, и никто не отдаст наши долги и не проложит наших дорог... А если кто-то упал раньше времени, да подберет его ношу другой и присоединит к своей. Сильным нести, слабым надеяться на сильных, так будьте же сильными...

– *Мэратон!* – провозгласил клирик и отступил в тень. Разумеется, он не произнес ничего из того, что ей почудилось. Церковь – это театр, а девице Рафиано во время спектаклей вечно лезло в голову что-то свое, вот и теперь хорошо поставленный голос вкупе

с пением и огоньками свечей сыграли с ней очередную шутку. «Сильным нести, слабым надеяться на сильных...» Пожалуй, это надо записать. Пока не забылось.

4

Кони – серый в яблоках мориск и могучий, хоть сейчас в артиллерийскую упряжку, гнедой – голова в голову шли вдоль Рачьего ручья. Серый – с талигойской стороны, гнедой – с «медвежьей». Проземператор Севера и король Гаунау дипломатично прикрывали друг друга от возможных выстрелов, но Лионель был слабой защитой для Хайнриха. Вдвоем с Эмилем они еще заслонили бы зеленую с золотом тушу, но в одиночку – увольте! Савиньяк улыбнулся. Сегодня он улыбался едва ли не больше, чем за всю текущую кампанию.

– Ваше величество, вы столь живо обрисовали мою змеиную сущность, что я не могу не вспомнить о сущности медвежьей. Я не знаю в Золотых землях более умного, хитрого и жестокого зверя, а Багряные земли меня не занимают.

– Вам часто доводилось охотиться на медведей? – Волосы и борода Хайнриха, будь они покороче, вполне сошли бы за медвежий мех, а голос отлично сходил за рык.

– Не могу сказать. – Талигоец сощурился, разглядывая парящую в небе птицу. Не ворона. – Охоту можно назвать охотой только по ее окончании. К тому же в нашей семье предпочитают иные развлечения, видимо, это связано с изображением на гербе. Я признаю охоту лишь ради пропитания или чтобы потеснить излишне расплодившихся диких тварей, но последнее уместней называть защитой. Удивительно красивые места... Я рад, что их вижу.

– Вы предпочитаете горы морю? – удивился Хайнрих.

– И вновь не могу сказать. – Рафиано могут говорить долго и обо всем, исключая то, о чем придется говорить собеседнику. – Людям свойственно восхищаться тем, что они видят здесь и сейчас. Сейчас я без колебаний выбираю горы, но вряд ли поручусь наперед.

– Мудро. Мне есть что предложить вам посмотреть в будущем. И я предложу, если сочту нужным, в конце разговора.

– Через полчаса таким аллюром мы достигнем истоков ручья. Лежащие выше пейзажи не столь живописны.

– Это так. – Гаунау остановил гнедого. – Вы в самом деле левша?

– Я одинаково владею обеими руками, но пишу чаще правой. Ваши подданные заблуждаются на мой счет, ваше величество.

– Ваши люди сильно пострадали во время землетрясения?

– Погибло несколько солдат арьергарда. Ваш передовой отряд пострадал сильнее. Примите мои соболезнования.

– Благодарю. Почему вы выбрали ту дорогу, почему выступили раньше времени и почему свернули?

– У меня имелись определенные резоны в пользу именно таких решений. Возможно, те же, что и у вас. Я не так уж хорошо знаю эти горы, подобные явления происходят здесь часто?

– Нет. Маршал Талига, я предлагаю вам беспрепятственно покинуть Гаунау любой из трех дорог. Вы можете вернуться по своим следам в Кадану, пройти в Бергмарк или же в Ноймаринен. Со своей стороны я гарантирую полную неприкосновенность вашим людям и должное снабжение в обмен на полный отказ от мародерства. Второе мое предложение касается подготовки и подписания договора о перемирии с момента начала переговоров и, самое малое, до конца текущего Круга. Думайте.

– Ваше величество, я не люблю гадать и слишком мало знаю, чтобы думать. Мой ответ будет «нет», если вы не объясните причину своего предложения и если эта причина не покажется мне веской.

– Если вы не уйдете сейчас по доброй воле, вы все равно уйдете. Но не думайте, что вас уйдет много.

– Я это понимаю. Именно это обстоятельство и вызывает у меня сомнения. Я не знаю, когда мой брат получит, если уже не получил, предложение о мире от дождей Бордона, но ни на миг не усомнюсь в искренности «дельфинов».

– Вы считаете «медведя» недостойным доверия?

– Я считаю «медведя» сильным и не считаю великодушным.

– Что ж... Я готов предложить на выбор два объяснения. Первое – после сражений у Ор-Гаролис и Альте-Вюнцель я пришел к выводу, что поддержка Дриксен в нынешней войне приносит моей державе вред. Второе объяснение – это объяснение варварского короля. Если угодно, медведя. Я предлагаю Талигу мир, потому что я так хочу.

– Этого мало. Вред Гаунау в данной войне нанес не союз с Дриксен, а передача командования союзной армией принцу Фридриху. С его устранением положение в корне изменилось. Что до желаний, то у государей они меняются так же, как у простых смертных. Я не могу покинуть Гаунау на таких условиях, и я не покину, каковы бы ни были мои потери.

Просить короля Гаунау подумать Лионель счел излишним. Сейчас решалось все, вернее, решалось, случаются ли чудеса, потому что предложение Хайнриха изрядно на таковое смахивало. Если король не прояснит свои резоны, игра в «догонялки» продолжится до осени или до смерти. Маршал Ли ослепительно улыбнулся и похлопал застоявшегося Грато по бархатистой шее. Стоять на месте или продолжить катания, решает король и хозяин, маршал Талига всего лишь выберет между войной и перемирием. Хайнрих что-то буркнул и развернул гнедого. До места, с которого началась «прогулка» и где ждут свиты, шагом около получаса. Рысью в два раза меньше.

– Какие гарантии вам нужны? – Хайнрих предпочел шаг. – Слово обесценено. Не по нашей вине, но обесценено.

– Ваше величество, вы назвали себя «варварским королем». Если я воспользуюсь этими словами, не будет ли это оскорблением?

– Вы об этом спросили, значит, не будет.

– Вариты пришли в Золотые земли, приняли эсператизм и разделились на дриксов, каднов, гаунау, марагов и бергеров. Мы, жившие здесь, приняли эсператизм и разделились на тех, о ком сейчас речи не идет, гайифцев и талигойцев. Талигойцы в силу определенных причин отказались от эсператизма. Для Гайифы вы единоверцы и союзники, но варвары. Мы для Гайифы – враги, еретики и, согласно изысканиям особо усердных... историков, тоже варвары. Бергеры и мараги – наши союзники и ваши кровные враги, но при этом ваши же родичи. Я все еще никого не оскорбляю?

– Я решу позже. Сейчас я слушаю. Говорите.

– Извольте, ваше величество. В сложившемся положении я не могу верить эсператисту и союзнику Гайифы и Дриксен. Эсператисты отпустят грехи благочестивому королю, нарушившему слово, данное еретикам. Но я могу поверить варвару, который помнит то же, что и пришедшие со мной бергеры. Мой регент в тяжелом положении, я не вправе допустить ни усиления давления на перевалы, ни присоединения войск Гаунау к армии маршала Бруно. При этом мир с Гаунау Талигу выгоден, хотя, если потребуется, мы сможем и будем воевать сразу и с Дриксен, и с вами. Я не собираюсь врать, что буду счастлив умереть среди ваших лиственниц, но при необходимости я на это пойду.

– Необходимости нет. – Хайнрих вновь остановился. Положительно, он не мог вести переговоры на ходу. – Говорили ли вам бергеры, что вариты в конце Круга избегали не только войн, но кровопролития вообще?

– Да, они говорили, что так было.

– Мне не нравится, когда трясутся мои горы. – Когда Хайнрих смотрит в упор, становится неудобно, особенно если ты не привык смотреть в глаза... зверю. – И еще меньше нравится, если это происходит в том числе и по моей нерадивости. Я не знаю, правы ли были мои предки, и не желаю доказывать их правоту ценой своей армии и своего королевства. Мы успеем вернуться к нашим войнам через год или позже. Если захотим. Я готов дать слово

варварского короля. Его не нарушали из боязни погубить свой род и свой дом. Потом его перестали давать, но молчать – не значит забыть.

– Слово должно встретить слово. – Все это полная дикость, но костяные деревья над текущей водой стоят и по сей день. Они стоят, а Надор исчез. – До Эрнани Святого у нас имелись свои клятвы. Не у всех, но мой дом вправе клясться кровью, и я готов это сделать. Как варвар. Завтра – подходящий день для клятв. Манлий Ферра заключил договор с агмами точно в полдень первого дня Летних Скал у текущей воды. Они сказали, их услышали.

Хайнрих шевельнул губами, и Лионелю подумалось, что король повторяет про себя произнесенные врагом слова. Его величество казался именно таким, как Савиньяк и представлял, и маршалу внезапно захотелось узнать, написал ли Хайнрих Готфриду о выходах Фридриха и, если написал, что именно. Будет забавно, если настоящее письмо совпадет с выдуманным...

Гаунау выпрямился в седле.

– Мы поверим друг другу! – рявкнул он. – Договор следует составить и подписать, и мы его составим и подпишем, но бумага горит, а клятва держит. Варвар не обманет варвара и память предков. Завтра в полдень на переправе. Я сказал.

– Слышу и подтверждаю. Завтра в полдень.

Конец второго тома

Москва – Санкт-Петербург, 2008–2009 гг.